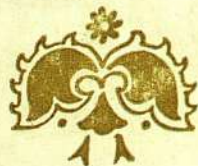

902.7

№ 72

ЖИЛИЩЕ
народов
Средней Азии
И
Казахстана

Telegram adress:

@turkiston_kutubxonasi

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

ЖИЛИЩЕ народов Средней Азии И Казахстана

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1982

9027
Ж 72

В книге освещается история городов и сельских поселений региона в XVIII—XX вв., рассматриваются типы и планировка сельских и городских поселений и жилищ, традиционные способы отопления, хозяйственные постройки. Работа богато иллюстрирована.

Ответственные редакторы
Е. Е. НЕРАЗИК, А. Н. ЖИЛИНА

335557

БИБЛИОТЕКА
Карагандинского
государствен. университета

Ж 0508000000—202 164—82
042(02)—82

© Издательство «Наука», 1982 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник продолжает публикацию коллективных работ, посвященных исследованию материалов для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, издающихся Институтом этнографии АН СССР. Сборник подготовлен в процессе работы над очередным выпуском атласа — «Поселения и жилища народов Средней Азии и Казахстана». Статьи для него написаны сотрудниками Института этнографии и других научных учреждений Москвы и союзных республик, представителями нескольких дисциплин (этнографии, археологии, архитектуры), что, несомненно, открывает широкие возможности для глубокой разработки рассматриваемых сюжетов.

Подготовка выпусков Среднеазиатского историко-этнографического атласа является важным этапом в исследовании народного жилого строительства, отражающим необходимость типологизации жилых построек, систематизации всего имеющегося в распоряжении исследователей значительного материала, который содержится в многочисленных публикациях, специально посвященных архитектуре народного жилища или затрагивающих эту тему в связи с изучением того или иного региона.

Первые, подчас очень обстоятельные и яркие описания народного жилища относятся к середине XIX в.¹

В советское время, когда народное жилище стало объектом изучения специалистов, появились работы, посвященные народному зодчеству населения среднеазиатских республик, среди которых надо в первую очередь отметить труды В. Л. Ворониной, А. К. Писарчик и Г. А. Пугаченковой². Накопление сведений о жилых постройках среднеазиатского населения позволило выделить локальные архитектурные школы на территории Узбекистана (ферганскую, бухарскую, хивинскую, самаркандскую и шахрисябзскую)³, охарактеризовать особенности северотаджикского жилища равнинного населения и южнотаджикского горного⁴, определить типы жилищ населения Северной и Южной Туркмении⁵, Казахстана⁶, Каракалпакии⁷ и Киргизии⁸. Обобщающие фактический материал сводки о народном жилище этих обширных регионов Средней Азии приведены в соответствующих разделах томов «Народы Средней Азии и Казахстана» серии «Народы мира»⁹.

Вместе с тем среднеазиатское жилище исследовано пока очень неравномерно. Упомянутые выше школы народного зодчества Узбекистана выделены преимущественно на материале городского жилища. Правда, есть основания полагать, что оно не отличалось от сельского (исключением составлял только Хорезм, где городское и сельское жилища не были

схожи). Однако, как показывают новые материалы (см. статью Е. Е. Неразик в данном сборнике), в Хорезмском оазисе выявлены не все типы жилищ, в частности остаются пока не изученными жилые постройки компактных поселений наподобие Дургадыка в Ханкинском районе, видимо, отличавшиеся от жилищ поселений рассредоточенного типа.

Сплошное обследование территории Узбекистана и соседних с ним районов могло бы, вероятно, обнаружить интересные типы сельских жилищ, как об этом свидетельствуют работы А. Н. Жилиной в Чимкентской области (см. статью А. Н. Жилиной в настоящем сборнике). Нисчерпаемые возможности, предоставляемые сплошным этнографическим обследованием крупных регионов, демонстрируют работы в Южном Таджикистане, проведенные этнографами Института истории им. Дониша (Душанбе), в результате которых удалось подробно изучить сельское жилище и не только детально описать различные типы и варианты народных построек, но и наметить их эволюцию¹⁰.

Это обстоятельство представляется весьма важным и свидетельствует о том, что среднеазиатское жилище рассматривается в качестве исторической категории, когда большое внимание уделяется проблемам развития народных жилища оседло-земледельческого населения Средней Азии выделяется ряд этапов, связанных с крупными, переломными событиями в истории края. Для дореволюционной Средней Азии было характерно старое традиционное жилище, претерпевшее заметные изменения после присоединения этого края к России¹¹. Великая Октябрьская социалистическая революция и последовавшие за ней коренные преобразования в экономике и культуре населения привели к появлению новых, более совершенных типов жилых домов (причем в истории жилища этого времени намечается ряд периодов, например довоенный, послевоенный и др.¹²). На современном этапе в ходе коммунистического строительства в нашей стране многочисленные факторы, определяющие советский образ жизни, ведут к увеличению общности среднеазиатского жилища при сохранении этнической специфики в разных районах, что ставит перед исследователями новые задачи.

Рассматривая жилища в историческом развитии, очень важно правильно наметить сменяемость их типов в пространственно-географическом континиуме¹³. Речь идет по существу об архитектурной преемственности в народном строительстве и о таком важнейшем вопросе, как определение ареалов отдельных типов народного жилища. Большие трудности при разработке этих вопросов заключаются в уже упомянутой неравномерности исследования сельского жилища населения Средней Азии; кроме того, исследователь, как правило, сталкивается с позднейшими вариантами традиционного народного жилища или с типами, заимствованными с соседних территорий и не сопоставимыми с исходными формами на рассматриваемом участке, т. е. с тем, что выявлены хронологически разные уровни в развитии жилища. Все увеличивающиеся масштабы археологических работ в Средней Азии (в частности, в связи с составлением Свода археологических памятников и археологических карт среднеазиатских республик) позволяют надеяться, что

накопление новых сведений даст возможность уточнить генезис конкретных форм традиционных жилых построек среднеазиатского населения и поставить более широкие общие вопросы. Эффективность комплексного археолого-этнографического изучения типов жилищ одного ареала наглядно демонстрируют публикуемые в сборнике статьи К. А. Акишева, К. М. Байпакова и Л. Б. Ерзаковича о раскопках верхних слоев Отрара, А. Н. Жилиной — об узбекском жилище Чимкентской области.

Работа над Среднеазиатским историко-этнографическим атласом облегчается тем, что советскими учеными разработаны теоретические основы типологизации жилища и вообще объектов материальной культуры¹⁴, а также дробные критерии типологии (строительные материалы и конструкции, внутренняя планировка, типы очагов и их размещение в доме и т. п.)¹⁵, причем нельзя не согласиться с теми исследователями, которые считают основой типологизации внутреннюю планировку.

Известно, что типологизация может идти по двум линиям, используя обобщающую и абстрагирующую абстракцию. В первом случае тип выступает как обобщение важнейших признаков, во втором — рассматриваются изолированные, отдельные его черты или признаки¹⁶. Оба эти подхода нашли отражение в данном сборнике, в основу статей которого в большинстве случаев положен новый полевой материал, собранный авторами во время экспедиций в различные районы Средней Азии — Таджикистан, Туркмению, Узбекистан и в Казахскую ССР.

Сборник открывает статья О. А. Сухаревой и Н. О. Турсунова об истории городов и поселений Средней Азии. При историко-этнографическом исследовании народного жилища, формирование которого обусловлено многими факторами (уровнем социально-экономического и культурного развития, этническими особенностями и т. д.), нельзя не учитывать ту конкретную обстановку, в которой оно сложилось и функционировало. Формирование населенного пункта — от крупного города до маленького селения — и жилища на его территории находились в постоянном взаимодействии. Поэтому история жилища неотделима от истории поселений. Создание типологии населенных пунктов, выявление общих и отличительных черт, которые могут послужить основой для такой типологии, являются насущной задачей этнографии. Эта очень важная тема, к сожалению, пока еще слабо разработана. Краткие сведения о расселении, типах сельских и городских среднеазиатских поселений разработаны в многочисленных изданиях, причем этим вопросом занимаются специалисты разных профилей и более всего — географы. Статья О. А. Сухаревой и Н. О. Турсунова — первый опыт обобщения этнографических материалов по данному региону, если не считать кратких характеристик типов поселений в «Народах Средней Азии и Казахстана»¹⁷. В статье устанавливаются (главным образом, учитывая функциональный аспект исследования) критерии для выделения города, городка, торгового селения, различных типов сельских поселений. Она может послужить, как нам кажется, основой для дальнейшей разработки этнографической типологии сельских и городских поселений Средней Азии с учетом имеющихся археологических и географических классификаций¹⁸. К систематизированному в статье О. А. Сухаревой и Н. О. Турсу-

нова сведениям необходимо привлечь массовые данные о расселении и типах поселений в Средней Азии и глубоко изучить их соотношение с хозяйством, природными условиями и другими формообразующими факторами.

В статье А. К. Писарчик обобщен и систематизирован большой материал об отопительных очагах населения Средней Азии в XIX — начале XX в. (в том числе в первую очередь — таджиков). Работа, специально посвященная этой теме, публикуется впервые и представляет большую ценность для исследования многих сторон быта и истории населения Средней Азии. Очаги — один из устойчивых элементов традиционно-бытовой культуры, поэтому их форма, расположение в доме могут явиться характерным признаком этнической принадлежности населения. Картографирование типов очагов, используя материалы, содержащиеся в статье А. К. Писарчик, может дать важные результаты.

А. К. Писарчик, подробно описывая различные отопительные очаги населения Средней Азии, устанавливает их ареалы, размещение в жилище, смену одних типов другими, разграничение функций очагов и другие вопросы. Все они разбираются пока только на этнографическом материале конца XIX — начала XX в. с привлечением незначительного количества археологических сведений. Разумеется, поэтому, что многие из сделанных автором выводов относятся лишь к данному промежутку времени, и, таким образом, отмеченной А. К. Писарчик смене одного вида очагов другим, изменению ареалов отдельных очагов предшествовала многовековая их история, отдельные этапы которой фиксируются археологией. Обобщение археологических сведений об очагах, рассеянных по страницам многочисленных трудов, еще впереди, как указывает сама А. К. Писарчик. Насколько важно сопоставление этнографических и археологических данных, показывает хотя бы сравнительное изучение материалов А. К. Писарчик и Ю. Якубова, помещенных в данном сборнике. Ю. Якубов пишет об очагах из раннесредневекового поселения Гардани Хисор в верховьях Зеравшана. Они обнаруживают безусловное сходство с очагами, использовавшимися местным населением вплоть до недавнего времени. Это обстоятельство позволило Ю. Якубову высказать ряд интересных суждений (о смене типов очагов в рассматриваемом регионе, их функциях и ареалах), перекликающихся со сходными направлениями исследования в статье А. К. Писарчик.

В статье В. Л. Ворониной впервые в нашей литературе специально рассматривается связь жилища Средней Азии с климатом. Ею собран значительный материал, на фоне которого рельефно выявляется то общее и особенное, что было присуще народному жилищу Средней Азии в рассматриваемом аспекте. Работа содержит подробный анализ сведений по истории адаптации жилища к климатическим условиям различных среднеазиатских областей, показывая, какую большую роль они играли в сложении типов народного жилища. Обращение к археологическим материалам позволило В. Л. Ворониной проследить историю отдельных конструктивных элементов жилого дома. Следует учесть, что автор исследовал вопрос, имея в виду только одну взаимосвязь: жилище и климат — и абстрагируясь от разбора иных факторов, влиявших на формирование жилища.

Туркменскому народному жилищу посвящены статьи Б. И. Вайнберг и Г. П. Васильевой.

В работе Б. И. Вайнберг, удачно сочетающей археологические и этнографические данные, описываются жилые постройки населения Северной Туркмении. Основываясь на большом полевом материале, явившемся результатом обследования туркменских поселений урочища Куна-Уаз и зоны Дарьялыка, Б. И. Вайнберг выделяет различные типы жилищ, специально уделяя внимание этнической специфике этих построек. Автор анализирует хозяйственный уклад туркмен Северного Хорезма в связи с особенностями традиционного жилища этого населения.

Г. П. Васильева рассматривает типы жилищ населения Южной Туркмении, особо останавливаясь на характеристике купольных жилых построек, ареал которых, установленный ранее работами ЮТАКЭ, был расширен в результате исследований возглавляемого Г. П. Васильевой отряда Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР. Автор возвращается к проблеме происхождения данных жилищ, полагая, в отличие от исследователей из ЮТАКЭ, что носителями строительных традиций купольных домов являются не туркменские племена сарыков, а потомки древнего тюркоязычного населения, распространенного в обширной зоне предгорий Копетдага и Бабатага. Г. П. Васильева пытается связать генезис этих домов с древними куполообразными постройками этого района, в связи с чем затрагивает проблему возникновения куполов на данной территории. Выводы автора пока еще гипотетичны и во многом спорны, однако плодотворна сама постановка вопроса о роли этнических контактов в сложении материальной культуры туркмен.

Обе статьи о жилище туркмен еще раз возвращают к вопросу о сложных путях этногенеза туркмен, о роли экологических условий в формировании народного жилища населения Средней Азии, об особенностях сложения типов оседлого жилища у населения с многовековыми традициями кочевого и полукочевого хозяйства.

О жилище населения малоисследованного района Южного Казахстана по средней Амударье идет речь в статьях А. Н. Жилиной и казахстанских археологов К. А. Акишева, К. М. Байпакова и Л. Б. Ерзаквича. Такое сочетание археологических и этнографических сведений об одном районе очень перспективно, расширяя возможности исследования материала. В работе казахстанских археологов излагаются результаты раскопок жилищ Отрара, датированных XVI—XVII вв.; в статье А. Н. Жилиной описывается традиционное жилище узбеков на средней Сырдарье в XIX — начале XX в. К этим работам примыкает статья Е. Е. Неразик о некоторых типах средневековых сельских построек Хорезма, обнаруживающих определенное сходство в элементах внутренней планировки с чимкентскими и отрарскими домами. По существу все эти статьи — о разных вариантах одного и того же типа жилища, ранее описанного у таджиков верховьев Зеравшана¹⁹ в трудах ряда исследователей, более всего — этнографов Таджикистана²⁰.

А. Н. Жилина обнаружила у узбеков Чимкентского района трехкамерные постройки с единственным большим жилым помещением, имевшим перекрытие типа «чорхана», центральный прогон которого поддер-

живала массивная колонна. Такое перекрытие, видимо довольно широко известное ранее в Средней Азии, до наших дней сохранилось лишь в отдельных местах. В частности, оно характерно для жилых построек горных таджиков Каратегина и Вахио. Таким образом, А. Н. Жилина открыла новое звено в развитии жилища, получившего в различных вариантах большое распространение среди оседло-земледельческого населения Средней Азии. На средней Сырдарье жилище дома, подобные чимкентскому, были, видимо, традиционными и их ближайшим прототипом нам кажутся жилища Отрара XVI—XVII вв.

В итоге встает вопрос об истоках формирования жилищ, описанных в статьях А. Н. Жилиной и казахстанских археологов, этнической принадлежности населения, в среде которого оно сложилось, его исторических контактах. Кто же были строители отрарских жилищ описанного типа? В XVI—XVII вв. население города было, видимо, достаточно пестрым в этническом отношении. Основу его составляло таджикоязычное население, но имелось и тюркоязычное²¹, среди которого, несомненно, были и предки казахов. Будем надеяться, что раскопки более ранних слоев городища прольют свет на вопросы этнической принадлежности населения Отрара в разные периоды его истории и путях сложения жилища.

Статьи М. Хамиджановой и И. Мухитдинова посвящены таджикскому народному жилищу. В них затронут широкий круг вопросов, в числе которых проблемы формирования традиционного жилища таджиков Ягноба и Нурека. Авторы описывают различные типы построек, приводят сведения о народных поверьях и обрядах, предворяющих и сопровождающих строительство дома. Статьи вводят в научный оборот новый фактический материал, в частности о современном жилище прямых потомков согдийцев — ягнобцев, сохранивших, как известно, в своем быту много реликтовых форм.

Собранные материалы могут послужить, как нам кажется, важным источником для разработки многих проблем истории населения Средней Азии и займут свое место при составлении обобщающего издания «Поселения и жилища народов Средней Азии и Казахстана».

¹ Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства.— ЗРГО, 1851, кн. IV, с. 105—106; Иванин М. И. Хива и река Аму-Дарья. СПб., 1873, с. 111; Арандаренко Г. А. Дарваз и Каратегин (этнографический очерк).— Военный сборник, 1883, № 11 и 12; Он же. Досуги в Туркестане. СПб., 1889, с. 461—463; Семенов А. А. Этнографические очерки Зеравшанских гор Каратегина и Дарваза. М., 1903 и др.

² Воронина В. Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951; Она же. Народная архитектура Северного Таджикистана. М., 1959; Писарчик А. К. Жилой городской дом Бухары и Хивы.— Архитектура СССР, 1937, № 1; Она же. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—XX вв.— В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954; Она же. Народная архитектура Самарканда. Душанбе, 1975; Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958.

³ Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, с. 124—141; Воронина В. Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана; Она же. Материалы по народной архитектуре Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР.— Труды ИЭ, 1959, т. 47; см. также: Сазонова М. В. К этнографии узбеков южного Хорезма.— Труды Хорезмской экспедиции, 1952, т. 1; Жилина А. Н. К истории формирования совре-

- менного узбекского жилища. Автореф. канд. дис. М., 1970; *Ремпель Л. И.* Народная архитектура предгорной зоны юга Узбекистана.— В кн.: Искусство зодчих Узбекистана. Вып. 4. Ташкент, 1969.
- ⁴ *Гинзбург В. В.* Горные таджики. М.; Л., 1937; *Кисляков Н. А.* Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахно-Боло. М.; Л., 1936; *Он же.* Жилище горных таджиков бассейна Хингоу.— В кн.: Сов. этнография. Вып. 2. М.; Л., 1939; *Воронина В. Л.* Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана.— СЭ, 1953, № 3; *Она же.* Народная архитектура Северного Таджикистана; *Писарчик А. К.* Жилище.— В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 2. Душанбе, 1970; *Давыдов А. С.* Жилище.— В кн.: Материальная культура таджиков Зеравшана. Душанбе, 1973.
- ⁵ *Левина В. А., Овезов Д. М., Пугаченкова Г. А.* Архитектура туркменского народного жилища.— Труды ЮТАКЭ, 1953, т. 3; *Васильева Г. Н.* Туркмены-нохурли.— В кн.: *Среднеазиатский этнографический сборник М.*, 1954; *Марков Г. Е.* Типы оседлого жилища туркмен Хорезмского оазиса.— КСИЭ, 1955, вып. 23; *Вайнберг Б. И.* К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме.— СЭ, 1959, № 5; *Васильева Г. П.* Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969.
- ⁶ *Востров В. В.* К истории развития оседлого жилища у казахов.— В кн.: Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.; Л., 1961.
- ⁷ *Жданко Т. А.* Каракалпаки Хорезмского оазиса.— ТХЭ, 1952, т. 1.
- ⁸ *Абрамзон С. М., Антипина К. И., Васильева Г. П., Махова Е. И., Сулейманов Д.* Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан.— Труды ИЭ, новая серия, 1958, т. 35, с. 144—170; *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962; *Нусов В. Е.* Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1971, с. 51—56 и др.
- ⁹ *Народы Средней Азии и Казахстана.* Т. 1. М., 1962, с. 278—285; 468—472; 587—592; Т. 2. М., 1963, с. 70—78; 231—232; 235—238; 404—412 и др.
- ¹⁰ Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 2, Душанбе, 1970, с. 57—88 и 113—114.
- ¹¹ См., например: *Давыдов А. С.* Жилище, с. 93—94.
- ¹² См.: *Жилина А. Н.* Жилище и семья у узбеков.— В кн.: Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978, с. 104—105.
- ¹³ *Чеснов Я. В.* О принципах типологии традиционно-бытовой культуры.— В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979, с. 196; Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М., 1968; Типология жилищ Юго-Восточной Азии. М., 1979.
- ¹⁴ *Чеснов Я. В.* О принципах типологии...
- ¹⁵ Типология жилищ Юго-Восточной Азии. М., 1979.
- ¹⁶ *Чеснов Я. В.* О принципах типологии..., с. 190.
- ¹⁷ *Народы Средней Азии и Казахстана*, т. 1, с. 273—278, 580—584.
- ¹⁸ *Ртвеладзе Э. Б.* Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана.— В кн.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 83—85; *Атагарриев Е. И., Лисицина Г. Н.* Работы над составлением археологической карты Медеш-Мисрианской равнины — Чатского массива.— В кн.: Каракумские древности. Ашхабад, 1970, с. 167, 180—183.
- ¹⁹ *Воронина В. Л.* Заметки по народному зодчеству...
- ²⁰ *Давыдов А. С.* Жилище.
- ²¹ Представление об этом для несколько более позднего периода дает одна из статей А. А. Семенова, основанная на изучении письменных источников: *Семенов А. А.* К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи Хорезмшахов в XII в.— Изв. АН ТаджССР, отд. общ. наук, Сталинабад, 1952, № 2.

О. А. Сухарева, Н. О. Турсунов

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ второй половины XIX — начала XX в.

Города и городки

Создание типологии населенных пунктов представляется одним из важных аспектов познания закономерностей и особенностей исторического развития народа. Важно понять и дать оценку тем многообразным формам общественного бытия, которые нашли отражение в исторически сложившихся типах поселений и жилища.

Авторы делают попытку свести воедино и систематизировать накопившиеся сведения о структуре и характере поселений XIX — начала XX в. в разных частях среднеазиатского региона.

Для Средней Азии такая систематизация особенно сложна вследствие разнообразия природных условий, а следовательно, и направления хозяйства, пестроты этнического состава населенных пунктов.

Разнообразие природно-климатических условий региона привело к сложению здесь разных хозяйственно-культурных типов деятельности населения. В долинах рек на землях искусственного орошения выращивали зерновые (в том числе рис), хлопок и овощи, разводили сады и виноградники; природные условия степей и пустынь давали простор развитию кочевого скотоводства; в предгорьях и в горах можно было вести неполивное земледелие; в низовьях крупных рек и на берегах Арала и Каспия немалое значение в хозяйстве имело рыболовство.

Население разных хозяйственных зон вело оживленный обмен своей продукцией. Уже на ранних этапах истории здесь сложились города (многие из них существуют и поныне): с I тысячелетия до н. э. известны Самарканд (Мараканда греческих историков), Ходжент (Александрия Эсхата), Бухара, Ташкент и Ура-Тюбе (древний Курушкада, с XV в. известный под своим современным названием)¹. В древности зародились Мерв (Мары), Хазарасп и др. С раннего средневековья (VI—VIII вв.) известны Пенджикент, Канибадам (Канд), Исфара (состоявшая тогда из двух городков — Тамахуш и Бамкахуш), Маргилан (Маргинан), Андижан (Андукан), Ош, Джизак (Дизак), Шахрисябз (Кеш) и др.²

В истории городов Средней Азии и Казахстана бывали периоды развития и упадка, запустения временного, а в ряде случаев длительного. Последний неблагоприятный период в истории городской жизни падает на первую половину XVIII в., когда запустели такие важнейшие города, как Самарканд, Бухара, Хива, Термез и Шахрисябз³. Пришли в упадок города, оказавшиеся на путях нашествий, у театров междоусобных войн и межплеменных раздоров (Сыгнак, Сауран, Ясы, Отрар, Сайрам, Аркук на средней Сырдарье⁴, Шахрухия в Ташкентском оазисе⁵, городки Ниса, Ани, Мехин, Мурча в оазисах Южной Туркмении⁶. Крупнейший город на юге Средней Азии — древний Мерв почти обезлюдел после разрушения бухарскими эмирами Шахмурадом и Хайдаром плотины Султанбенд и насильственного переселения многих тысяч его жителей в Бухару и Самарканд. Пришли в упадок земледельческие оазисы средней и нижней части Зеравшанской долины, южных и северных районов Туркмении и Хорезма. Полностью погиб большой земледельческий район на берегах постепенно высыхающего озера Сарыкамыш⁷.

Однако в это же время мелкие правители в связи с ослаблением центральной власти в ханствах стали укреплять и обстраивать свои резиденции. Появились новые города, превратившиеся в центры ремесла и торговли. Так, в первой половине XVIII в. по инициативе пенджикентского бека городок был перенесен на новое, более удобное место⁸. Образовался на новом месте городок Каттакурган (на среднем Зеравшане), был основан городок Шерабад (на верхней Амударье)⁹. Начал быстро развиваться Карши — местопребывание наследника бухарского престола новой династии. В восточной части долины Кашкадарьи были построены крепости Китаб и Чиракчи.

Развивались города Ферганской долины. Во второй четверти XVIII в. на месте старого селения Хуканд сложился город Коканд — будущая столица Кокандского ханства¹⁰. Благоустроивались города Андижан, Маргилан, Ош. К середине XVIII в. на месте селения возник город Наманган — центр вилайета в северной части Ферганской долины¹¹. Был расширен и обнесен двухрядными стенами город Ходжент¹². Видимо, в это же время был укреплен город Ура-Тюбе, слывший сильной крепостью, центр одного из уделов в государстве Джанидов. В Хорезме возник новый город Газиабат (Хазават)¹³. Иранский правитель Надиршах после захвата Хорезма основал около древнего города Абиверда крепость Хивабад¹⁴.

Во второй половине XVIII в. городская жизнь была восстановлена в Самарканде, Бухаре, Хиве, Термезе. По словам В. В. Бартольда, в конце XVIII — первой половине XIX в. города Ферганской долины заняли первенствующее положение¹⁵. Возвышался город Ташкент¹⁶. На месте захиревшего Сайрама возник и стал развиваться город Чимкент (на территории современного Казахстана).

Первая половина XIX в. характеризуется дальнейшим развитием городов и селений, расширением старых и возникновением новых земледельческих оазисов. Происходит оседание кочевников, переселение жителей городов и сельских укреплений к их садам и пашням, где об-

разуются постоянные селения. В Ферганской долине возник новый городок Шахрихан, увеличился город Канибадам, со старой укрепленной частью которого слились загородные усадьбы, куда горожане выезжали обычно на весь сезон сельскохозяйственных работ. Возросло значение города Исфары как торгово-ремесленного центра¹⁷; вокруг него возникли новые таджикские и киргизские поселения. В Северном Туркменистане сложился городок Ташауз¹⁸. Восстанавливался Мерв. В 1824 г. в низовьях Мургаба, в 30 км от старого Мерва, была построена крепость, куда переселились оставшиеся здесь жители старого Мерва, а затем некоторое количество узбеков¹⁹. В конце XIX в. Новый Мерв стал уездным городом Закаспийской области и постепенно снова превратился в один из важнейших городских центров юга Средней Азии²⁰.

Присоединение Средней Азии к России стало важным этапом в развитии городской жизни. Получили новое развитие старые города края, появились новые города, городки, поселки с русским населением: Ашхабад, Кизил-Арват, Красноводск, Новый Мерв, Теджен, Серахс, Кушка, Новый Чарджоу — на территории Туркмении²¹; Скобелев, Каган, Новый Термез — в Узбекистане; Пишпек, Каракол (Пржевальск), Токмак — в Северной Киргизии; Верный, Казалинск, Перовск — в южных районах Казахстана²². Это были торговые, административные и культурные центры областей, уездов, участков, волостей. Постепенно здесь стало оседать и местное население, как правило, принадлежавшее к разным народностям.

Размещение населенных пунктов на территории региона было крайне неравномерным. Наряду с густо населенными районами древнего земледелия существовали обширные пространства степей с редким, разбросанным населением, а пустыни и горы (за исключением долин рек) вовсе не имели постоянных жителей. В разных природных и социально-экономических условиях складывались и разные типы поселений.

Важнейшими признаками, положенными нами в основу разрабатываемой типологии городов и селений Средней Азии, являются занятия населения и значение населенного пункта в жизни всего региона или его части. Помимо них учитывались и другие факторы, влиявшие на формирование поселений, в том числе статистические данные о численности населения, особенно необходимые при составлении классификации городов (см. таблицы в тексте).

Нами различаются города, городки, торговые и ремесленные селения, селения зоны древнего орошаемого земледелия, селения зоны богарного земледелия, горные селения (тоже связанные с богарным земледелием), селения полукочевых групп и аулы кочевников. Как сезонные поселения выделяются летние дачные места горожан и отчасти сельчан, летовки горных таджиков, стоянки пастухов на отгонных пастбищах.

К рангу городов мы относим поселение, которое имело не менее 10 тыс. жителей, специализированные ремесла, постоянно действующие большие и малые рынки и другие виды торговли. Города располагались на больших путях транзитной торговли, на стыке сельскохозяйственных оазисов и скотоводческой округи, они являлись экономически-

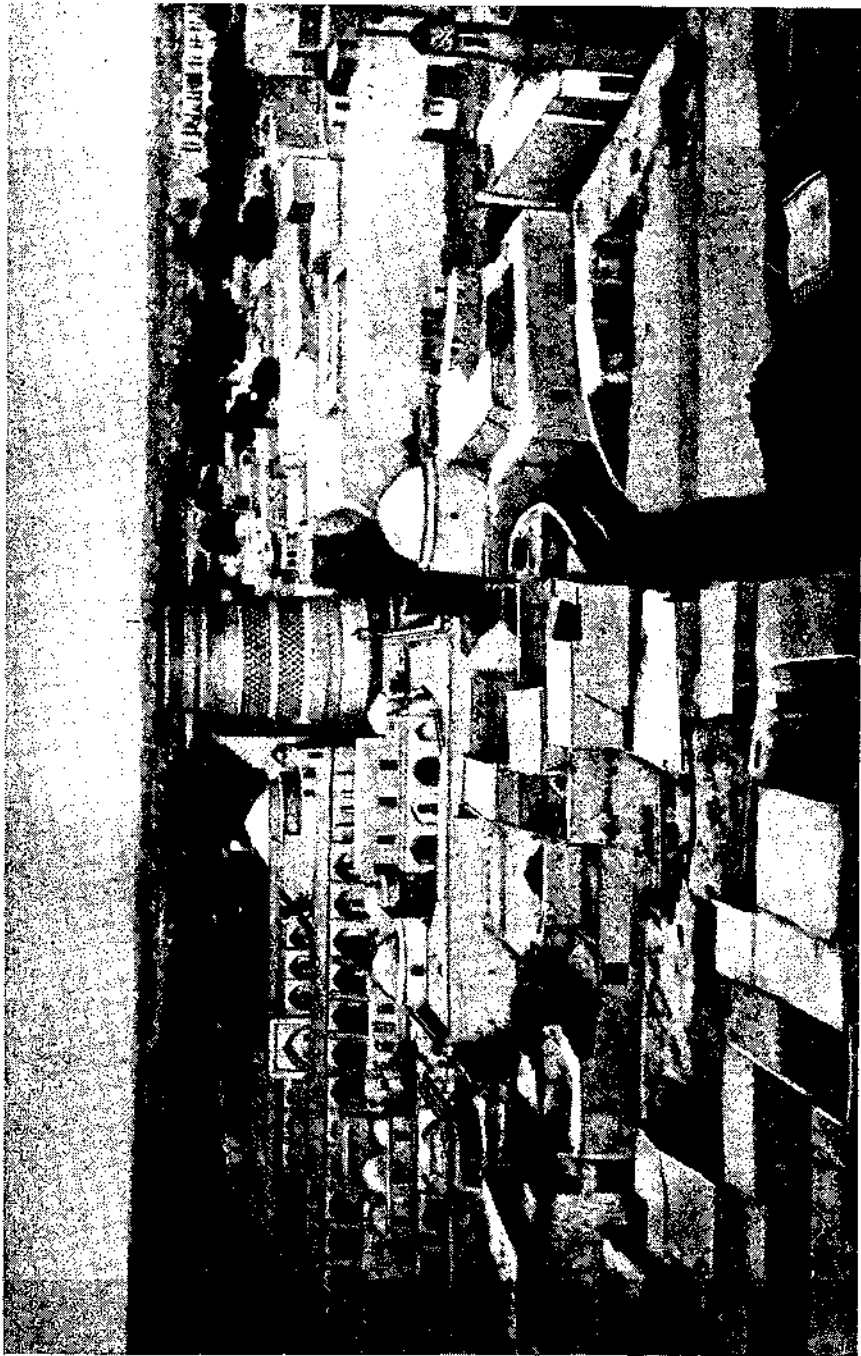
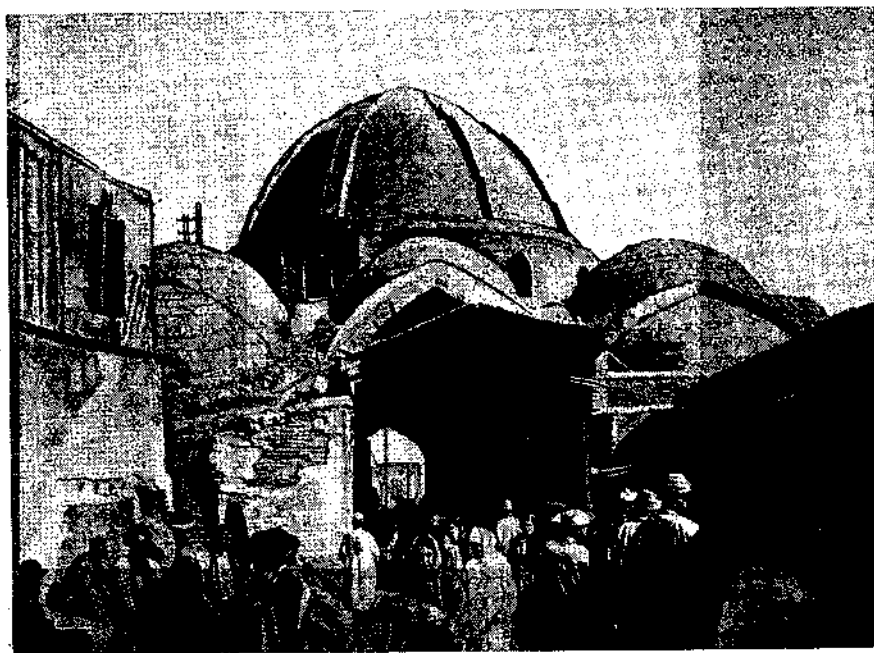

Рис. 1. Хива. Обицый вид
По кв.: Масаляский В. М. Туркестанский край. СПб., 1913

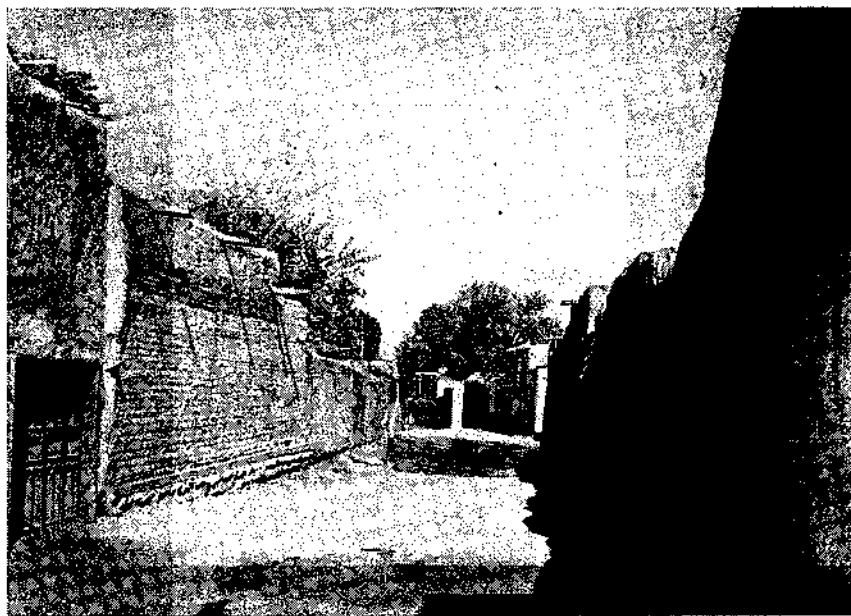
Рис. 2. Хива. У городских ворот. Фото 1960-х годов

Рис. 3. Бухара. Торговый пассаж Токи Заргорон. Фото 1950-х годов

Рис. 4. Бухара. Торговая улица. 1930-е годы

Рис. 5. Исфара. Старая улица

ми, административными и культурными центрами обширного региона²³. Первое место по числу городов во второй половине XIX — начале XX в. занимала Ферганская долина, где находились Коканд, Андижан, Наманган, Маргилан, Ходжент, Ош, Канибадам, Чуст. В долинах Зеравшана и Кашкадарьи были города Бухара, Самарканд, Карши, Шахрисабз, Каттакурган. Крупнейшим городом на стыке Средней Азии и Казахстана являлся Ташкент. В этой зоне также располагались Чимкент, Туркестан (ныне вошедшие в Казахстан). Среди городов Хорезма следует назвать Хиву, Кунград, Новый Ургенч, Хазарасп. В подгорных оазисах между Ферганской долиной, Ташкентским оазисом и долиной Зеравшана располагались города Ура-Тюбе и Джизак. На средней Амударье единственным городом был Чарджоу. В верховьях Амударьи условий для появления крупных городов не было. Единственным небольшим городом этого района был Куляб.

Менее крупные и значительные города, имевшие менее 10 тыс. жителей и служившие центром более узкой округи, мы считаем городками. Их характерной чертой было развитие ремесла и торговли, которыми занималась пятая и более часть их жителей, но остальные жители были связаны с земледелием. Как и в крупных городах, ремесленники таких городков имели свои цеховые корпорации. Торговля в городках была не постоянной, а периодической, происходила в определенные дни недели²⁴. Таковыми были Хисар, Каратаг, Душанбе, Файзабад, Кафирниган, Курган-Тюбе, Гарм, Кобадиян, Шарабад, Денау, Байсун, Регар, Юрчи, Сари-джуй — в южных районах Таджикистана и Узбекистана; Пенджикент, Ургут, Нурата, Гиждуван, Кермине, Вабкент, Китаб, Гюзар — в долинах Зеравшана и Кашкадарьи; Исфара, Риштан, Кува, Касан, Ашт, Пангад, Чорку, Ворух, Шайдан, Камышкурган, Кушкак, Костакоз и Нау — в Ферганской долине; Пскент — в Ташкентском оазисе; Келиф, Керки, Бурдалык — на средней Амударье. Образование множества мелких городских и полугородских центров было закономерным: каждый оазис, отделенный от других зоной степей, пустынь или гряды гор, образовывал свой экономический район или подрайон, население которого нуждалось в ремесленном, торговом, культурном и административном центре.

Во второй половине XIX в. многие города имели еще феодальный облик: сохранялись крепостные стены, иногда двухрядные (Ходжент, Карши). Стены имели высоту 5—10 м и толщину 5 м, по верхнему краю были украшены зубцами, а с внешней стороны — полубашенками. Главные городские улицы имели ворота, запиравшиеся на ночь: в Пенджикенте — 2 ворот, в Самарканде — 6, в Ура-Тюбе — 7, в Ходженте — 8, в Бухаре — 11, в Ташкенте и Коканде — 12 ворот²⁵. После присоединения к России стены и ворота городов Туркестанского края потеряли значение и разрушились. Но в ханствах, где старательно поддерживались феодальные порядки, стены и ворота функционировали вплоть до революции.

Когда существовали городские стены, территория города определялась их протяженностью. Стена Ташкента достигала 14 км, Коканда — 18 км. Длина городских стен Самарканда составляла около 14 км, пло-

335555x

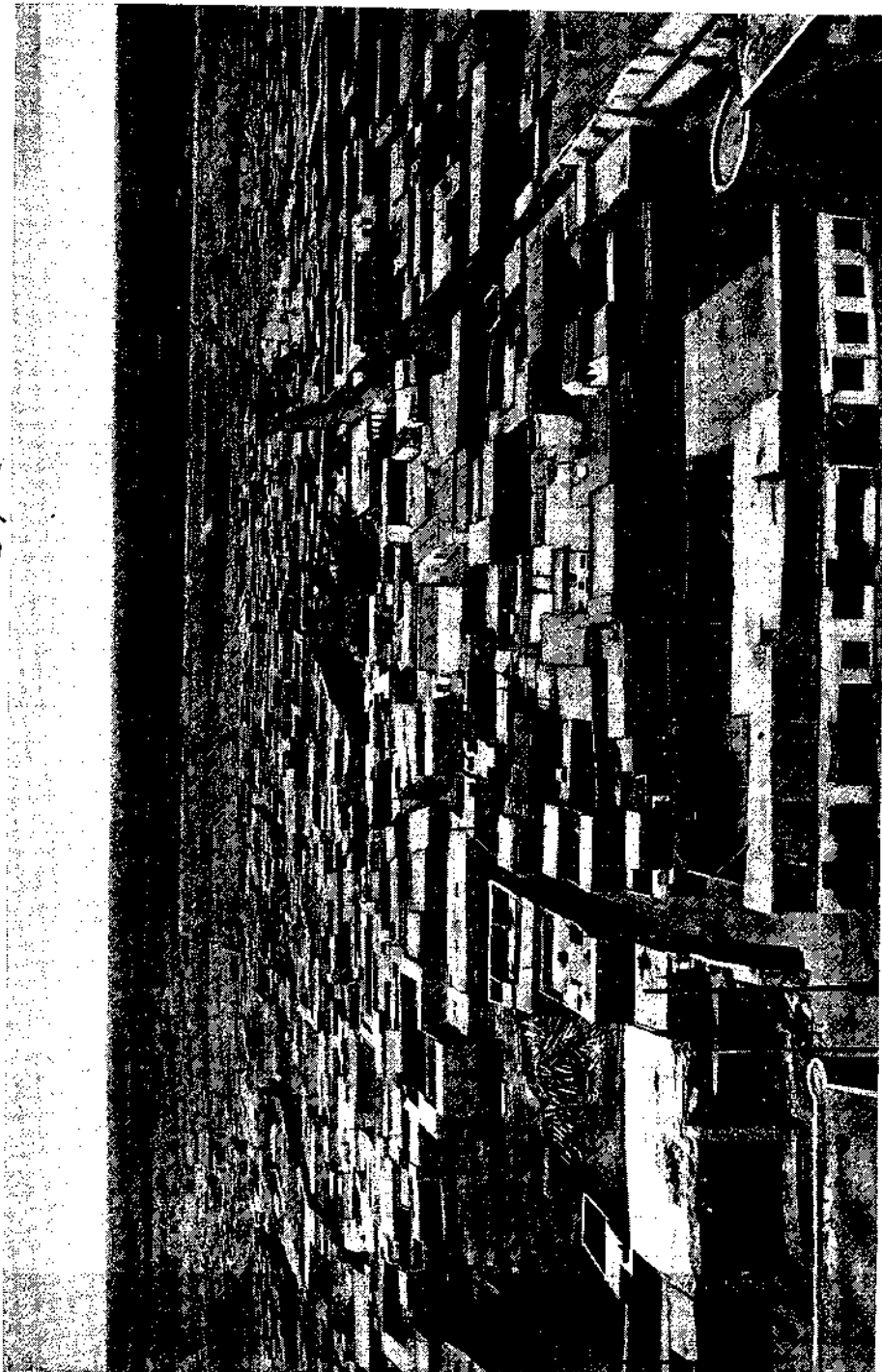
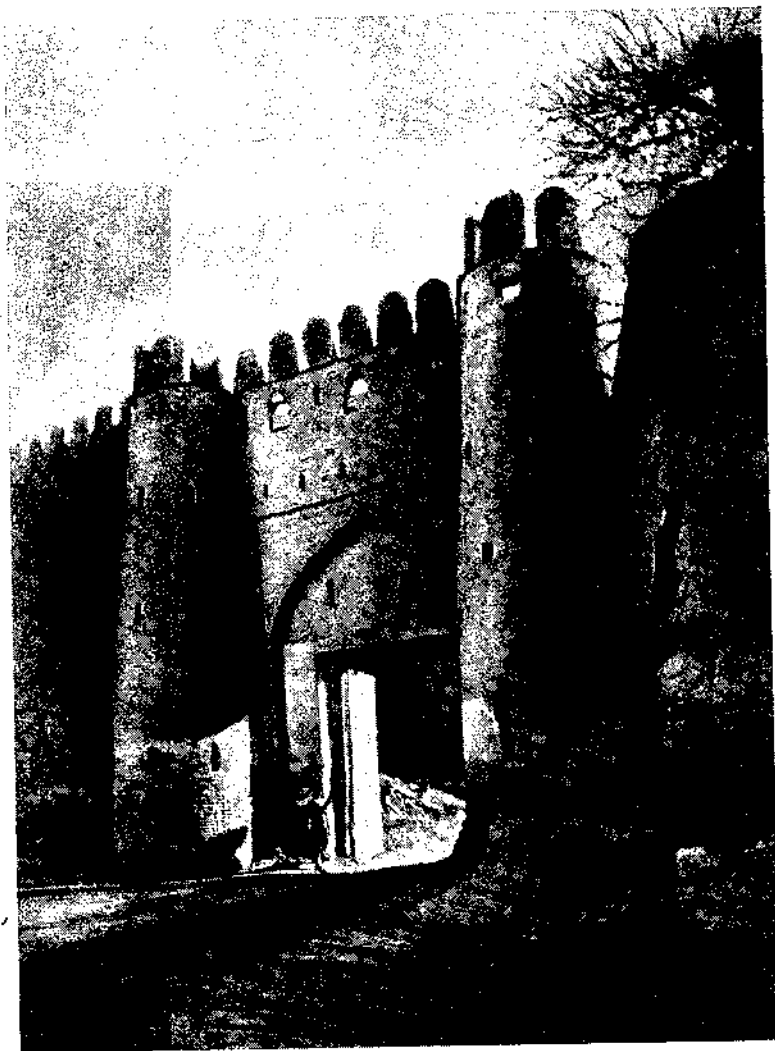

Рис. 6. Бухара. Общий вид. Фото 1930-х годов

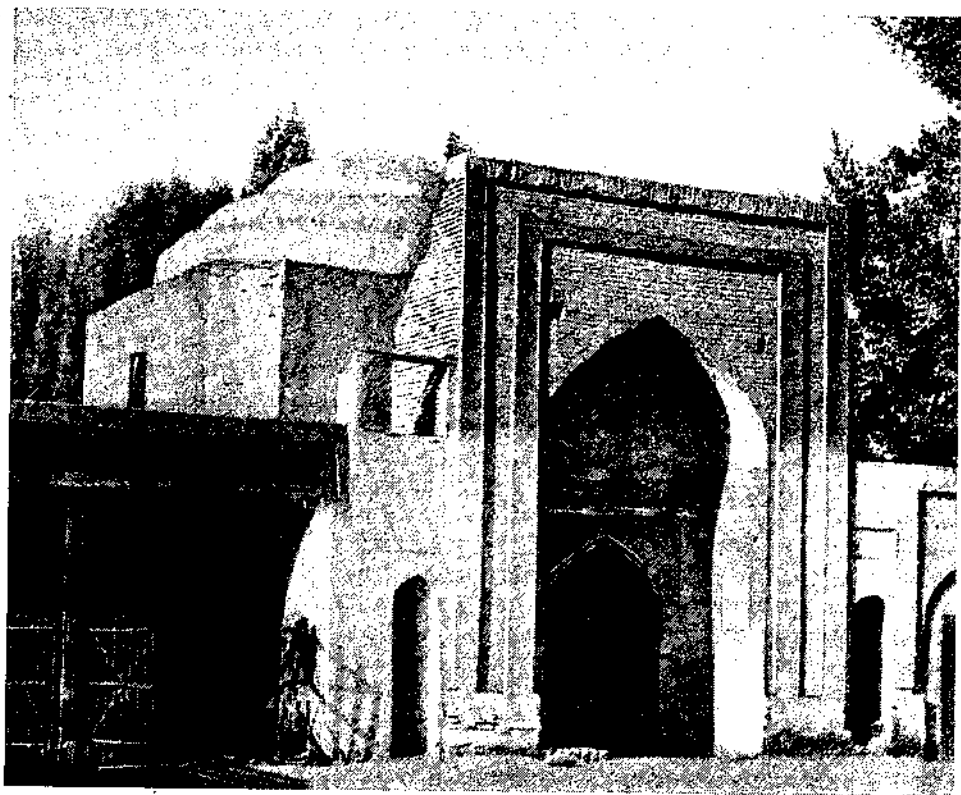

Рис. 7. Бухара. Городские ворота Самарканд

По кн.: *Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958*

щадь — 10,4 км², Ходжента — соответственно 10,5 км и 7,2 км², Бухары — 8,8 км и 6,5 км²; Ура-Тюбе — 6,4 км и 4,8 км², Пенджикента 3 км и свыше 1 км², длина стен Хивы составляла 7,6 км²⁶.

Вокруг городов располагались селения, которые постепенно сливались с городом. В эпоху феодализма рост города сопровождался перестройкой городской стены; так была перестроена в XVI в. стена Бухары, позже — Карши, Ходжента — в начале XVIII в., Коканда, Андижана, Намангана — в XIX в. Если стена не перестраивалась и территория

Рис. 8. Исфара. Медресе Абдулла-хана

города оставалась прежней, его рост выражался в уплотнении жилой застройки. Так происходило в Бухаре после XVI в., в Самарканде, городах Ферганской долины. Когда стены исчезли, что в городах Туркестанского края произошло после присоединения Средней Азии к России, территория, раньше охваченная ими, сохраняла резкое отличие от той, которая находилась за исчезнувшими стенами, — там располагались пригородные селения, сады, виноградники и пашни. Это было хорошо заметно до недавнего времени в Самарканде, хотя городские стены и ворота исчезли там еще в конце XIX в.

На территории городов внутри стен по большей части не было ни садов, ни пашен — городское население имело летние усадьбы в пригородах и проводило там почти полгода, совмещая городские занятия с сельскими и обеспечивая себя овощами, фруктами, а иногда и зерном. Такие города на весь летний сезон наполовину заустевали, зимой же, наоборот, пустела пригородная зона. Примерами могут служить Ура-Тюбе, Пенджикент, Ашт, частично — такие крупные города, как Ташкент и Самарканд. Пригородная зона была настолько тесно связана с городом, что в сознании населения составляла с ним единое целое.

Так, древняя стена, окружавшая когда-то весь Самаркандский оазис, в документах XIV—XV вв. называлась «стеной города Самарканда»²⁷. В южных районах Узбекистана и Таджикистана границы города были настолько нечеткими, что пригородные селения рассматривались как составная часть города, как городские кварталы²⁸ и в ряде мест назывались не селениями (кишлак), а кварталами (махалла).

Жилая застройка городов была либо скученной, сплошной, нередко с двух- и трехэтажными жилыми зданиями. К таким городам можно отнести Бухару, Самарканд, Шахрисябз, Ура-Тюбе, центральную часть г. Туркестана, Пенджикент, Хиву, городки Верхнеамударьинского оазиса. Вторым типом городской застройки была скученно-усадебная планировка; она была характерна для окраинных районов Ташкента, Ходжента, Канибадама, Исфары и других городов Ферганской долины. В Джизаке (Самаркандская область) между кварталами лежали участки, занятые садами и даже посевами.

Многие города Средней Азии в рассматриваемый период сохраняли деление на сложившиеся в прошлом историко-топографические части. Древнейшей частью многих городов была территория вокруг цитадели (арк), где до присоединения к России находилась резиденция правителя, здесь же обычно располагался главный городской рынок. Вокруг торгового центра располагались средневековые рабаты. В конце XIX в. во многих городах образовались новые, русские районы. Они размещались либо около цитадели, в центре города (Ходжент, Ура-Тюбе, Коканд), либо рядом со старым городом, на территории, занятой раньше садами и посевами; эти земли русские власти откупали у их прежних владельцев. Так было в Ташкенте и Самарканде. Иногда русский город строился на некотором расстоянии от старого (Скобелев, Джизак, Чарджуй). Русские районы городов были правильно распланированы, их прямые улицы были обсажены с обеих сторон деревьями, вдоль улиц текла вода арыков²⁹. В русской части находились административные учреждения, казармы, больницы или амбулатории, аптеки, русские учебные заведения, банки или их отделения, конторы торговых фирм, почтово-телеграфные и транспортные конторы, гостиницы. В русских частях Ташкента, Самарканда, Коканда имелись библиотека, театр, музей, типография.

Одной из важных особенностей старых среднеазиатских городов было их членение на отдельные части и кварталы. От глубокой древности шла традиция членения города на две или четыре части (даха, кытъя, юрт). Так, Ходжент, Ура-Тюбе, Шахрисябз, Туркестан состояли из двух частей, Ташкент, Маргилан, Коканд, Чуст, Канибадам, Самарканд имели четыре части. В Бухаре, где древнее четырехчастное деление проявилось слабо, наметилась традиция членения города на 12 районов; эта структура сложилась позднее и оказалась не столь устойчивой, к XX в. она исчезла³⁰. В г. Хиве выделялась центральная часть — ичан-кала («внутренняя крепость»), где находился дворец хана, и душан-кала («внешняя крепость»). Каждая из этих частей имела свою крепостную стену. Деление на две—четыре части существовало и в некоторых городках. На две части делились городки Пангаз и Ришитан, на четыре — Ашт и Кушак. Костакоз делился на пять частей (видимо,

пятая часть появилась позже, при включении в черту городка расположенного рядом селения).

Русская администрация Туркестанского края сохранила это древнее деление на части, рассматривая их как административные единицы, но изменила их значение. Раньше во многих городах каждая часть охватывала и город, и тяготевшие к нему пригородные селения (Ташкент, Ходжент). К началу XX в. пригороды в административном отношении были отделены от города, а к старым частям прибавились новые. В Ходженте появились третья и четвертая части, в Самарканде — пятая, территориально со старым городом не связанная, в городке Костакозе — пятая и шестая части.

Помимо деления на крупные части в городах, городках и во многих селениях существовало также очень древнее деление на жилые кварталы (махалля, гузар). Оно засвидетельствовано письменными источниками (Наршахи) для городов еще раннего феодализма. Эта структура оказалась очень устойчивой и сохранялась вплоть до революции и даже позже. Квартал был не только территориальной, но и административной и социальной единицей. Его жители объединялись в своеобразные соседские общины³¹.

Новые кварталы образовывались либо из включенных в черту города селений, либо в результате членения старых кварталов. Поводом для этого обычно была постройка в квартале новой мечети, вокруг которой создавался новый приход. Выделение новых кварталов происходило медленно, в течении веков. Поэтому число кварталов свидетельствовало об общественно-экономическом значении города, его древности, степени развития городской жизни. Чрезвычайно расчлененными были Ташкент, состоявший из 280 кварталов, Бухара, состоявшая из 220 кварталов. В Ходженте насчитывалось 146, в Самарканде — около 100, в Ура-Тюбе — 61, в Шахрисябзе — 52, в Канибадаме — 45, в Китабе — 42, в Исфаре — 31, в Кулябе — 17 кварталов. В городке Костакозе было 34 квартала, в Чорку — 17, в Аште — 16, в Пенджикенте — 13, в Гидждуване и Ворухе — 12, в Шайдане — 11 жилых кварталов³².

Древние и средневековые города Средней Азии и Казахстана возникли и развивались как центры ремесленного производства. Города специализировались на производстве определенных видов продукции. Многие ремесленные изделия находили сбыт не только в своем районе, но пользовались спросом даже за пределами Средней Азии. Еще в VIII—X вв. ткани, вырабатывавшиеся в Бухаре и ее округе, вывозились в Ирак и Сирию³³. Позже ферганские шелка, особенно прославленный ходженский бекасаб, адрас, канаус, маргиланский ханатлас, шли в сопредельные страны Востока. В XVII—XIX вв. изделия среднеазиатских ткачей продавались в Сибири и на юго-востоке России³⁴.

По всей Ферганской долине расходились кожа и обувь, вырабатывавшиеся в г. Оше; изделия ташкентских кожевников вывозились в Самарканд и другие города; производством железных орудий труда славилась ремесленники Канибадама и Ашта, бумагой и кунжутным маслом — мастера Исфары. Шелкоткачи Бухары вырабатывали высокие сорта канауса, шелковых и полшелковых полосатых тканей, бархата. Своими тканями славилась также Самарканд и городки Нурата

и Ургут (полосатая бумажная алача), Каратаг (толстая, грубоватой выделки полушелковая ткань для мужских халатов) и т. п. Бумажная алача, кожа и обувь изготовлялись на вывоз также ремесленниками Карши и Китаба. Однако изделия ремесленников Шихрисябза, Пенджикента, Нурата и многих других городов и городков имели лишь местное значение: товары вывозились только в прилегавшие горные селения и степные аулы.

В Хивинском ханстве центрами изготовления сельскохозяйственных орудий — сошников, лопат, кетменей, топоров — были Хива, Куня-Ургенч, Чимбай, Хазарасп. Кожевенное производство было сосредоточено в Хиве, Ханка, Новом Ургенче, Ходжейли. Мешки и арканы изготовляли больше всего в Новом Ургенче.

Многие города Средней Азии являлись центрами международной торговли. Это Бухара, Ташкент, Коканд и Самарканд. Эти города можно, по выражению И. П. Петрушевского, отнести к особому типу городов, «лежавших на узлах больших караванных путей, служивших складочными местами, перегрузочными пунктами и биржами для экспорта и транзитной торговли»³⁵.

Бухара с давних пор являлась главным центром транзитной торговли между Средней Азией и Россией, Китаем, Индией, Афганистаном, Ираном. Большое значение имела Бухара и во внутренней торговле Средней Азии³⁶. Ташкент был крупнейшим торговым центром на стыке среднеазиатских оазисов и казахских степей. После присоединения к России роль Ташкента в транзитной торговле еще более возросла. Через него шла масса фабричных товаров из России. Торговый оборот Ташкента в начале XX в. составлял 25 млн. руб. по ввозу и 15 млн. руб. по вывозу товаров³⁷. Коканд являлся важнейшим торговым центром Ферганской долины и складом товаров в торговле с Кашгаром (для чего в городе была учреждена таможня). Главными предметами торговли были хлопок, шелк, ткани, фарфор. Самарканд считался главнейшим в Средней Азии центром чайной торговли, здесь вели торговые операции крупные русские фирмы (Кузнецов и К°, Вогау и К°, братья К. и С. Поповы и др.), снабжавшие чаем большинство районов края. Самарканд занимал первое место в Туркестане и по торговле изюмом. Отсюда в год расходилось свыше 1 млн. пудов этого продукта³⁸. Ходжент и Ура-Тюбе играли важную роль в торговом обмене между Ферганской долиной, Ташкентской областью и Зеравшанской долиной. Эти города вели торговые сношения с внутренней Россией, Кавказом, Сибирью. Вывозились хлопок, коконы, шелк, кожа, обувь, ткани, металлические изделия, сухие фрукты³⁹. В Бухаре и Самарканде продавались изделия ковровщиц из степных районов этих областей.

В торговле с районами Припамирья и с Кашгаром большое значение имел город Ош. Сюда привозили на продажу ткани, обувь, шерсть, шкуры, кожу, фарфор. После присоединения к России главным товаром стали изделия русских фабрик и заводов⁴⁰.

Город Карши был крупным центром, ведущим торговлю пшеницей, ячменем, шерстью, растительным маслом, шкурами и сушеными фруктами. Он славился овощами, табаком, превосходным изюмом, кондитерскими изделиями, а также бумажными и полушелковыми тканями.

Города Хивинского ханства, в которое входили и северные районы, населенные туркменами, издревле были торговыми центрами, в которых осуществлялся обмен продукцией между оседлыми земледельцами и ремесленниками Хорезма и полукочевым населением степей и пустынь. На базарах городов, городков и торговых селений этого района происходила оживленная торговля кошмами, паласами, особенно туркменскими коврами⁴¹. В новом Мерве базары функционировали два дня в неделю. Через Мерв и городок Серахс шел торговый путь в Иран. Торговля была преимущественно караванная. В Мешхед вела колесная дорога. Предметами торговли с Ираном были скот, животноводческое сырье, ткани, ювелирные украшения, красители, ковры и красный перец.

Куляб был важным центром торговли восточной части Бухарского оазиса, его значение увеличилось в конце XIX в. Положение на пересечении старой караванной дороги на Самарканд, с одной стороны, и на города Рустак и Файзабад — с другой давно сделало Куляб перевалочным пунктом, в котором собирались товары для всей Восточной Бухары и для вывоза в Афганистан. В Кулябе шла также торговля скотом, фисташками, кунжутом и льняным семенем, полушелковой алачей⁴².

Среди пограничных городков, служивших важными пунктами торговли с Афганистаном и Индией, выделялись Керки, Келиф, Термез на Амударье и Сарайи-камар на Пяндже. В 1910 г. через керкинскую таможенно было вывезено в Афганистан товаров на 2,5 млн. руб. (сахар, бумажные, шелковые и полушелковые ткани, спички, керосин) и ввезено товаров на 2,2 млн. руб. (изюм и другие сушеные фрукты, шерсть, шкуры, хлопок, каракуль, меха диких животных, миндаль и фисташки, бурдюки для воды)⁴³. Годовой оборот городка Сарайи-камар, через который шла торговля Восточной Бухары с Афганистаном и Индией, в начале XX в. выражался в 600 тыс. руб.⁴⁴ Из ремесленных изделий Восточной Бухары предметами внешней торговли были чекмени, шерстяные узорчатые чулки и звериные шкуры из Дарваза, Каратегина и Памира, полушелковая алача и кожи из Куляба, Каратага и Хисара. Из Индии завозились чай, парча, кисея и индиго. Важным центром транзитной дороги с конца XIX в. стал Ашхабад. Этот город, как и другие новые города, где сначала жили преимущественно русские, формировался как город европейского типа.

Огромнейшее значение для развития среднеазиатских городов имело строительство железной дороги, соединившей Среднюю Азию с Россией. Возросла роль Ташкента, Самарканда, Бухары, Чарджуя, Ходжента, Намангана в снабжении местного населения промышленными товарами из России, в усилении связей между районами Средней Азии, в расширении вывоза ремесленных и сельскохозяйственных изделий и сырья в другие области и в центральную Россию⁴⁵.

Закаспийская железная дорога начиналась от города Красноводска — крупного порта на восточном побережье Каспийского моря. Местная торговля в Красноводске была невелика, но транзитное движение грузов через этот город было очень значительным: Красноводск служил перевалочным местом для разнообразных грузов, вывозимых из Средней Азии (хлопок, сушеные фрукты, шкуры, растительное масло, тка-

ни) на Кавказ и в Россию и привозимых из России (лес, мануфактура, керосин, сахар, мука, чай, металлы и т. д.).

Благодаря проведению железной дороги оживилась торговля в городах Кызыл-Арват, Душак, образовались городки с базаром вокруг Мургабского государева имения, в Байрамали. Неподалеку от Бухары, до которой железная дорога сначала не доходила, появился городок Каган. На базаре г. Туркестана обменивались на промышленные товары как фабричного производства, так и местного ремесленного производства продукты казахского скотоводческого хозяйства (шкуры, шерсть, сало, мясо и т. д.). Годовой оборот торговли Туркестана после проведения железной дороги (1888—1899 гг.) достиг 4 млн. руб. В Киргизии возникли новые торговые центры: города Пишпек и Пржевальск и городок Токмак. Здесь была сосредоточена торговля хлебом, скотом, продуктами животноводства и промышленными товарами, привозимыми из России и производимыми среднеазиатскими ремесленниками⁴⁶.

Все большее развитие торговли вызывало дальнейший рост городов и повышение их роли в экономике и культурной жизни народов Средней Азии. В структуре городов издавна имели большое значение их торговые центры. Характерной чертой планировки старых городов было размещение торговых центров на перекрестках главных улиц, здесь воздвигали купольные здания-пассажи (чорсу, ток, тим), через которые проходили улицы, а в самом здании размещались торговые лавки. Так были оформлены три перекрестка торговых улиц Бухары, перекресток главных улиц, идущих с севера на юг и с востока на запад в Самарканде, торговый перекресток в Шихриябзе. Лавки располагались и вдоль прилегающих улиц, образуя торговые ряды, обычно специализированные: каждый вид товаров продавался в одном месте. Лавки были очень маленькие и тесно примыкали одна к другой. Многие торговые ряды были крытые, кое-где имелись ворота, запиравшиеся на ночь и преграждавшие доступ в ряды.

О торговом значении города можно судить по числу лавок на базаре. Рынок Ташкента в конце XIX в. состоял из 4500 торговых лавок. В двух торгово-ремесленных центрах Ходжента число действующих лавок к концу XIX—началу XX в. увеличилось с 790 до 1100, а в Ура-Тюбе — с 642 до 1165. Своей величиной и благоустройством славился базар Коканда; по мнению наблюдателей, он занимал первое место в крае. Крупнейшим был рынок Бухары. Он состоял из 50 крытых и открытых базаров, пассажей, базарчиков. Длина улиц Маргилана, вдоль которых размещались торговые ряды, достигала 2,5 верст⁴⁷. Многие торговые лавки одновременно были и мастерскими ремесленников, так было у металлостов (кроме литейщиков), у деревообделочников, у седельщиков. Кроме торговых рядов, размещавшихся в центре города, небольшие базарчики имелись и во многих жилых кварталах. Базарчики состояли из нескольких лавчонок, где продавались съестные припасы первой необходимости.

Важное значение в организации торговли имели караван-сарай, это был обязательный элемент городской топографии. Караван-сарай выполняли функции не только «гостинного двора» — места, где останавливались караваны с товарами и находились торговые склады: в коморах

(худжра), которых в караван-сараях было до двух — четырех десятков, находились деловые конторы крупных местных купцов и предпринимателей. Там совершались сделки и сидели доверенные лица хозяев и писцы (мирзо). В караван-сараях снимали помещения для длительного проживания (например, в Бухаре — индийские купцы, занимавшие один караван-сарай, в другом караван-сараях проживали русские чиновники, служащие фирменных магазинов и т. п.). Вдоль стены караван-сарая, обращенной к улице, располагались лавки или устраивали завалинки (суфа), на которых в базарные дни раскладывали свои товары торговцы. Некоторые караван-сарая играли также роль биржи труда, куда приходили желающие нанять работника. В одном из караван-сараяв Бухары находилось присутственное место своего рода гильдии, объединявшей всех крупных торговцев Бухары, ведших оптовую торговлю. С середины XIX в. число караван-сараяв стало непрерывно расти.

Появился новый тип торговых заведений — чайхана, пришедшая на смену прежним патриархальным мехманхана, имевшимся в жилых кварталах. Чайхана — это было торговое предприятие, где посетителям подавали еду и чай, широко вошедший в обиход в XIX в. В чайханах могли остановиться на ночлег приезжие, в частности желающие наняться на работу. В некоторых ремесленных корпорациях, например у бухарских и самаркандских ткачей, имелись свои общественные дома, в которых приезжие мастера могли жить до подыскания себе работы. Нередко в определенной чайхане останавливались приезжие из одного края, так образовывались своего рода землячества. Особенное развитие получили чайханы в городах Ферганской долины, где у мужчин сложился обычай проводить здесь свободное время.

Города и городки были административными центрами разного значения. Термин «шахар» (город) прежде всего означал место, где находится власть, живет правитель. Высшими административными центрами в Бухарском ханстве была Бухара, в Хивинском — Хива, в Кокандском — Коканд. Центральные власти в ханствах управляли в основном лишь столицей и прилегавшим к ней округом. На местах, в центрах вилайетов, были правители-беки, имевшие свои резиденции. Ташкент до присоединения был центром крупнейшего вилайета Кокандского ханства, местопребыванием «владельца», как выражались русские путешественники XVIII — начала XIX в. После присоединения к России Ташкент стал главным городом Туркестанского края.

Правители имели в городах особые резиденции — арк, урда, где они жили со своими семьями и гаремом, где находились канцелярия главного сановника, казна и сокровищницы, располагалась гвардия, тюрьма, иногда мастерские, в которых лучшие ремесленники вырабатывали изделия для правителя и по его распоряжению (в Бухаре это были золотшвейная и ювелирная мастерские с отделением для чеканки монеты, а раньше — и ткацкая мастерская). Бухарский арк располагался на высоком насыпном холме, по гребню холма шла стена с зубцами. В арк вели громадные тяжелые ворота, от которых в цитадель шел длинный крытый проход⁴⁸. Самаркандский арк, тоже довольно большой по площади, находился на естественной возвышенности.

Города Средней Азии были и культурными центрами. В мусульманских странах культура была тесно связана в своих проявлениях с исламом. В городах было много духовных учебных и культовых учреждений, медресе и мечетей. Поскольку отправление культа носило официальный характер и контролировалось в ханствах специальными чиновниками, своя мечеть имелась, как правило, в каждом квартале. Мужчины были обязаны совершать ежедневную утреннюю молитву в своей приходской мечети. В соборных мечетях объединялись для общей пятничной молитвы жители нескольких соседних кварталов, а в главных мечетях, нередко загородных, дважды в год по годовым праздникам собиралось мужское население чуть ли не всего города⁴⁹.

Обычно мечеть состояла из четырех частей: «хонако» — молельня, «айван» — терраса, «тахоратхана» — помещение для совершения омовения и «джиловхана» — входное помещение; иногда при мечети было особое помещение для школы. Настоятели квартальных мечетей (имамы) содержали начальные школы для мальчиков (мактаб), их жены или другие грамотные женщины — у себя на дому школы для девочек.

Высшими духовными школами — семинариями являлись медресе, где преподавались богословские науки.

В городах было также множество «святых мест» — мазаров. Многие из них пользовались широкой известностью и привлекали паломников из далеких мест. В начале XX в. в Бухаре было более 200 мечетей и свыше 40 медресе (не считая тех, которые были при квартальных мечетях); в Ташкенте было 255 мечетей и 12 медресе; в Ходженте — более 200 мечетей, 47 медресе и 47 мактабов; в Коканде — 248 мечетей, 70 медресе и мактабов; в Маргилане — 254 мечети, 137 медресе и мактабов; в Андижане — 236 мечетей, 84 медресе и мактабов; в Оше — 100 мечетей, 56 медресе и мактабов; в Самарканде — 105 мечетей, 14 медресе, 91 мактаб; в Ура-Тюбе — 70 мечетей, 5 медресе, 47 мактабов⁵⁰. Обучение в мактабах сводилось к зазубриванию текстов из корана; поэтому несмотря на большое число мактабов, грамотных людей было мало: по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г., в городах они составляли от 5 до 15%, в сельских же районах — доли процента. Все же в городах имелась прослойка образованных людей, среди них были поэты, авторы исторических сочинений, любители и знатоки литературы.

После присоединения к России в городах появились так называемые «новометодные» школы, в которых, помимо начатков мусульманского богословия, преподавались арифметика, начатки географических и исторических знаний. Такие школы были открыты представителями местной интеллигенции в Ташкенте, Самарканде, Ура-Тюбе, Ходженте и других городах. Были открыты т. н. «русско-туземные школы», русские приходские училища, а в Ташкенте, Самарканде и Ашхабаде — мужские и женские гимназии, реальное училище, кадетский корпус, различные коммерческие, сельскохозяйственные, железнодорожные училища и школы⁵¹.

Одним из важнейших показателей развития городской жизни является численность населения городов. Первые данные по демографии городов Средней Азии и Казахстана появились только после присоеди-

Таблица 1. Численность городского населения⁵², тыс.

	1897 г.	1910 г.		1897 г.	1910 г.
Ташкент	155,6	201,1	Хива	—	20
Коканд	81,3	113	Аулие-ата	11,7	19
Самарканд	55,1	89,6	Чуст	13,7	18
Бухара	—	Около 80	Канибадам	—	17
Андижан	47,6	76,3	Новый Мерв	8,5	16
Наманган	62	73	Чимкент	11,1	15,5
Ош	34,1	47,2	Пржевальск	8,1	15
Маргилан	36,4	46,7	Туркестан	11,2	14,8
Асхабад	19,4	43	Казалинск	7,5	12,1
Ходжент	30,1	40	Джизак	—	12
Верный	22,7	37	Скобелев	8,9	11,3
Ура-Тюбе	20,6	25	Каттакурган	10	11
Джаркент	16	25	Кермине	—	10
Чарджуй	4—5	25	Куляб	—	10
Пишпек	6,6	20,1			

ния Средней Азии к России, до этого времени переписей населения не делали (см. табл. 1).

Городское население концентрировалось также в городках (по данным ЦГА ТаджССР): в Исфаре—9200 человек, в Костакозе—8100, в Аште и Чорку—4000, в Пангазе, Ворухе и Кушкаке—3300—3500, в Файзабаде и Денау—3000, в Петро-Александровске, Камыш-кургане, Иописаре—2600—2800, в Нау, Сарн-Асия, Юрчи, Шерабаде—2000—2500, в Шайдоне и Ганчи—1500, в Курган-Тюбе, Кафирнигане, Бальджуане, Гидждуване и Нурата—до 1000.

В городах проживало этнически смешанное население. В старых городах Среднеазиатского междуречья основной массив составляло древнее автохтонное население, пополнявшееся переселенцами из прилегающих сельских районов, из более отдаленных мест, а иногда и других стран. Таким образом, состав населения городов не был стабилен. Значительно изменился состав городского населения за XVII—первую половину XIX в. На это время падают переселения в города из сельских районов многих узбекских, туркменских и казахских родо-племенных групп, каракалпаков, киргизов, калмыков, дунган, кашгарцев, горных таджиков. Переселившиеся группы долго сохраняли свою обособленность, нередко связи со своей старой родиной. Браки чаще всего происходили в своей среде.

После присоединения из России стали переселяться русские, украинцы, татары и другие национальные группы.

По переписи 1897 г., узбекскими в основном были города: Ташкент (80%), Коканд (90%), Маргилан (90%), Наманган (80%), Ош (95%), Чимкент (86%), Туркестан (79%), а также Карши, Шахрисябз, Хива и большинство городков Ферганской долины, центры бекств и уездов в Зеравшанской долине, по Кашкадарье, в Хорезме.

Таджики, по данным 1897 г., составляли большинство в Самарканде (60%), Ходженте (96%), Ура-Тюбе (80%), Канибадаме (97%), Чусте (98%), Пенджикенте (98%), а также в городках Касан, Риштан, Учкурган в Ферганской долине, Хаваст в южной части Голодной степи, в большинстве городков Северного Таджикистана, в Гидждуване, Нурата, Ургуте. Таджикским, во всяком случае таджикоязычным, было также большинство населения Бухары с ее пригородами (в состав населения этого города вошло много небольших групп узбеков и других тюркоязычных народностей, но почти все они перешли на таджикский язык). Несмотря на таджикоязычность, самоназванием большинства жителей Бухары было «узбек».

Новые части старых городов, основанные после присоединения, были населены в основном русскими. Русские составляли большинство во многих городах Киргизии и Казахстана, возникших после присоединения.

В туркменских городах и городках — Чарджоу, Керки, Келиф, Денау и Ташауз — туркмены не составляли большинства населения, жили смешанно с узбеками. В новых городах этой части Средней Азии, основанных после присоединения (Красноводск, основан в 1869 г.; Кизил-Арват, основан в 1881 г.), в городках Серахс, Каахка и Теджен население было весьма смешанным. Там жили русские, персы, армяне, татары; туркмены составляли меньшинство.

По переписи 1897 г. население городов Киргизии также было весьма пестрым: в Пишпеке русские составляли 43%, дунгане — 22%, узбеки и таджики — 19%, киргизы — 10%, татары — 4%; в Пржевальске русские составляли 37%, узбеки и таджики — 27%, киргизы — 16%, дунгане — 10,5%, татары — 7%.

Условия городской жизни способствовали преодолению обособленности жизни отдельных этнических групп, стиранию локальных отличий в культуре одного народа. Так, смешались (хотя и не слились) выходцы из городов Хорезма («урганджи») и выходцы из Ташкента с коренным населением Бухары и Самарканда; сблизилась с местным населением (но не слились окончательно вследствие разницы в религии) выходцы из Мерва, попавшие в эти города в порядке принудительного переселения в конце XVIII — начале XIX в.

В ходе культурных контактов происходило смешение местного и пришлового населения. Еще в XVI в. стал узбекским по населению бывший до того таджикским Маргилан⁵³, в XIX в. то же произошло в городке Бискенте (Пскенте) (Ташкентская область)⁵⁴; узбеки, выходцы из Шахрухии и Сайрама, курама, юзы и кипчаки, переселившись в Ходжент, Ура-Тюбе и Канибадам, слились с таджиками и перешли полностью на таджикский язык⁵⁵. Процесс взаимного слияния узбеков, туркмен и каракалпаков происходил в городах и городках оазисов нижней Амударьи, на территории Хивинского ханства.

В социальной структуре городского общества второй половины XIX — начала XX в. выделялись ремесленники, торговцы, землевладельцы и земледельцы, обслуживающий люд (цирюльники, банщики), духовенство.

Ремесленники представляли собой по существу единственную производительную группу городского населения, если не считать земледель-

Таблица 2. Численность горожан, занятых ремеслами и торговлей⁵⁶

	Всего лиц, имевших самостоятельные занятия	В том числе занимавшихся	
		ремеслами	торговлей
Ташкент	55 482	16 513 (29 %)	9 185 (16 %)
Коканд	42 413	22 206 (52 %)	6 894 (16 %)
Наманган	31 325	20 248 (64 %)	2 879 (9,9 %)
Самарканд	20 518	6 051 (29,5 %)	4 425 (21 %)
Андижан	18 052	8 290 (45 %)	3 121 (17 %)
Асхабад	12 699	1 585 (12 %)	1 290 (10,01 %)
Маргилан	12 547	6 347 (50 %)	2 292 (18 %)
Ходжент	9 619	4 373 (45 %)	1 466 (15 %)
Ош	9 416	2 416 (25 %)	1 294 (13 %)
Верный	7 816	1 544 (19 %)	1 247 (15 %)
Новый Мерв	6 505	697 (1 %)	675 (1,0 %)
Ура-Тюбе	5 150	1 865 (36 %)	1 341 (26 %)
Чуст	4 661	2 532 (54 %)	585 (12 %)
Джизак	4 179	540 (12 %)	813 (19,4 %)
Каттакурган	3 990	627 (15 %)	449 (11 %)
Аулие-Ата	3 942	734 (18 %)	1 101 (28 %)
Чимкент	3 275	628 (19 %)	580 (17 %)
Пржевальск	2 950	416 (14 %)	432 (14 %)
Туркестан	2 736	319 (11 %)	588 (21 %)
Пишпек	2 205	400 (18 %)	476 (21 %)
Пенджикент	905	124 (13,7 %)	139 (15,4 %)

цев, которые во многих городах составляли заметную часть населения.

В сознании жителей Средней Азии было широко распространено представление, что городом можно называть только населенный пункт, в котором представлены 32 отрасли ремесла.

Заметную прослойку среди горожан составляли торговцы. В Бухаре, например, торговцы зарегистрированы во всех кварталах. Торговцы делились на крупных купцов-оптовиков и лавочников, имевших на базаре свою лавку. Ниже по своему социальному положению стояли торговцы вразнос. Особую категорию составляли маклеры (даллол), без участия которых приехавшие на базар степняки не решались совершить ни продажи, ни покупки⁵⁷. После проведения железной дороги выделились крупнейшие купцы «вагончи», отправлявшие товары целыми вагонами.

Анализ материалов всеобщей переписи 1897 г. позволил проанализировать состав занятого городского населения (см. табл. 2). Приведенные данные показывают, что в городах Ферганской долины и в Ура-Тюбе большинство, а в Самарканде, Ташкенте и Оше — более четверти лиц, имевших самостоятельные занятия, занимались различными видами ремесел⁵⁸.

Хотя к концу XIX в. роль земледелия в экономике городов снизилась, однако и в начале XX в. многие горожане занимались сельским хозяйством. По данным переписи 1897 г., в Маргилане, Андижане, Ходженте земледельцы составляли 11—15%; в Чимкенте, Каттакургане, Оше — 20—35%; в Туркестане, Джизаке, Пенджикенте — 21—46%; в Ташкенте, Самарканде, Коканде, Чусте — только 3% и ниже. Однако этнографические обследования и записи воспоминаний старожилов свидетельствуют, что очень многие жители этих городов, имея городскую профессию, в своих загородных усадьбах возделывали огороды, сады, виноградники и имели посевы злаков. Даже в таком крупном городе, как Ташкент, садоводство и зерноводство занимали большое место в городском хозяйстве. Так, в начале XX в. земледелие являлось основным занятием почти половины жителей одного из центральных кварталов города — квартала литейщиков (махалла Дероз). Посетившие Ташкент в самом начале XIX в. Бурнашев и Поспелов даже сочли «хлебопашество» главным занятием ташкентцев⁵⁹.

В Ташкенте, Самарканде, Пенджикенте, Ура-Тюбе многие горожане на пять летних месяцев переезжали в свои пригородные владения. В Бухаре, отчасти в Ходженте, Канибадаме и Исфаре это не было в обычае, там все население, в частности ремесленники, летом оставалось в городе. Такая практика сложилась там, где ремесленная продукция имела широкий сбыт и шла на вывоз, а потому ремесленники имели работу круглый год.

После присоединения Средней Азии к России, с появлением предприятий фабрично-заводского типа в городах появилась новая прослойка — промышленный пролетариат. В 1890 г. в Туркестанском крае насчитывалось 63 фабрично-заводских предприятия, к 1900 г. их число увеличилось на 111. Большинство заводов располагалось в городах и поселениях городского типа, гяготевших к железнодорожным линиям. Так, в 1910 г. в новом городе Асхабаде было более полусотни таких предприятий. В Самарканде действовали хлопкоочистительные и маслобойные заводы, свинцово-прокаточная и чаеразвесочная фабрики и немало других фабрично-заводских предприятий. Аналогичные заведения были и в других городах: в Джизаке — 13, в Ходженте и Ура-Тюбе — по 21, в Коканде — 24, в Маргилане — 14, в Скобелеве — 7. В Ташкенте функционировали 53 фабрично-заводских заведения⁶⁰.

С ростом числа предприятий росло и число рабочих. Ряды пролетариата постепенно стали пополняться рабочими из местных национальностей, особенно много их было среди чернорабочих. Появляется и местная промышленная буржуазия. Эти новые социальные прослойки городского общества играли в жизни городов все большую роль. Однако основную массу занятого населения городов до Великой Октябрьской революции составляли ремесленники.

По численности городского населения вообще и числу горожан, занятых ремеслами, по степени развития производительных сил и производственных отношений, в частности разделения труда в ремесленных мастерских, по степени развития в промышленности и торговле элементов капитализма среди городов Средней Азии и Казахстана конца XIX — начала XX в. можно выделить такие, которые находились на стадии ста-

новления капиталистического города (к ним можно отнести Ташкент и Коканд); города, переживавшие стадию перехода к капиталистическому городу (Андижан, Наманган, Ходжент, Бухара, Маргилан, Самарканд, Карши, видимо Хива); города, в которых существовали крупные мастерские типа простой капиталистической кооперации, но еще не появилась капиталистическая мануфактура (Куляб, Ош, Каратаг, Хисар, Чимкент); города, в которых ремесло находилось на стадии развития семейной кооперации — предтечи капиталистической кооперации (Канибадам, Исфара, Джизак, Каттакурган)⁶¹.

Селения

В древних земледельческих районах Средней Азии, согласно средневековым письменным источникам и этнографическим исследованиям, множество старых поселений известно еще с X в. н. э. (Наршахи).

После восстановления пострадавших во время междоусобиц и войн XVIII в. оросительных систем на Зеравшане, Амударье и Кашкадарье и проведения новых каналов появились также новые селения. Так, после восстановления Даргомской плотины на Зеравшане в центральных районах Самаркандского вилайета осели различные группы узбеков и каракалпаков с берегов Сырдарьи, туркмен со средней Амударьи, среднеазиатских арабов из Каршинской степи, отдельные группы таджиков, ирани, насильственно переселенных из Мерва; переходившие к оседлости небольшие группы среднеазиатских цыган, а в предгорьях — тюрки из районов Хисара и Ура-Тюбе, таджики с верхнего Зеравшана и даже из далекого Каратегина⁶². После проведения каналов Ханарык в Ташкентской области и Ягниарык, Шахрихансай, Улугнахр в Ферганской долине на орошенных ими территориях возникли десятки новых селений.

В связи с новыми оросительными работами образовывались новые селения и в Хивинском ханстве. Так, в 1815 г. был прорыт канал Клыч-Нияз-бай, позволивший оросить дно высохшего озера Тау-Кара, имевшего до 30 фарсахов (240 км) в окружности. В 1831 г. был выведен канал из озера Лаудан для восстановления Куны-Ургенча и окружавших его селений. Строительство плотины на старом русле Амударьи в 1846 г. дало возможность восстановить жизнь старого города Везира и его пригородов.

Конечно, центральные власти эмиратов и ханств проводили оросительные работы с целью создания новых оазисов и обложения их налогами. Совершая завоевательные и карательные походы, преследуя свои интересы, они намеренно разрушали старую ирригационную сеть, в результате чего опустошались целые оазисы и сельскохозяйственные районы. Такая участь постигла Мервский оазис⁶³. Тедженский оазис был оставлен жителями, частью уведенными в Зеравшанскую долину, частью перешедшими в Иран. Опустевшие Ахалтекинский и Тедженский оазисы туркмены стали использовать в основном для скотоводства. В 1839—1840 гг. во всей долине Кушки не было ни одной живой души. Число жителей Мервского оазиса, где остались только туркмены, не превышало 6 тыс. человек. Оказалась почти незаселенной средняя часть долины Зеравшана. После преодоления разрухи запустевшие места начали заселяться.

Новые поселения возникали и в связи с оседанием кочевников; они обычно занимали окраины культурных оазисов и зоны богарного земледелия, проводили каналы и таким образом расширяли площадь возделываемых земель. Во второй половине XVIII—XIX в. этот процесс интенсивно протекал во всех историко-культурных областях Средней Азии. В Ферганской долине и Уратюбинском районе к полуседлой и оседлой жизни переходили группы узбеков юз, минг, кипчак, туяклы, курама, тюрк. Оседали также каракалпаки, туркмены, киргизы. В Зеравшанской долине осели группы узбеков мангит, хтай, кипчак, найман, сарой, кутчи, в Кашкадарьинской долине — мангыт и кенегес⁶⁴. В Северной Киргизии к середине XIX в. появились первые зачатки оседлых поселений, основанных киргизской феодальной знатью. Вождь племени бугу Бороомбай в 1843 г. построил в ущелье Джууку (Заука) небольшое глинобитное укрепление с бойницами для защиты караванов от грабежей и охраны своего имущества. Он имел здесь усадьбу, на которой были возведены глинобитные строения, склад для зерна и поставлена мельница, разведены огород и два небольших сада. В Чуйской долине и Иссыккульской котловине в самом конце XIX в. появились оседлые селения (кыштак), возникновение которых было результатом новых социально-экономических условий после присоединения и появления здесь поселков русских крестьян-переселенцев⁶⁵.

Большие изменения произошли в расселении туркменских племенных групп. Массовое переселение туркмен-теке в Ахальский и Прикопетдагский оазисы началось еще во второй половине XVIII в. Текинцы столкнулись в Ахале с группами алиэли, емрели, мехинли, анаули, а в Мервском оазисе — с салырами и сарыками, вытеснили их и завладели Мервским оазисом, значительной частью Ахала, простирающейся от Кызыл-Арвата до Асхабада. Захватив орошаемые земли, текинцы осели на них и постепенно перешли к земледелию. В Средне-Амударьинском оазисе к этому времени осели группы туркмен эрсари, салор, баят, сакар, хыдырэли, эски, чандыр, арабачи, йомудов, мукры, хатаб, ата, ших, ходжа, човдур, олам и др.⁶⁶

Те туркмены, которые издавна тяготели к северо-западным районам Хорезма, в начале XIX в. получили возможность селиться на окраинах Хивинского ханства (после того как мощные прорывы амударьинских вод в старое русло Дарьялык оросили здесь большие массивы залежных земель древнего орошения). Значительная часть этих вновь освоенных земель была роздана хивинским ханом туркменам в виде пожалования за нукерскую службу, так как с конца XVIII в. туркмены стали военной опорой утвердившейся в Хивинском ханстве Кунгратской династии. В южной и восточной части Каспийского побережья, где жили туркмены-огурджалинцы и йомуды-джафарбаевцы, в XVIII—XIX вв. уже имелись их оседлые поселения. Расселившиеся здесь группы туркмен занимались рыболовством, земледелием, добычей полезных ископаемых, морским промыслом и торговлей. Но их поселения не были стабильны: в зависимости от климатических условий и передвижения русел Амударьи происходили и сезонные перемещения туркменских поселений⁶⁷.

Много новых населенных пунктов возникло в XVIII—XIX вв. вокруг крепостей, размещавшихся вдоль границ ханств. Так образовался ряд

селений в Ходжентском, Уратюбинском, Джизакском и Ташкентском районах, селения на границах Кокандского ханства (крепости Джон-курбан, Кумыс-курбан на нижней Сырдарье), Хивинского, Бухарского ханств, селения в южных оазисах Туркмении, на границе с Ираном.

Развитие старых сельскохозяйственных районов, формирование новых оазисов и процесс оседания кочевников благотворно сказались на экономике края. Поднялась товарность хлопководства, шелководства, зерноводства и скотоводства. Появились новые базары, в Северном Таджикистане в этот период образовалось около сорока новых базаров.

Особый тип поселений сложился в пригородах. Селения, расположенные за городской чертой, обычно шли одно за другим, сливаясь друг с другом. Самарканд, например, был окружен сплошным кольцом селений, садов, пашен было меньше. Это кольцо возделываемых земель шло до границы с безводной степью. Некоторые селения имели гнездовую скупенную планировку; иногда группы домов стояли обособленно, отделяясь друг от друга садами и пашнями. Пригородные селения делились на жилые кварталы, число которых подчас достигало нескольких десятков. Центром крупного пригородного селения обычно был базарчик с несколькими торговыми лавками, мастерской кузнеца и других ремесленников; здесь располагались караван-сарай, чайхана, соборная мечеть (в жилых кварталах имелись приходские мечети). В некоторых крупных селениях действовали медресе, в каждом была школа (мактаб). Крупные селения насчитывали до нескольких тысяч жителей. Многие пригородные селения возникли на месте загородных усадеб горожан. Сделавшись сельчанами, бывшие горожане продолжали заниматься и ремеслом, совмещая его с сельскохозяйственными работами. Жители пригородных селений имели иногда в торговых центрах города свои караван-сарай, лавки и мастерские, были связаны с определенными скупщиками, сбывая им свои изделия, иногда получая от них сырье. Раньше в некоторых городах (Ташкент, Ходжент) пригородные селения административно входили в состав городских частей (даха, джамоа).

Крупные селения окружали Ходжент: в сел. Ява насчитывалось около 2 тыс. жителей, в Пули-чукуре — 1 тыс.; в Румоне — 3500, в Шайх-Бурхоне — около 1 тыс. Основным занятием этих сельских жителей были ремесла. В селениях Ява и Пули-Чукур жили шелкомотальщики, красильщики, ткачи. Таким образом, и по численности населения, и по виду занятий жители этих селений были почти горожанами. Своего рынка они не имели.

Основным занятием жителей многих пригородных селений было земледелие. Например, в округе Ходжента селения Унджи, Курук и Кулангир, расположенные неподалеку от города, были сельскохозяйственными. В Унджи было 4 тыс. жителей, в двух других — около 1,5 тыс. В сел. Унджи имелась цитадель, в которой в период междоусобиц, при набегах, укрывались жители. Унджи был главным производителем хлопка, фруктов и овощей. Жители Кулангира занимались зерноводством и садоводством, Курук славился рисом. Своей сельскохозяйственной продукцией эти селения обеспечивали город⁶⁸.

В больших пригородных селениях городка Исфары—Кулканд и Чилгази (с населением 2,9 и 3,3 тыс. человек) жители занимались почти

исключительно земледелием, ремесла же находились на стадии домашних промыслов или ремесла, работающего на заказ⁶⁹.

Помимо пригородных селений с постоянными жителями вокруг городов располагались *загородные селения-кварталы*, которые либо вовсе не имели постоянных жителей, либо их население было крайне малочисленно. Такие загородные кварталы окружали те города, в которых имелась традиция выезжать на лето в пригородные усадьбы, эти селения бывали густо заселенными летом и пустовали зимой. Почти пустыми стояли в зимний сезон многие пригородные селения Самарканда, Ташкента. Из 42 пригородных поселений Ура-Тюбе половину составляли загородные кварталы, раньше здесь постоянного населения не было, лишь во второй половине XIX в., в связи с бурным ростом городов, загородные кварталы Ура-Тюбе стали постепенно обживаться, потомки горожан постепенно превратились в сельчан. К ним приселялись выходцы из горного Таджикистана — Матчи, Ягноба, Фальгара, Каратегина и из селений Ферганской долины, например из Соха (Южная Фергана), здесь поселились и переселенцы из городка Серахса (Туркмения). Садоводство и зерноводство жители загородных кварталов Ура-Тюбе совмещали с ремеслом — ткачеством, изготовлением простой обуви. В Сандукандаке выделывали подковки для обуви, в Сарахсиёне изготовляли керамическую посуду, которой снабжали Уратюбинский район и населенные пункты южной части Голодной степи; в сел. Оби-чаппа жили плотники, изготовлялись ножи, в Обджувозе жили мастера по изготовлению бумаги, в Куйи-Равгангарон вырабатывали растительное масло⁷⁰.

Ремеслом занимались многие жители пригородов Самарканда, особенно много здесь было ткачей. Именно благодаря им Самарканд считался центром производства высококачественной бумажной алачи (в самом городе ткачей алачи было немного)⁷¹. В сел. Панджоб сосредоточивалось производство шелковых тканей (шохи), а также шелковых покрывал, которые вывозили в центральные города России. Этим производством занимались иранцы, потомки переселенцев из разных областей Ирана. В восточном пригороде Кафтархона жили набойщики. Ремесленники города и пригородов имели тесные контакты, состояли в одних корпорациях⁷².

Особый тип составляли *торговые селения*. Они располагались на стыке небольших оазисов и степей, равнин и гор, там, где сходились важные дороги, соединявшие город и сельскую округу, вдоль важнейших караванных путей. Так появились торговые селения Хаваст, Бекабад, Самгар между Ура-Тюбе, Ходжентом и Ташкентом, Камаша — около Карши, Яван, Янгибазар, Даштнабад — на Сурхандарье, Бош-Купыр, Шахабад, Амбар-Манак и др. — в Хивинском ханстве. Уратюбинские селения Шахристан и Панджшанбе, ферганские Джелалабад и Узгент, Учкурман и Шахимардан, Чартак и Туракурман находились на стыке равнин и гор, у важных горных переходов, ведущих из Ура-Тюбе и Ферганы в Фальгар, Матчу и Ягноб в верхнем Зеравшане, к прилежавшим киргизским округам. Селения Логин, Каракчикум, Махрам, Бешарык и другие лежали на главной караванной дороге между Джизаком и Кокандом.

Торговые селения были центрами экономических микрорайонов в системе более обширного экономического района или являлись центром

отдельного небольшого оазиса. Примером торговых селений, входивших в систему большого экономического района, были Гулякандоз, Тагоб и Самгар около Ходжента, Пскент, Бука и Той-Тюбе в Ташкентском оазисе, Митан, Пейшанбе и Чордара в районе Каттакурмана, Ходжа-кала, Буюн-узун, Шамбе-базар, Саят, Ходжам-басс и Вакиль-базар в Средне-Амударьинском оазисе, Саричамша, Чубек, Муминабад и Сайод в районе Куляба. Центрами отдельных оазисов явились торговые селения Чакан, Заамин, Ямин в южной части Голодной степи, Йори в районе Офтобруи на верхнем Зеравшане, Калаи Хумб в Дарвазе.

Многие торговые селения располагались на месте или вблизи древних городов и сельских поселений. Так, сел. Шахристан находилось на месте столицы раннесредневековой Уструшаны, Исфана (к югу от Ходжента) — на территории городка Катвандиз, Сари-курман — около развалин Соха, Пап и Сайрам — в пределах одноименных старых поселений, упомянутых в нарративных источниках IX—X вв.

Торговые селения часто имели скученную планировку, состояли из одного плотно застроенного массива. Нередко в единое селение объединялись несколько населенных пунктов, сохранявших некоторую обособленность и свои названия. Из четырех селений (Калачаи Мирзобой, Чуйанчи, Калачаи Дуст и Туркон) состояло торговое поселение Панджшанбе в районе Ура-Тюбе, Чартак (около г. Намангана) объединял кишлаки Айкыран, Ляскидон, Мудум и Булонак. Такие крупные объединенные селения нередко имели укрепленную часть, в ханские времена имевшую оборонительное значение.

Главным местом торгового селения был рынок, обычно располагавшийся в центре, около старого укрепления, или на главной улице. Основными предметами торговли на таких сельских рынках были продукты земледелия и скотоводства. Раз в неделю здесь происходил большой базар, на который съезжались жители окрестных селений, степных и горных районов, приезжали странствующие торговцы из городов, городков и соседних торговых селений. В некоторых торговых селениях базары происходили два раза в неделю. Таков, по сообщению А. А. Куна, в начале 70-х годов XIX в. был базар в сел. Махрам (Канибадамский р-н)⁷³. На сельских базарах обычно торговля шла на деньги, но в более отдаленных районах, например в горных селениях, на рынках часто обменивали товар на товар: ткани домашней выработки на хлопок, кузнечные изделия, изюм.

Торговые селения имели обычно не менее 500 человек. Жители занимались торговлей и сельским хозяйством, зерноводством, хлопководством, садоводством, для домашних нужд держали скот. Ремесла были неразвиты, домашние промыслы были в руках женщин: они ткали бумажные и шерстяные материи, из домотканого сукна шили для продажи халаты, ткали паласы, кое-где делали глиняную посуду (в таджикских горных селениях). Мужчины занимались кузнечным делом, плотничали, валяли кошмы, выделывали обувь и кожаные скатерти, на которых раздывали тесто.

Особый уклад жизни был присущ селениям, расположенным по большим караванным дорогам и важным путям сообщения. Их жители обслуживали караваны: были погонщиками верблюдов, проводниками в

горах, при переходах через горные перевалы. В таких селениях было до десятка караван-сараев с торговыми лавками, чайханами и постоянными дворами для путников. К такому типу селений относились Мулла-Мир, Кулиходжа, Бободархон, Сарой и Курук, расположенные по дороге, соединявшей Ташкент, Коканд и Наманган через перевал Кандирдаван.

Раз в неделю на какой-нибудь большой торговой дороге действовал базар. Таковыми были базар Афлятун в Касанском районе северной Ферганы, базар Янтак на границе Ташкентского и Ходжентского вилайетов и базар Дехкантуда на правом берегу Сырдарьи, между Аштским и Канибадамским районами. В Янтак приезжали со своими товарами торговцы из Ходжента и жители подгорных селений — узбеки-курама и киргизы. В Дехкантуда происходила торговля солью, добываемой в близком расположенном Аксуканском озере. В Афлятуне собирались в определенный день население киргизских аулов и разъездные торговцы⁷⁴, здесь происходил обмен продукции кочевого хозяйства на промышленные товары.

Сезонные торговые пункты и базары-ярмарки открывались около популярных святынь, где бывало много приезжих паломников и устраивались религиозные празднества. Такие сезонные торговые пункты действовали, например, весной в ходжентском селении Шайхон при мазаре Ходжа Бакирган. Торговые пункты открывались во многих селениях и во время гуляний по случаю созревания дынь.

После проведения железной дороги при станциях возникло много торговых поселений с базаром. Впервые такие поселения образовались вдоль железной дороги Красноводск — Самарканд при станциях Бахарден, Геок-тепе, Каахка, Иолатан, Кушка; на рубеже XIX—XX вв. такие селения возникли у железнодорожных станций Голодная степь, Драгомирово в Ходжентском уезде и Арысь в Ташкентской области, а также при пограничных таможенных пунктах и около русских военных крепостей на Амударье (Чушка-гузар, Патта-гиссар, Мургаб), а на Памире — у крепости Хорог⁷⁵.

Особым типом поселений можно считать *ремесленные селения*, которые не имели регулярно действовавшего базара, хотя определенная часть их населения занималась ремеслом, работая на рынок. Так, селения Дальени-поён, Аргу и Чорбог близ Ура-Тюбе были ремесленными центрами, производившими порох, пуховую пряжу, чекмени и бумажные ткани, арканы, переметные сумы, мешки. Сбыт продукции осуществлялся на уратюбинском базаре. Селения Ашаба, Гудас, Сарикамыш, Пискократ, Дахана в Аштском районе были известны производством шерстяных паласов, каменных жерновов для мельниц, а также отхожим пекарным ремеслом⁷⁶. Сел. Бадал (вероятно, древний Вedar) в Самаркандской области славилось производством материи для чалм⁷⁷, в селениях Читгарон и Гаждумак (Бухарской области) выделяли набойки и бумажную полосатую алачу высокого качества, которые шли на бухарский рынок.

В 70-х годах XIX в. некоторые сельские поселения стали специализироваться на ковроделии. С конца XIX в. ковровщицы начали работать на рынок, их изделия продавались и на сельских, и на городских базарах. К таким ковродельческим селениям относились Таймас и Конгур

в Мервском оазисе, Башир и Чаршангу близ г. Керки в Туркмении, селения Раббат, Курпасай на Зеравшане, Канглы и Абулак в Джизакском районе. Киргизские ремесленные селения Оим и Джапалак в Ошском районе, Абдулла-бий и другие в Андижанском районе делали на продажу ворсовые ковры. Арабы селений Ходжаки и Джейнау в Каршинском районе изготавливали для продажи паласы⁷⁸. Однако в этих селениях коврового рынка не было, изделия продавались здесь нерегулярно, главный рынок был в Бухаре, Самарканде, Коканде. Ковры доставляли туда по большей части скупщики.

Характерным типом сельских поселений являлись *старые земледельческие кишлаки* зоны орошаемого земледелия. По размеру, планировке и значению их можно разделить на несколько подтипов. Свообразием отличались земледельческие кишлаки с крепостью (курган, калъа или калъача), расположенные на магистральных дорогах. Примером может служить одно из старинных селений Уратюбинского района Ругунд, упоминаемое еще в X в. как важный населенный пункт. Ругунд членился на возвышенную часть, состоявшую из четырех жилых кварталов (гузар), и низменную, состоящую из трех кварталов. Улицу, ведущую на возвышенную часть, замыкали ворота, запиравшиеся на ночь. Население Ругунда в 1905 г. исчислялось в 1,1 тыс. человек. Каждый его квартал населяла одна семейно-родственная группа. Жители селения сеяли зерно, разводили сады и виноградники. Ремесленники — кузнецы, маслобойщики, ткачи, гончары, портные, сапожники — обслуживали только односельчан. В селении имелся базарчик, на нем в торговых лавках продавали овощи и мясо. На окраине Ругунда, вдоль большой дороги из Ура-Тюбе в Хаваст, располагались четыре караван-сарая, а в каждом квартале функционировало по несколько мехманхана («гостинных»), где собирались по вечерам мужчины селения, могли останавливаться путники. Летом почти все жители Ругунда переселялись в сады⁷⁹.

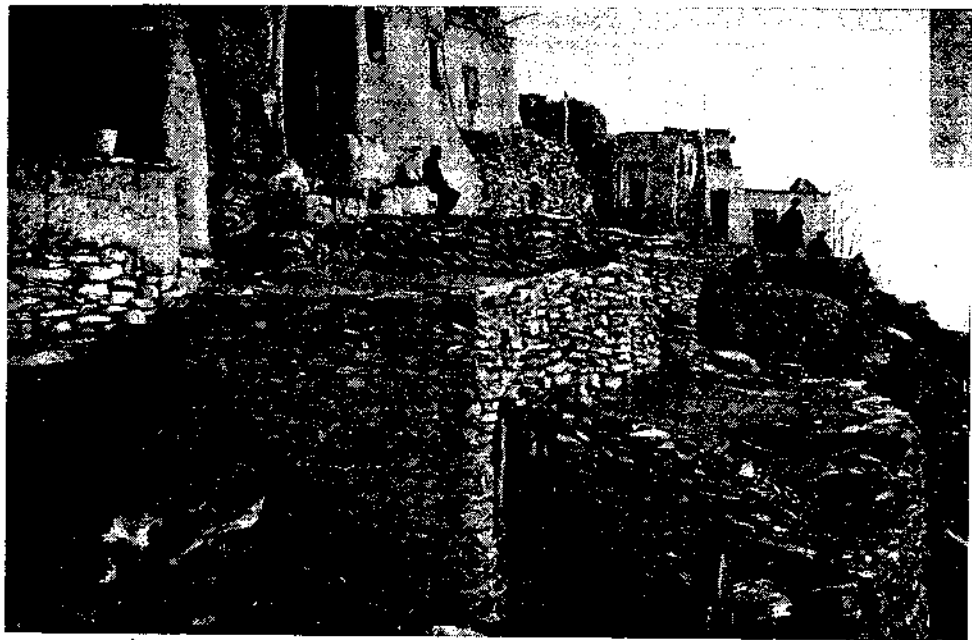
В Бухарском оазисе выделялось своими размерами и исторической ролью укрепленное селение Рамитан, упоминаемое в источниках X—XII вв. как одно из древнейших поселений Бухарского оазиса. Оно делилось на две части: более высокую, где раньше была цитадель, и примыкающую к ней низменную часть — шахристан. В стене, окружавшей цитадель, было трое ворот. Территориальное и административное деление Рамитана соответствовало приходам трех мечетей⁸⁰. Укрепленные земледельческие кишлаки встречались во многих исторически сложившихся районах Северного Таджикистана.

Вторым подтипом поселений района древнего земледелия можно считать небольшие кишлаки разбросанной планировки, когда небольшие группы домов возникали вокруг более крупного, иногда торгового, а в прошлом — нередко укрепленного селения. Эти поселения объединялись как приходы, по мечетям. Каждая группа таких поселений считалась одним населенным пунктом, который назывался не «кишлак», а «мечеть». Разбросанные поселения этого подтипа имелись во всех старых оазисах: в Ферганской долине, в Ташкентской области и в Зеравшанской долине. Особенно типичны они были для Бухарских туманов⁸¹, Кашкадарь, Хорезма.

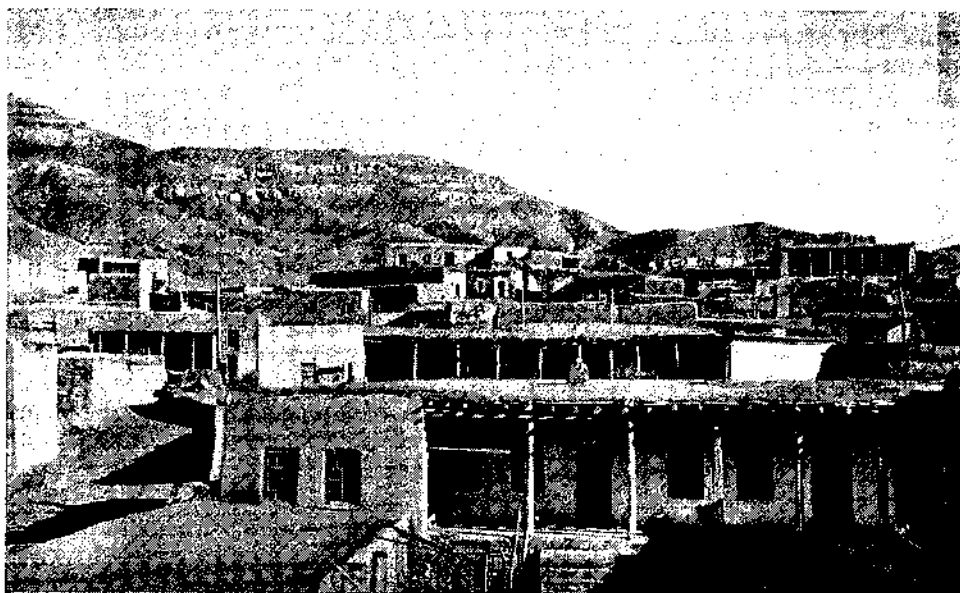
Близким вариантом этого подтипа следует считать распространенные в Хорезме и среднесырдарьинском оазисе поселения в виде отдельных групп домов (оба), напоминавших хутора. Усадьбы (хаули) больших неразделенных семей, главным образом состоятельных, окруженные пахотными землями и садами, представляли собой подобие маленькой крепости. Они были защищены высокими глинобитными стенами с полубашенками по углам и с большими крепкими воротами. Помимо жилья в усадьбе находились помещения для скота и кладовые. Такое устройство хорезмских и среднеамударьинских усадеб диктовалось необходимостью иметь защиту от набегов кочевников из окружающих степей. Группа таких усадеб объединялась в один приход и тоже называлась «мечеть». Это была основная территориальная и административная единица Хорезма, составлявшая в то же время сельскую общину⁸². Усадьбы, сходные по внешнему оформлению с хорезмскими хаули, принадлежавшие байским семьям, встречались также в пригородных селениях Самарканда и в Бухарской области. Но в отличие от Хорезма здесь они были расположены вдоль улиц, среди сравнительно плотной застройки и огороженных глинобитными заборами садов.

От старых кишлаков зоны орошаемого земледелия своим обликом резко отличались селения маловодных богарных районов, населенных потомками полукочевых в прошлом узбеков, в частности этногруппой тюрк. Кишлаки этого типа были также у таджиков и киргизов. Примером может быть сел. Булок, расположенное в низкой подгорной Аштской равнине, в районе выхода ключей, на большой дороге в Канибадам, Коканд, Камыш-курган и Шайдан. У дороги располагались около десятка торговых лавок, два караван-сарая, чайхана. Населения в Булоке было мало: в 1907 г. отмечено всего 99 человек. По преданию, это селение было основано «четыре поколения тому назад», т. е. во второй половине XIX в., осевшими здесь кочевыми узбеками унгут. Потомки первых переселенцев сохраняли связи с земляками, расселившимися в Ташкентской области и Ферганской долине. Исконным занятием жителей этого кишлака являлось скотоводство: разводили овец, коз, верблюдов. Женщины ткали полосатые паласы, бумажную материю, валяли кошмы. Постепенно скотоводство стали сочетать с земледелием, начали выращивать зерно и бахчевые. Садов в кишлаке не было⁸³. Такой же характер имели многие селения Булунгурского района Самаркандской области, где жили полукочевые в прошлом узбеки.

Селения горного Таджикистана (Дарваза, верховья Зеравшана, Памира) в зависимости от рельефа и климатических условий можно разделить на приречные (тагоб), с более теплым климатом, с фруктовыми деревьями, и высокогорные (сархад), с холодным климатом, где не было садов и плодовых деревьев, а иногда и деревьев вообще. К таким поселениям относились высокогорные летовки (элга, девлох), куда на летние пастбища выходила часть населения, в основном женщины и дети. На летнем поселении строили жилища, рассчитанные на теплую погоду, в них держали и необходимый домашний инвентарь. Мужчины оставались летом в зимних селениях, около полей, иногда навещая свои семьи на летовках и выполняя там работы, которые не под силу женщинам. На летовках расселялись, как и в кишлаках, в соответствии с семейно-род-

Рис. 9. Селение в горном Таджикистане

Рис. 10. Жилища в туркменском селении Койне-Кесир

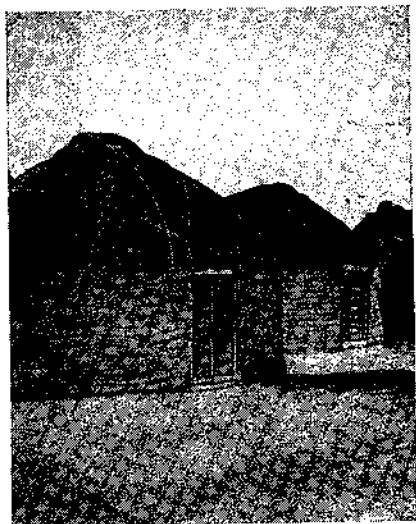

Рис. 11. Туркменское селение

ственными связями. Такая жизнь «на два дома» сложилась в порядке приспособления к суровым условиям высокогорья, с его ограниченными возможностями ведения сельскохозяйственного хозяйства⁸⁴.

Планировка горных таджикских селений была различной. Одни селения имели свободную планировку, состояли из отдельных усадеб с дворами и огородами, а иногда и садами. Свободная планировка селений была распространена на широких орошаемых склонах, на ровных площадках или террасах, в межгорных долинах, в нижней части горной реки. В селениях, расположенных на крутых склонах, жилища располагались скученно, ступенями, причем нередко плоские кровли лежащих ниже домов или хозяйственных помещений служили двором или ули-

цей для вышележащих. При скученной крупногнездовой планировке скопление домов, не имевших сколько-нибудь значительных приусадебных участков (а часто даже и дворов), образовывало единый жилой комплекс, который внутри делился на жилища отдельных семей.

Но горные кишлаки обычно были небольшими, нередко состояли всего из нескольких домов. Более крупные селения делились на кварталы, границы которых в мелкогнездовых скученных селениях были четкими, так как между кварталами располагались поля. Иногда границы кварталов проходили не между группами домов, а по задним соприкасавшимся стенам домов и участков.

У горных таджиков и припамирских народностей, живших в сходных природных условиях, вследствие общности их происхождения и хозяйственного и культурно-бытового уклада, сложился и общий тип расселения семейно-родственными группами — патронимиями: в селении жила одна или несколько патронимий, причем в последнем случае квартал занимала одна определенная патронимия, состоящая из малых и больших патриархальных семей. Если жители селения происходили из разных мест, землячествами. Прослеживались и следы расселения по сословному и социальному принципу: ишанские семьи или семьи ходжей и сейидов селились компактной группой, образуя нередко отдельный квартал⁸⁵.

Характер поселений кочевых и полуоседлых групп киргизов, узбеков (курама, кипчаки и др.), туркмен, каракалпаков отражал сочетание в их хозяйстве скотоводства и земледелия и порождаемого ими оседлого или кочевого образа жизни. Полуоседлое население, в хозяйстве которого земледелие сочеталось со скотоводством, было расселено главным образом в горных ущельях и на предгорных равнинах, на окраинах культур-

ных оазисов и в зонах богарного земледелия, где образовались как временные (летние), так и постоянные (зимние) поселения. В период выпаса скота на горных или степных пастбищах на кочевье ставились от 3—4 до 10—15 переносных жилищ (юрта), и такое поселение (аул) являлось главной формой временного летнего обитания кочевников. Стоянка (кошджай) на высокогорных пастбищах имела несколько иной характер. Она состояла из группы юрт, в которых пастухи отдыхали, готовили пищу и хранили личные вещи. Их семьи жили отдельно, около бахчей и пашен, в юртах; эти поселения тоже были временными: юрты по мере надобности переносились или перевозились на новые места.

Постоянные зимние поселения полуоседлого населения располагались в долинах горных речек, при выходе их на предгорную равнину, и на самой равнине. Они нередко тоже состояли из войлочных юрт, но рядом с ними строили стационарные хозяйственные помещения для скота. У других групп полуоседлого населения имелись постоянные, огороженные стенами усадьбы (курганча), там стояли жилые и хозяйственные постройки; однако рядом с домом имелась и юрта, она оставалась основным постоянным жильем, используемым и летом и зимой. Летом юрту перевозили на пастбища, куда перекочевывала вся семья⁸⁶. С появлением постоянного жилища на летние пастбища стали уходить лишь отдельные, преимущественно состоятельные семьи, имевшие значительное количество скота. С переходом на оседлость основой хозяйства стало земледелие. В некоторых подобных селениях дома (усадьбы) размещались довольно компактно, в других жилища стояли отдельными группами (аул), несколько аулов объединялись в кишлак. В каждом ауле жила одна семейно-родственная группа.

На территории Южной Туркмении, где не было городов, кроме Мерва, сложились укрепленные селения (Таза-Пенде, Калаи-Вали, Полатань, Хосров-кала, Каахка), которые служили защитой не только для их жителей, но и опорными пунктами для окрестного кочевого и полукочевого туркменского населения, занимавшегося земледелием наряду с традиционным скотоводством⁸⁷. Внутри окруженного стеной пространства ставили несколько юрт, строили навесы и загоны для скота, иногда землянки для жилья или хозяйственных нужд. В таком селении жила одна родовая группа. На юго-восточном побережье и на островах Каспийского моря уже во второй половине XIX в. сформировались постоянные туркменские селения скученного или разбросанного типа — Гасанкули, Чикишляр, Кизил-су и др. В каждом из них жили в основном туркмены одного какого-либо подразделения: йомуты, огурджали и др. В Мургабской долине, где основным занятием туркмен теке и сарыков было земледелие, вследствие исторически сложившейся санашиковой формы землепользования, со свойственными ей перелогам и чересполосицей, сформировались относительно крупные аулы (оба), состоявшие из расположенных группами юрт, между которыми размещались сооружения из сырцового кирпича или глины, с балочными или сводчато-купольными перекрытиями. Жилые и хозяйственные постройки и юрты располагались беспорядочно вдоль дорог и арыков или между арыками, обычно размещаясь на более высоких местах.

Туркменам, населявшим район Дарьялыка, было свойственно разбросанное расселение отдельными усадьбами или группами усадеб (оба), расположенными вдоль канала на расстоянии 50—500 м друг от друга. Рядом с усадьбой находился земельный надел семьи. Обычно усадьба была окружена толстой пахсовой стеной, внутри которой ставили юрты, строили постоянные помещения для скота (обычно конюшни), иногда и жилые помещения⁸⁸.

Как особый тип поселения туркмен выделялись немногие торговые селения, где жил правитель района, имелись стационарные жилые дома, мечеть, караван-сарай, мастерские ремесленников. Остатки такого поселения, к 1824 г. уже заброшенного, имелись у городища Кызылчакала⁸⁹.

Процесс образования оседлых киргизских поселений (Кара-Булак, Баткен, Бем-Булак, Мадн, Монок) в приферганских районах начался в первой половине XIX в. и был обусловлен усилением контактов с экономически развитой Ферганой, с ее оседлым узбекским и таджикским населением⁹⁰. В результате проникновения товарно-денежных отношений в экономику Киргизии после вхождения Северной Киргизии в состав России, а также под влиянием появившихся здесь русских поселков, основанных крестьянами-переселенцами, оседание киргизов усилилось. Углублялась социальная дифференциация киргизского общества. Мелкие скотоводы разорялись, переходили к оседлости, богачи продолжали кочевать со своими стадами. Переселенческая политика царизма также была направлена на оседание кочевников, налог на кочевое население все увеличивался. Число оседлых киргизских поселений росло⁹¹. Появились смешанные поселения, в которых жили русские переселенцы и осевшие киргизы.

Однако основная масса киргизского населения в XIX — начале XX в. продолжала жить в условиях кочевого быта. Система кочеваний следовала вертикальной зональности: летом уходили в горы, зимой спускались в предгорья, нередко в пески и жили там более трех месяцев (декабрь — февраль), время от времени перекочевывая на новое место. Аул устраивали обычно в укрытых, безветренных местах, задерживаясь на месте в зависимости от состояния погоды и наличия подножного корма для скота. Юрты ставили, группируясь по родственным семьям, а если кочевье было большое и в нем соединялись члены нескольких семейных общин, то каждая устанавливала свои юрты вместе и селилась обособленно. Аулы скотоводов были маленькие, иногда всего из нескольких хозяйств. Юрты ставили в одну линию, а иногда по кругу. Когда юрт было много, их ставили в несколько рядов, на небольшом расстоянии друг от друга. В середине, как правило, ставил свою юрту глава семьи или старшина кочевой группы, рядом с ним — его сыновья, братья и другие близкие родственники. Старшие сыновья и братья, ведущие самостоятельное хозяйство, ставили свои юрты отдельно от отца, иногда на краю аула. Младший сын жил вместе с отцом в одной юрте или ставил около нее свою.

Кочевые народы на основе многовекового опыта ведения кочевого скотоводческого хозяйства выработали рациональный порядок чередования сезонных поселений по местам выпаса. Вся территория выпасов

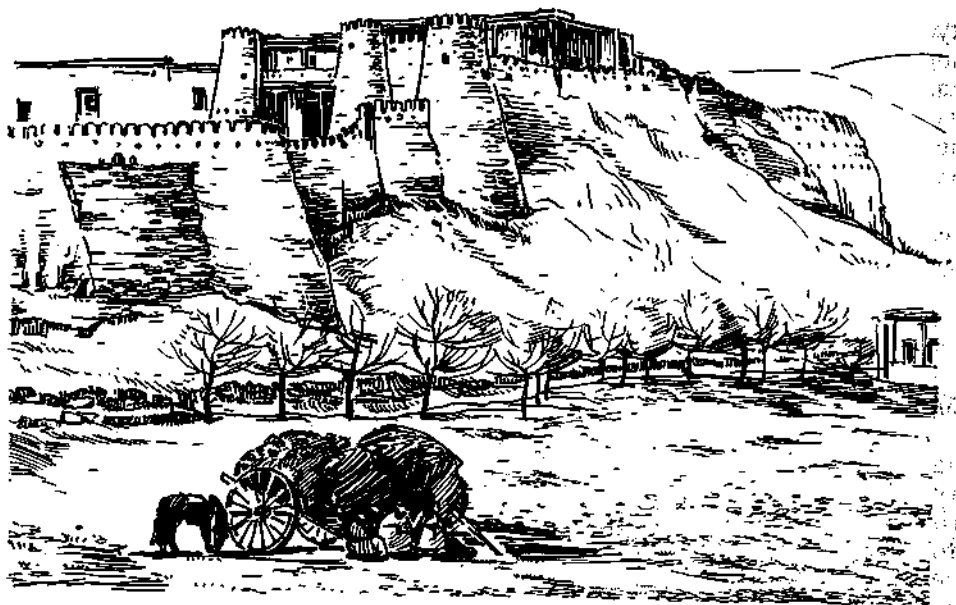

Рис. 12. Цитадель (урда) г. Ходжента конца XIX в.

данной группы делилась на четыре сезонных пастбища, и все семьи аула последовательно перекочевывали с одного на другое вслед за скотом. Под зимние поселения и пастбища выбирали места, защищенные от холодных ветров и снежных заносов горами, камышовыми или древесными зарослями, песчаными барханами. Летние пастбища и поселения находились обычно в ковильных степях, по долинам рек и озер, а также на высокогорных лугах.

На летовках (яйлаг) скотоводы проводили по 6—7 месяцев в году; с мая по ноябрь это было их основное местожительство. Яйлаги располагались у главных водных источников — около родников, кяризов и колодцев, поэтому там собиралось значительное число скотоводческих хозяйств из разных племенных подразделений, образовывались большие временные аулы — до 200 юрт. Когда травы для скота и воды в источниках становилось недостаточно, часть населения откочевывала. Маленькие кочевые поселения назывались по имени старшины, большие получали наименование по названию местности, колодца, кяриза и т. п.⁹²

Кочевые и полукочевые туркмены жили во временных аулах, у мест выпаса скота и водопоя. Кочевья туркмен Прибалхашья располагались у водных источников — в предгорьях Больших и Малых Балхан и Кюрендага, у границы песков Чильмамедкум и Каракум, по Узбою и на такырах в районах колодцев. Так как скотоводство у них сочеталось с земледелием, часть членов семьи на весенне-летние месяцы переселялась к полям, где оставалась до уборки урожая. На кочевьях каждая семья ставила юрту или возводила шалаш (там-келбе) поблизости от жилищ сородичей. Величина аулов была непостоянной: участки под зерновые

культуры (ак ер) ежегодно перемещались, старые земли забрасывались; переносились на новое место и поселения⁹³. Аулы текинцев Тедженского оазиса, отчасти салыров Серакса, были временными и состояли только из юрт. При ежегодных перераспределениях санашиковых земель аулы перемещались, не выходя, однако, за пределы территории, орошаемой их арыком.

Новым типом сельских поселений в Средней Азии стали русские поселки, основанные переселенцами. К 1916 г. в Ташкентском уезде, например, было уже 33 поселка, в Ферганской области — 54, в том числе в Андижанском уезде — 51, в Самаркандской области — 20, из них в Ходжентском уезде — 18⁹⁴. В планировке поселков сказывались традиции, сложившиеся на прежней родине — в России. Русские поселки (земледельческие, пристанционные, при горных разработках) составляли особый тип; как и русские части городов, они здесь не рассматриваются.

Таким образом, нами выделено 9 типов сельских поселений, отличающихся и своим значением в жизни народа, и числом жителей, и структурой: 1) пригородные селения (среди них загородные кварталы); 2) торговые селения, в том числе расположенные по большим торговым путям; торговые пункты на незаселенном месте; 3) ремесленные селения; 4) селения зоны орошаемого земледелия: а — компактные кишлаки со сложной структурой; б — кишлаки из разбросанных групп жилищ (селения-мечети); 5) кишлаки богарной зоны; 6) селения горных таджиков; 7) селения полукочевого населения: а — «оба» туркмен; б — туркменские укрепленные селения; 8) поселения и кочевья кочевников; 9) сезонные поселения⁹⁵.

¹ Литвинский Б. А. Древний среднеазиатский город. — В кн.: Древний Восток. Города и торговля. Вып. 1. Ереван, 1973, с. 99—125; Пяньков И. В. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов. — Там же, с. 126—134; Мухаммед Наршахи. История Бухары. Ташкент, 1897; Бартольд В. В. Бухара. — В кн.: Бартольд В. В. Соч. Т. 3. М., 1965.

² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — В кн.: Бартольд В. В. Соч. Т. 1. М., 1963, с. 188, 189, 212—226; Беленицкий А. М., Бенатович Н. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 3—14, 163—210.

³ О смуте XVIII в. в Бухаре и ее оазисе см.: Абдурахман-и Тали. История Абулфеизхана. Ташкент, 1959; об упадке Самарканда, Хивы, Термеза и Шахрисабза см.: Бартольд В. В. История Туркестана. — Соч. Т. 2, ч. 1. М., 1963, с. 164—165; Он же. История культурной жизни Туркестана. — Там же, с. 271; Он же. К истории орошения Туркестана. — Там же, т. 3, с. 159; Он же. Термез. — Там же, с. 507; Материалы по истории туркмен и туркмени. Т. 2. Труды Ин-та востоковедения, 1938, т. 8, с. 336—337; Сухарева О. А. Очерки по истории среднеазиатских городов. — В кн.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976, с. 132—140.

⁴ Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII вв. — В кн.: Казахстан в XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969, с. 13—24.

⁵ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — Живая старина, 1896, № 3—4, с. 386—387.

⁶ Росляков А. А. Краткий очерк истории Туркменистана. Ашхабад, 1956, с. 108—115. Там же, с. 119.

⁷ Гурсунов Н. О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX в. Душанбе, 1976, с. 235.

⁸ Бартольд В. В. История культурной жизни..., с. 272; Он же. К истории орошения..., с. 160.

⁹ Бартольд В. В. История Туркестана, с. 165; Он же. К истории орошения..., с. 215.

¹⁰ Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, с. 24; Вали-

- дов З. Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия.—Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, Ташкент, 1915, год 20-й, вып. 2, с. 112—114.
- ¹² Кушакевич А. А. Очерки Ходжентского уезда.—Туркестанские ведомости, 1872, № 11.
- ¹³ Бартольд В. В. К истории орошения..., с. 179.
- ¹⁴ Материалы по истории туркмен и Туркменин, т. 2, с. 166.
- ¹⁵ Бартольд В. В. История Туркестана, с. 165—166; История Узбекской ССР. Т. 1. Ташкент, 1967, с. 615.
- ¹⁶ Соколов Ю. А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965, с. 32—101.
- ¹⁷ Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии.—ЗРГО, 1849, кн. 3, с. 192; Турсунов Н. О. Сложение..., с. 196—197.
- ¹⁸ Бартольд В. В. Сочинения. Т. 3, с. 183; Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969, с. 156.
- ¹⁹ Масальский В. И. Туркестанский край. СПб., 1913, с. 644.
- ²⁰ Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960, с. 30.
- ²¹ Каррыев А., Росляков А. Краткий очерк истории Туркменистана. Ашхабад, 1956, с. 57—58.
- ²² Масальский В. И. Туркестанский край, с. 594, 597—598.
- ²³ Турсунов Н. О. Сложение..., с. 22.
- ²⁴ Там же, с. 23.
- ²⁵ Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, с. 89—105; Сухарева О. А. Бухара XIX — начала XX в. М., 1966, с. 36; Массон М. Е. Прошлое Ташкента.—Изв. АН УзССР, 1954, № 2, с. 114; Акрамов В. А. Социально-экономическая и культурная жизнь города Коканда (вторая половина XIX — начало XX в.). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1973; Турсунов Н. О. Сложение..., с. 61, 131, 236.
- ²⁶ Масальский В. И. Туркестанский край, с. 700; Азадаев Ф. Ташкент во второй половине XIX в. Ташкент, 1959, с. 20; Негматов Н. Н. Из истории позднесредневекового Ходжента.—В кн.: Материалы второго совещания археологов и этнографов. М.; Л., 1959, с. 77; Турсунов Н. О. Сложение..., с. 60; История Самарканда. Т. 1. Ташкент, 1969, с. 302; Сухарева О. А. Бухара XIX — начала XX в., с. 30; История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968, с. 123.
- ²⁷ Сухарева О. А. Оборонительные стены Самарканда.—В кн.: Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979, с. 94.
- ²⁸ Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976, с. 40.
- ²⁹ Масальский В. И. Туркестанский край, с. 586—780; Ремпель Л. И. Из истории градостроительства на Востоке.—В кн.: Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962, с. 211—212; Касымов Н. Прогрессивное значение образования русских частей в городах Ходженте и Ура-Тюбе.—В кн.: Материалы по истории городов Таджикистана. Душанбе, 1975.
- ³⁰ Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976, с. 64—65; Она же. Очерки по истории среднеазиатских городов.—В кн.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976, с. 145—146.
- ³¹ Сухарева О. А. Квартальная община..., с. 13—41.
- ³² Шишкин В. А. О названиях ташкентских махалля.—Бюлл. Ташкентского новгородского исполкома, 1925, № 4—5; Малицкий Н. Г. Ташкентские махалля и мауза.—В кн.: В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927; Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства, с. 67—74; Она же. Очерки по истории среднеазиатских городов.—В кн.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976; Мухтаров А. М. Гузары города Ура-Тюбе.—В кн.: Материалы по истории городов Таджикистана. Душанбе, 1975; Колпаков А. П. Некоторые сведения о кварталах дореволюционного Куляба.—Изв. отд. общ. наук АН ТаджССР, Душанбе, 1954, вып. 5; Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л., 1959, с. 186; Турсунов Н. О. Сложение и пути развития..., с. 69—238.
- ³³ Мухаммед Наршахи. История Бухары, с. 30.
- ³⁴ Ханыков Н. Описание Бухарского ханства, с. 168; Небольсин П. И. Очерки торговли России со Средней Азией.—ЗРГО, 1855, т. X; Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв. Ташкент, 1964.
- ³⁵ Петрушевский И. П. Городская знать в государстве хулагуидов.—Сов. востоковедение, 1948, № 5, с. 87.

- 36 Сухарева О. А. Бухара XIX — начала XX в., с. 233—263.
- 37 Масальский В. И. Туркестанский край, с. 614.
- 38 Саидкулов Т. С. Самарканд во второй половине XIX — начале XX в. Самарканд, 1970, с. 26—32, 148—155.
- 39 Турсунов Н. О. Сложение и пути развития..., с. 100—106, 148.
- 40 Джаманхараев А. Б. Развитие торговли в Киргизии в конце XIX — начале XX в. Фрунзе, 1965, с. 102—106.
- 41 Погорельский И. В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX — начала XX в. Л., 1968, с. 26.
- 42 Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства...
- 43 Масальский В. И. Туркестанский край, с. 729.
- 44 Искандаров Б. И. О некоторых изменениях в экономической жизни Восточной Бухары в конце XIX — начале XX в. ...
- 45 Суворов В. А. Историко-экономический очерк развития Туркестана (По материалам железнодорожного строительства в 1880—1917 гг.). Ташкент, 1962; Ахмеджанова З. К. К истории строительства железных дорог в Средней Азии (1880—1917 гг.). Ташкент, 1965.
- 46 Масальский В. И. Туркестанский край, с. 594.
- 47 Маев Н. А. Азиатский Ташкент.— В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 4. СПб., 1876; Добросмыслов А. Д. Ташкент в прошлом и в настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912; Масальский В. И. Туркестанский край, с. 616, 700, 705; Сухарева О. А. Бухара XIX — начала XX в., с. 44; Турсунов Н. О. Сложение и пути развития..., с. 63, 64, 138.
- 48 Андреев М. С., Чехович О. Д. Арк Бухары. Душанбе, 1972.
- 49 Сухарева О. А. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960.
- 50 Масальский В. И. Туркестанский край, с. 616, 666, 700, 704, 705, 709, 712; Сухарева О. А. Бухара XIX — начала XX в., с. 66—84; Турсунов Н. О. Сложение и пути развития..., с. 75, 136.
- 51 Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане. М., 1960 (главы I, IV).
- 52 Таблица составлена по следующим материалам: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 82. Закаспийская область. СПб., 1904, с. 1; т. 83. Самаркандская область. СПб., 1905, с. 1; т. 85. Семиреченская область, с. 1; т. 86. Сыр-Дарьинская область, с. 1; т. 89. Ферганская область, с. 1; Масальский В. И. Туркестанский край, с. 594—776. По Бухаре использованы подсчеты: Сухарева О. А. Бухара XIX — начала XX в., с. 93—94.
- 53 Бартольд В. В. Маргелан.— Соч., т. 3, с. 481.
- 54 Андреев М. С. По этнографии таджиков.— В кн.: Таджикистан. Ташкент, 1925, с. 155.
- 55 Турсунов Н. О. Сложение и пути развития..., с. 259.
- 56 Таблица составлена Н. О. Турсуновым по статистическим материалам из разных изданий.
- 57 Сухарева О. А. Бухара XIX — начала XX в., с. 236—241; Турсунов Н. О. Сложение и пути развития..., с. 100—106.
- 58 Об аналогичной категории населения см.: История Москвы. Т. 4. М., 1954, с. 240.
- 59 О занятиях земледелием ташкентцев см.: Фазилова К. Ташкентский квартал литейщиков (махалла Дероз) в конце XIX — начале XX в.— В кн.: Научные работы и сообщения. Кн. 4. Ташкент, 1961, с. 242—243; Азадаев Ф. А. Ташкент во второй половине XIX в. Ташкент, 1959, с. 176; Рузиева М. О занятии земледелием жителей г. Ташкента (конец XIX — начало XX в.).— В кн.: Из истории народов Узбекистана. Ташкент, 1965.
- 60 Масальский В. И. Туркестанский край, с. 586—780; Заорская В. В., Александер К. А. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915; Деева Е. А. Промышленность Узбекистана в начале XX в.— В кн.: Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 94 и сл.; Искандаров Б. И. Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана. Душанбе, 1976.
- 61 Турсунов Н. О. Динамика городов и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII — начале XX в.— В кн.: Бартольдовские чтения. М., 1978.
- 62 Вяткин В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вайляета.— Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд, 1902, вып. 7, с. 15 и сл.; Кармышева Б. Х. Население.— В кн.: Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969, с. 17—39.

- ⁶³ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана, с. 153.
- ⁶⁴ О переходе к оседлости узбекских кочевых и полукочевых групп начиная со второй половины XVIII в. в Бухарском ханстве см.: Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в. Т. 1. Ташкент, 1966, с. 190; в Ферганской долине — см.: Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974; в Таджикистане и Узбекистане — Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976; об оседании туркмен в Южной Туркменистане см.: История Туркменской ССР. Т. 1, кн. 1. Ашхабад, 1957, с. 438; Очерки из истории туркменского народа в Туркменистане в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, с. 285; в Хорезме — см.: Васильева Г. П. Преобразование быта..., с. 43; об оседании киргизов на юге Киргизии с 1800 по 1852 г. см.: Джамгерчинов Б. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963, с. 375.
- ⁶⁵ Бардашев Г. Заметки о дикокаменных киргизах. — В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края, СПб., 1874, вып. 3, с. 387; Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (XIX в. — до присоединения Киргизии к России). Фрунзе, 1961, с. 16; Зима А. Г. Киргизы накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959, с. 32.
- ⁶⁶ Винников Я. Р. Родо-племенной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение. — Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР, сер. этногр. Ашхабад, 1962, т. 6.
- ⁶⁷ Джикиев А. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961.
- ⁶⁸ Турсунов Н. О. Сложение и пути развития, с. 108—114.
- ⁶⁹ Там же, с. 204—207.
- ⁷⁰ Там же, с. 149—157.
- ⁷¹ Сухарева О. А. О ткацких ремеслах в Самарканде. — В кн.: История и этнография народов Средней Азии. Ташкент, 1981, с. 30.
- ⁷² См.: Сухарева О. А. Очерки по истории среднеазиатских городов, с. 137.
- ⁷³ Кун А. Л. Некоторые сведения о Ферганской долине. — Военный сборник, 1876, год 19-й, № 4.
- ⁷⁴ Андреев М. С. Поездка летом 1928 г. в Касанский район (север Ферганы). — Изв. Об-ва для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Ташкент, 1929, т. 1, с. 127.
- ⁷⁵ Масальский В. И. Туркестанский край, с. 639—645.
- ⁷⁶ Турсунов Н. О. Сложение и пути развития..., с. 228—229.
- ⁷⁷ Бартольд В. В. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских. — Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963, с. 441.
- ⁷⁸ Мошкова В. Г. Ковры народов Средней Азии. Ташкент, 1970, с. 86 и сл., 104 и сл.
- ⁷⁹ Турсунов Н. О. Сложение и пути развития..., с. 154—155.
- ⁸⁰ Люшкевич Ф. Д. Особенности этнической истории и этнографических черт культуры таджикского населения Бухарского оазиса. Автореф. канд. дисс. Л., 1976, с. 12.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962, с. 276; Васильева Г. П. Преобразование быта..., с. 153—154; Винников Я. Р. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969, с. 143.
- ⁸³ Турсунов Н. О. Сложение и пути развития..., с. 231—232.
- ⁸⁴ Таджики-Каратегина и Дарваза. Вып. 1. Душанбе, 1970, с. 67.
- ⁸⁵ Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло. — Труды Ин-та антропологии, этнографии и археологии АН ТаджССР, 1936, т. 10, этнограф. серия, № 2, с. 99—102.
- ⁸⁶ Шаниязов К. Ш. К этнической истории..., с. 216—222.
- ⁸⁷ История Туркменской ССР, т. 1, кн. 2, с. 27—28; ЦГА ТуркмССР, С/Б 95, л. 23; Лессар П. М. Западная Туркмения (земли сарыков и салоров). СПб., 1885, с. 45, 48, 49.
- ⁸⁸ Винников Я. Р. Хозяйство, культура и быт..., с. 143.
- ⁸⁹ Вайнберг Б. И. К истории туркменских поселений. — СЭ, 1959, № 5.
- ⁹⁰ Пяских В. М. Очерки патриархально-феодалных отношений в Южной Киргизии (50—70-е годы XIX в.). Фрунзе, 1968, с. 26.
- ⁹¹ Сапелкин А. А. Аграрные отношения в Киргизии в начале XX в. Фрунзе, 1977, с. 29.
- ⁹² Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. М., 1963, с. 353 и сл.
- ⁹³ Оразов А. Поселения и жилища прибалханских туркмен в конце XIX—начале XX в.

- Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР. Ашхабад, 1963, т. 7, с. 36—57.
- ⁸⁴ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, с. 319—335; Масальский В. И. Туркестанский край; Каннода Н. Н. Переселенческие поселки в Закаспийской области (конец XIX — начало XX в.). Ашхабад, 1973; Касымов Н. Прогрессивное значение образования русских поселков в Ходженском уезде. Душанбе, 1968.
- ⁸⁵ Авторами использованы некоторые рукописные материалы этнографов республик Средней Азии, хранящиеся в архиве Института этнографии АН СССР в Москве.

В. Л. Воронина

ЖИЛИЩЕ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КЛИМАТ

Важнейшая функция жилища — оберегать человека от пагубного воздействия окружающей среды. Народное жилище любого географического района, будь то за Полярным кругом или в тропиках, приспособлено к условиям природы и климата. Именно это свойство жилища жаркого пояса в последнее время привлекает внимание современных зодчих и у нас, и за рубежом. Такая заинтересованность, вполне оправданная потребностями строительной практики, по правде говоря, несколько запоздала. Необходимость научного подхода к строительной климатологии серьезно назрела к середине текущего столетия, а в 50—60-х годах были детально разработаны методы адаптации строительства к условиям пояса тропиков. При этом опыт прошлого не принимался во внимание, но теперь, глядясь в народную традицию, проектировщики открывают один за другим прототипы нынешних солнцезащитных устройств, хотя и далекие от технического совершенства. Изучая адаптацию народного жилища к условиям климата, особенно интересно сопоставить эмпирический подход прошлого с выводами современной теории. Любопытно наблюдать в то же время, как воздействие одинаковых климатических агентов и, очевидно, обмен опытом вызвали в разных странах известную общность солнцезащитных форм и приемов.

Основы современной климатологии жаркого пояса вкратце сводятся к следующему¹. Принята классификация климатов, которые делятся на две основные категории: 1) Теплый влажный климат с большим количеством осадков (характерен для экваториального пояса). Температура обычно не превышает 32—33° С с суточными колебаниями 4—8° С. Главное зло составляет влажность воздуха. 2) Жаркий сухой климат с температурами до 43° С и выше, с резкими суточными перепадами температур. В зимние месяцы влажность возрастает, но всегда ниже, чем в первом случае.

Практические рекомендации для первой и второй зоны во многом прямо противоположны. Конструкции в теплом влажном климате долж-

ны быть легкими (тонкие стены и потолки из пористых материалов, деревянных или иного типа щитов), они, образно говоря, «лишены памяти» и легко принимают температуру внутреннего воздуха. Для жаркого сухого климата выгоднее тяжелые конструкции (из камня, обожженного кирпича, глины), они обладают «термической инерцией», т. е. медленно нагреваются и охлаждаются. Это свойство используется путем изоляции помещения днем от внешнего воздуха и сохранения ночной прохлады. Таким образом, проветривание помещений в сухом климате совершается только в ночные часы, тогда как во влажном климате оно круглосуточное и является главным требованием при создании комфортных условий. Планировка зданий во влажном климате должна быть максимально открытой, обеспечивая проветривание; в сухом климате желательна надежная изоляция от внешней среды. В обоих случаях необходимо защищать проемы от блеска облачного неба (влажный климат) или слепящих солнечных лучей (сухой климат). Для защиты от солнца выработано множество вариантов затеняющих ребер, козырьков и решеток.

Республики Средней Азии расположены между $36^{\circ}70'$ и 45° северной широты. Климат здесь в основном сухой и резко континентальный, с довольно холодной, но кратковременной зимой и знойным летом. Здесь имеют место не только резкие суточные колебания температуры, но также значительный (до 30° и более) разрыв между температурами зимы и лета. Все же климатическая характеристика по своим основным показателям укладывается в рамки второй категории со всеми вытекающими отсюда требованиями к жилищу. И особенности жилища — его конструкция, планировка и внутреннее устройство — отвечают этим требованиям. Стационарный тип жилища сложился в большей или меньшей степени у всех народов Средней Азии, особенно у издревле оседлых таджиков и узбеков.

Для того чтобы сделать более наглядным анализ конструкций и других черт местного жилища, приведена таблица основных климатических параметров по главным городам Средней Азии, где народное жилище изучалось наиболее полно (см. табл. 1)².

Мощные пласты лёссовых отложений на равнинах Средней Азии обеспечивали строителей простейшим и весьма подходящим материалом. Стены из сырых производных лёсса — сырца, пахсы (уложенная слоями битая глина) и глиняных катышей гувая с деревянным каркасом, балочная крыша с земляным настилом дают превосходную теплоизоляцию. По своим качествам они представляют ярко выраженные «тяжелые» конструкции. При этом характер конструкций гибко следует климатическим особенностям отдельных районов.

Толщина кровли прямо связана с количеством осадков. В пунктах, где количество годовых осадков 400 мм и более (Ташкент и особенно Шахрисябз), толщина крыши достигает и даже превосходит 50 см (не считая балок). В Хиве, где ничтожное количество осадков, толщина кровли снижается до 15—18 см. Обилие осадков заставляет позаботиться об удалении их с крыши. В Шахрисябзе и Ташкенте для избежания размыва стен все четыре фасада постройки снабжались выступающими карнизами, вода отводилась лотками путем небольшого наклона в засыпке и смазке кровли. В других городах довольствовались карнизом на фасаде,

Таблица 1

Город	Широта	Высота над уровнем моря, м	Температура, °C			Осадки (год.), мм	Ветер			Сейсмичность, баллы
			I	VII	год.		I	VII	год.	
Маргилан	40°23'	578,3	-2,8	26,0	12,6	173	SE	N	SE	VIII
Коканд	40°32'	405,2	-2,2	26,8	13,4	103	E	SW	SW	VIII
Наманган	41°00'	449,7	-2,4	26,4	13,4	200	NE	NE	NE	VIII
Андижан	40°44'	496,5	-3,6	26,4	12,9	252	E	E	E	IX
Ташкент	41°20'	479,0	-1,6	26,5	13,0	386	NE	E	E	IX
Самарканд	39°41'	694,8	-0,1	25,9	13,4	325	SE	SE	SE	VII
Шахрисабз	39°07'	658,2	-0,8	28,1	14,7	518	NE	NE	NE	VII
Бухара	39°43'	222,4	-0,6	29,6	15,1	297	N	NE	N	VI
Хива (Н. Ургенч)	41°23'	96,9	-4,6	27,2	12,0	77	NE	N	NE	Не сейсм.
Ленинабад	40°14'	411,32	-1,0	28,9	14,6	146	—	—	—	VII
Ура-Тюбе	39°54'	1043,25	-2,5	25,4	11,1	336	—	—	—	VIII
Куляб	37°55'	586,5	-1,0	29,8	15,3	619	—	—	—	VII
Калан-Хумб	38°27'	1264	-4,4	26,2	12,6	500	—	—	—	VIII
Ванч	38°22'	1692	-9,5	24,0	9,5	222	—	—	—	VIII
Хорог	37°29'	2080	-7,0	22,7	8,9	201	—	—	—	VII

куда выходят проемы. Там, где можно не опасаться размыва, стены смыкаются с кровлей круглым ребром. В Хиве и вообще в Хорезме достаточно было обвести кровлю бортиком, предохраняющим стены от стока воды. Нередко даже при отсутствии карниза можно видеть торчащие наружу потолочные балки — просушивание торцов предохраняло балки от загнивания.

Не исключено приспособление к дождю самих фасадов. В хорезмских усадьбах «хаули» внешняя поверхность стен имела желобчатую фактуру, которую делали по сырой еще глине специальной лопаткой. Такая отделка стен имела скорее всего какую-то утилитарную цель. В свое время была выдвинута версия (впоследствии вызвавшая возражения³), что желобки предохраняют стену от растрескивания. Но можно предположить и другое — желобки «организуют» по поверхности стены дождевые воды. Следует учесть при этом слегка наклонный профиль стен и отсутствие штукатурки, что усугубляет воздействие даже малого количества осадков. Как установлено, рельефная фактура стен отнюдь не безразлична для дождезащиты и воздействует на долговечность бетонных панелей⁴.

Толщина стен не была связана с требованиями теплоизоляции (хотя существовала специальная пустотелая конструкция стен). Тяжесть толстой земляной кровли не могла не отразиться на конструкции стен. Но при этом играли главную роль соображения сейсмостойкости, о чем свидетельствует градация толщины стен в разных городах. Ферганская долина, особенно Наманган, является одним из угрожаемых в сейсмическом отношении районов. Здесь все четыре стены жилого помещения

имели двойной каркас толщиной в 60—70 см, а в Намангане — до 90 см. Изрезанные глубокими нишами стены фактически имели толщину однорядного каркаса, но обладали пространственной жесткостью, что давало преимущество при колебаниях почвы. В Ташкенте также все четыре стены помещения были двухрядного каркаса, но менее толстые (40—60 см). В других городах конструкция постепенно облегчается. В Шахрисябзе торцевая стена комнаты при входе чаще делалась из однорядного каркаса, в Самарканде бывали две такие стены. В комнатах бухарских домов обычно всегда одна торцевая стена с нишами для одеял состоит из двухрядного каркаса. В Хиве, где температура января ниже ферганской, но сейсмическая балльность низка, а количество осадков ничтожно, в жилище приняты исключительно стены однорядного каркаса.

Конструкции жилища юга Таджикистана отступают от нормы средней полосы: глинобитные без ниш стены покрыты двускатной соломенной кровлей. Наблюдаются при этом бесчердачный и чердачный типы покрытий. Первый — без потолка; во втором балочное с глиняной обмазкой покрытие дополняется свободно продуваемым двускатным навесом. Чердак используется для хранения топлива и фуража⁵. Ныне соломенная кровля заменяется волнистой асбофанерой.

Приведенный анализ убедительно показывает, что при разработке конструкций жилища всегда учитывались местные особенности климата.

Прямую связь с условиями климата имеет планировка жилища. Для стран с жарким сухим климатом характерен тип дома с внутренним двором.

Конфигурация феодального города, стесненного кольцом крепостных стен, способствовала формированию замкнутых владений: «зажатые» со всех сторон внутриквартальные участки нередко полностью изолированы от улицы. Но не только социальные условия диктовали замкнутый характер жилища: глухое ограждение препятствовало проникновению во двор уличной пыли и помогало создать сносный микроклимат. Двор играл и играет роль термического регулятора, удерживая до полудня охлажденный за ночь воздушный слой. Вечерняя поливка увлажняет и охлаждает двор — это простейший способ кондиционирования воздуха⁶. Температура воздуха во дворе на 4—5° ниже уличной. Через двор осуществляется связь между комнатами, растянутыми однорядной цепочкой по периметру участка.

В крупных городах Средней Азии жилой комплекс образует замкнутую систему с внутренним двором. Расположенные по периметру участка и смыкаясь торцевыми стенами в один ряд, комнаты открыты во двор и обращены глухой тыльной стороной на улицу (рис. 1). Общая структура плана определяется числом помещений дома и размерами владения. Помещения охватывают весь периметр участка или оставляют разрывы, заполненные глухой тыльной стеной строений соседа или дворовой оградой. Поскольку жилище расширялось вместе с ростом семьи (напоминая этим живой организм), пустоты постепенно заполнялись. Размеры владений порой снижаются до 100—80 кв. м. Во двор по возможности проводят проточную воду, его озеленяют, что способствует улучшению микроклимата. В таких городах, как Бухара и Хива, этому препятствуют скудность, отсутствие проточной воды, засоленность почвы. В Фер-

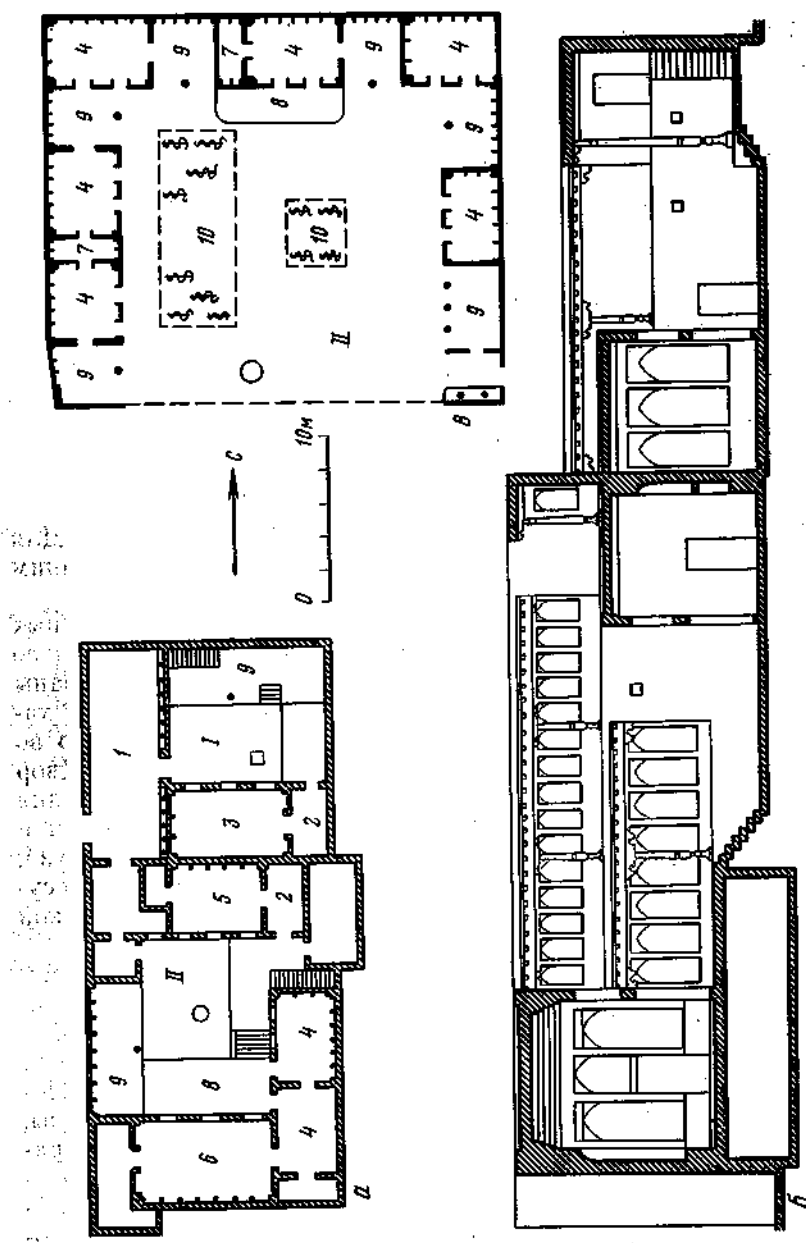

Рис. 1. Периметральная застройка двора

а, б — дом в Бухаре (план и разрез), в — дом в Кутабе (план). 1 — ташкари, 11 — ичкари; 1 — конюшня, 2 — передняя, 3 — мехмазхана, 4 — комнаты, 5 — зимняя комната, 6 — летняя комната, 7 — умывальная «мадон», 8 — открытая суфа, 9 — айван, 10 — виноградник

ганской долине образовались города, заключавшие внутри стен крупные садовые массивы. Владения были просторными, при домах были орошаемые участки с плодовыми деревьями, виноградником и цветочными грядками, где росли бальзамин, петушиные гребешки, мальва и непременно — душистые кустики райхона. В Маргилане, Коканде, Ходженте, Ура-Тюбе дом никогда не занимал весь периметр участка, строения поворачивали под прямым углом и выходили в сад.

Роль зеленых насаждений не только в том, что они затеняют постройки, растительность фильтрует воздух и умеряет солнечный блеск, а главное — благодаря фотосинтезу поглощает солнечную радиацию и выделяет влагу, снижая тем самым температуру. Но густокронных деревьев близ дома не сажали, так как они препятствуют вентиляции. Излюбленное насаждение — виноградник. Это растение, красивое и полезное, дает обильный урожай и образует тенистую перголу у фасада или над всем двором. Для того чтобы создать под зеленым навесом токи воздуха, иногда приподнимают ближний к дому край навеса, а для лучшего созревания ягод перголу запускают над крышей. В садах устраивали водоемы (хаузы) — резерв воды для питья, хозяйственных нужд и полива. Хауз обсаживали деревьями — карагачом (вяз), тополем, платаном. Кроны их затеняли водоем, препятствуя испарению, корни укрепляли берега. Под деревьями у воды поднимались площадки (суфа).

Жилище с внутренним двором получило распространение в городах Ближнего и Среднего Востока, на севере Африки и юге Пиренейского полуострова. В Тунисе, Алжире, Фесе маленькие дворики сверху покрывались решеткой от воров (летом на решетки набрасывали ветви). Изолирующее значение внутреннего двора особенно возрастает в странах, где часты суховеи и пыльные бури.

На юге Аравийского полуострова и по берегам Красного моря распространены другой тип жилища — башенный. Как предыдущий, он сложился под влиянием одновременно социальных причин и климатических условий. Это большесемейное жилище служило надежным убежищем во время племенных распрей. У отдельно стоящего здания важно преобладание строительного объема над занимаемой площадью, что сводит к минимуму перегрев от почти отвесных солнечных лучей. Выразительные образцы этого типа жилища имеются в Йемене, Хадрамауте, Джидде, Суакине, а также в сахарском Марокко¹. Во влажном климате побережья Красного моря свободно овеваемые ветром башенные дома обеспечивают хорошую вентиляцию.

В сухом жарком климате с большой амплитудой годовых температур возникает необходимость в дифференциации помещений дома на зимние и летние. На равнинах Средней Азии летние температуры поднимаются до 40 и даже 45°, зимой опускаются до -5°, но нередкость и -10, -15°^а. Перепад температур велик, составляя до 40° и более. При таких условиях было трудно приспособить помещения одинаково для зимы и лета. Поэтому в городских многокомнатных домах предусматривались отдельные зимние и летние комнаты. Наличие таких сезонных комнат является правилом для Бухары и Хивы. Каких-либо различий в конструкции подобных помещений нет, специфика заключается в размерах и ориентации. Летняя комната просторней и выше остальных (в Бухаре она

расположена на высокой террасе), выходит на север, тогда как зимние комнаты стоят на противоположной стороне двора и обращены к югу (Бухара) или находятся по сторонам летней комнаты (Хива).

Для лета оборудовались не только комнаты. Повсеместно в крае распространены крытые террасы «айваны». Обитатели глинобитных сельских усадеб «хаули» в Хорезме охотно проводят жаркое время в прохладных «далан», представляющих собой крытый проезд у ворот, где устраиваются суфы и антресоли⁹. Если при доме есть сад, необходимость в специальных летних комнатах отпадает, поскольку семья может проводить жаркие часы в тени деревьев и виноградника, здесь устраивали глинобитные суфы, ставили дощатые «суры» (узб.) или «кат» (тадж.). Такой помост на четырех ножках, обнесенный с трех сторон низким барьером, служит для сна и еды всей семье.

Сезонная дифференциация помещений обычна для городского жилища в странах жаркого пояса. Там, где жилища многоэтажны, сезонные помещения разграничены по вертикали: нижний этаж, хорошо укрытый от солнца и насыщенный почвенной влагой, больше подходит для лета. Это учитывается, например, в организации багдадского дома. В Турции, наоборот, каменный нижний этаж лучше защищает от зимнего холода, чем тонкие деревянные стены верхнего этажа. На юге Ирана летнее местопребывание жителей связано с ветровыми башнями. Такие башни ставят позади открытой к северу лоджии, они сообщаются с расположенным под лоджией подвалом. На протяжении пяти жарких месяцев в этой группе помещений протекает жизнь семьи¹⁰.

Наблюдается также разделение функций помещений по времени суток летних месяцев. Это особенно ярко выражено в жилище Багдада, где жители укрывались от зноя в полуподвальных помещениях (ним), съесту проводили в сводчатых подземных камерах (сардоба), а ночью спали на плоской крыше дома.

Крыша — лучшее место для сна в летнее время, и в бухарских домах она специально оборудовалась для этой цели навесами (айванчи). При наличии сада жители спят на глинобитных или дощатых площадках под деревьями. Любопытное приспособление изобретено в Ферганской долине — крытый дощатый помост поднимался на столбах. Такое устройство (балянд-суры) хорошо проветривалось и спасало от комаров.

Огромную роль в доме играет айван, который летом используется для работы, сна, отдыха. Он нередко заменяет переднюю у входа комнаты. Айваны отдельных районов Средней Азии отличались своеобразием, отражая местные условия и традицию. Поэтому существуют несколько разновидностей айванов, причем айваны второго этажа отличаются от наземных.

Основных типов наземных айванов два: углубленный между комнатами айван-лоджия и лицевой айван-галерея перед фасадом. Каждый из них может различаться пропорциями плана или числом колонн (рис. 2).

Айван первого типа, как правило, одностолпный, занимает ширину корпуса и носит характер лоджии, куда открываются двери одной или двух комнат. Соответственно получается ячейка из комнаты или двух комнат с айваном. Ширина лоджии обычно немного больше глубины, но бывает и наоборот. Айван-лоджия особенно характерен для Шахрисяб-

за (где глубина айвана обычно превышает ширину), распространен в Самарканде, Ташкенте (где принимает многообразные формы), встречается в Ленинабаде (в прошлом Ходжент). Иногда одностолпный айван ставился под углом к помещению. Айван-лоджия представляет собой идеальное летнее помещение: он хорошо затенен и укрывает от ветра (что особенно важно для районов с пыльными бурями), однако не защищает от солнца фасад комнат.

Основное назначение неглубокого лицевого айвана — затенять фасад жилых помещений, но он устранивается и вдоль глухих стен. Такой айван распространен повсеместно, но в разных районах сочетается с комнатами неодинаково и имеет разные формы.

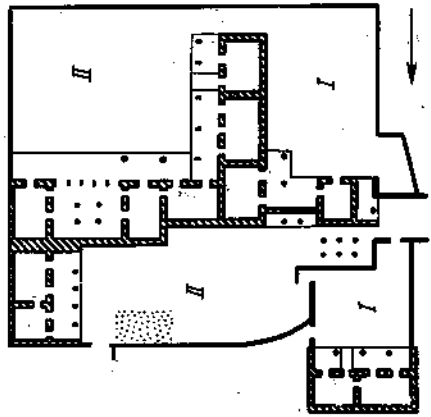
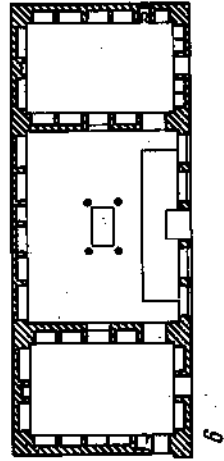
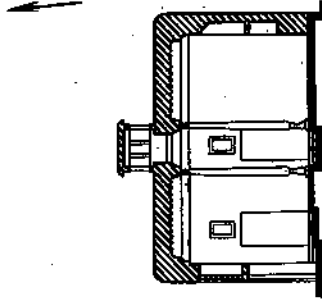
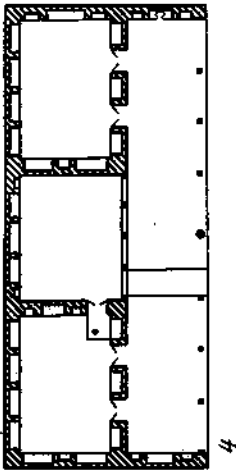
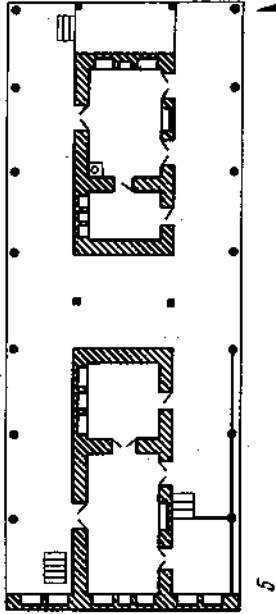
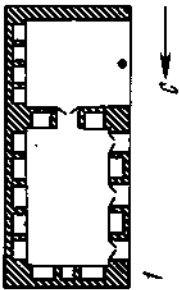
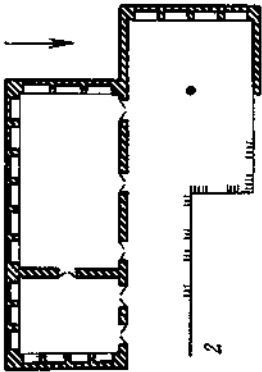
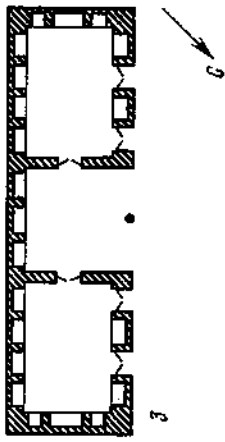
Первостепенная роль отведена простому айвану в композиции дома Ферганской долины, где многостолпный «пешь-айван» (передний айван) сочетается с айваном-лоджией. Таким путем образуется симметричная ячейка из двух комнат, разделенных лоджией и затененных общим портиком. Граница двух айванов отмечена двумя — тремя стойками. Но лоджия может быть в какой-то мере изолирована от внешнего пространства. По степени изоляции можно выделить три варианта: 1) пролеты между стойками остаются свободными, 2) стойки соединяются низкой филленчатой панелью, 3) пролеты заполнены подъемными ставнями «рвовон», а в одном из них навешены створки двери. «Закрытый» вариант позволяет по желанию трансформировать помещение — изолировать его или соединять с внешним пространством. В городских домах преобладает последний вариант, что превращает внутренний айван в переднюю «долун» или так называемый «кашгарча» (такое название принято в глубинных районах долины и в Ташкенте). В стене этого полуоткрытого помещения делается камин с дымоходом, на котором зимой готовят пищу.

Ферганский пешь-айван имеет чаще всего восточную ориентацию, что находит свое объяснение: в утренние часы лучи низкого солнца проникают в помещение и этого вполне достаточно для его дезинфекции, в другое время дня навес полностью затеняет комнаты и площадку перед ними. Если же айван затеняет южный фасад, он хорошо укрывает помещения при высоком летнем солнце, но не лишает их света и тепла при низком зимнем солнцестоянии. В домах, где состав помещений ограничен основной ячейкой, пешь-айван образует иногда по концам выступы-ризалиты — своего рода архитектурный изыск.

В домах Бухары часто ограничивались устройством по периметру двора мощеной кирпичом суфы. Возможно, это вызвано тем, что при отсутствии навеса тесное пространство двора скорее охлаждается после жаркого дня. Обращенная к северу летняя комната не нуждается в укрытии, а для зимних помещений солнце необходимо. Айван здесь устраивали иногда перед фасадом гостиной (мехманхана) или же в виде очень узкого портика вдоль глухих стен двора.

Айваны Хивы и Хорезма имеют совершенно своеобразные формы и свойства. На северной и южной сторонах маленького дворика, ориентированного по сторонам света, расположены два айвана — высокий и низкий, оба одностолпные. Зачем они здесь? Высокий улу-айван стоит у фасада летней комнаты, которая обращена к северу и не получает сол-

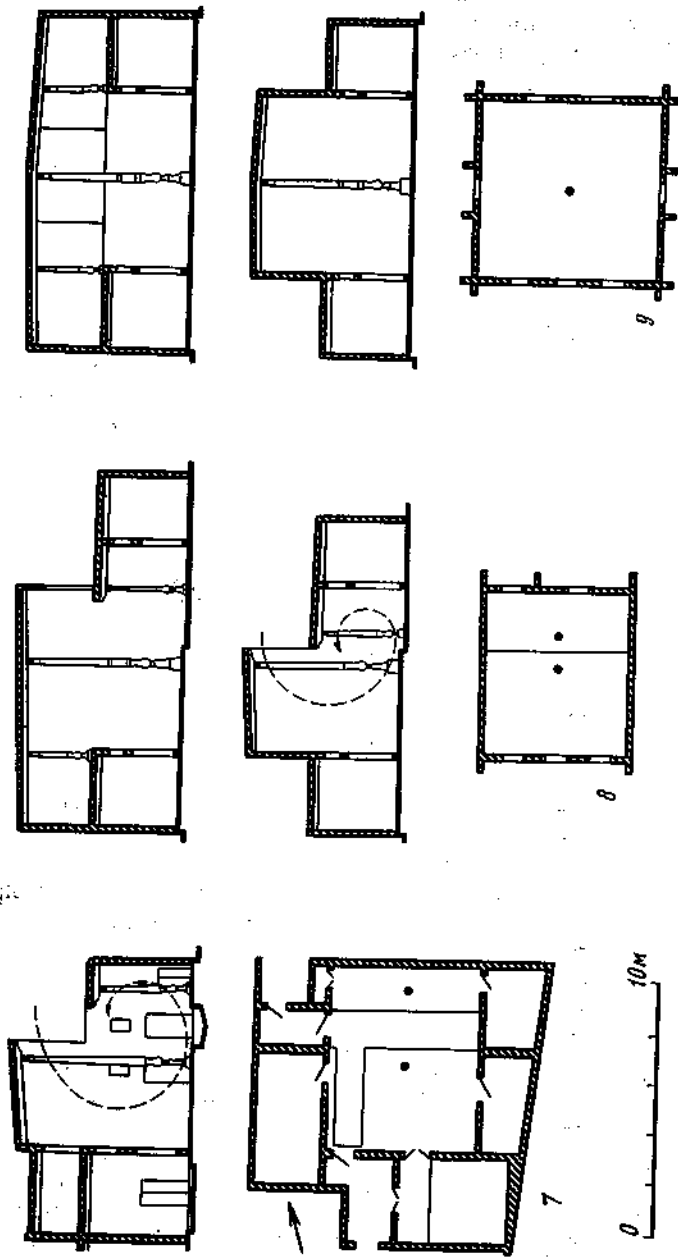

Рис. 2. Формы айванов

1 — айван-лоджия в торце комнаты (Шакрисабз); 2 — айван-лоджия под углом к комнате (Карши); 3 — айван-лоджия между комнатами (Яккабаг); 4 — сочетание айвана-лоджии и пень-айвана (Буадиль); 5 — айваны-порттики по обе стороны керпу-

са (Ургут); 6 — крытый дворик в Марглане, его положение в плане дома (дворы Мад-Яра и его сына; I — ташкари, II — чикари) и разрез; 7 — дом в Хиве с узлу и терс-айванами; 8, 9 — варианты крытого двора в Хорезме

нечных лучей: низкий терс-айван стоит нередко у глухой стены участка и при незначительных размерах владения попадает полностью в тень большого айвана. Больше того, айваны иногда сходятся вплотную, оставляя в силу разности высот лишь отвесную щель, куда не проникают прямые лучи солнца. Подобное устройство кажется на первый взгляд бессмысленным, однако функционально оправдано. Дело в том, что эта пара айванов действует как респиратор: большой айван улавливает и направляет во двор течение прохладного северного ветра, малый айван его завихряет, и при тесных размерах двора помещения получают хорошую вентиляцию. Иногда карниз улу-айвана наращивается козырьком (бадгир), который усиливает захват воздуха. Только в богатых домах Хивы, с просторным двором, основные формы айванов дополнялись другими (многостолпные галереи или даже своеобразные козырьки на одиночной угловой колонне).

Итак, айваны Хорезма весьма остроумно приспособлены для использования господствующих летних ветров северного румба. Насколько связаны с направлением ветров айваны остальных районов Средней Азии, используют они воздушные потоки или от них предохраняют? Создается впечатление, что ориентация айванов, как и дома в целом, в большинстве городов безразлична к направлению ветра (см. данные табл. и рис. 2). Так, например, айван-лоджия в Шахрисябзе и соседних пунктах ориентированы без всякой системы. Направление господствующих ветров июля в Маргилане и Коканде почти противоположное, тогда как планировка и ориентация дома в принципе одинаковы. При периметральной застройке ташкентских домов айваны были ориентированы по меньшей мере на три стороны. Объясняется все это, очевидно, тем, что айван на уровне первого этажа практически всегда закрыт от ветра периметральной застройкой, а на садовых участках роль заслона играет зелень.

Навесы второго этажа получают иные формы. Они — принадлежность плотно застроенных городов и в большинстве были связаны с мехманханой, которую для экономии площади устраивали наверху, перекрывая входной коридор, конюшни и другие хозяйственные помещения, или с кровлей спальни комнаты. С мехманханой соседствовал айван, обращенный к улице. В Бухаре, Самарканде, Ходженте фасад его прикрывали подъемными ставнями. Для некоторых городов (Шахрисябз, Ташкент) была характерна форма лоджии с двускатной кровлей (шипанг) В ее тыльной стене оставляли окно для сквозного проветривания, или тыльная стенка совсем отсутствовала и получался навес, ограниченный только с боков. В таком помещении можно было наслаждаться прохладой, развлекаясь одновременно видом улицы, не случайно шипанги ставили на перекрестках. Шипанги вносили разнообразие в монотонный уличный пейзаж.

В Шахрисябзе была разработана особая форма верхнего айвана для женской половины дома. Такой айван имел две части, граница которых обозначалась колонной. Внешняя часть сообщалась с улицей проемом, дворовый фасад отмечался рядом стоек, в дальнейшем служившим основой для устройства трансформирующейся стенки с подъемными ставнями. Такую лоджию в богатых домах покрывали дощатым плафоном, она немало украшала внутренний двор.

В домах Бухары спальную крышу обводили стеной, вдоль которой тянулся узкий навес (айванчи) на коротких колонках. Такие галереи не мешали аэрации пространства. В хивинских домах под кровлей улу-айвана нередко прячется одностолпный айванчик второго этажа, а затененная плоская крыша используется для сна и отдыха¹¹.

Дом в сел. Ургут построен уже в 1945 г. мастером Хайдаром. Закрытая структура жилища здесь отвергнута — похоже, что образцом послужили какие-то черты горного жилища (рис. 2, 5). Цокольный этаж отведен под хлев и конюшню, а комнаты парадно расположены наверху под сенью двух айванов, причем фасадные галереи соединяются сквозным проходом по оси корпуса (это отражено на фасаде повышением карниза). Здесь и айваны и комнаты получили сквозное проветривание. Южный фасад здания обращен в сад, северный выходит во двор. На айванах устроены «тахона» — платформы для отдыха или работы; каждой комнате соответствует одно такое возвышение по торцам здания. Окна и двери остеклены. В постройке сказалось обновление социальных основ быта; она характеризует начало нового типа — другая такая же видна с дороги на подъезде к Пенджикенту.

В Хорезме сложился уникальный тип крытого двора. К развитию крытого двора приводит сближение айванов обычного типа дома (см. рис. 2, 8). Логическим завершением этого процесса является центрическая композиция дома под общей кровлей, опирающейся на высокую колонну среди квадратного двора. Двор огибают одноэтажные комнаты и лоджии, малые одностолпные айваны второго яруса образуют дополнительные опоры кровли. Открытые проемы на антресолях, преимущественно в северной и южной стенах, обеспечивают проветривание не только сквозное, но и по вертикали, восходящими токами воздуха¹². В таком жилище полностью исключена прямая радиация и покрытия помещений не нагреваются солнцем. В то же время помещения надежно укрыты от ветра и холодов относительно суровой зимы.

Объединяющий помещения дома крытый двор в Средней Азии — исключительная принадлежность Хорезма, где тенденция укрытия от солнца распространяется и на другие типы зданий. В других районах можно указать на некоторые подобию крытых двориков, но они принципиально отличаются от хорезмских тем, что занимают только одно из помещений дома и не подменяют собой обычный открытый двор. Пример тому — один из домов Маргилана прошлого столетия, построенный неким Мад-Яром (рис. 2, 6). Владение Мад-Яра соседствует с участком его сына, оба владения делятся на внешний и внутренний двор (ташкари и ичкари). Одно из помещений ичкари Мад-Яра, называемое «кашгарча», освещается решетчатыми проемами, занимающими весь фронт помещения на уровне человеческого роста. В центре находится небольшой водоем с проточной водой, а над ним — фонарь, обеспечивающий вертикальную тягу воздуха. Внутрь кашгарча открывались двери и проемы двух комнат. В 30-х годах нашего столетия парадная кашгарча использовалась в качестве ткацкой мастерской хозяина, а в тыльной стене была пробита дверь в соседний двор.

Если сопоставить выполненные в одном масштабе на рис. 2 планы домов Кашкадарьинской области, Ферганской долины и Хорезма, бро-

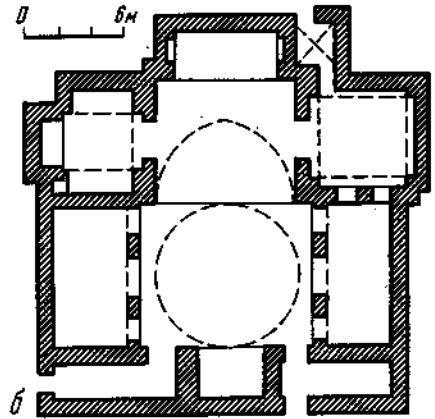
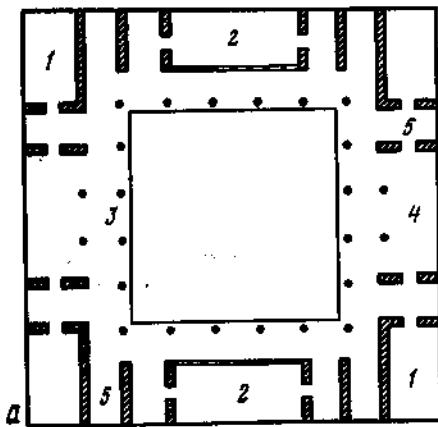

Рис. 3. Помещения дома на зарубежном Востоке

а — идеальный план дома в Багдаде: 1 — ода, 2 — урси, 3 — тарма, 4 — талар, 5 — иванчи с антресолю кебишканом; б — парадный зал ка'а в Халебе (план)

саются в глаза миниатюрные размеры и хрупкие конструкции последних. Но и те и другие по-своему приспособлены к природно-климатическим условиям страны.

На зарубежном Востоке и в Северной Африке использовались в общем сходные типы лоджий и портиков: лоджия «талар» с подъемными ставнями в Иране, одностолпная лоджия «иван» и портик «макад» в Каире (лоджии обращены к северу, откуда доносится дуновение средиземноморского бриза), двухъярусные колоннады вокруг двора — в городах Алжира, Туниса и Марокко. Разнообразны типы айванов в городских домах Ирака (рис. 3). Это галереи вдоль фасада (тарма) и узкие открытые переходы второго этажа (мемше), с которыми сочетаются лоджии (если они с колоннами, то называются «талар», без колонн — «ливан»). Подъемные ставни закрывают фасад парадных комнат (урси), которые отделены от других помещений посредством узких щелевидных «иванчи» с антресолями (кебишкан). Любопытно отметить почти точную аналогию группы урси и фланкирующих иванчи с помещениями дворца шекинских ханов в Азербайджане XVIII в., что свидетельствует о связи строительной традиции¹³.

Полной аналогии по форме крытым дворам Хорезма не находится и в архитектуре зарубежных стран, но функционально им близки дома с крытым двором в Марракеше. Существует форма крытого дворика среди парадных помещений жилища Сирии и Египта. Это так называемые «ка'а» Дамаска, Халеба, Каира. В Халебе ка'а представляет собой купольный зал с примыкающими по трем сторонам сводчатыми лоджиями, а с четвертой стороны — открытой во двор большой аркой (были примеры и закрытой композиции — см. рис. 3). В Каире изолированный от двора купольный или плоскостроительный с архитравными проемами ка'а устраивали как на мужской, так и на женской половине дома.

Перейдем к устройству жилых комнат, режиму их освещения и проветривания.

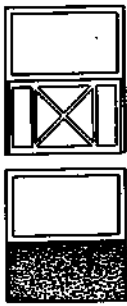
Поскольку при отсутствии мебели обитатели дома спали, ели и выполняли ряд хозяйственных работ на полу, дневное освещение комнаты приспособлено к такому образу жизни: световые проемы опущены до уровня пола¹⁴. Стекла не было, и проемы закрывали ставнями, закрепленными посредством шипов в гнездах порога и перемычки. Дощатые или филенчатые ставни (дарича) открываются наружу и тогда видна их внутренняя резная поверхность. Наружная сторона створок резьбой не украшалась. Двери, наоборот, открываются внутрь помещения, причем резьбой покрыта преимущественно их внешняя поверхность. Световые проемы обычно прикрыты невысокой (около 30 см) филенчатой или решетчатой панелью, а сверху дополняются решетчатой фрамугой. Таким образом, проемы разрезают стену практически от пола до потолка. На фасад комнаты обращены две — три дарича, тогда как дверь находится в торцевой стене и выходит в переднюю или на лоджию.

Летом ставни комнаты плотно закрыты в течение жаркого дня, вечером они широко распахнуты и объем комнаты сливается с внешним пространством. Именно такой режим рекомендован современной климатологией для сухого жаркого климата. Днем в комнате царит прохладный полумрак, столь желанный после зноя и слепящего солнечного света улицы. Роль решетчатых фрамуг двойка: они освещают помещение при закрытых ставнях и удаляют скопившийся под потолком нагретый воздух. На зиму деревянные или ганчевые фрамужные решетки заклеивают промасленной бумагой. Первая функция решеток, очевидно, превалирует, поскольку бумага чаще всего остается и летом. Размеры фрамуги зависят от того, каково расстояние между перемычкой проемов и потолком: в высоких комнатах фрамуги вытянуты вверх, в низких комнатах они горизонтальные, щелевидные или совсем отсутствуют.

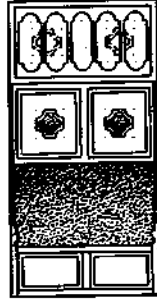
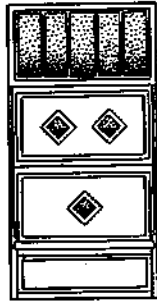
Окна комнат никогда не закрывались подъемными ставнями ровон (это слово означает «подвижные»), хотя перегородка со ставнями такого типа иногда разделяла комнату и переднюю. Ровон специально употреблялся для трансформации лоджии первого и второго этажей. Конструкция ровон проста и остроумна. Проем чаще всего делится по высоте на четыре части: нижняя и верхняя — глухие, средние — подвижные. Первая панель обычно ниже остальных, равных по размерам (это горизонтальные прямоугольники с отношением сторон примерно 2 : 3). Подвижные панели скользят по желобку между рейками, прибитыми на боковых гранях стоек, и могут быть закреплены на уровне фрамуги¹⁵. Такая конструкция ставен позволяет варьировать освещение в зависимости от времени дня, а помещение трансформируется соответственно времени года.

Ровон открывают почти неограниченные возможности вариаций, причем число последних возрастает в геометрической прогрессии с увеличением числа скользящих панелей и снабженных ими проемов лоджии, как наглядно показывает чертеж (рис. 4). Различаются три случая.

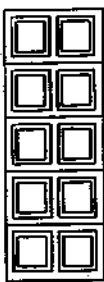
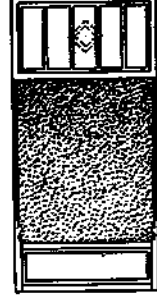
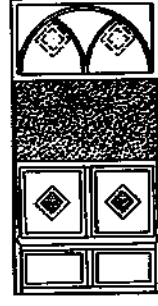
1. Конструкция с одной скользящей панелью и фрамугой изредка применялась в долуне по обе стороны двери (такие проемы начинаются в 80—90 см от пола). Возможны всего две позиции: с открытой или закрытой панелью.

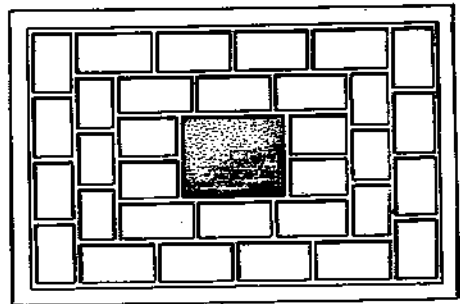
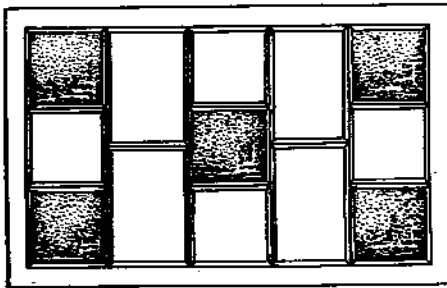
1

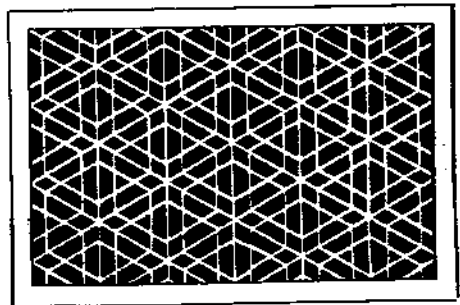
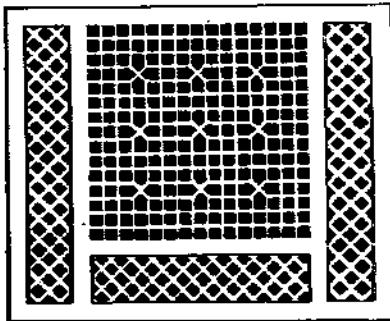
2

3

4

5

2. Обычная для лоджии первого этажа описанная конструкция с двумя скользящими панелями дает четыре комбинации: с закрытым, полуоткрытым (снизу или сверху) и полностью открытым проемом. Но между стойками лоджии заключены два или три проема, поэтому число комбинаций для помещения в целом возрастает соответственно до 16 или 64.

3. В лоджиях второго этажа бывают проемы с тремя скользящими панелями. В таком случае для каждого проема возможны 8 комбинаций, а для помещения в целом при двух проемах — 64 комбинации, при трех проемах — уже 512. Такое число вариантов практически неисчерпаемо!

Скользящие ставни являются поистине гениальным изобретением как с практической, так и с художественной стороны, они делают фасад нарядным и выразительным. Различаются филенчатые и решетчатые ровон. Филенки в простейшем случае заполняют всю панель или делят ее надвое. Но чаще панель собрана из мелких филенок с включением стекол, так что свет поступает в помещение и при закрытых ставнях. Решетки простейшего геометрического рисунка выполняются набором и врезкой без клея и гвоздей. Неподвижные части по типу одинаковы с подвижными или контрастируют с ними (решетка иного рисунка, решетчатый барьер при филенчатых панелях, остекленная фрамуга и т. п.). Приемы оформления ровон с возможной полнотой показаны на рис. 4, 4, 5.

Подвижная конструкция ставен получила самое широкое распространение в жилище зарубежного Востока — в Афганистане, Иране, Ираке, Египте, на западе Саудовской Аравии (Мекка, Джидда) и вдоль побережья Красного моря (Массауа, Суакин). Но этот тип нашел лишь умеренное применение в Сирии и не встречается в странах Северной Африки с мягким средиземноморским климатом.

Следует отметить важную роль решеток как в подвижном, так и в неподвижном их варианте. Решетка смягчает резкий солнечный свет, а также свет облачного неба, в то же время не мешает аэрации помещений. Поэтому ареал решеток в качестве заполнения проемов особенно широк. Решетчатый эркер «машрабия» — самое приятное и прохладное место в многоэтажных домах Египта и красноморского побережья. Решетки имеют еще то достоинство, что позволяют обитателям дома смотреть на улицу, оставаясь невидимыми извне. Решетки стали неизбежным элементом и в современной архитектуре тропиков.

Серьезную проблему строительства в жарких странах составляет проветривание. Однако сквозное проветривание жилых помещений в Средней Азии не считалось нужным: летом — по соображениям замкнутого дневного режима, а зимой — тем более, поскольку помещения не отапливались. Другое дело — айваны второго этажа, где необходимость сквозного проветривания выдвигалась на первый план. В Хорезме остро стоял вопрос аэрации тесных дворики, и он успешно решался посред-

Рис. 4. Подъемные ставни

1—3 — варианты при открывании проемов с одной, двумя и тремя скользящими панелями; 4 — панель в мелкую филенку со стеклянными вставками; 5 — решетчатые панели

ством соответствующей формы и расположения айванов. При элементарной схеме дворового плана и одноэтажных постройках вертикальное проветривание находило довольно ограниченное применение главным образом в крытых дворах. Вызванные Октябрьской революцией социальные сдвиги безусловно внесли свои коррективы и в сферу строительной деятельности, появился принципиально новый тип жилища со сквозным проветриванием комнат и айванов.

Сложнее положение с вентиляцией жилища на знойном юге Ирана, Бахрейна, многоэтажных домов Багдада и Каира, где наиболее эффективной оказалась система вертикального проветривания. В Кашане, Йезде, на островах Бахрейна, в Омане функционируют ветровые башни, которые нагнетают свежий воздух в помещения дома вплоть до подвальных этажей. В Багдаде над крышами возвышаются воздухозаборные трубы, обслуживающие все помещения дома, включая сардобу. Все эти устройства объединяются одним названием «бадгир» (букв. «ветроуловитель»). В Каире и на юге Пакистана с целью вентиляции прибегают к воздухозаборным козырькам. Ветроуловители всех типов действуют единственно под напором воздушных течений, побудительной вентиляции народная традиция не знала.

Из сказанного видно, что при строительстве жилища равнин все усилия были направлены на борьбу с перегревом; для защиты помещения от низких температур меры почти не принимались. Традиционный «сандали» (жаровня в полу) обогревает не помещение в целом, а сидящих вокруг него обитателей дома. В горных областях акцент меняется, на первый план выдвигается потребность в защите жилища от зимних холодов. Типы стационарного высокогорного жилища сложились в бассейнах Зеравшана и Варзоба, в долинах Западного Памира и Припамирья. Хотя эти типы различны, в каждом случае нетрудно заметить в плане и конструкциях жилища постепенный переход от умеренных высот к высокогорью.

Жилище долины Зеравшана состоит всего из одного помещения с условным делением на две половины — чистую и хозяйственную, где находится очаг под колпаком (мури). С возрастанием высоты прорезанные до пола окна сменяются маленьким оконцем со ставней или совсем исчезают. В верховьях Ягноба выделялось зимнее помещение (мур). Пол этого помещения представлял собой площадку, нагреваемую жаром углубленного в нее очага (инкир). Топка очага выходила прямо к двери, жерло закрывалось крышкой. Низкий потолок помещения не давал расклевываться теплому воздуху.

Климат Западного Памира с возрастанием высоты становится все более сухим и континентальным, так как горы отрезают доступ влажным западным ветрам и в долинах застаивается холодный воздух. Среднегодовые температуры снижаются неравномерно, поскольку диктуются направлением хребтов или близостью ледников, но в целом климат с возрастанием высоты становится все более суровым. Жилище Западного Памира и Припамирья лишено окон и освещается через отверстие венчатого покрытия, лежащего на столбах. Этот особый тип жилища сложился как простейшая неделимая ячейка большой патриархальной семьи. Но приметы основного типа несколько меняются в направлении

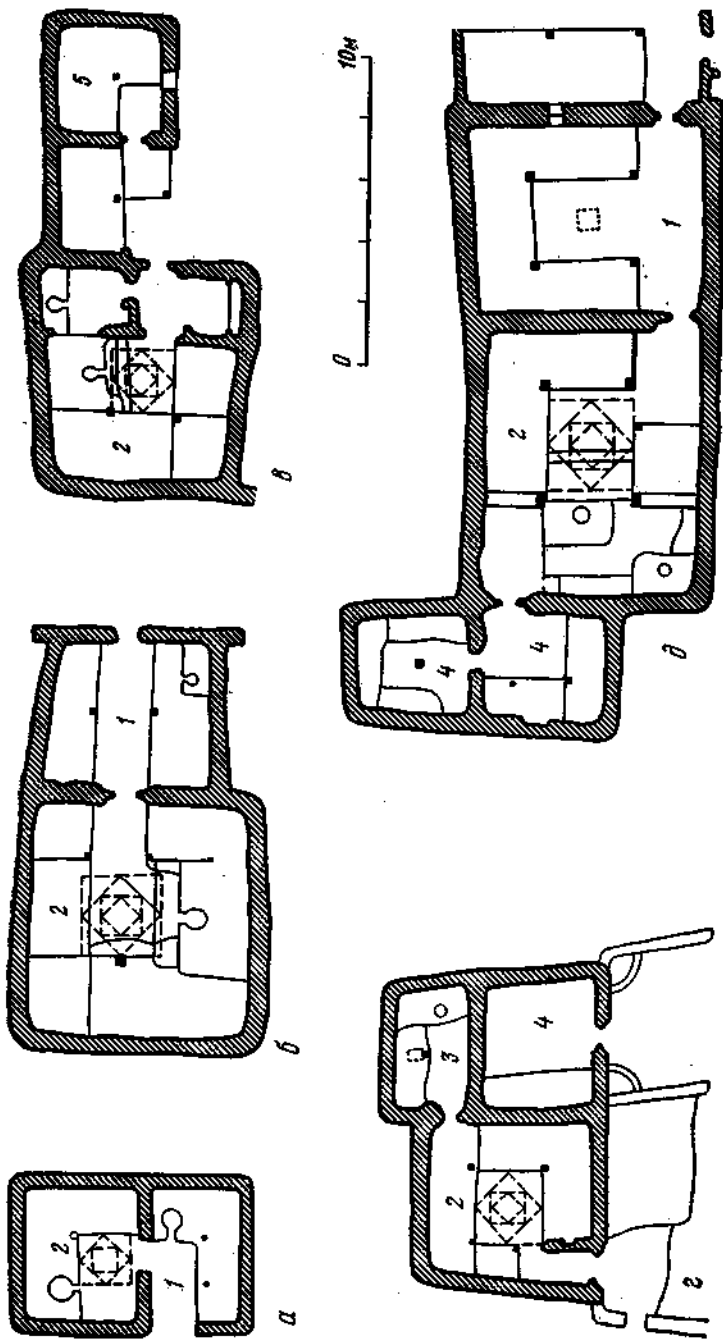

Рис. 5. Планировка жилищ Западного Памира и Припамирья
 а — Дарваз, б — Ванч, в — долина Берган-го), 2 — жилое помещение, 3 — кухня,
 га, г — Шугнан, д — Вахан; 1 — дверь; 4 — кладовые, 5 — жилая комната

высокогорья — долины Шугнана и Вахана лежат на высоте более 3500 м над уровнем моря, долина Хуф — на высоте 4000 м¹⁶. Если сопоставить планировку домов Дарваза и вышележащих долин, заметно нарастание замкнутости, изоляции от внешнего пространства (рис. 5). Наблюдаются четыре основные ступени эволюции:

1. Дарваз. Дверь дома посредине лицевой стены ведет прямо к центру помещения с низкими лежанками. Очаги помещаются сбоку от прохода. Покрытие с брусчатым куполом в два—три венца опирается на столбы числом от одного до трех.

2. Долины Ванча и Язгулема. Вход в дом прямой, лежанки повышены, очаги занимают боковое положение. Венцов покрытия насчитывается четыре—пять, основных столбов три.

3. Рушан, долина Бартанга. Вход прямой, лежанки высоки, рядом с дверью под ними помещается хлев. Очаги сбоку. Крыша покоится на четырех столбах.

4. Шугнан и Вахан. Дверь прорезана сбоку, в переднем верхнем углу, вход изгибается обычно вправо. Прилежащие ко входу торцы высоких лежанок ограничены недоходящими до потолка деревянными или глиняными стенками, образующими изолированный тамбур. Очаг перенесен в глубь помещения. К дому примыкают и с ним соединяются кухня, кладовые, амбары, окружая и утепляя основной корпус. Кровля лежит на четырех столбах.

Сжатые характеристики рисуют постепенную адаптацию жилища к условиям высокогорья с низкими зимними температурами. Действительно, повышение лежанок и наличие тамбура предохраняют обитателей дома от затекающего извне холодного воздуха. Главное местопребывание семьи — очаг удаляется от входа. Хозяйственные постройки связаны с домом, чтобы зимой не надо было ходить туда через двор. Что касается усложнения конструкции увеличением числа столбов и венцов, она, бесспорно, связана с сейсмикой.

В общем можно сделать вывод, что тип жилища реагирует прежде всего и по преимуществу на крайние показатели климата. На равнинах доминируют продолжительность и высокие температуры лета. Соответственно все усилия устремлены к борьбе с перегревом, главные pomysлы отданы устройству летних помещений, а также их деталям и декору. На высокогорье берут перевес низкие температуры — и в доме создаются благоприятные условия для зимовки. В том и другом случае сугубое внимание уделяется фактору сеймики. В жилище Западного Памира главную роль в конструкции принимает на себя несущая система столбов, тогда как стены из дикого камня на глине выполняют лишь функции ограждения. В результате сейсмостойкость и долговечность построек.

Условиям климата отвечает не только стационарное, но также переносное жилище Средней Азии — войлочная юрта, надежное убежище от солнца и ветров пустыни. В Хорезме она прекрасно уживалась с сельским домом, ею не пренебрегали и хивинские ханы — в парадных дворах Таш-хаули остались круглые кирпичные постаменты от юрт. Колхозники оседлых хозяйств Каракалпакки не спешат расстаться с юртой. Юрта ставится рядом с домом, в ней живут весной, летом и осенью, а на зиму

убирают или ставят в «уй жай» — специально оборудованное помещение дома с отверстием в крыше и продолжают ею пользоваться за исключением самых сильных холодов¹⁷.

Таковы в самых общих чертах меры приспособления народного жилища Средней Азии к местным природно-климатическим условиям. Обзор базируется на материале двух последних столетий. Постройки описанного типа существуют в наши дни или существовали недавно. Встает законный вопрос: как давно возникли в народном жилище описанные меры борьбы с перегревом. К сожалению, хрупкие постройки народной архитектуры недолговечны и в истории жилища зияет огромный пробел. Археология восстанавливает связь с прошлым на уровне примерно XII в., позднее — XVI в.

Раскопки Афрасиаба показали, что уже во второй половине VIII в. в городском жилище наметилась периметральная застройка двора¹⁸. Однако на городище древнего Пенджикента первой четверти VIII в. были открыты большие жилища-массивы без внутренних дворов. Многие отличает дома-массивы от жилища последних столетий: стены из битой глины и сырца толщиной до полутора метров, сводчатые покрытия, вместо однорядной цепочки помещений — параллельные узкие комнаты, спрятанные глубоко в толще корпуса и слабо освещенные отверстиями в сводах и щипце. Иная здесь была и система теплозащиты. Здание противопоставляло перегреву огромную инерционную массу плотно сомкнутых построек в 2—3 этажа. В нижнем этаже таких зданий летом было прохладно. Прогретые к концу лета помещения медленно отдавали тепло, которого хватало до наступления следующего жаркого сезона. Таким образом, нижний этаж домов-массивов обеспечивал достаточно комфортные условия как летом, так и зимой. Отсюда не следует, впрочем, что в раннесредневековом жилище отсутствовало сезонное разделение функций: весной и осенью можно было использовать легкие каркасные помещения верхнего этажа, достаточно открытые и хорошо вентилируемые, а летними ночами спать на крыше. Наличие на плоской крыше очагов говорит о том, что она была хорошо обжита. Кроме того, в крупных жилых секциях были парадные залы с балочной кровлей на столбах, освещаемые и вентилируемые через люк на вершине венчатого купола, прототип памирских. Такие залы давали в летнее время прекрасное убежище от жары.

Тем не менее дворовая планировка жилища значительно старше VIII в. Она свойственна восходящим к IV тысячелетию до н. э. поселениям долины Инда и юга Туркмении, жилищу древнего Египта, парфянских Ашшура и Селевкии. Вокруг двора строились покои дворцовых комплексов Суз (V в. до н. э.), Ашшура и Кухе-Ходжа (I в.), сасанидских дворцов и средневековых резиденций Востока. Во двор домов Ктесифона обращены сводчатые лоджии, а в домах Самарры IX в. уже привилась характерная группировка лицевого портика (здесь со столбами из сырца) и лоджии. Отсюда эта композиция проникла на Африканский материк, повторена в застройке Фустата X—XI вв., затем переработана в форме Т-образного зала домов Седраты XI—XII вв. и удержалась доныне в плане домов Туниса, Алжира и Марокко. Это сочетание элементов оказалось на редкость жизнестойким, сохраняясь в строительной

практике на протяжении свыше тысячи лет и распространившись на земли двух континентов. К этому типу относится по праву и ферганское сочетание пешь-айвана с кашгарча.

Коснемся одной из любопытных особенностей сырцовых крепостных сооружений древности и раннего средневековья, так называемых «гофрированных стен». В свое время высказано предположение об ослаблении такой поверхностью ударной силы ядер¹⁹. Не снимая этой версии, добавим, что гофры могли предохранять стены от выветривания. Ведь фасады крепостей, изначально лишенные гофр, в результате длительного выветривания и осадков, с глубоко промытыми желобами, принимают вид, весьма напоминающий гофрировку.

Данные археологии дополняются свидетельствами письменных источников. В Самарре уже были подземные камеры сердаб с вытяжными трубами. Такими же помещениями с проточной водой были оборудованы дома городов Арраджана в Персии и Зеренджа в Афганистане. Подземными убежищами от зноя пользовались и уйгуры. Омейядские халифы и персидские шахи отдыхали в комнате с двойными стенами, между которыми был набит лед, а в X в. был найден более простой метод снижения температуры при помощи мокрого войлока — сначала им покрывали палатку, потом стали завешивать проемы, причем вода непрерывно лилась из труб²⁰. Этот способ, которому следовали в Багдаде и Ширазе, представляет собой не что иное, как простейшее средство кондиционирования воздуха путем его охлаждения и увлажнения.

Таковы в общих чертах обусловленные климатом особенности народного жилища Средней Азии. Располагая подручными материалами и простейшей техникой, строители извлекали из них все возможное, чтобы создать оптимальные условия существования. При этом все элементы, направленные к облегчению быта в условиях местного климата, шли на пользу облику дома: айваны придавали ему живописную пространственность, а детали становились произведениями декоративного искусства.

В настоящее время в республиках Средней Азии общепризнана целесообразность использования народного опыта для проектирований малоэтажного жилища. Отвергнуто еще недавно господствовавшее понимание замкнутой структуры жилища как исключительно продукта феодального строя. Исходя из этой ложной посылки, архитекторы раскрывали жилище к улице. А улицей колхозных поселков нередко служит магистральное шоссе. В результате вдоль дороги выстраивались опаленные солнцем удручающе неуютные постройки с забитыми пылью окнами, с открытыми на три стороны и продуваемыми ветром террасами. Жить в таких домах было тяжело.

Таким образом, тысячелетний опыт народного жилища поучителен не только с познавательной, но и с практической точки зрения.

¹ Этому вопросу посвящен краткий сводный обзор автора, см.: *Воронина В. Л. Опыт проектирования зданий в странах тропического климата. М., 1966.*

² По данным Управления гидрометеослужбы Средней Азии на 1935—1940 гг.

³ *Воронина В. Л. Архитектура узбекского жилища. — СЭ, 1949, № 2, с. 68; Леви-*

- на В. А., Овезов Д. М., Пугаченкова Г. А. Архитектура туркменского народного жилища.— Труды ЮТАКЭ, 1953, т. 3, с. 41.
- ⁴ Нестеров В. В. Развитие архитектурно-конструктивных решений крупнопанельных стен. Автореф. канд. дисс. М., 1965, с. 17—19.
- ⁵ См.: Воронина В. Л. Заметки о народной архитектуре юга Таджикистана.— СЭ, 1957, № 1.
- ⁶ Легкое сбрызгивание водой земляного пола дает прекрасный эффект охлаждения в колхозных клубах и чайханах Северного Таджикистана. См.: Воронина В. Л. Народная архитектура Северного Таджикистана. М., 1959, с. 70 и сл.
- ⁷ См.: Воронина В. Л. Народное жилище арабских стран. М., 1972.
- ⁸ Самая низкая зарегистрированная температура января —40° С.
- ⁹ Ноткин И. И. Классификация легких помещений в народном жилище Узбекистана (Хива и Ташкент).— Строительство и архитектура Узбекистана, 1968, № 6, с. 31.
- ¹⁰ Климатической адаптации жилища стран Азии и севера Африки посвящена статья: Abdulak S., Pinon P. Maisons islamiques.— L'architecture d'aujourd'hui, 1973, N 167, p. 8.
- ¹¹ Варианты композиции и освещения двора хивинского дома рассматриваются И. И. Ноткиным в указанной статье.
- ¹² И. И. Ноткин почему-то называет крытый двор такого типа «ургенчским айваном» (Ноткин И. И. Классификация..., с. 31).
- ¹³ См.: Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969, с. 420.
- ¹⁴ С. Абдулак и П. Пинон исходят из ложной посылки, связывая отсутствие мебели в жилище Востока с условиями жаркого климата. Вспомним, что обитатели чумов и яранг Заполярья также спали и ели на полу.
- ¹⁵ См.: Воронина В. Л. Народная архитектура Северного Таджикистана, рис. 55.
- ¹⁶ За наименьшим данных показателем климата высокогорья приведены по Хоругу. Годовые температуры вышележащих селений Шугнана и Вахана безусловно более низкие.
- ¹⁷ Шалекенов У. Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района.— ТХЭ, 1958, т. 3, с. 324, рис. 30—32.
- ¹⁸ Шишкина Г. В. Городской квартал VIII—XI вв. на северо-западе Афрасиаба.— В кн.: Афрасиаб. Ташкент, 1973, рис. 1.
- ¹⁹ Воронина В. Л. Из истории среднеазиатской фортификации.— СА, 1964, № 2, с. 51.
- ²⁰ Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1966, с. 299, 300.

А. К. Писарчик

ТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ОТОПЛЕНИЯ ЖИЛИЩ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ в XIX—XX вв.

Материалы для настоящей статьи накапливались в процессе изучения народного жилища Средней Азии в течение многих лет, начиная с 1936 г., главным образом во время этнографических экспедиций, организовывавшихся научно-исследовательскими учреждениями Узбекистана и Таджикистана¹. Всем моим многочисленным информаторам, имена которых большей частью приводятся в тексте, я очень благодарна за их благожелательный интерес к моей работе и оказанную помощь.

При написании статьи были использованы и имеющиеся публикации. Среди них нет специальных этнографических работ, посвященных интересующей нас теме, хотя упоминания и более или менее подробные описания способов обогрева жилищ имеются почти во всех этнографических публикациях, а также в архитектурных работах по народному жилищу. Однако лишь в немногих из них есть разделы, в которых более глубоко исследуются способы обогрева жилищ, устанавливаются ареалы отдельных их форм, связь тех или иных видов отопления с определенными этническими группами или историко-культурными районами и т. п.² Среди таких работ прежде всего следует отметить статью Н. А. Кислякова «Таджики», в которой впервые дана общая характеристика жилищ таджиков и его классификация, по которой это жилище делится на северное и южное, причем в качестве одного из главных различий между ними называется способ отопления: камни на севере и отопление по-черному на юге³.

Имеющиеся материалы обширны, но пока они не дают сплошных данных по всей территории Средней Азии. Исключение в известной мере составляют южные районы Таджикистана — Кулябская область, Каратегин и Дарваз, где материалы собирались методом сплошного этнографического обследования⁴; Приламирье, где хотя сплошное этнографическое обследование не проводилось, но имеется большой сравнительный материал по многим его долинам; Ферганская долина, где этнографический материал по жилищу собирался автором в течение ряда лет. По остальным районам, особенно по северу Таджикистана и западным районам Узбекистана, требуется еще большая полевая собирательская работа. Несомненно, дополнительные сведения могут быть выявлены при изучении исторических источников, особенно последних веков, в частности среднеазиатских миниатюр.

Интересные и важные наблюдения даст сравнительное изучение этнографических данных с богатейшими материалами среднеазиатской археологии. Но все это дело будущего. В настоящее же время, при работе по теме «Жилище» для «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана», ощущается острая необходимость в систематизации и обобщении, хотя бы по отдельным разделам темы, уже имеющихся материалов, которые и теперь позволяют наметить общую картину и сделать некоторые предварительные выводы. Эту задачу и поставил перед собой автор по одному из разделов — «Отопление».

Отопление тесно связано с устройством традиционного жилища. Здесь нет возможности останавливаться на характеристике различных его вариантов⁵; отметим только, что традиционное жилище оседлого равнинного населения Средней Азии (до его модернизации после присоединения к России и особенно после революции) отражало стремление его обитателей приспособить жилье к защите от долгого периода летней жары и было плохо приспособлено к защите от холода. Двери держались на выступах внизу и вверху дверного полотна, которые входили в соответствующие углубления в балках порога и притолки, и не прилегали плотно к косякам, оставляя щели (так же как и деревянные ставни в оконных проемах). Над окнами были еще дополнительные проемы, забранные деревянными или ганчевыми ажурными

решетками. Зимой в холодные дни людям было очень трудно обеспечить в таком доме тепло. Только в немногих самых богатых домах в оконные проемы помимо ставен вставлялись обклеенные бумагой рамы *дарпарда* (остекленных рам до прихода русских в крае почти не было). По сообщению Ф. Ефремова, относящемуся к Бухаре второй половины XVIII в., в большинстве домов в суровые зимы не только крепко закрывали ставни-окна, но и обмазывали их снаружи глиной, чтобы закрыть щели, а решетки над ними заклеивали бумагой⁶. Аналогичные рассказы записаны мной в 1938 г. со слов стариков в Нурата и в 1979 г. в Ура-Тюбе. В старину в большие холода люди безвыходно сидели в домах с плотно закрытыми ставнями, почти в темноте, нередко зажигая и днем масляные светильники-коптилки (чароги сиёх). И несмотря на это и на применяемые разные устройства для отопления, температура в жилищах зимой нередко бывала ниже нуля⁷.

В горах, где холода длились гораздо дольше, до 8 месяцев, и бывали значительно сильнее, принимался ряд дополнительных мер для утепления: жилое помещение углубляли в землю, обстраивали хлевами и хозяйственными помещениями, вместо окон делали только одно светодымовое отверстие в крыше, которое тоже после выхода дыма закрывалось, и т. п.

Какими же способами обогревались в Средней Азии в своих жилищах обитатели?

В старом быту среднеазиатских народов системы отопления в нашем современном понимании этого слова не было. В жилищах бытовали различные очаги и печи для приготовления пищи, печения хлеба и обогрева жилища⁸. В наиболее архаичных формах очагов все эти функции сочетались, т. е. эти очаги были универсальными; позднее из них выделились очаги для приготовления пищи, печения хлеба и устройства для отопления⁹. При этом очаги для приготовления пищи и печи для хлеба были со временем вынесены из жилья в переднюю, на айваны, в специальные кухни или, в летнее время, просто во двор.

В данном изложении я ограничусь рассмотрением только устройств для обогрева жилищ и их обитателей. Хронологически приведенный материал охватывает последние 100 лет, т. е. вторую половину XIX и начало XX в. Очень редко удается получить достоверные данные о более раннем времени.

Самый древний способ обогрева жилища — костер, огонь, разводимый на открытом очаге; в известной мне литературе об оседлом равнинном населении исследуемого региона он не упоминается. Так, ничего не говорят об этом виде отопления у оседлого коренного населения Ферганы супруги Наливкины. Однако во время сбора полевых материалов при семейных расспросах иногда удавалось записать сохранившиеся в семейных преданиях воспоминания о былом бытовании костра как основного способа отопления жилья. Так, в 1939 г. в Коканде мастер росписи (наккош) усто Джамил (1890 г. р.) рассказал, что он до 9 лет жил в землянке, обогреваемой по-черному костром, над местом разведения которого в крыше имелось дымовое отверстие (туйнук). Для приготовления пищи над огнем устанавливали металлический треножник (темир-учак — «железный очаг»). В Исфаре в

1976 г. информатор Ибни Ямин Исомиддинов (1900 г. р.) в детстве, т. е. в первом десятилетии XX в., наблюдал, как его бабушка, возраст который тогда определяли как свыше ста лет, по привычке обогривалась разводным в доме костром и готовила себе на нем пищу в котле, установленном на трех камнях. Такой открытый очаг установили в Исфаре посредине жилья в ее молодости, «когда еще не было оштонов» (по-видимому, пристенных очагов с дымоходом). Тот же информатор в 1928 г. побывал в верхнем Зеравшане, в группе селений Рашнаи-Боло в верховьях р. Шинг-Магиян, левого притока Зеравшана. Здесь он видел такой же способ варки пищи в доме — на открытом огне, в котле, поставленном на три камня.

В Ура-Тюбе в 1976 г. записан рассказ женщины 1900 г. р. о том, что в начале 20-х годов она ездила в сел. Шахристан (в северных отрогах Туркестанского хребта, неподалеку от Ура-Тюбе) и видела, как люди там грелись, сидя в дыму у костра, разведенного на углубленной прямоугольной площадке, каждая сторона которой больше 1 м. Другие старики-уратюбинцы вспоминали, что в старину жилое помещение отапливали костром, разводимым в *пога*, нижней части помещения у входа.

В Ташкенте в начале 1900-х годов плотник усто Абдумалик, родившийся в конце 80-х годов XIX в., видел, как богатый землевладелец Хошимбай в махалле Сагбан разжигал небольшой костер в мехманхане (тадж. *мехмонхона*) своего дома даже летом и кипятил на нем чай. В 30-х годах текущего столетия в Ташкенте обогревание костром не зарегистрировано, но, по словам информаторов, в окрестных селениях его еще можно было встретить.

Восточнее, в Самарканде, по наблюдениям О. А. Сухаревой (личное сообщение), отопление костром бытовало в пригородных кишлаках еще в начале 20-х годов текущего столетия. Об отоплении жилищ костром в Шахрисябзе в начале второй половины XIX в. писал М. Н. Галкин¹⁰. В Бухаре до революции в богатых байских домах костром иногда обогривались батраки и конюхи в закрытых зимних конюшнях *саисхана* (личное сообщение М. С. Андреева).

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что в конце XIX — начале XX в. у равнинных таджиков и оседлых узбеков отопление жилищ по-прежнему, костром носило реликтовый характер. Есть также сведения, что узбеки Южного Хорезма — сарты, потомки коренного населения этого региона, в своих традиционных глинобитных сельских жилищах обогривались костром¹¹. Костер, называвшийся *ут* — «огонь» (термин *гулхан* к нему здесь не применялся) разводили в немного углубленном прямоугольнике (учак) в полу комнаты, который по краям был выложен кирпичом. Он помещался на равном расстоянии между длинными стенами комнаты, ближе ко входу. Над очагом в крыше имелось отверстие для выхода дыма (туйнук). В удаленной от входа части углубленного очажного квадрата имелись два глиняных приступка (учакбоши) — верх очага, на которые ставили чайник при кипячении или заваривании чая. Если на этом огне варили пищу, то над ним ставили металлический треножник с кругом наверху, называвшийся, как и в Фергане, *темир-учак*. В 30-х годах пищу в доме готовили уже

редко. Очаги для приготовления еды, кипячения чая (называемые также *учак*) находились в кухне вместе с печью для выпекания лепешек (тандыр) ¹².

Если костер, разводимый для согревания семьи в жилом помещении, в первые десятилетия XX в. уже отмирал и почти всюду был вытеснен другими способами обогрева, то иначе дело обстояло с костром, разводимым в помещениях, где проходили традиционные вечерние собрания мужчин, называемые в разных местах по-разному: у равнинных таджиков и узбеков — *гап*, *гапхури*, *джура*, *гаштак*, у узбеков юз в окрестностях Ура-Тюбе — *шерда* (сообщ. Н. Ташматова), у таджиков в Гузарском районе Кашкадарьинской области УзССР — *гурунг* (сообщ. Х. Хасанова, запись 1979 г. в Душанбе) ^{12а}. На этих собраниях обогревание помещения костром (гулхан, алоу) сохранялось много лет после того, как в жилищах семьи оно уже исчезло. В 1939 г., когда я спросила жительницу Коканда Ойшабиби Масыдыкову (около 1875 г. р.), как согреваются кокандцы, она ответила: «Женщины сидят у сандала, а мужчины — у гулхана». Следовательно, представление, что костер — это способ согревания мужчин, сохранялось тогда еще отчетливо.

Проведение гапов в помещениях с курным отоплением отмечено М. С. Андреевым для таджикского населения Северной Ферганы в 1928 г. «Очень характерно, — пишет он, — что до сих пор в Касане, большом зажиточном селении, скорее городе, для гапхона предпочитают выбирать курные жилища — хонаи сийо, т. е. такие помещения, в которых посредине в полу открыто раскладывается большой костер, вокруг которого и сидят присутствующие, хотя в этой комнате очень часто имеется и мури (камин. — А. П.)... Этот камин служит при этом и как «оштон» (очаг), т. е. служит для приготовления пищи — обстоятельство, как нельзя более подчеркивающее, что назначение костра, раскладываемого на полу посредине помещения, в особом квадратном углублении, называемом старым словом «гулхан», является служить по существу не для приготовления пищи, а представляет собой традиционный огонь, вокруг которого с давних времен привыкли сидеть собравшиеся, подобно тому как это делали и их очень отдаленные предки. Это обстоятельство уже сразу сближает теперешние гапхона и джура с «домами огня» — «алау-хона» и с назначением последних у горных таджиков... По существу, судя по всем данным, это остатки древних домов мужчин» ¹³.

Я не буду здесь останавливаться на этом интересном институте, который за последние десятилетия не раз был объектом специальных исследований ¹⁴, хочу только привести два сообщения информаторов, характеризующие отношение к огню, костру, разжигаемому во время упомянутых мужских собраний.

Этнограф У. Джахонов, собиравший по моей просьбе материалы о видах отопления и терминах для обозначения костра в Сохе, записал следующую легенду о появлении огня: св. Адам нуждался в огне для изготовления различных орудий и инструментов и обратился к богу-создателю с просьбой о помощи. Бог приказал св. Джабраилу достать огонь — гулхан — из ада. Св. Джабраил принес из ада раска-

ленный уголек — як лахчан гулханро — и дал его Адаму. Беря уголек, Адам обжегся и выронил его на землю. Огонь ушел в «семь слоев земли», и Адам не смог им воспользоваться. Опять пошел он с просьбой к создателю. На этот раз прежде, чем дать уголек Адаму, бог приказал обмакнуть его в реку милости (милосердия, благодати?) — ба дарён рахмат. Тогда Адам смог удержать уголек. Так появился на земле огонь — гулхан. Благодать — мехр — гулхана считалась очень большой. Поэтому во время гапов участники их беседуют, глядя на гулхан (записано в Сохе в 1976 г. со слов 80-летнего Рахимджона Юсупова). Предание это, носящее в своей современной редакции книжный исламизированный характер, для нас интересно термином *гулхан*, употребленным для обозначения огня, жара, и своей концовкой, в которой подчеркивается, что беседы, проводимые во время вечерних мужских собраний, ведутся, «глядя на огонь».

Второе сообщение записано мной в 1978 г. со слов душанбинца С. Хусейнова, 1932 г. р. Он узбек, не знающий своей родовой принадлежности, уроженец кишлака Кафтаул Бухарского района, живший в детстве в Фергане, неподалеку от Намангана, а потом в различных районах Таджикистана. На мой вопрос, обязательно ли было разжигать костер в помещении, где происходил гап, Сафар решительно ответил: «Гап без гулхана не бывал. Гулхан — это представитель (заместитель) бога на земле. Поэтому люди, собравшись вместе, сидят вокруг костра и беседуют, глядя на него». Эти сообщения показывают, как стойко держались древнейшие представления о ритуальном характере костра, разжигаемого во время вечерних собраний мужчин¹⁵.

По-видимому, пережитком применения костра на собраниях мужчин в гапхана^{15а} являются случаи разведения костра собравшимися группами мужчин в благоустроенной чайхане большого ферганского селения Бешарык, неподалеку от Коканда (наблюдения 1926 г.). В этой чайхане на одной стороне приподнятой глинобитной площадки, устроенной вдоль трех стен в виде буквы П и служившей нарами, имелось специальное небольшое квадратное углубление, окаймленное деревянной рамой. Для костра употребляли тонко нарубленные сухие дрова, так что особого дыма не было. Вокруг костра мужчины собирались группами по 5—6 человек¹⁶.

Остановимся на терминах, употребляемых для обозначения такого костра. Как упоминалось, наиболее часто такой костер называли *гулхан*, *алоу*, *алов*, *алоб*. Термин *гулхан* (иногда в форме *гулханд*) бытовал на севере, в фергано-ташкентских районах; он зарегистрирован мною также в кишлаке Мерке в Киргизии, а Б. Х. Кармышевой — у поздних узбеков-локайцев в Кулябской области; термин *алоу* был более распространен в горных районах Таджикистана к югу от Туркестанского хребта, в бассейне верхнего Зеравшана и в Каратегине так называли костер, разводимый в алоухонах при мечетях или даже в самом помещении мечети¹⁷. На севере термин *алоу* для обозначения костра в мехманханах применялся мало.

Слово *гулхан* в персидско-таджикских толковых словарях (Бурхони Котеъ, Гнес-ул-лугот) разъясняется из слов *гул* — «жар, горящий уголь» + *хан*, *хана* — «место», а значение его обычно определяют

как «печь, топка бани» местного традиционного типа (хаммом) с жаровыми каналами под полом¹⁸.

В фергано-ташкентских районах слово *гулхан* понималось обычно в значении большого костра, разведенного для обогрева сидящих вокруг него людей, будь то на открытом воздухе или в помещении (мехманхана, чайхана). В Ленинабадском и Уратюбинском районах Таджикистана, а также в Сохском районе УзССР при уточнении значения интересующего нас термина обычно в качестве примера прежде всего приводили костер, разводимый пастухами — *чупон*. Жители Ферганской долины иногда добавляли, что так называется чаще всего костер, огонь в котором поддерживали большими плахами, толстыми ветками или пнями, стволами деревьев. Если над костром помещали котел для приготовления пищи, то, как правило, в Фергане такой костер *гулханом* не называли. В Исфаре над костром, вокруг которого сидели мужчины, обычно устанавливали металлический треножник и на нем готовили для собравшихся пищу. В Ура-Тюбе применяли название *гулхан* к большому костру, разводимому иногда для согревания гостей на свадьбах или других тоях, устраиваемых в холодное время года. Брели большие пни *кунда* (почему такой костер называли *кундаалов*), обливали их керосином и бросали еще в огонь жмых, который горел ярко и долго и в старину очень широко употреблялся для освещения во время празднеств. Иногда жмыхи зажигали, укрепив их на поднятых палках. Что касается ритуальных костров — *костра*, вокруг которого обводили привезенную новобрачную перед домом мужа, или костра при совершении обряда «сафар кочты» (при проходах месяца сафара, считавшегося несчастливым), через который перепрыгивали стар и млад, чтобы «очиститься» от всяких бед¹⁹ (подобно костру у славян при праздновании Ивана Купалы), то здесь единого мнения не было. Одни называли его тоже *гулхан*, другие прилагали к нему название *алов*.

Наряду с применением термина *гулхан* к пламенеющему костру в гапхана или мехманхана в Ленинабаде, Ура-Тюбе, Канибадаме, Исфаре, Сохе его употребляли и для обозначения жара, горящих бездымных углей, образовавшихся после прогорания дров или специально разоженных, например, в переносных металлических (часто чугунных) жаровнях (манкал) или в очаге. Выгребая из него угли, чтобы погреться, женщины приглашали других: «Подходите, сядем вокруг *гулхана*» (Биёед, гирди *гулханба шинем*). Или просто: «Поставь чайник на жар» (*Чойнака гулханба мон*). Сообщение У. Джахонова о Сохе.

В Ура-Тюбе, Исфаре, Сохе (записи 1976 г.) наряду с термином *гулхан* к костру, разжигаемому во время празднеств, иногда применяли термин *аланга* (букв. «пламя»), *ланг*, *гулхани ланг*. В бассейне р. Сох эти термины сосуществовали с термином *гулхан*. Например, к костру, разжигаемому перед домом молодожена при приезде туда новобрачной, часть населения из группы кишлаков Хушьер прилагала название *гулхан*, а другая, из сел. Сох и окрестных селений — *аланга*, *гулхани ланг*. В Сохе костер вечерних мужских собраний называли еще *лангари мардон* (запись У. Джахонова)²⁰.

В Матче в кишлаке Пастигав в 1978 г. мною было записано объяснение значения слова *гулхан* как «не особенно большой огонь» (Алови онкадар баланд не).

В Дарвазе, по сообщению этнографа И. Мухиддинова, термин *гулхан* в значении костра бытовал в последние десятилетия.

Выше по Пянджу в долине Язгулема употребление этого термина было зарегистрировано М. С. Андреевым в приложении к костру, вокруг которого совершает обрядовый похоронный танец вдова умершего²¹. По сообщению учителя-язгулемца М. Бабаева (родился в начале второго десятилетия XX в.), в его время этот термин был широко употребителен. В Рушане это слово понималось не как костер, а как «место, где сидели пророки». Таким местом считался широко известный мазар Боблишо в сел. Барушан (личное сообщение М. С. Андреева). По Шугнану данные об этом термине для меня любезно собрала этнограф З. Юсуфбекова. Этот термин был ей знаком как название костра, прежде всего костра пастухов. После специального дополнительного сбора сведений среди стариков она записала сообщение о том, что «слово *гулхан* в шугнанском языке не является исконно-коренным; частичное его употребление население объясняет как следствие процесса взаимовлияния в духовной культуре и языке шугнанцев и других соседних ираноязычных народностей».

Думается, что это определение можно распространить и на бытование этого слова в других долинах верховьев Пянджа.

За пределами СССР термин *гулхан* зарегистрирован к востоку от Ферганской долины у уйгуров в Кульдже. Усаживаясь погреться у горящего огня, они говорили: «Сгрудимся у костра» (Гулханга коккланамиз). Чаше всего это выражение употребляли бедняки, нищие, бездомные, садясь погреться вокруг жара и горячей золы, выгребаемой из печей хлебопеками после окончания дневной выпечки хлеба²². Это сообщение не совсем ясно. Возможно, что, как и в Сохе, это слово обозначало как костер, так и оставшийся после огня жар.

Термин *алоу* употреблялся для обозначения костра в алоухона и мехманхана в бассейне Зеравшана, в Каратегине, Дарвазе и далее на юг — в Афганистане (Кабул)²³, а судя по словарям, и дальше, в Индии²⁴.

На основании накопившегося материала можно высказать сугубо предварительное предположение о разделении территории оседлого коренного таджикского и узбекского населения, где зарегистрировано бытование терминов *гулхан* и *алоу* в значении костра, обогревающего жилые или общественные помещения, на два ареала — северный и южный. В северный ареал, где, по-видимому, издавна бытовал термин *гулхан*, входит территория Ферганской долины (Андижан, Маргилан, Коканд, Сох), северный Таджикистан, Бухара, некоторые районы Южной Киргизии, кишлак Мерке)²⁵ и места обитания представителей дашти-кипчацких узбеков-локайцев, которые поселились на этих местах в последние столетия²⁶. У последних этнограф Н. Бабаева зарегистрировала в 1979 г. термин *гулханд* для обозначения костра, разведенного перед домом невесты, вокруг которого обводят жениха, приехавшего для совершения брачного обряда. Это сообщение пока оста-

ется единичным. В южный ареал, где преобладает термин *алоу*, входит горная часть Таджикистана и регионы, лежащие к югу от него вне пределов нашей страны.

Граница между этими двумя ареалами проходила, по нашим данным, по Туркестанскому хребту, т. е. немного севернее границы между северной, согдийской, и южной, бактрийской, территориями формирования таджикского народа, которая установлена по Зеравшанскому хребту на лингвистическом материале М. С. Андреевым²⁷, а на этнографическом — Н. А. Кисляковым²⁸ и позднее А. С. Давыдовым²⁹.

Хотя количество зарегистрированных пунктов бытования интересующих нас терминов довольно значительно, все же оно недостаточно для уверенного утверждения нашего предположения. Влияние переселений больших групп населения из одного ареала в другой, а также широкое воздействие на народную речь и культуру в целом литературы, школы и всего комплекса осуществляющихся культурных мероприятий способствует утрате старых терминов и замене их новыми словами и понятиями. В частности, по моим материалам, термин *гулхан* в значении костра входит в употребление в местах, где раньше в этом значении он не был распространен.

Именно поэтому я сочла необходимым привести изложенный выше материал, хотя он непосредственно не связан с формами отопления. Цель этого — привлечь внимание исследователей к сбору сведений по терминологии, связанной с огнем и очагами, и уточнить их старые ареалы.

Мы рассмотрели вопрос о бытовании костра как средства отопления жилища, семьи и общественных помещений у оседлого коренного населения Таджикистана и Узбекистана³⁰. Что же касается бывших кочевых и полукочевых народов Средней Азии, то, как известно, у них костер был основным способом согревания жилища, служа одновременно и для приготовления пищи и выпекания хлеба в котле. Он разжигался на немного углубленной площадке, иногда окруженной небольшим валиком, т. е. был открытым очагом. Устройство этого очага, несмотря на его простоту, имело варианты, на которых мы здесь останавливаться не будем. Нередко перед местом, где горел огонь, устраивали углубление для золы.

На юге Таджикистана такой универсальный открытый очаг бытовал еще в середине и даже во второй половине XIX в. (в зависимости от перехода той или иной группы к оседлости) у карлуков, мугулов, различных племен дашти-кипчакских узбеков, белуджей, арабов, казахов и др.³¹, причем на юге Кулябской области над этим костром на небольших бортиках нагревали и каменную плоскую плиту (табаташ, сангтава), на которой чекли хлеб³².

При переходе к оседлости представители перечисленных групп большей частью перенимали тип жилища кулябских таджиков и их способ отопления при помощи вкопанного в пол очага (чахлак), о чем см. ниже, а затем переходили к сложенным из кирпича плитам с конфорками. Жившие в годы обследования на юге Кулябской области казахи при переходе к стационарным глинобитным жилищам строили их в виде большой, сильно вытянутой комнаты со входом в середине

длинной стены. Неподалеку от входа располагали выложенную из кирпича печь-плиту с вмазанным в нее котлом для варки пищи. Дымовод этой печи был продолжен в тонкой, не доходящей до потолка стенке, которая являлась обогревателем и, проходя поперек комнаты, разделяла ее на две части — жилую и хозяйственную³².

Относительно казахов, живших в Восточном Туркестане, мной в 1939 г. в Андижане со слов уйгуров, переехавших сюда из Кашгара, записано, что они обогревались костром, над которым на время приготовления пищи ставился железный треножник, называемый *осма-учак* — «висячий очаг» или *мугул-учак* — «монгольский очаг». Он имел форму треугольника из толстых металлических прутьев, под каждым углом которого была прикреплена ножка.

На севере Таджикистана и Узбекистана универсальный по функциям костер бытовал в традиционном жилище киргизов, казахов, каракалпаков, северной группы хорезмских узбеков, туркмен³⁴ и других групп.

Помимо костра с давних времен бытовал в Средней Азии и сопредельных странах способ обогрева людей в жилище (главным образом в помещениях для приема гостей) жаром горящих углей, насыпанных на переносные металлические жаровни, чаще всего называемые *манкал* (этот термин употреблялся в Бухаре и Самарканде; в Ташкенте переносные жаровни с углями назывались *алоудон*)³⁵. Манкал бытовал главным образом в домах богатых слоев населения, так как древесный уголь был дорог^{35а}.

Манкал, мангал неоднократно упоминается путешественниками и членами посольств при описании жилищ, в которых им приходилось бывать в Бухарском ханстве³⁶ и Афганистане³⁷, причем нередко упоминается о подсыпании в огонь ароматических трав.

На восток от Ферганской долины, в Кульдже в первые десятилетия текущего столетия среди уйгуров бытовали переносные металлические жаровни на ножках, с насыпанными горящими, но уже бездымными углями. Жаровни были разной величины и формы, с ажурными стенками, похожие по форме на корзинки и т. п. Ими зимой часто пользовались торговцы и ремесленники в своих лавочках и мастерских³⁸. Судя по рассказам, они похожи на литые чугунные жаровни, производство которых в Бухаре описано О. А. Сухаревой³⁹.

Перейдем теперь к рассмотрению отопления очагом, вырытым в полу жилого помещения. Он имеет форму конусообразной или корчагообразной ямы со стенками, выложенными камнем и обмазанными глиной. Глубина ямы 40—50 см, диаметр основания до 70—80 см, диаметр верхнего отверстия, служащего для закладки топлива и установки котла, — около 30—40 см.

Этот очаг (*чахлак* или *чагдон*⁴⁰) являлся универсальным очагом таджиков еще в конце 40-х годов, хотя уже тогда наряду с ним существовал очаг для выпечки хлеба и очаги для приготовления пищи в кухне или во дворе. Чагдон устраивали в полу или на приподнятой части пола посередине комнаты, в большинстве случаев он имел поддувало (мури), проходящее под полом от нижней части чагдона к порогу жилья или, если чагдон устраивали на приподнятой площадке — к ее краю.

В ряде кишлаков, особенно горных, таких дымоходов-поддувал не было. Иногда чагдон имел сверху бугорки-налепы, служившие подставками для котла (рис. 1). При наличии их между чагдоном и стенками поставленного на него котла оставалось довольно большое пространство для доступа воздуха и выхода дыма, в таких случаях дымоход-поддувало тоже отсутствовало.

К востоку и северу от Куляба бытование чахлака зарегистрировано в Дарвазе, он появился там после революции, возможно из соседнего Куляба, и в Каратегине. В последнем этот способ отопления распространился, по воспоминаниям стариков, с конца XIX в., вместе с равнинным типом жилища, проникшим сюда через Гиссарскую долину и вытеснившим бытовавшие здесь ранее варианты жилища припамирского типа. К середине XX в. очаги, вырытые в полу жилья, бытовали уже во всем нижнем и части среднего Каратегина. В 1934 г. этнограф Н. Н. Ершов наблюдал чахлак как единственное средство отопления в кишлаке Яхак, Комсомолабадского района.

В Гиссарской долине, по личному сообщению этнографа Б. Х. Кармышевой, в 40—60-х годах текущего столетия чагдон без поддувала широко бытовал среди оседлого населения, а также у полукочевых узбеков, в частности у локайцев Кокташского района. По Каратагу у меня имеются более подробные записи. Этот очаг назывался там *дегдон* и имел такую же форму, как кулябский чахлак без поддувала, а так как глиняная обмазка делалась там с примесью песка, то его называли *дегдони реги* — «песочный очаг». Иногда в очажную яму вставляли корчагообразную печь для выпечки лепешек, изготовляемую местными гончарами (кулол). Такой очаг назывался *дегдони кулоли* — «гончарный очаг». Древний термин *танур*, широко распространенный для обозначения такой печи в других районах Средней Азии, в этом случае здесь не применялся. В Каратаге обе разновидности описываемого очага в конце XIX в. бытовали уже в виде пережитка. В нем иногда разводили огонь, когда хотели быстро испечь немного горячего хлеба к чаю, а после того как топливо прогорало, над ним ставили табурет, покрывали его одеялом, и очаг превращался в *сандали*⁴¹.

К северу от Каратегина чахлак описан М. А. Хамиджановой в Матче (верховья Зеравшана) как устройство для отопления в старых традиционных домах. Здесь он помещался в «нижней», близкой ко входу части жилища (поёни суфа), где сидели за работой и ели, а спали в «верхней» части суфы. Чахлак топился по-черному, и только с конца XIX в. над ним после прогорания топлива стали ставить табурет и использовать чахлак как сандали. Очаги для приготовления пищи находились напротив площадки для спанья, у противоположной торцевой стены и не имели над собой дымохода. Изображение очагов без дымоходов в жилище самого верхнего кишлака Матчи — Демунора, зарисованных в 1958 г. художником А. Д. Голядкиным, приведены М. А. Хамиджановой на рис. 16 в ее книге о материальной культуре матчинцев. Бытовавшие в это время повсеместно в верховьях Зеравшана массивные дымоходы над очагами для приготовления пищи с формой проема в виде стрельчатой арки (изображенные там же, на рис. 15) появились в верхней Матче из долины, уже ча памяти представителей старшего поколения информаторов М. А. Ха-

Рис. 1. Земляной универсальный очаг «йер-учак»

миджановой (записи первой половины 60-х годов), т. е. в конце XIX в. При этом сначала их устраивали не в жилищах, а в мехманхана^{41а}.

А. С. Давыдов не соглашается с мнением М. А. Хамиджановой относительно бытования в прошлом в верхней Матче чахлака как основной формы отопления жилища. Он пишет: «Можно допустить, что в некоторых кишлаках верхней Матчи под влиянием Каратегина, которое ощущается и во многих других сторонах быта этих кишлаков, очаг в виде углубления в полу встречался, хотя, по нашим материалам (в том числе и по Матче), подобный очаг делается не в жилище, а только в общественных помещениях»⁴².

А. С. Давыдова не убеждает и сообщение В. В. Дынина, относящееся к 1904 г. Дынин, характеризуя жилище

«горцев» (верхнего Зеравшана) и не выделяя ни одной из описываемых трех волостей, пишет: «Выходным отверстием для дыма, кроме двери, служит устраиваемая обычно в углу труба, начинающаяся почти вплоть от полу и выходящая над крышей... Во время топки такого «камина» дым расстилается по всему внутреннему помещению. Во многих жилых помещениях не имеется, впрочем, и такой каменной трубы, а костер для приготовления пищи разводится посредине комнаты на полу»^{42а}.

Это сообщение В. В. Дынина А. С. Давыдов не считает подтверждением бытования еще в 1904 г. в верхнем Зеравшане чахлака или костра. Он почему-то относит конец этого сообщения (о разведении посредине комнаты огня) к Ягнобу, где очажное отделение, служащее во время холодов местом пребывания всей семьи, представляло собой тесное (3 × 3 м) помещение, с полом, приподнятым над остальной частью жилья на 70—80 см, огороженное толстой стеной, в которой имелся один только проем, где с краю вмазан очаг. Устройство ягнобского мурра (подробное описание которого дано ниже) совершенно не соответствует описанию В. В. Дынина и не может быть с ним отождествлено. Поэтому мне представляется правильным мнение М. А. Хамиджановой о бытовании в прошлом чахлака как основного вида отопления в Матче в конце XIX в., подтвержденное сообщением В. В. Дынина.

Мне самой в 1978 г. пришлось услышать в нижнематчинском кишлаке Пастигав воспоминания местного муллы, родившегося около 1910 г., о рассказах его отца. Отец рассказывал, что в конце XIX в. он первым устроил в своем доме сандали, подобный равнинным, а в это время в соседних кишлаках люди еще грелись, спуская после прогорания огня ноги в чахлак.

В западных городах Узбекистана — Хиве, Бухаре чахлак мной не был выявлен, относительно бытования его в окрестных сельских местно-

стях сведений не имею. Самыми западными пунктами бытования чахлака, зарегистрированными мной по рассказам встреченных каршинцев и шахрисябзцев, были Карши и Шахрисябз, где местное тюркоязычное население называло его *йер-учак*.

К северу от долины Зеравшана йер-учак бытовал в Ферганской долине. Устройство его такое же, как и южного, кулябского и каратагского. Здесь также нередко в очажную яму вставляли танур — печь для выпечки лепешек, которую делали специалисты-гончары в виде корчаги без дна⁴³. В таком очаге, называемом *йер-танур* — «земляной танур», можно было печь хлеб. Дым выводился через трубу, проходившую под несколько приподнятой частью пола в удаленной от входа «верхней» части комнаты, а затем через одну из стен. Таким образом нагревалась часть пола комнаты, и на этой теплой площадке спала семья.

По словам ферганских мастеров, йер-учак и йер-танур в Фергане не имели особого распространения. Эти очаги бытовали главным образом в восточной части долины (Джелалабад, Ош), где жили уйгуры, переселенцы из Кашгара^{43а}. В западной части Ферганской долины в 40-х годах XX в. он применялся меньше, и некоторые встреченные мной тогда канибадамцы средних лет его не знали. Но Е. М. Пещерева отметила его бытование в старину в Костакозе⁴⁴, а я записала воспоминания о нем в 1976 г. в Исфаре и Сохе.

В 30-х годах в Ташкенте йер-учак не встречался. Но, по словам умершего в 1943 г. старейшего ташкентского плотника-строителя усто Абдумаджида, родившегося около 1860 г., в годы его юности (т. е. в последней четверти XIX в.) там иногда делали печи с проложенными под полом комнаты трубами, обогревающими значительную его площадь. Позднее йер-учак в самом Ташкенте почти исчез, хотя мне рассказывали о случае его применения в послереволюционные годы на айване в одном доме Бешагачской части города. В это время в окрестных селениях он был распространен довольно широко. По словам ташкентского мастера-резчика по ганчу Усмана Икрамова, этот вид очага наблюдался им массово на территории от Чимкента, Манкента и Сайрама вплоть до г. Туркестана. Об использовании йер-учаков в последнем пункте еще в конце XVIII в. указывает приводимое В. П. Наливкиным сообщение о том, что йер-учак устраивают в некоторых кишлаках Наманганского уезда переселенцы из окрестностей Туркестана, пришедшие сюда около 100 лет тому назад⁴⁵.

Отопление очагом, вырытым в земле, по-видимому, имеет в Средней Азии большую давность. Однако применявшаяся уйгурами и узбеками, выходцами из Кашгара, в Фергане, а также на территории к северу от Ферганы (от Чимкента до Туркестана) его форма с дымоходами, обогревавшими пол жилой комнаты, является более усовершенствованной, носит следы влияния восточнотуркестанских форм отопления; наиболее архаическая его форма без подувала, как говорилось, сохранилась на юге, на территории Кулябской области.

За пределами среднеазиатских республик, насколько мне известно, отопление врытым в пол жилья очагом, обложенным по стенкам камнями или состоящим из вставленного в очажную яму специального корчагообразного сосуда без дна, встречается в сельских местностях Афга-

нистана (сообщение М. Р. Умарова), где такой очаг называется *тундур*, на Кавказе (армянск. *тондир*, грузинск. *торне*)⁴⁶.

К описанному типу очага круглой корчагообразной формы относится и очаг, называемый в Фергане *тандырбоши*. Он отличается от йер-танура тем, что гончарный танур в тандырбоши вставлен в специальную площадку, сооруженную на полу помещения, т. е. не углублен в пол. Территория его широкого бытования был Восточный Туркестан, где он был обычен в жилых домах типа чорхари (большие, квадратные в плане помещения, с двумя пересекающимися матицами перекрытия, поддерживаемыми в центре одной колонной). В Узбекистане дома этого типа были зарегистрированы мной в Андижане, Коканде, Ташкенте, но в годы обследования встречались они редко. Севернее, в кишлаке Карнак около г. Туркестана, такие дома встречались в довоенные годы чаще. В таких домах (описание дается по сообщению, записанному от жителя г. Карнак) в одной четвертой части комнаты площадь пола была приподнята в виде суфы, в середине которой помещался тандыр, от которого вбок шла небольшая дымоходная труба (бодбур). На время топки она открывалась для улучшения тяги, в остальное время была заткнута тряпкой для сохранения тепла. Над тануром в потолке было дымовое отверстие, а над ним — горизонтальный щит на жердях в виде фонаря (хаш-тяк). Так как танур служил и для выпечки хлеба и для обогрева, то тепла хватало на всю ночь и теплая площадка была местом, где прежде всего проводили время дети. Для приготовления пищи и дополнительного обогрева комнаты в одной из боковых стен имелся еще камин — мури-учак⁴⁷.

В Андижане до землетрясения 1902 г. такое устройство имели хлебные лавки уйгуров, в которых после выпечки хлеба на теплой суфе у очага собирались вечерами посидеть окрестные жители.

Скажем еще несколько слов об отоплении каном (кан, кон, канг), которое было еще более редким, чем тандырбоши, и применялось почти исключительно жившими в Фергане (главным образом в г. Ош) дунганями.

По словам видевшего и делавшего подобные печи андижанского мастера Эргаш-Ходжи, сына уйгура, эмигрировавшего в Фергану из Кашгара во второй половине XIX в., они имеют устройство, аналогичное устройству подземных печей местных бань (хаммом). На месте будущей комнаты, ниже уровня ее пола, устраивали извивающиеся жаровые каналы, называемые, как и жаровые каналы в банях, *гурбадоу* (ферг. *гулбадоу*). В эти каналы из топки, находящейся под «верхней», удаленной от входа частью комнаты, уходил дым, который, обойдя все извилины, выходил через специальные отверстия в стенах. Печь топилась чаще всего сухим навозом, закладываемым в топку сверху⁴⁸. Перед топкой земля была выбрана в виде пандуса. Жаровые каналы перекрывались сверху рядами двух наклонно поставленных кирпичей. Пазухи каналов до уровня пола комнаты заполняли щебнем или галькой (шагал), которая, накалившись во время топки печи, остывала очень медленно. Топливо закладывали в топку раз в пять—шесть дней. Когда оно прогорало, отверстие топки наглухо замазывали глиной. Первое время в комнате было не только тепло, но даже жарко. Приходилось держать двери помеще-

ния открытыми, и несмотря на это, ночью обитатели дома спали на кошмах, не накрываясь одеялами. В последующие дни температура в комнате снижалась до нормальной, а в последние дни перед новой топкой она бывала уже настолько низка, что для сохранения тепла старались держать двери плотно закрытыми.

Помимо домов дунган в Оше усто Эргаш-Ходжи пришлось однажды до революции построить помещение с таким отоплением в кишлаке Бутакара Андижанского района. Оно было заказано кишлачным баем, имевшим большие рисовые поля, и предназначалось для сушки неочищенного риса (шалы) ⁴⁹.

В Кульдже (сообщ. Х. Ф. Кармышева и Ш. Карыева) дунгане устраивали очаг в жилом помещении в прилегающем ко входу крае суфы, а под суфой проводили дымоход, который иногда состоял из двух труб, перед выводом в стену опять сходящихся; таким образом обогревалась большая площадь суфы. Этот вид отопления назывался *канг-шанг*. По сообщению Н. Амирова, родившегося около 1920 г., который много ездил по северной части Восточного Туркестана вплоть до Кулума (Хами), он везде видел отопление домов каном (запись Дж. Кармышевой) ⁵⁰.

В западной части Ферганской долины и далее на запад на территории Средней Азии мной отопление каном не выявлено, если не считать изредка встречавшегося в богатых домах Самарканда сандали с жаровыми каналами вокруг углубления с жаром, откуда в каналы шел теплый воздух, обогревая пол вокруг сандали ⁵¹.

Остановимся теперь на рассмотрении очага, открытого спереди, который в большинстве районов называется *оштон* или *дегдон*, причем термин *оштон* преимущественно бытует на севере: в Самарканде, Зеравшанской долине, Исфаре, Ферганской долине, а *дегдон* — на юге: в Каратегине, Дарвазе, Кулябе. Отверстие спереди для закладки топлива — самая характерная его черта, определяющая его положение в крае нар или специально сооруженной для него площадке ⁵².

Этот очаг в наиболее архаической универсальной форме, т. е. совмещающий функции отопления, выпекания хлеба и приготовления пищи, бытовал в традиционном жилище припамирского типа во всех его вариантах по всему ареалу. Выявлено три основных варианта жилища этого типа: припамирский, дарвазо-каратегинский и шульмакский, или нижнекаратегинский, различающиеся положением очага ⁵³.

В припамирском варианте, где нары окружают прямоугольную площадку свободного пола (пога), очаг расположен в крае второй площадки, сооруженной над первой, несколько отступя, в виде широкой ступени. У основания очага, в прилегающей к нему части первой ступени, имеется углубление для золы и небольшого запаса топлива (рис. 2а). В дарвазо-каратегинском варианте пога имеет Г-образную форму и очаг расположен в коротком отрезке (рис. 2б), причем очаг расположен на уровне пола в крае нар, окружающих пога. В шульмакском варианте высоких нар нет. Вся площадь пола приподнята на 20—30 см. (за исключением небольшого углубления у входа, тоже называемого *пога*). На этом приподнятом полу где-нибудь у боковой стены сооружена особая глинобитная площадка 60—70 см высотой, в которой и устраивался очаг — один или два (рис. 2в). Размеры припамирского очага зависят

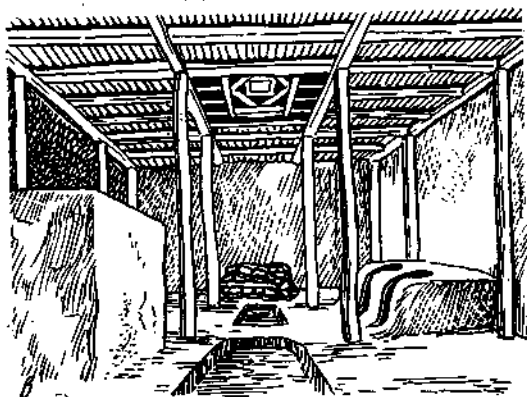
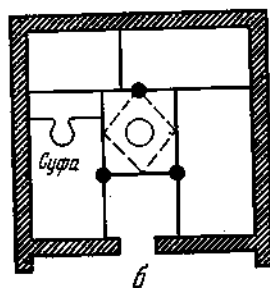
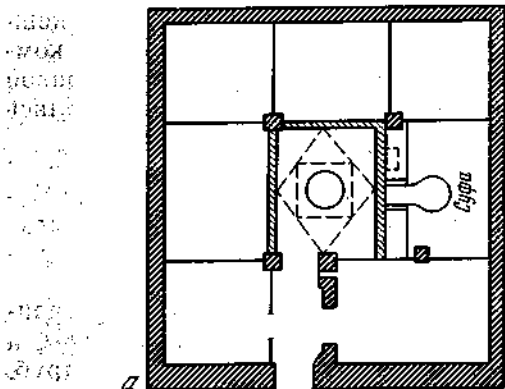

Рис. 2. Открытые спереди очаги в домах припамирского типа

а — в доме Рошта в с. Барушон. 1943 г.;
 б — в доме Урхонова в с. Зыгар (Дарваз).
 1956 г.; в — в доме Саида Джамола в
 с. Шульмак (Каратегин). 1957 г.

Рис. 3. Очаг для варки пищи —>

от численности семьи и величины дома. В большинстве обследованных нами домов высота и диаметр его основания равнялись примерно 70 см, диаметр верха — около 40 см. Припамирские, дарвазские и каратегинские дома отапливались по-черному, и пока огонь в очаге хорошо не разгорался, дым наполнял весь дом, потом постепенно выходил через верхнее свето-дымовое отверстие, вытянутая вверх форма которого ускорила очищение воздуха. И все же, несмотря на холод, нередко приходилось открывать двери, чтобы создать сквозняк⁵⁴.

Форма очага главным образом зависела от видов топлива. Там, где использовали высушенный помет скота в виде круглых лепешек или больших прямоугольных кирпичей, очаг имел более вытянутую и силь-

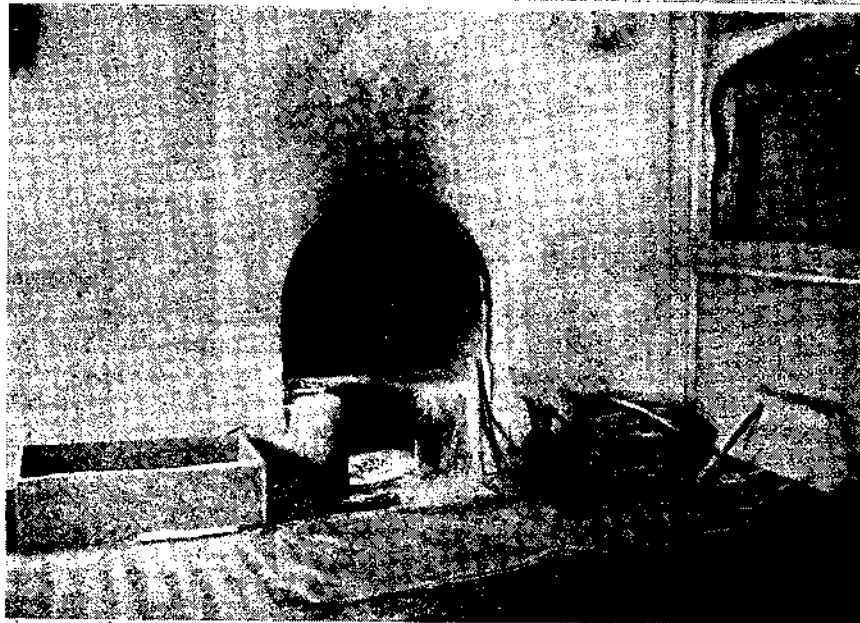
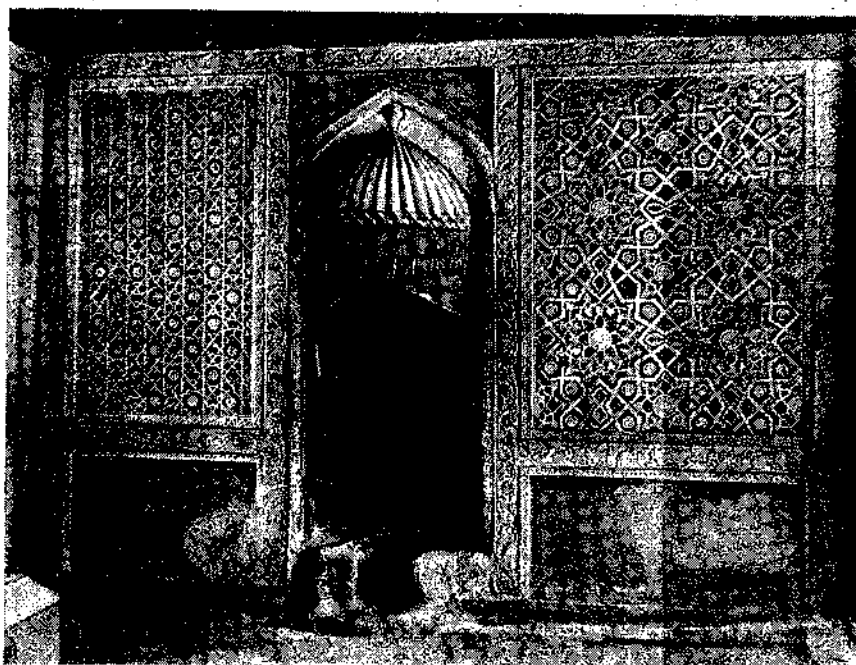
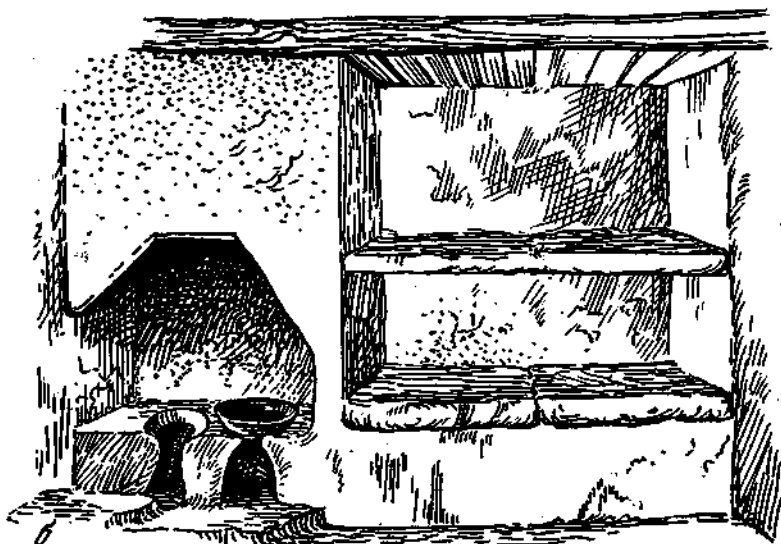

Рис. 4. Оформление дымарей-каминов в жилых домах г. Маргилана (Фергана). 1938—1939 гг.

вверху — гумбазлик-мури — купольные; внизу — аркалик-мури или нугай-мури — в виде полукруглой арки, или татарский

Рис. 5. Зеравшанские очаги с дымоходами

а — с. Дар-Дар в мехманхане; дымоход не выступает в комнату, 1958 г.; б — камни с дымоходом в массивной стрельчатой арке со срезанной верхушкой и открытой сбоку, 1960 г.

нее суживающуюся кверху форму: был менее открыт в сторону пога; в местах же применения древесного топлива очаг делали ниже и ровнее, он был шире открыт в сторону пога. Часто в этих очагах имелся порожек, на который опирались концы веток и поленьев, закладываемых в очаг. Через проем под порошком проходил воздух, улучшая тягу. Осо-

бенно широко расставлены края очагов в нижних селениях долины Ванча.

Описанный очаг в имевшихся разновидностях бытовал в Припамирье до конца 50-х годов. С начала 60-х годов эти очаги стали усовершенствовать, устраивая от топки дымоходы (прежде всего в Хороге, селениях Шугнана и Рушана, в долине р. Гунт). Дымоход обычно проходит от верхней стенки очага под поверхностью нар к задней стене, через которую дым выходит наружу. На крыше над ним сооружается небольшая труба. Иногда на участке нар, прилегающем к очагу, вмазывается чугунная плита с конфорками. В домах, где очаги устроены с дымоотводными трубами (эти очаги в Шугнанае называются *трубадор*), тепла все же недостаточно, поэтому дополнительно устанавливают в пога чугунную печь с вертикальной железной трубой, которая поднимается до свето-дымового отверстия, в центре срубового свода чорхона. Так как теперь дым от очага выводится через дымоход и железную трубу, верхнее отверстие потолка закрывают застекленными рамами-щитками, труба проходит через одно из стекол. Чугунная печь в пога отапливается каменным углем, привозимым из Оша. В 1964—1965 гг. даже в далеких от автомобильных дорог селениях трудно было найти дом с отоплением по-черному, без дымоходных труб в полу очажного отделения, с введением бездымного отопления начался новый этап в истории припамирского жилища. Во-первых, это дало возможность благоустроить быт, избавиться от сажи и копоти, в домах появились окна. Во-вторых, температура жилища при наличии дополнительной чугунной печи теперь примерно 18°.

С благоустройством домов в Припамирье, как и всюду, очаг потерял свой универсальный характер. В большинстве домов на нем уже не готовили пищу, появилась отдельная кухня.

В дарвазо-каратегинском и особенно шульмакском вариантах припамирского жилища раньше, чем в Припамирье, началась дифференциация функций универсального очага. Выделяются многочисленные печи и очаги — для печения хлеба, варки пищи, кипячения воды для чая. Параллельно с этим происходит процесс отмирания старого традиционного жилища, вытеснения его жилищем нового, равнинного типа, в котором очагом для отопления и печения хлеба служит описанный выше очаг в виде ямы в полу комнаты, превратившийся постепенно в сандали; очаги для печения хлеба и приготовления пищи были вынесены на суфы, айваны и в специально построенные кухни. В Каратегине для жилища равнинного типа характерно большое разнообразие форм открытых спереди очагов, а нередко сосуществование нескольких форм в одном селении и даже в одном доме⁵⁵.

Перейдем к рассмотрению очагов, обычно открытых спереди, с дымалями, которые самое широкое распространение имели в городах Ферганской долины и прилегающих к ней с запада районах Северного Таджикистана. Здесь в конце XIX в., до широкого вхождения в быт сандали, камин служил основным устройством для отопления жилища. Он имелся часто даже при наличии в доме сандали. Это очень характерная черта ферганского и северотаджикистанского жилища конца XIX — начала XX в.

Ферганский камин *мури* (тадж. и узб.), *мури-учак*, *учак* (узб.)⁵⁶ представлял собой нишу в стене шириной и глубиной 70—80 см. Большая часть камня была скрыта в стене, а меньшая выступала в комнату. Внизу находились очаги для приготовления пищи и кипячения чая, а над ними — прямой без задвижек дымоход (собственно и называемый *мури*), заканчивающийся трубой на крыше. Внешнее оформление *мури* бывало различным. Иногда он немного выступал в комнату и проем его образовывал стрельчатую арку, которую в старину часто строили из двух соединенных вершинами в виде острого угла жердочек васа. Над вершиной арки имелась небольшая полочка-карниз в виде тупоугольного треугольника. Такое оформление камня в городах Ферганы называли *кашкарча-мури* или *касаба-мури*⁵⁷. Касаба и кашкарча-мури ферганские мастера-строители считали наиболее старым способом оформления камня. Имелась и локальные варианты этого камня, например в кишлаке Камыш-Курган Аштского района камин выступал из стены в комнату значительно больше и его верхняя площадка-выступ над аркой проема имела размер 0,5 м и более. В богатых домах Ферганы встречался камин, выступавший в комнату в виде полукупола, который часто бывал орнаментирован. Это так называемый *гумбазлик-мури* — куполообразный камин (рис. 4). Другой тип камня — гладкий, совсем не выступающий из стены. Он чаще всего имел форму полукруглой арки, реже прямоугольника. Камин полукруглой формы назывался мастерами *аркалик-мури* — «камин с проемом в форме полукруглой арки»⁵⁸ или *нугай-мури* — «татарский камин» (рис. 4). Каминны последнего типа были зарегистрированы в Фергане в домах, построенных или отремонтированных в начале XX в.

Камин устраивали чаще всего в жилой комнате в середине торцевой стены, рядом с входной дверью, соединяющей комнату с передней. Иногда в передней делали и второй камин, обычно в стене против входа. В Ферганской долине в XIX в. камин в жилой комнате делали обязательно. В Коканде, например, в доме известного мастера-строителя усто Умарджана Масадыкова, построенном в последних годах XIX в., каминны имелись в двух жилых комнатах, а в передней камня не было. Только несколько лет спустя после постройки дома был устроен камин и в передней, и с тех пор пищу готовили уже только на нем.

В конце XIX — начале XX в. в Ферганской долине (как и в Самарканде) жилые комнаты часто строили без передней; в таком случае камин устраивали в конце длинной задней стены, т. е. он находился как раз против входа в дом⁵⁹. Через эту дверь подавали, не ломая, длинные стебли камыша, служившего тогда часто топливом, подсовывая их в очаг по мере прогорания⁶⁰.

В Фергане камином пользовались и перешедшие к оседлому образу жизни киргизы, у которых в конце XIX в. он получил массовое распространение. До этого в своих постоянных жилищах они обогревались огнем «домашнего очага»⁶¹.

Таким образом, в Фергане и Северном Таджикистане камин в конце XIX — начале XX в. был одним из самых распространенных способов отопления. Однако раньше положение было иным. М. С. Андреев, описывающий перемены в устройстве мехманханы в старом таджикском

центре Ферганы — Касане, отмечает, что в наиболее старых постройках мури не было, в более поздних он уже появлялся, но сочетается со старым костром, а в самых поздних имеется только камин. «Говоря о камине, не могу отделаться от впечатления, что он проник сравнительно недавно и что можно, вероятно, собравши достаточный материал, установить историю его проникновения и развития. Мы сейчас присутствуем (написано в 1928 г.— А. П.) при исчезновении старого курного жилища в равнинах и большом распространении камина мури. Но в глухих углах в горах, где старый порядок держится, естественно, более сохранно, мы видим, что камин начал распространяться только недавно, а во многих местах курные помещения преобладают и имеются еще большие районы, не затронутые распространением камина. Характерен в этом отношении, например, Ягноб»⁶².

Об отсутствии каминов в некоторых домах в Кастакозе Ленинабадского района еще на памяти представителей старшего поколения (в начале XX в.) пишет Е. М. Пещерева, собиравшая там материалы в начале 50-х годов⁶³. Нами записаны в 1976 г. аналогичные сообщения по Исфаре.

По Ташкенту сведения об употреблении камина очень неполны и часто противоречивы. Потомственный ташкентский мастер-строитель из махалли Чагатай (Кукчинской части) усто Абдумалик Маджидов не понял даже употребленного мной для обозначения камина ферганского термина *мури*, а после объяснения сказал, что камина в Ташкенте нет. Доктор исторических наук Я. Г. Гулямов, живший в махалле Ак-Мачит Шайхантаурской части, сообщил, что в его доме был камин, расположенный, как и в старых ферганских домах, в задней длинной стене комнаты около входа, и что он видел в некоторых соседних домах камины, построенные во второй половине прошлого и даже в начале текущего столетия. В доме Я. Г. Гулямова камин никогда не использовали, пищу и чай готовили на кухне, а обогревались сандалом. Однако в некоторых домах камином пользовались⁶⁴.

В Самарканде камин в старину бытовал. Проем его, обращенный в комнату, оформлялся в виде стрельчатой арки (тадж. *мехроб* — по сходству со стрельчатой аркой михрабов мечетей). В комнатах, не имевших передней, камин устраивали в конце задней длинной стены около входа; он служил как для обогрева жилища, так и для приготовления пищи (как и в Ферганской долине). В первые годы XX в. камины в Самарканде перестали делать, и в конце 30-х годов многие самаркандцы средних лет даже не знали, что он раньше бытовал в городе (относительно сельских окрестностей Самарканда сведений не имею). Только в худжрах медресе, как и в Бухаре, камины бытовали до тех пор, пока функционировали медресе, хотя наряду с ними были и сандалы⁶⁵.

В Бухаре во второй половине 30-х годов камин в жилых домах мной зарегистрирован не был⁶⁶, но, по рассказам, в старину он бытовал, и об этом помнят представители самого старшего поколения бухарцев. По семейному преданию, сохранившемуся в семье одного уроженца кишлака Каркак около Туркестана, бытовавший там камин-мури был заимствован из Бухары.

Камин бытовал и на юге Ленинабадской области, в селениях бассейна Зеравшана. Формы его здесь были разнообразны, обычно он бывал

гораздо глубже и массивнее равнинных очагов с дымарями, в частности ферганских каминов (рис. 5а). А. С. Давыдов⁶⁷ выделяет в зеравшанском жилище два варианта — западный и восточный. В ареал западного варианта входят Кштут, Шинг, Магиан, Октябрь, Пенджикент, в ареал восточного — Фальгар, Матча, бассейн р. Фан и Ягноб. В каждом из вариантов А. С. Давыдов выделяет старый и поздний подварианты. В старых вариантах бытовали очаги универсального типа, в поздних выделялись очаги со специальными функциями, вынесенные из жилья в кухню, на айван или во двор.

В западном позднем подварианте очажное отделение отгорожено от чистой части жилья стеной, не доходящей до потолка. За ней у задней торцевой стены находятся очаги, а над ними — суживающийся сверху дымарь-мури, заканчивающийся трубой на крыше. Формы этих труб очень разнообразны⁶⁸. По бокам дымаря в углах находились две глубокие ниши (кунджак), в которых для утепления сделан добавочный низкий потолок. Это самое теплое место в доме, и в холод здесь находились и спали дети, отчего это место называли еще *хобхана* — «спальня».

В восточном позднем подварианте у торцевой стены помещался открытый спереди очаг (или очаги) под дымоходом. Последний бывал двух форм: одна — глубокий массивный дымоход в стене или при ней, с проемом в виде массивной стрельчатой арки, у которой иногда бывает срезана с одной стороны нижняя часть (рис. 5б). Во втором случае очаг помещали посредине торцевой стены у входа, но не в стене, а около нее внизу. Перед и над очагом был пристроен просторный дымоход — прямоугольная в сечении труба с прямыми стенками. Переднюю и боковые стенки этой трубы строили из камня на глине, заднюю составляла стена помещения. Передняя же стенка, не доходящая до пола, опиралась на специальную горизонтальную перекладину, укрепленную над полом примерно на высоте 1 м, чтобы образовать проем для доступа к очагам. Через этот широкий и низкий проем над полом хозяйка, сильно пригибаясь, проходила под нависающий короб к очагу. Очаг имел своеобразную форму (рис. 6): он был двухъярусный (бозудор): нижний ярус (оштонча) служил для варки пищи, верхний (оштон) — для выпечки на стенках лепешек. Этот двухъярусный очаг с дымоходом, по данным А. С. Давыдова и М. А. Хамиджановой, бытовал в ограниченном ареале: в нижних кишлаках Ягноба (Хшартоб, Маргиб) и далее вниз по Фану, в Анзобе и до Такфона. Такие камины, но в более миниатюрной форме, иногда встречались и в нижней Матче, но чаще там делали камины с проемом в виде стрельчатой арки.

Во второй половине XIX в. в мехманхане или худжре стали делать специальный очаг-обогреватель, называемый в Магиане *оштони кашкарча*, а в Матче и Фальгаре — *оштони алов* (очаг для огня). Он представлял собой углубление посредине стены, обычно торцевой, расположенное у входа, глубиной 20—25 см. Углубление находилось на высоте 50—60 см от пола, здесь разводили огонь. Вверху из каменной или кирпичной кладки делали дымоход. Стенки очага и дымохода служили обогревателем. Кроме кипячения чая очаг-обогреватель для других целей не использовался. В 50-х годах текущего столетия он уже почти исчез.

В старом кштутском западном подварианте жилища дымохода не

было. Очажное отделение было отгорожено от остальной части жилья доходящей до потолка стенкой, в которой посредине находился проем без двери. Таким образом, это было довольно изолированное помещение, тепло из него очень мало распространялось в жилье. Дым выходил в отверстие в крыше, дыма не было.

Рис. 6. Зеравшанский двухъярусный очаг. С. Маргиб, Ягноб

Давыдов А. С. Жилище, с. 35, рис. 8, 3.

Наконец, старый восточный подвариант представлен ягнобским жилищем, в котором наиболее своеобразной частью было очажное отделение — мур (рис. 7). Мур представлял собой небольшое (редко более чем 3×3 м) низенькое помещение (150—160 см высотой), близкое к прямоугольной форме, являющееся основной частью ягнобского дома. Здесь семья жила зимой. Пол его был приподнят над полом прилегающего прохода *куча* и остальной частью дома на 70—80 см. Мур со всех сторон был окружен толстыми, выложенными из камня стенами. Задней или боковой стеной (если мур устраивали в углу) он прилегал к основным стенам жилища, остальная часть мура отграничивалась толстой каменной стеной. В этой стене только в одном месте имелся проем, несколько не доходящий до открытого балочного потолка дома. В нижней части проема в крае пола мура делали углубление, в которое вмазывали очаг (инкир) корчагообразной, суживающейся кверху формы, вылепленный из глины женщинами^{88а}. Пространство перед очагом вместе с прилегающей частью прохода (*куча*) — это место женщины, поддерживающей в очаге огонь и готовящей пищу и хлеб. Топливо закладывается через верхнее отверстие, а также через отверстие-поддувало внизу очага.

В проеме мура над очагом, между полом мура и балкой-притолокой, ограничивающей проем сверху, остается отверстие высотой 70—80 см. Это единственный вход в мур, через который люди протискиваются чуть ли не ползком, соблюдая осторожность, чтобы не попасть ногой в очаг.

После разведения в очаге огня все помещение мура наполнялось едким дымом, который даже для привычных ягнобцев был непереносим. Только когда дым выходил через имевшиеся два отверстия в верхней части стен под потолком или через отверстие в крыше, в муре становилось возможно дышать. Для сохранения тепла дымовыводящие отверстия затыкались тряпками, а верх очага и отверстие в крыше прикрывались тонкими каменными плитами. По наблюдениям М. А. Хамиджановой, зимой нередко над отверстием в крыше укрепляли дном кверху какой-нибудь старый сосуд, чтобы в дом не попадали дождь и снег. После окончания топки и выхода дыма в мур входили члены семьи — прежде всего дети, женщины, старики, а если оставалось место, то и остальные.

Никаких устройств типа дыма не было в ягнобском муре, как и в старом кштутском и верхнематчинском подвариантах зеравшанского жилища,

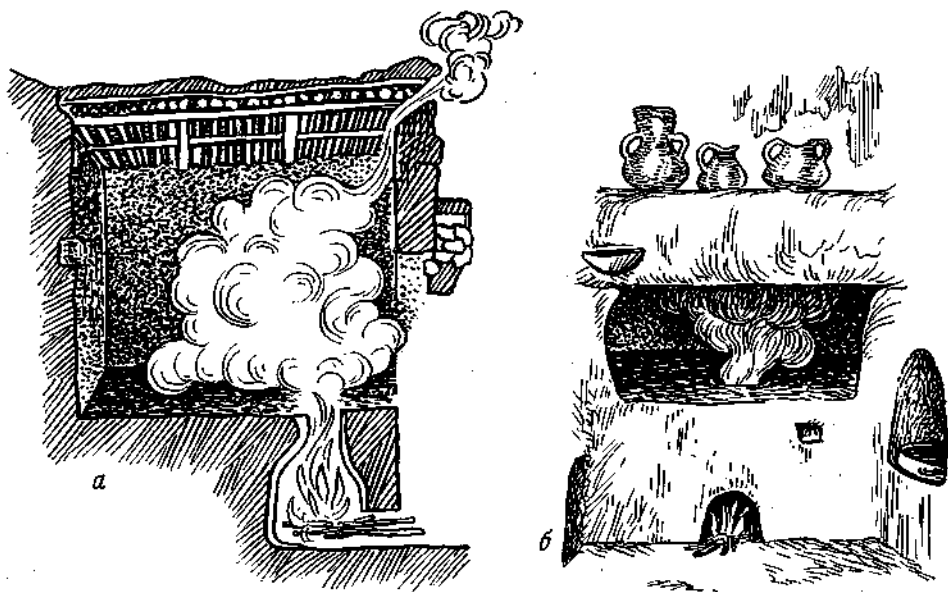

Рис. 7. Ягнобский мур в жилом доме в к. Бидив. 1929 г.

а — разрез, б — общий вид

По: Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба, с. 103

не было. Отсутствовали на крышах и трубы. Они появились в Ягнобе только с проникновением каминов, под влиянием строительных традиций долины р. Фан, причем становились принадлежностью, как правило, не традиционного жилого дома, а появляющихся помещений для приема гостей — мехманхана.

Все сказанное дает основание считать ягнобский мур и старый кштутский и верхнематчинский подварианты зеравшанского жилища формой, переходной от различных способов отопления по-черному в районах, прилегающих к верховьям Зеравшана с юга, к отоплению очагами с дымоходами различной формы в районах, расположенных к северу от Ягноба — в бассейне р. Фан и далее на север.

К югу от Гиссарского хребта, в Дарвазе и Каратегине, Гармской этнографической экспедицией в 1952—1957 гг. камин зарегистрирован не был. Этнограф Н. Н. Ершов, живший и работавший в Гармской области в 30-х годах и изъездивший территорию области вдоль и поперек, видел единственный на весь Гарм камин в доме одного татарина, женатого на узбечке, уроженке г. Коканда. В Орджоникидзе (б. Янгибазар), на востоке Гиссарской долины, он видел камин в доме переселенца-узбека из Ферганской долины.

В Кулябе во время работ этнографической экспедиции 1948—1949 гг. и в последующие годы камин не был выявлен ни у таджиков, ни у других групп, ведших в прошлом полукочевой образ жизни. В других регионах среди народов, ведших в прошлом полукочевой образ жизни, камин

бытовал у южных киргизов, которые, переходя к оседлости, заимствовали его от ферганцев, а также у некоторых туркменских племен, например у мурчали (происходящих от коренного ираноязычного оседлого населения Южного Туркменистана, ассимилированного тюркоязычными степными племенами)⁶⁹, у которых камин имел иногда очень архаичное оформление фигурными зубцами⁷⁰. Имелся камин и в жилищах некоторых бывших полукочевых племен, переходивших к оседлому образу жизни, например, у сарыков, у которых камин устраивали в стене против входа⁷¹.

На восток от Ферганы в XIX в. отмечено бытование камин в Кашгаре. М. В. Певцов пишет: «Почти в каждой жилой комнате устанавливают камин, состоящий из узкой, но высокой стенной ниши, окаймленной по краям плоским карнизом. Из верхней клинообразной части этой ниши выходит внутри стены кверху дымовой канал, оканчивающийся низенькой трубой»⁷². К северу и востоку от Кашгара уйгуры отапливали жилища каном и камином *морочак*⁷³.

В Кабуле, по сообщению кабульца М. Р. Умарова, каминны начали делать только в прошлом столетии, при Достмухаммеде, после его возвращения из Бухары, куда он, спасаясь от англичан, бежал в 1839 г. Более интенсивно камин начал входить в быт после возвращения на родину из эмиграции в Бухару и Самарканд в 1869—1880 гг. внука Достмухаммеда — Абдуррахмана⁷⁴. Если это действительно так, то можно думать, что камин появился в Кабуле из Бухары и Самарканда. С другой стороны, его название там — *бухори* примыкает к западному ареалу этого термина (в восточном — *мури, мури-учак*). Англичанин А. Марти, живший в Афганистане на рубеже XIX и XX в., пишет, что каминны имеются только в богатых домах, так как далеко не все имеют средства, чтобы позволить себе расход на дрова для отопления: далее он отмечает малую эффективность этого способа отопления⁷⁵. М. Г. Асланов, однако, называет камин первым среди применяемых афганцами средств отопления⁷⁶. По-видимому, и в Афганистане, как и в Средней Азии, формы отопления значительно различались по регионам и этническим группам.

О каминнах в Иране писал Ж. Шарден, путешествовавший по этой стране в 1671—1675 гг. По его словам, в зимних помещениях делают маленькие каминны, верхняя часть которых бывает высотой только в 3—4 фута, а шириной 2—3 фута, имеет полуциркульную форму и получает достаточную низкую, чтобы удерживать дым⁷⁷.

Камин под названием *бухори, бухари, бухары*⁷⁸ (западный ареал) бытовал и на Кавказе среди некоторых народов, причем имеется ряд указаний на его сравнительно позднее проникновение туда⁷⁹. Относительно Имеретии есть сообщение, что в XVII в. его там еще не было⁸⁰.

Камин бытовал также в Турции, где его называли *оджак*⁸¹. Отсюда как это установлено Б. А. Куфтиным, он распространился и среди татар на южном побережье Крыма, сохраняя там то же название *оджак*⁸².

Остановимся теперь на наиболее совершенной из традиционных форм обогрева в Средней Азии. Это *сандали* (тадж.)⁸³, *сандак* (узб.), местами (Андижан, Ташкент) *танча* (из тадж. *тангча* — «тесный»), который до появления печей и плит русского типа был наиболее распространенным и любимым видом отопления в домах сколько-нибудь обес-

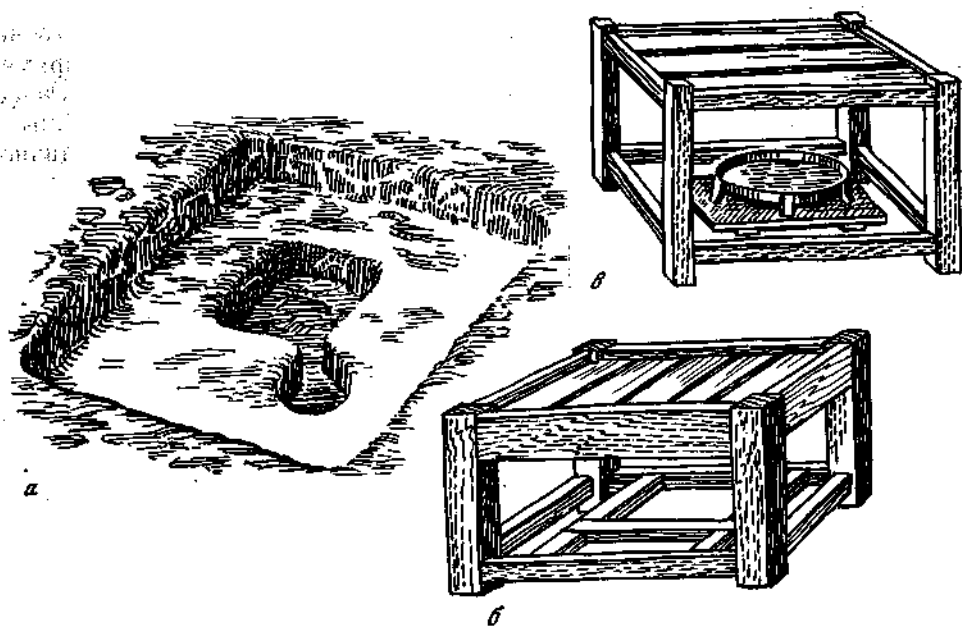

Рис. 8. Оформление нижней части сандали

а — сандали с двумя углублениями. Аштский р-н, 1978 г.; б — оформление перекладины гурбадавак внизу табулета сандали в Костакозе. По: Пещерева Е. М. Домашняя и семейная жизнь, с. 117; в — сандали с жаровней у афганцев (по: Народы Передней Азии, с. 83, рис. 1)

печенных людей. Он представлял собой деревянный табурет или столик квадратной формы высотой 40—50 см, длиной 70—80 см и больше. В полу комнаты делали неглубокую выемку соответственно размеру сандали, а под сандали — более глубокую яму для углей или жара, называемую по-разному: оташдон, кулинг (в Фергане; последний термин, бытовавший в восточной части долины, считался ферганцами восточнотуркестанского происхождения), чукураки сандали (Ура-Тюбе), алоудон (Ходжент), олавдон (г. Бухара), танурча (в сельской местности вокруг Бухары), алоухона (Ташкент, Самарканд) и пр. Это углубление двухступенчатое: на приподнятой части лежит жар, и оттуда время от времени сгребают золу в нижнюю часть — хокистар мегирифтаги джой (Бухара), где обычно стоят чайники с чаем и кувшины с водой (чтобы чай и вода не остывали). В Аштском районе зарегистрированы сандали, у которых в углу у ножки делали второе небольшое углубление, куда тоже подсыпали жар и ставили чайник с чаем (рис. 8а). В бедных домах, особенно у горцев, просто вмазывали под сандали большую глиняную лохань.

Края выемки, в которую устанавливали сандали, обкладывали в общественных помещениях и мехманханах деревянной рамой, а в жилых помещениях, главным образом на женской половине, — жженым кирпичом. Это обрамление краев углубления сандали в обоих случаях носит

название *чорчуб*⁸⁴. Ножки табурета укреплены жердочками, образующими разные фигуры с небольшим квадратом посредине. Это устройство называется в Фергане (Маргилан, Андижан) *сандални пути* — «завиток, переплет сандала», в Ташкенте — *гулбадоу* (искаженное от тадж. *гурбадав*)⁸⁵, в Ура-Тюбе и Ленинабаде — *гурбадав*, *гурбадавак*, в Бухаре — *ошмонак*, *косамонак* (последнее название объясняется тем, что в центре этого устройства обычно ставили чашку *коса* с едой *ош* для опоздавшего к общей трапезе члена семьи)⁸⁶. Иногда гурбадав делали не внизу сандала, а на 20—25 см ниже поверхности табурета.

Для удобства приготовления пищи и кипячения воды нижняя перекладина с одной стороны сандала нередко отсутствует, а иногда все устройство гурбадава не закрепляется наглухо, а прикрепляется с одной стороны на шарнире, чтобы его легко можно было приподнять.

Табурет сверху прикрывают специальным большим квадратным одеялом (*курпа*), края которого лежат на полу на кошмах и паласах. Около сандала на постеленные вокруг него тюфячки садились люди и подсовывали ноги под края одеяла. Все это несложное оборудование, особенно большое одеяло, нередко бывало недоступно для бедняков, что наряду с дороговизной древесного угля было одной из причин малого использования этого в целом очень удобного типа отопления.

Угол сандала называется *бурчак*, стороны в бухарско-самаркандских районах, Ленинабаде, Ура-Тюбе — *кодок* — «просвет, пролет» (*кодоки боло* — «верхняя сторона», *кодоки миёна* — боковые, *кодоки поён* — нижняя), в Фергане — *палла* (букв. «чаши весов»; половинки двухстворчатой двери). Угол считается непочетным местом; поэтому в Фергане подсаживающегося скромно к уголку сандала гостя всегда приглашают сесть к палла (узб. *сандал бурчагига ўтурманг*, *палласига ўтуринг*). Наиболее почетным считается у сандала место, удаленное от входа в комнату. Оно называется в Фергане (Маргилан) *сандални тўри* — «верх сандала»; противоположное место считается наименее почетным и называется *сандални пайгаси* (от *пайга*, тадж. *пойгах* — «место для ног», которым обозначается нижняя, прилегающая ко входу часть комнаты, двора и т. п.).

Сандалы в ферганских домах устраивали часто неподалеку от входа, но иногда и в удаленной от входа части комнаты: либо около задней стены, либо, чтобы днем было светлее работать, сидя за сандалом, — около оконного проема. По сообщению Е. М. Пещеровой, сандалы устраивали в середине комнаты, отступая 70—80 см от задней стены и границы *пойга*. Такое местоположение сандала было свойственно всем жилищам Ферганской долины и, по-видимому, связано, так же как и расположение фасадов домов, с защитой от холодных зимних ветров. Далее автор отмечает, что в Ташкентском оазисе и долине Зеравшана сандалы всегда делают ближе к парадной стене дома, против простенка между оконными проемами⁸⁷. Я наблюдала оба варианта расположения сандала и у таджиков Нурата.

Изредка, если семья и жилище были небольшими, сандалы помещали впритык к одной из стен. Часто так поступали торговцы в своих небольших дуконах.

В многолюдных семьях, живущих в больших помещениях (Чорку, Исфара), еще в 60-х годах делали иногда по два сандала: один для взрослых, а второй — для детей (сообщ. Н. Н. Ершова).

Местное население раньше очень любило сандала, считало его самым удобным и приятным из существовавших видов отопления, хотя и дорогим, так как для него раньше употребляли только древесный уголь (называемый в городах Ферганы *тоҒ-қумир* — «горный уголь»⁸⁸). В середине XX в. стали употреблять для сандала и каменный уголь (узб. *тош қумир*), но его надо предварительно хорошо разжечь в очаге, чтобы не было угара. Бедняки вместо сжигания дров или углей брали из городских бань выброшенную из топок золу с остатками жара (кури хаммом) и ею согревали свои сандала (сообщ. А. М. Мухтарова по Ура-Тюбе).

Установка сандала в доме осенью являлась радостным событием. Особенно счастливы бывали ребяташки, испытавшие уже холод осенних заморозков и очень соскучившиеся по теплу. Они прибегали посидеть у сандала, даже если под ним еще не было жара: первое время, до наступления настоящих холодов, угли под сандала клали не особенно регулярно, ограничиваясь большей частью высыпанием под него жара, остающегося в кухонном очаге после приготовления пищи. С наступлением холодов семья проводила у сандала большую часть времени. Здесь ели, работали, спали. При этом постели постилали ногами к сандала, и край одеяла, которым накрывался спящий, клали под край одеяла, покрывающего сандала. Если жар под сандала подкладывали равномерно, то пользование им было очень приятно: согреваются только ноги, голова же в прохладном воздухе комнаты остается всегда свежей.

Некоторые из стариков в Ферганской долине, Ташкенте, пользовавшиеся всю жизнь этим видом утепления, так привыкли к постоянному нахождению на свежем воздухе, что когда после революции в быт местного населения интенсивно начали проникать застекленные рамы и русские печи, они нередко выселялись из такого дома на айван и проводили там всю зиму, даже в самые сильные морозы, предпочитая согреваться сандала, чем жить в нагретом печью воздухе комнаты, в котором они задыхались и чувствовали себя больными.

Конечно, пользование сандала вызывало многие простудные и ревматические заболевания⁸⁹, но у населения выработалась привычка к резким сменам температуры. Вот что писали об этом супруги Наливкины: «Нельзя не удивляться, как туземцы не простуживаются и не мрут сотнями благодаря их дневному сидению у сандала. Наложит сартянка под сандала свежих углей и греет босые ноги; нажжет их до того, что чуть кожа не трескается, надевает калоши на босу ногу, идет на двор, стоит там полчаса, час, приходит назад в комнату, опять садится у сандала, опять греет ноги, опять выскакивает на двор, и так ежедневно, на каждом шагу и всегда почти безо всяких сколько-нибудь серьезных и немедленных последствий»⁹⁰.

Помимо простуды, бывали смертельные случаи угара от недостаточного прогоревших углей (особенно если пользовались каменным углем), случаи ожога паром от пролитой на горячие угли воды или пищи и т. п.

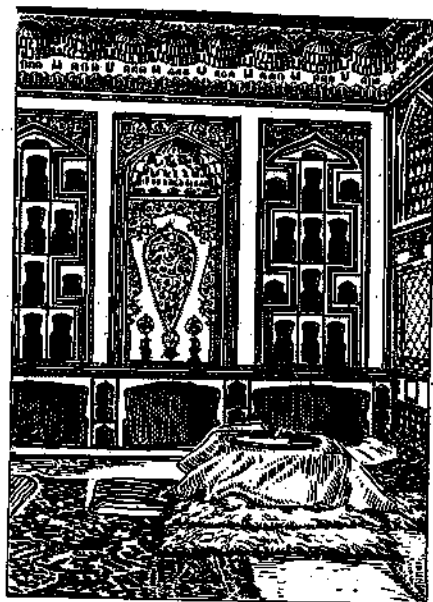
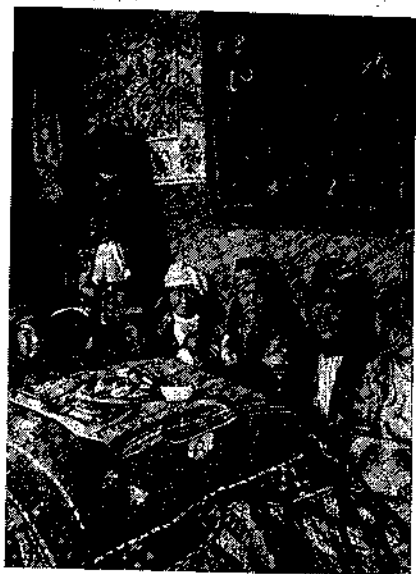

Рис. 9. Гости молодой сидят у сандалов. Нур-Ата, 1939 г.

Рис. 10. Сандалы в богатом доме, у окна. С фотографии конца XIX в.

Чаще всего подобные несчастные случаи происходили с маленькими детьми, которые иногда падали в углубление с жаром.

В конце 30-х годов XX в. в городах и больших селениях Ферганы сандалы имели во многих домах, пожалуй, в большинстве. Однако раньше, еще в последней четверти XIX в., он был привилегией только наиболее зажиточных слоев населения. Это отмечали и Наливкины: «...в бедных семьях сандал — большая редкость»⁹¹. Любопытно записанное мной в 40-х годах высказывание одного старика-ташкентца, неоднократно бывавшего в молодости в городах Ферганы — Коканде, Маргилане, Андижане. У него сложилось впечатление, что «сандалов там мало, а жители обогреваются главным образом у каминов».

Несмотря на отмеченные недостатки, сандалы и после революции прочно удерживался в быту ферганцев. Он зарегистрирован исследователями в первой половине 50-х годов⁹², нами в сельских местностях встречен и позже, в начале 70-х годов.

К западу от Ферганы и северных районов Таджикистана сандалы бытовал и бытует в Самарканде и Бухаре.

Характерно, что в Бухаре, по нашим данным 1936 г., сандалы делали только в жилых помещениях во внутренней, женской половине⁹³. В мехманханах во внешней, мужской половине сандалы не употребляли, а для согревания собравшихся мужчин пользовались упомянутыми выше чугунными жаровнями манкал.

В Самарканде в конце 30-х — начале 40-х годов сандали был основной формой отопления среди городского населения — как таджиков, так и среднеазиатских евреев. В старину главным топливом для него был уголь, выжигаемый казахами из саксаула. Его клали в яму под сандали, и он разгорался без дыма и угара. В конце 30-х — начале 40-х годов вместо него уже употребляли каменный уголь, который приходилось заранее разжигать снаружи.

В Самарканде я зафиксировала еще одну разновидность сандали, более усовершенствованную, встречавшуюся только в домах богатых людей. Это сандали с жаровыми каналами, обогревающими часть пола под сидящими у сандали людьми. В одном конце прямоугольное углубление (алоухона) было закруглено, чтобы удобнее ставить здесь сосуд с водой. Жаровые каналы сверху перекрывались положенными плашмя кирпичами, которыми был выстлан пол; эти кирпичи согревались горячим воздухом, проникающим в жаровые каналы из алоухона через каналы-проходы⁹⁴.

Думается, что в устройстве самаркандских сандали с жаровыми каналами проявляется влияние местных бань хаммом.

Среди стариков-самаркандцев сохранились воспоминания о существовании в Самарканде еще в начале последней четверти прошлого столетия более примитивного отопления, которое лишь условно можно было назвать сандали. Самой основной части последнего — табурета — здесь не было. Посредине комнаты выкапывалось небольшое прямоугольное или квадратное углубление, на небольшом расстоянии от углов вбивали четыре колышка. Когда огонь в углублении прогорал, на колышках укрепляли сплетенную из ивовых ветвей плоскую корзину (на каких хозяйки раскладывали лепешки из теста, чтобы дать им подойти прежде, чем сажать их в печь) и накрывали ее, как современный сандали, большим квадратным стеганым одеялом, под края которого садились греться. Иногда люди просто сидели у разведенного в комнате костра и потом, не накрывая его ничем, укладывались вокруг него спать. Таким образом, это была переходная форма от костра к сандали, причем отопление являлось еще курным: для выхода дыма в крыше имелось специальное отверстие (туйнук).

Как видно из изложенного выше, во многих глухих кишлаках имелись разнообразные переходные от чахлака к сандали устройства: сандали с вмазанной под ним большой миской, сандали с углублением, но без переплета внизу и т. п.

По сообщению Т. Абдуллаева, науч. сотр. Музея истории АН УзССР, узбеки в окрестностях г. Андижана с весны уезжали на все теплое время года в пригородные сады, называемые *дала*, где занимались огородничеством и садоводством. Осенью, когда уже становилось холодно, для обогрева сооружали так называемый *дала-сандал* — «садовый сандали», тоже без табурета, накидывая на четыре колышка одеяло над жаром прогоревшего костра⁹⁵. Сходные устройства были зарегистрированы и во многих других местах, например в нижнем Каратегине, где бывал чахлак.

К юго-востоку от Самарканда в бассейне верховьев Зеравшана материалами Зеравшанской этнографической экспедиции в 1958—1966 гг.

сандали был зарегистрирован повсюду вплоть до самых труднодоступных кишлаков Матчи и Ягноба⁹⁶. Однако по Матче М. А. Хамиджановой записаны сообщения о появлении здесь сандали в начале XX в.^{96а} Это сообщение подтверждается данными В. В. Дынина, который в 1904 г. посетил верховья Зеравшана (волости Матчинскую, Фальгарскую и Искандеровскую). Он писал, что в его время сандали был обычной принадлежностью жилого помещения только у жителей Фальгара⁹⁷. Следовательно, в Матче их тогда в широком бытовании не было. В 1978 г. в матчинском кишлаке Пастигав мной записано сообщение одного из стариков, родившегося в конце первого — начале второго десятилетия XX в. Он помнил рассказы своего отца о том, что тот одним из первых в своем селении устроил у себя сандали, в то время как в соседних кишлаках люди еще обогревались чахлаком, спустив в него после прогорания огня ноги.

А. С. Давыдов^{97а} высказал предположение, что сандали начали проникать в верхний Зеравшан «где-то в первой половине XIX в.» Мне кажется, однако, что такая дата является слишком ранней, учитывая, что даже в более доступных районах Средней Азии (Ферганская долина, Ура-Тюбе) сандали еще во второй половине XIX в. не был преобладающей формой обогрева людей в жилищах. Такая датировка может быть правильной только для самых нижних населенных пунктов верхнего Зеравшана — Пенджикента и его окрестностей, которые, по-видимому, А. С. Давыдов и имел в виду.

Южнее, в Каратегине, до революции сандали устраивали только в домах богатых бухарских чиновников⁹⁸. В 1952—1957 гг. при обследовании жилища Каратегина и Дарваза сандали был зарегистрирован в кишлаках центрального Каратегина выше и ниже Гарма (например, в кишлаке Казнок). Каратегинский сандали имел форму квадратной выемки в полу помещения, около 30 см глубиной и 1,5 м в поперечнике. В середине находился чахлак, глубина и диаметр основания которого 30, 40 и до 50 см (т. е. несколько меньше кулябского чахлака). В чахлак чаще всего насыпали жар из очага, а над ним помещали табурет, покрываемый толстым стеганым одеялом. Иногда от основания ямы-чахлака проводили проход-поддувало к краю невысоких нар, через который отводился дым и поступал воздух.

В Дарвазе сандали с чахлаком под ним в жилых домах старого (припамирского) типа появились уже после революции, по-видимому, из Куляба, через долину Оби—Ниоу (Дашти-Джумский район). При этом, по сообщению информаторов первой половины 50-х годов, в кишлаках выше Калаи-Хумба над чахлаком после прогорания огня клали жерди и покрывали их одеялом, а ниже Калаи-Хумба, как и в Кулябе, ставили табурет. В Припамирье во время поездок до середины 60-х годов сандали нами зарегистрирован не был.

О продвижении сандали на новые территории, где раньше его не было, можно судить по тому, что в Кулябе в 1948—1949 гг. сандали отмечены только в единичных домах, в начале же 70-х годов, по наблюдениям этнографа Н. С. Бабаевой, он бытовал не только в г. Кулябе, но и в самых восточных кишлаках Кулябской области почти во всех домах.

О времени появления сандали во всем регионе в целом у меня сведений нет. Врач Р. С. Гершенович сообщает, что упоминание о сандали имеется в описании жилища Тимура⁹⁹. К сожалению, он не указал, откуда им заимствованы эти сведения. Известные мне достоверные данные относятся к началу последней четверти XVIII в. Это сообщение Ф. Ефремова, как всегда лаконичное и очень точное, о бытовании сандали в Бухаре и его описание, из которого видно, что устройство его было тогда таким же, как и наблюдавшееся нами в 1936 г.¹⁰⁰

У бывших кочевых и полукочевых народов Средней Азии и Казахстана в их традиционном жилище — юрте, как известно, сандали не было, а при переходе к оседлости они большей частью заимствовали тип оседлого жилища вместе с формами отопления у своих оседлых соседей. Так, локайцы перенимали от соседних кулябских таджиков глинобитное жилище *чубтора*, *чибтора*, с очагом, вырытым в полу жилья¹⁰¹; казахи — жилище с печкой-плитой, сложенной из кирпича, с замазанным сверху котлом и дымоходом-обогревателем¹⁰²; киргизы — у ферганцев — жилище с айваном и камином¹⁰³ и т. п.

За пределами Советского Союза сандали бытовал к востоку от Ферганской долины в Кашгаре (Восточный Туркестан)¹⁰⁴, дальше на север — в Кульдже, но там, по имеющимся сведениям, только у сартов, живших в квартале Сарт-Махалла¹⁰⁵.

В Афганистане сандали под этим же названием бытует, во всяком случае, в городах, причем в публикациях приведен рисунок сандали с жаровней под ним¹⁰⁶.

Относительно бытования сандали в Иране имеются многочисленные сообщения. Наиболее старое из известных мне — это сообщение Ж. Шардена (вторая половина XVII в.). По его словам, в домах там делают устройства (типа нашего сандали. — А. П.), называемые *курси*¹⁰⁷. То же самое сообщает для начала XIX в. анонимный автор, издавший в 1844 г. свои наблюдения, сделанные в Персии, в виде писем; под этим же названием описал его и Н. А. Кисляков¹⁰⁸.

Термин *курси* прилагался к устройству типа сандали и на Кавказе¹⁰⁹, хотя широкого распространения там он, судя по литературе, не имел¹¹⁰.

Подведем итоги. На исследуемой территории зарегистрированы различные способы отопления домов или обогрева их обитателей.

1. *Костер*. Этот древний способ отопления жилых помещений в конце XIX в. бытовал в домах оседлого, главным образом городского населения уже в виде реликта, а в начале XX в. встречался только в единичных случаях; чаще всего его бытование устанавливалось по воспоминаниям о рассказах представителей предыдущего поколения. Однако в общественных помещениях, в которых происходили традиционные вечерние собрания мужчин (пережитки древних мужских союзов и домов огня), отопление костром бытовало повсеместно и значительно позже, даже в послевоенные годы, и не только в сельских местностях, но и в крупных селениях и городах.

Среди бывшего полукочевого населения, как известно, костер в качестве основного средства обогрева в традиционном переносном жилище — юрте бытовал еще в XX в. вплоть до перехода к оседлому образу жизни и стационарным типам жилища.

2. *Переносная жаровня с бездымным жаром.* Применялась главным образом для обогрева помещения для гостей в богатых городских домах и во дворцах правителей в Бухаре, Самарканде и других городах на равнинах вплоть до XX в., а в отдельных случаях встречалась и позже, даже после перехода в основных жилых помещениях к отоплению газом (наблюдения 1974 г. в Бухаре). Бытовала и в сопредельных странах, например в Афганистане.

3. *Очаг, вырытый в полу жилища,* с отверстием сверху для закладки топлива, печения хлеба и установки котла. Бытовал в трех вариантах: в виде ямы со стенками, обложенными камнями и покрытыми глиняной штукатуркой; в виде ямы, в которую вертикально вставлен изготовленный мастерами-профессионалами очаг-печь для выпечки лепешек (танур); в виде такой же печи-танур, но не вкопанной в пол жилища, а помещенной на специально сооруженную для этого на полу жилища глинобитную площадку. Очаг первого варианта бытовал повсеместно почти до середины XX в. среди оседлого таджикского населения и переходящих к оседлости бывших полукочевых тюркских племен на юге Таджикистана, в Кулябе. В долине Сурхоба (Каратегин) он появился вместе с жилищем равнинного типа в самом конце XIX в. через Гиссар и Файзабад и к середине XX в. распространился по всему нижнему и отчасти среднему Каратегину; везде потом был заменен сандали. В Гиссарской долине он бытовал в конце XIX в., в г. Каратаге в обоих вариантах — без вкопанного танура и с тануром. Местами сохранялся в Гиссарской долине в арханческой форме, без поддувала, до середины XX в. как среди оседлого, так и бывшего полукочевое население. Далее на север, в верховьях Зеравшана, он, по-видимому, был старинным традиционным видом отопления во второй половине XIX в., во всяком случае в верхних матчинских кишлаках, а потом сменился открытыми сзади очагами с дымарами и сандали. Еще дальше на север, за Туркестанским хребтом — в Ура-Тюбе, Исфаре, Костакозе, Сохе — выявлены только воспоминания о его бытовании в XIX в. среди местного населения. На юге Ферганской долины он встречался изредка среди исконного оседлого населения, но чаще среди иммигрантов из Кашгара. У последних бытовал как второй, так и третий вариант этого очага, причем третий вариант, с вмазанным в специальную площадку тануром, широко бытовал еще севернее, среди узбеков, живущих в Южном Казахстане от Чимкента до г. Туркестана.

4. *Очаг корчагообразной или близкой к цилиндрической формы, срезанный с одной стороны по всей высоте,* так что образуется вертикальный проем для закладки топлива, соединяющийся с верхним круглым отверстием для установки котла. Проем сзади определяет устройство такого очага в крае нар или специально сделанной для него площадки. В качестве универсального очага, выполняющего в первую очередь функцию обогрева дома, он бытовал (без дымара) во всем большом ареале различных вариантов припамирского жилища — от Вахана до нижнего Каратегина. В самых верхних вариантах этого жилища, где очажное отделение имело форму двух широких ступеней, он находился в крае верхней ступени и был приподнят над нарами других отделений; в дарвазо-каратегинском варианте он находился в крае

очажного отделения, имеющего форму глинобитных нар, основание его находилось на полу; в нижнекаратегинском варианте, где нар как таковых нет, а весь пол представляет собой ровную глинобитную площадку, — в специально сооруженной на полу жилья глинобитной площадке.

Открытый спереди очаг — очень распространенная форма, имеющая множество вариантов с дымарями и без них, в зависимости от выполняемых функций, района, топлива и т. п. Рассмотрением многочисленных вариантов этих очагов в плане Историко-этнографического атласа занимается сейчас А. С. Давыдов.

5. *Очаги с дымарями*; их условно можно назвать каминами. Последние имеют очень разнообразное оформление — от массивных сооружений с очагами внизу (в бассейне Зеравшана и в некоторых удаленных от центров и автострад селениях) до более легких по конструкции и часто красиво оформленных каминов в Ферганской долине и в сопредельных районах на восток и запад (Ленинабад, Ура-Тюбе и др.). Дальше на запад — в Бухаре и Самарканде — они в XX в. не бытовали, хотя записаны рассказы о бытовании их в прошлом. Наличие термина *кашкарча* в применении к некоторым формам дымарей можно рассматривать как указание на привнесение некоторых вариантов из Восточного Туркестана. На западе этот термин в отношении форм дымарей не был зарегистрирован. Продвижение наиболее легкого небольшого очага с дымарем, носящего название *кашкарча* и используемого только для отопления, удастся проследить со второй половины XIX в. до середины XX в. (А. С. Давыдов), в верховьях Зеравшана.

Таким образом, все имеющиеся в литературе и наши полевые материалы подтверждают правильность заключения Н. А. Кислякова о разделении территории Таджикистана по формам отопления (как и во многих других отношениях) на две зоны: северную, где преобладает отопление камином, и южную, где господствовали различные формы курного отопления. Границей между ними служит Гиссарский хребет. К северу от него находился древний Согд, к югу — древняя Бактрия — Тохаристан.

Данные по бассейну верховьев Зеравшана (А. С. Давыдов) позволяют предположить, что в древности на стыке этих двух областей находились территории (возможно, небольшие), где применялись формы отопления, отличные от всех описанных выше. Прежде всего это Ягноб со своим своеобразнейшим способом обогрева муром. Некоторые исследователи ягнобского жилища склонны считать мур первичной, архаической формой дымаря. Однако в муре собственно дымаря нет. Дым выходит, как и во многих формах курного жилья, через небольшие отверстия в верхней части стен или в крыше. Также нет дымаря в описанном А. Давыдовым старом варианте кштутского жилища, как нет его и в описанном М. А. Хамиджановой варианте верхнематчинского жилища в самом верхнем кишлаке Демунора. Думается, что эти уцелевшие на самой окраине зоны дымарей бездымарные формы когда-то были распространены значительно больше, образуя своеобразную зону переходных форм, которые со временем частью отмерли, а частью развились в поздние варианты верхнезеравшанского жилища — западные и восточные. Возможно, что на их формирование влияло и знакомство с форма-

ми отопления, бытовавшими на равнинах, чему, несомненно, способствовало и отходничество.

6. *Сандали*. Это самый чистый и приятный способ обогрева людей бездымным жаром, помещенным в ямке под столиком, покрытым большим ватным одеялом. Сандали издавна применялся в городском быту Бухары и Самарканда. Для Бухары имеется описание его устройства, сделанное в конце XVIII в. Ф. Ефремовым (для Ирана в XVII в. — Ж. Шарденом). Что же касается восточных районов Узбекистана, в частности Ферганской долины, то исследователи, начиная с В. В. Наливкина, отмечали ограниченность распространения сандали там еще во второй половине XIX в. В это время преобладающей формой отопления был камин. Дальше на восток сандали бытовал в Кашгаре и только в Сарт-Махалля в Кульдже, которая, по-видимому, была крайним восточным пределом сандали. На юг от Ферганы сандали в XIX в. продвинулся от Пенджикента до Фальгара, а в XX в. — до конца долины; в последние годы он бытовал и в самых верхних матчинских кишлаках. На наших глазах появился сандали в бассейне Фандарья — Ягнобе, Кштуте, причем обычно не в традиционном жилище, а в помещениях для приема гостей (мехманхана или худжра). В Каратегине, Кулябе раньше, даже в первые годы после революции, в широких слоях населения сандали не был известен, но за последние десятилетия он достиг самых окраинных селений. Это общий процесс, сандали продвигается за последние сто лет все дальше на юг.

После революции во всех советских среднеазиатских республиках происходила замена старых форм жилища новыми, этот процесс везде начинался с замены курного отопления бездымным, в частности сандали. Сейчас в удаленных кишлаках сандали еще бытует, хотя наряду с ним все больше входят в быт железные и чугунные печки; в городах переходят на газовое отопление.

В заключение хочу еще раз напомнить, что предлагаемая статья имеет целью обобщить и в меру возможности систематизировать весь имеющийся в моем распоряжении материал, чтобы яснее видны были пробелы. Дальнейший сбор полевого материала даст возможность сделать более уверенные и глубокие обобщения.

¹ В Бухару и Хиву в 1936 г. (Узбекистанский музей искусств); в Нурата и Маргилян в 1937 г. (то же); в города Ферганской долины в 1938 и 1939 гг. (Узбекский комитет охраны памятников старины и искусства); туда же в 1944—1947 гг. (Институт истории, археологии и этнографии АН УзССР); туда же в 1948 г. (Институт искусствоведения УзССР); в Припамирье в 1943, 1962, и 1964 гг. (Институт истории АН ТаджССР); в Кулябскую область в 1948—1949 гг. (Институт истории, языка и литературы Туркм. ФАН СССР); в Каратегин и Дарваз в 1954—1957 гг. (Институт истории АН ТаджССР); в 1959, 1976—1979 гг. — в северные районы Таджикистана (там же).

² Главнейшие из них: *Наливкин В. и Наливкина М.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, с. 73—84; *Андреев М. С.* Поездка летом 1928 г. в Касанский район (север Ферганы). — В кн.: Известия Об-ва для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Т. 1. Ташкент, 1928, с. 117—119; *Пещерева Е. М.* Домашняя и семейная жизнь. — В кн.: *Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Руслякина С. П.* Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М., 1954, с. 116—117; *Писарчик А. К.* Жилище. — В кн.:

- Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Т. 2. Сталинабад, 1958, с. 455—464; Кисляков Н. А. Таджики.— В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962, с. 534, 591—598; Писарчик А. К. Жилище.— В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Т. 2. Душанбе, 1970, с. 37—45; Давыдов А. С. Жилище.— В кн.: Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973, с. 31—48; Хамиджанова М. А. Материальная культура таджиков до и после переселения на вновь орошенные земли. Душанбе, 1974, с. 43—45; Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда XIX—XX вв. Душанбе, 1975, с. 39—41, и некоторые другие, в том числе по архитектуре: Воронина В. Л. Народная архитектура Северного Таджикистана. М., 1959; Она же. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951 и др.
- ³ Кисляков Н. А. Таджики.— В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. 1. М., 1962, с. 534.
- ⁴ О нем см.: Писарчик А. К., Кармышева Б. Х. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области.— Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1953, вып. 3; Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 1. Душанбе, 1966. Предисловие.
- ⁵ Краткую общую характеристику главных вариантов жилища таджиков см.: Кисляков Н. А. Таджики, с. 585—599; Воронина В. Л. Народная архитектура Северного Таджикистана. М., 1959; См. также: Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда, с. 17 и сл.
- ⁶ Филипп Ефремов. Десятилетнее странствование. Изд. пятое. М., 1952, с. 71, прим. 55.
- ⁷ См.: Наллекин В. и Налликина М. Очерк быта женщины..., с. 91, прим.; Крестовский В. В. В гостях у эмира бухарского. СПб., 1887, с. 209; описание аналогичного положения с обогреванием помещения афганского эмира Ширали-хана в Мазари Шерифе зимой 1878/79 г. см.: Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Т. 2, СПб., 1883, с. 142 и 202.
- ⁸ Помимо перечисленных выше, очаги в Средней Азии, как и во многих других регионах, выполняли функции домашнего алтаря, будучи местом почитания, принесения жертв, приготовления ритуальной пищи. Насколько мне известно, ритуальная функция очагов не была объектом специального этнографического исследования, хотя во многих этнографических работах по Средней Азии зафиксированы многочисленные факты почитания очага и огня, главным образом в календарных и семейных обрядах.
- ⁹ Термин «универсальный очаг» для обозначения очага с неразделенными функциями употреблен А. С. Давыдовым при описании очагов и печей верхнего Зеравшана. См.: Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана, с. 31 и сл.
- ¹⁰ См.: Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1869, с. 209. Приведенные им сведения собирались в 1858—1869 гг.
- ¹¹ См.: Сазонова М. В. К этнографии узбеков южного Хорезма.— В кн.: Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг. М., 1952, с. 285; Писарчик А. К. Жилой городской дом Бухары и Хивы.— Сов. архитектура, 1937, № 1, с. 46.
- ¹² В Хиве в 30-х годах текущего столетия мы уже наблюдали переход от древнейшего способа обогрева кочевника к европеизированным печам — печ. Аналогичный процесс наблюдался и у поздних дашти-кипчацких узбеков (см.: Задыхина К. Л. Узбекская дельта Аму-Дарьи.— В кн.: Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг., с. 360—363, рис. 9 и 9а).
- ¹³ Слово *гурунг* зафиксировано этнографом Н. Ташматовым (личное сообщение) среди таджикского населения кишлака Калачан-Калон под Ура-Тюбе, главным образом среди групп тюрк и кырк, в значении «собеседование, эпизодическое собрание людей разного возраста, приглашаемых для обсуждения какого-нибудь события, решения какого-нибудь трудного вопроса». Значения традиционных вечерних мужских собраний здесь этот термин не имеет.
- ¹⁴ Андреев М. С. Поездка летом 1928 г. ... Раздел «Джура (род зимних клубов)», с. 117—119. Эта работа Андреева осталась неизвестной исследователям, писавшим об интересующем нас институте после него (Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. М.; Л., 1936; Кондауров А. Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.; Л., 1940; Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948; Снесарев Г. П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии.— В кн.: Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг. 2. Памятники средневекового времени.

МХЭ, 1963, вып. 7). Все они ссылаются на другие работы М. С. Андреева, где он говорит о гапах, но никто не упомянул об этой работе, хотя именно в ней институт этот описан и рассмотрен наиболее полно и впервые высказана мысль о генетической связи гапхана с древними мужскими домами.

¹⁴ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 314—317; Снесарев Г. П. Традиция..., с. 155—205; Рахимов Р. Традиционные мужские объединения и некоторые вопросы общественного быта таджиков (конец XIX—начало XX в.). Автореф. канд. дис., Л., 1977; Ташматов Н. «Джура» и семейная обрядность (по материалам к. Калачая-Калон Уратюбинского района ТаджССР) (В печати).

¹⁵ В 1978 г. в Сохе со слов Мамаджана Гиясова, 1891 г. р., мной записана характеристика огня на вечерних мужских собраниях: «притягивающий к себе — *мехриёх*, обладающий благодатью — *файз*. Поэтому-то сидящие вокруг него мужчины «с любовью смотрят на него». Чрезвычайно интересно противопоставление информаторам этого огня — *гулхан*, к которому люди относились с благоговением, огню, костру, разжигавшемуся во время свадьбы (вокруг которого обводили новобрачную перед ее вступлением в дом мужа), и костру, разжигавшемуся во время обряда сафар-кочты в конце месяца сафара. Оба последних костра информатор назвал «плохим огнем» — *алови ганда*, *алови нахс*. Сообщение это пока остается единичным.

Обычай созерцания огня во время мужских собраний имеет очень древнюю параллель в обрядах первобытных племен, связанных с инициациями. У австралийского племени камиларои они заканчивались «церемонией огня», во время которой посвящаемые садились у костра в круг и долго-долго пристально смотрели на огонь, распевая священную песню.

^{15a} Гапхана — общественные помещения для традиционных мужских собраний.

¹⁶ Относительно подобных собраний у бывшего полукочевого или кочевого населения Средней Азии и Казахстана и терминов, употреблявшихся для обозначения разжигавшегося при этом огня, костра, у меня собственных материалов не имеется. Наиболее полные опубликованные сведения о них см.: Снесарев Г. П. Традиция...

¹⁷ См.: Кисляков Н. А. Жилища горных таджиков бассейна р. Хингоу. — В кн.: Сов. этнография. Вып. 2. М.; Л., 1939, с. 134. Н. А. Кисляков считает, что «тип здания, когда мечеть и алоухана находились в одном помещении, по-видимому, является более древним, чем тот, где имелись отдельные от алоухана хонака, что функция алоухана как общественного «дома огня» более древняя и что мечеть алоухана стали с распространением в крае ислама». О роли мечетей как мужских домов «байтун-нида» у западных мусульман в средневековье см.: Мещ А. Мусульманский ренессанс. М., 1966, с. 268—269.

¹⁸ В Каратегине, по личному сообщению этнографа Н. Н. Ершова, прожившего в Гарме ряд лет и изъездившего весь Каратегин и Дарваз в 30-х годах, термин *гулхан* к кострам в алоухана не применялся и был известен (по сказкам и рассказам о жизни и быте равнин) только в значении топки бани.

¹⁹ Об этом древнем обычае см.: Андреев М. С. Поездка летом 1928 г. ..., с. 11—12.

²⁰ В словарях слово *лангар* имеет много значений, среди них — «обитель каландаров», дом приюта для бедных, богадельня»; *табаки лангарри* — большое блюдо, вокруг которого садятся несколько мужчин для общей трапезы (записано в Нурата). О значении этого слова см.: [Андреев М. С.] О значении слова *лангарь*. — Туркестанские ведомости, 1889, № 78; Розенфельд А. З. Название *лангар* в топонимике Таджикистана. — ИРГО, 1940, т. 72, вып. 6, с. 861—864. Свен Гедин, путешествовавший по Восточному Памиру, Тибету, Кашгарии, часто употребляет этот термин с переводом «караван-сарай» (см.: Свен Гедин. В сердце Азии. Памир — Тибет — Восточный Туркестан. Путешествие в 1893—1897 гг. Т. 1. СПб., 1899, с. 330, 349 и др.).

²¹ Андреев М. С. К характеристике древних таджикских семейных отношений. — Изв. Тадж. ФАН СССР, Сталинабад, 1949, № 15, с. 4.

²² Сообщение Х. Ф. Кармышева (отца известного этнографа Б. Х. Кармышевой), до 20-х годов жившего в Кульдже. У казахов, живших там, по его словам, этого термина не было, как не было его и у казахов Советского Казахстана.

²³ В Кабуле термин *гулхан*, *гулхон* бытовал только в значении топки бани *хаммом*. Сведениями по Кабулу здесь и ниже я обязана афганцу М. Р. Умарову, уроженцу Кабула, покинувшему Афганистан в 1926 г. и в 40-х годах работавшему в Ташкенте, на Восточном факультете Среднеазиатского гос. университета.

²⁴ В словаре: Platts J. T. A Dictionary of Urdu, Classical Hindi and English. London, 1911, p. 74, дано разъяснение слова *алову*, *алава*. Оно приведено с пометой Н (хин-

- ди) и с соответствующей санскритской формой. Значение передано английским словом *bonfire*, обозначающим «огни, костры, которые зажигаются по случаю какого-нибудь праздника» (см.: *Александров А.* Полный англо-русский словарь. СПб., 1913, с. 79). Далее Платтс разъясняет: «Огонь, зажженный в яме в земле, вокруг которого сидят и греются крестьяне; в некоторых частях Индии — вокруг которого мусульмане танцуют в праздник Мухаррама». В статье *Гул* дано слово *гулхан* с переводом, «очаг, топка бани» (*Platts J. T. A Dictionary...*, p. 911).
- ²⁵ На остальной территории Киргизии этого термина, по-видимому, нет, так как он отсутствует в «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина (М., 1940).
- ²⁶ О локайцах и времени их появления на юге Таджикистана см.: *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976, с. 231, 235 и др.
- ²⁷ *Андреев М. С.* Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров (материалы). Сталинабад — Ташкент, 1930, с. 63.
- ²⁸ *Кисляков Н. А.* Таджики, с. 534.
- ²⁹ *Давыдов А. С.* Жилище, с. 130 и сл.
- ³⁰ Костер в качестве основного способа отопления широко бытовал в традиционном стационарном жилище многих кавказских народов (см.: *Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960; Т. 2. М., 1962*).
- ³¹ См.: *Писарчик А. К., Кармышева Б. Х.* Опыт сплошного этнографического обследования..., с. 94.
- ³² Способ выпекания хлеба на раскаленной каменной плите был зарегистрирован мной в 1943 г. в качестве обрядового пережитка в Припамирье, в с. Басид на Бартанге. Там в первый день обрядовой запашки на большом плоском камне разводили костер, потом сметали с камня жар и золу, клали тесто, засыпали его сверху толстым слоем жара и выпекали большие ритуальные хлебы (подробно об этом обычае см.: *Писарчик А. К.* Припамирские таджики. — В кн.: *Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962, с. 667*). По наблюдениям Б. Х. Кармышевой (личное сообщение), еще в начале XX в. хлеб пекли на открытом очаге на каменной плите (яли в котле) карлуки, локайцы, кунграты, большая часть турков.
- ³³ *Писарчик А. К., Кармышева Б. Х.* Опыт..., см. 94—95. Ср. с устройством печи в домах нового типа в Казахстане (*Востров В. В., Захарова И. В.* Казахи. — В кн.: *Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. М., 1963, с. 405*).
- ³⁴ См.: *Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962, с. 286, 468; Т. 2. М., 1963, с. 227—228, 401 и др.*
- ³⁵ Термином *манкал*, *манкалдон* в Ташкенте называли употреблявшиеся в старину глиняные сосуды — горшки, кувшины, которые после закладки в них с вечера всех необходимых продуктов закапывали на всю ночь в жар очага. Этот способ приготовления пищи, требующей особенно долгой варки (как, например, кушанья из гороха, бобов, дробленой пшеницы), бытовал под разными названиями до последнего времени в ряде глухих кишлаков в верховьях Пянджа, Зеравшана. Бытовал он и в Каратегине, зарегистрирован у узбеков в кишлаке Карнак около Туркестана.
- ^{35а} Древесный уголь называли иногда (например, в Сохском районе УзССР) *ангишти манкал*, в Файзабаде — просто *манкал*, а в Муминабаде (Кулябская область), где его выжигали из фисташки, *лахча*. Его выжигали киргизы в горах и продавали на базарах. Уратюбинцы иногда делали его сами. После прогорания в костре или очаге дров или сухой виноградной лозы *топила* (сообщ. Ш. Шарипова из к. Тутк) брали раскаленные, но уже недымящиеся угли, клали их в горшок и плотно закрывали, чтобы угли потухнуть. В бассейне рек Кашкадарья и Сурхандарья выжиганием и продажей угля занимались горные таджики, а также кунграты и катаганы-токчи (сообщ. Б. Х. Кармышевой).
- ³⁶ См.: Вести от русских из Бухары (Выписка из партикулярного письма). — Вестник Европы, 1821, ч. CXVII, с. 261. Анонимный корреспондент пишет: «От стужи бухарцы греются в своих домах угольями, раскладенными на жаровнях по полу или в нарочно сделанных для сего углублениях в полу». По другому сообщению, при этом на горячие угли посыпали желтый порошок сумбул, от чего распространялся аромат, очень своеобразный, но приятный (*Крестовский В. В.* В гостях у эмира бухарского, с. 171—172).
- ³⁷ См.: *Яворский И. Л.* Путешествие..., т. 2, с. 143, 182 и др. Он пишет, что от мангалов часто урагуют.

- ⁵⁰ О кане у уйгуров см.: Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. М., 1963, с. 505; Народы Восточной Азии. М., 1965, с. 622.
- Б. А. Куфтин пишет, что отопление каном (khan) применяется в Персии. См.: Куфтин Б. А. Жилище крымских татар, с. 24—25. В доступных мне восточных словарях такое значение слова кан не дается. В Крыму в жилищах этот вид отопления отсутствовал, но термин кан применялся к женским баням в Бахчисарае, устроенным по тому же принципу, что и восточнотуркестанские бани, — с жаровыми каналами под полом. Подобный вид отопления был обнаружен археологами при раскопках г. Маджары в Сарае (Городцов В. А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. — Труды IV археолог. съезда, с. 186; Терещенко А. Окончательное исследование местности Сарая. Уч. зап. АН I и II отд., 1853, с. 2; Баллод Ф. В. Приволжские «Помпен». М., 1928).
- ⁵¹ Подробнее об этом сандале см.: Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда..., с. 22, 37—40.
- ⁵² В Дарвазе, если жилое помещение летом или ранней весной используется для выведения шелковичных червей, очаг спереди замазывается и дым выводится через дымоход наружу. Это обеспечивает для червей необходимую высокую температуру и чистый воздух. В таком случае очаг приобретает корчагообразную форму и называется не дегдон, а чахлак (см.: Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 2, с. 87).
- ⁵³ О вариантах жилища припамирского типа в Горно-Бадахшанской АО и Каратегине см.: Писарчик А. К. Жилище. — В кн.: Андреев М. С. Таджики долины Хуф, вып. 2, с. 420—485; Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 2, с. 70 и сл., там же приведена и библиография; Воронина В. Л. Своеобразие в архитектуре жилища Горного Бадахшана. — В кн.: Архитектурное наследие. М., 1975.
- ⁵⁴ См. подробнее: Кисляков Н. А. Жилище горных таджиков бассейна р. Хингоу. — В кн.: Сов. этнография, 1939, вып. 2.
- ⁵⁵ См.: Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 2, с. 37—45, 60, 79 и др., где приведены и иллюстрации.
- ⁵⁶ Термин *мури* в уменьшительной форме *мурича* (в народном произношении *мурча*) вошел в обиход всюду в Узбекистане и Таджикистане для обозначения бани европеизированного типа.
- ⁵⁷ Термин *касаба*, *касаба-инкир* в применении к камину с проемом в виде стрельчатой арки встречался и в глухом Ягнобе, куда он начал проникать сравнительно поздно, на рубеже XIX и XX вв. См.: Андреев М. С. Поездка летом 1928 г. ..., с. 120; Кондауров А. Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.; Л., 1940, с. 44.
- ⁵⁸ В терминологии ферганских мастеров XIX — начала XX в. заимствованное из русского языка слово *арка* употреблялось для обозначения полуциркульной арки, для обозначения же традиционной стрельчатой арки местного типа ими всегда употреблялся свой старый термин *линг*.
- ⁵⁹ Ср. с аналогичным расположением камня и способом подачи в очаг камышового топлива в старинных самаркандских домах (Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда..., с. 37).
- ⁶⁰ По сохранившимся преданиям, в старое время, вплоть до первой половины XIX в., ферганцы, как правило, не рубили деревьев, особенно плодовых, на дрова. Вместо дров тогда жгли главным образом толстый камыш *камыш-ёгоч* — «камыш-дерево». Приведенные сведения были сообщены моему информатору Юсуф-Али его отцом, родившимся около 1805 г. (о Юсуф-Али Мусаеве, его отце и многих других членах этой большой семьи мастеров-строителей см.: Писарчик А. К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX — начале XX в. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954, с. 218 и сл.).
- ⁶¹ См.: Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. По материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизской ССР. Фрунзе, 1962, с. 192.
- ⁶² Андреев М. С. Поездка летом 1928 г., с. 120.
- ⁶³ Еришов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русьякина С. П. Культура и быт таджикского крестьянства. М., 1954, с. 116.
- ⁶⁴ Объяснение различий в записанных сообщениях, по-видимому, следует искать в том, что информаторы относились к различным группам таджикцев, выходцев из разных мест. Но, к сожалению, этот вопрос остался в свое время невыясненным.

- ⁶⁵ Подробнее о видах отопления, применявшихся в Самарканде, см.: *Писарчик А. К.* Народная архитектура Самарканда..., с. 37 и 41. Там же на с. 6 изложены сведения о моих главных самаркандских информаторах — мастерах-строителях разных специальностей, родившихся во второй половине XIX в., между 1869 и 1895 гг.
- ⁶⁶ В ценнейших воспоминаниях Филиппа Ефремова о быте народов Средней Азии, в частности Бухары, конца 70-х — первой половины 80-х годов XVIII в. в качестве отопительного устройства описывается только сандали, о камине же упоминаний нет (*Филипп Ефремов*. Десятилетнее странствование).
- ⁶⁷ Так как мне самой пришлось побывать в верховьях Зеравшана только раз, в 1978 г., и то недолго, а в Ягнобе и Кштуте я не была, то своих материалов у меня почти нет, и все изложенное ниже основывается на данных очень обстоятельной работы А. С. Давыдова «Жилище» (с. 37—42 и 60 и сл.). Некоторые ранние данные о ягнобском жилище почерпнуты из работ: *Андреев М. С.* Материалы по этнографии Ягноба, Душанбе, 1970, с. 94—109, планы и рисунки (главным образом записи 1927 г.); *Кондауров А. Н.* Патриархальная домашняя община... О жилище матчи см. также: *Хамиджанова М. А.* Материальная культура матчинцев...
- ⁶⁸ Различные варианты оформления этих труб см.: *Воронина В. Л.* Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана.— СЭ, 1953, № 3, с. 181, рис. 8.
- ^{68a} Ягнобский инкир по форме и устройству напоминает описанный выше для Ферганы тандыр-учак, но местоположение его в доме совсем другое. Описание и изображение ягнобского мура см.: *Давыдов А. С.* Жилище, с. 31 и 32, рис. 1 и 2; *Андреев М. С.* Материалы по этнографии Ягноба, с. 84—109 и рис. 13.
- ⁶⁹ О мурчали см.: *Народы Средней Азии и Казахстана*. Т. 2. М., 1963, с. 12.
- ⁷⁰ См.: *Овезов Д. М.* Племя мурчали.— В кн.: Труды ЮТАКЭ, материалы по антропологии и этнографии Южного Туркменистана. Ашхабад, 1959, т. 9, с. 198—199. На эту работу любезно обратила мое внимание Г. А. Пугаченкова.
- ⁷¹ См.: *Овезбердыев К.* Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса.— Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР, Ашхабад, 1962, т. 6, с. 119.
- ⁷² *Певцов М. В.* Путешествие в Кашгарию и Кунь-Лунь. М., 1949, с. 114.
- ⁷³ Материалы, собранные Дж. Кармышевой.
- ⁷⁴ Об этих событиях см. его «Сирадж-ут-таворих». Кабул, 1331 г. х., с. 321 и сл.
- ⁷⁵ 8 лет при дворе неограниченного монарха. Пер. с английского Л. В. Омелянович. Ташкент, 1910, с. 76.
- ⁷⁶ См.: *Народы Передней Азии*. М., 1957, с. 83.
- ⁷⁷ См.: *Chardin J.* Les voyages. II. La Perse et les Persans. 1671—1675. Paris. Moris Graubus Editor, p. 141; *Н. М.* Письма русского из Персии. СПб., 1844, ч. 2, с. 4. Автор также отмечает малый размер камней в Иране. Н. А. Кисляков среди способов отопления в современном Иране камня не упоминает (*Народы Передней Азии*, с. 197).
- ⁷⁸ По-видимому, от арабского слова *бухар* — «дым». См.: *Баранов Х. К.* Арабско-русский словарь. М., 1962, с. 68. На это значение термина *бухори* любезно обратил мое внимание А. С. Давыдов.
- ⁷⁹ См.: *Народы Кавказа*, т. 2, с. 105, 288 и др.
- ⁸⁰ См.: *Панек Л. Б.* Жилище мтиулов.— Сборник МАЭ. Л., 1930, т. 9, с. 247—248.
- ⁸¹ См.: *Куфтин Б. А.* Жилище...; см. также: *Народы Передней Азии*, с. 340. Здесь говорится, что в старинных богатых домах комнаты отапливаются камнями. В качестве основного способа отопления применялся мангал, превращаемый потом в устройство типа среднеазиатского сандали, которое в Турции называли *тандир*.
- ⁸² См.: *Куфтин Б. А.* Жилище...
- ⁸³ По объяснению персидских толковых словарей (например, «Бурхони котель», т. 2, с. 57) термин *сандали* происходит от слова *сандал* — «обувь» (это слово в значении старой изношенной обуви до последнего времени было в ходу в припамирских языках. См.: *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф, вып. 2, с. 246—247 и др.) и обозначает скамью, на которую ставили обувь (см. также: *Platts J. T.* A Dictionary..., p. 746).
- ⁸⁴ Словом *чорчуб* (рама) в языках большей части оседлого населения Средней Азии обычно обозначается деревянная рама прямоугольной формы, в том числе, например, нижняя рама обвязки всякой каркасной постройки. Приложение этого названия к кирпичному обрамлению углубления под сандали указывает на его происхождение от деревянной рамы.
- ⁸⁵ Термином *гурбада* в банях местного типа (хаммом) обычно называли узкие про-

- ходы между широкими и большими подземными жаровыми каналами (см.: *Писарчик А. К.* Строительные материалы и конструктивные приемы ферганских мастеров в XIX—XX вв.— В кн.: *Среднеазиатский этнографический сборник*. М., 1954, с. 252). Они настолько узки, что по ним, по объяснению бухарских мастеров-строителей, может пройти только кошка — *гурба*. Отсюда и название.
- ⁶⁶ См.: *Пещерева Е. М.* Домашняя и семейная жизнь, с. 117.
- ⁶⁷ Там же, с. 117—118.
- ⁶⁸ Название «горный уголь» этот уголь получил потому, что выжигали его главным образом в горных лесах киргизы.
- ⁶⁹ О некоторых других отрицательных свойствах сандали говорит А. Марти (8 лет ..., с. 76—77).
- ⁷⁰ *Наливкин В.* и *Наливкина М.* Очерк быта женщины..., с. 38. То же самое утверждали информаторы Б. Х. Кармышевой (личное сообщение) и объясняли это выработавшейся привычкой к резким сменам температуры, а главное тем, что вышедшая во двор женщина тотчас по возвращении в дом опять садилась у сандали и хорошенько прогревалась.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² См.: *Бикжанова М. А.* Бытовые условия жизни колхозников.— В кн.: *Бикжанова М. А., Сухарева О. А.* Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955, с. 104.
- ⁷³ Здесь уместно отметить допущенную мной в давней публикации неточность относительно сандали в Бухаре (см.: *Писарчик А. К.* Жилой городской дом Бухары и Хивы, с. 45). Там говорится, что под сандали ставили жаровню с углями. Собранные дополнительные данные свидетельствуют о том, что сандали в Бухаре, как и повсюду в местах его бытования в Средней Азии, в большинстве домов обогревался насыпанными в ямку под ним разожженными углями или бездымным жаром. Однако применение жаровен известно и у других народов, пользовавшихся для обогрева сандали, например у уйгуров (Народы Восточной Азии, с. 622), у афганцев (там же, с. 83), а за последнее время — и у таджиков в городах, причем вместо жаровни используется электрическая плитка.
- ⁷⁴ Подробнее см. *Писарчик А. К.* Народная архитектура Самарканда XIX—XX вв., с. 21.
- ⁷⁵ Так как убрать урожай в короткие сроки своими силами бывало трудно, то обычно приглашали на помощь родных, соседей. По окончании работы каждый участник ее, по традиции, мог взять себе столько собираемого, сколько мог унести. Только при работе по сбору кунжута вознаграждение за труд, опять-таки по традиции, выдавалось сушеной дыней.
- ⁷⁶ См.: *Давыдов А. С.* Жилище, с. 31—49 *Хамиджанова М. А.* Материальная культура матчинцев..., с. 42.
- ^{76a} *Хамиджанова М. А.* Материальная культура матчинцев..., с. 42.
- ⁷⁷ *Дынин В. В.* Очерк быта горцев верховьев Зеравшана.— Изв. Туркестанского отдела РГО, 1914, т. 10, вып. 1, с. 81.
- ^{77a} *Давыдов А. С.* Жилище, с. 40, 91.
- ⁷⁸ См.: *Писарчик А. К.* Жилище.— В кн.: *Таджики Каратегина и Дарваза*, вып. 2, с. 59.
- ⁷⁹ *Гершенович Р. С.* Пережитки старого быта и их вред для здоровья. Ташкент, 1940, с. 91.
- ¹⁰⁰ *Филипп Ефремов.* Десятилетнее странствование, с. 65, прим. 55. После него о сандали упоминают многие путешественники и члены посольств, которым пришлось побывать в Бухаре зимой.
- ¹⁰¹ См.: *Писарчик А. К., Кармышева Б. Х.* Опыт сплошного этнографического обследования..., с. 94.
- ¹⁰² Там же, с. 95.
- ¹⁰³ *Антипина К. И.* Особенности матеральной культуры..., с. 192.
- ¹⁰⁴ См.: *Народы Восточной Азии*. М., 1965, с. 622. Отец моего информатора мастера-каменщика Эргаш-ходжи Мадюсуп, уйгур-эмигрант из Кашгара в Фергану во второй половине XIX в., рассказывал сыну, что в Кашгаре довольно много домов отапливались каном, но во многих домах был и сандали.
- ¹⁰⁵ Сообщ. Х. Ф. Кармышева и Дж. Кармышевой (см. прим. 22 и 38). Один из информаторов Дж. Кармышевой много ездил по Джунгарии (до Камула, Хами на востоке) и говорил ей, что нигде, кроме как в Сарт-махалла в Кульдже, сандали он не видел. Жилье везде отапливали каном и очагом-камином *морочак*. Сама Дж. Кармышева, уехавшая из Кульджи около 1926 г. 12 лет, бывала там во многих уйгур-

- ских домах, как богатых, так и бедных. И нигде она не видела ни устройства типа саидали, ни ямки в полу дома для разведения костра.
- ¹⁰⁶ См.: Народы Передней Азии, с. 83.
- ¹⁰⁷ Chardin J. Les voyages. II. La Perse et les Persans, p. 142.
- ¹⁰⁸ См.: Н. М. Письма русского из Персии, ч. 2, с. 5. Он пишет, что в ямку под стол ставят мангал, т. е. жаровню с углем. Прекрасное фото большой семьи персов, сидящих вокруг курса, приведено в статье: Кисляков Н. А. Персы.— В кн.: Народы Передней Азии, с. 197.
- ¹⁰⁹ См.: Ильина М. Древнейшие типы жилищ Закавказья, с. 6—8.
- ¹¹⁰ См.: Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960; Т. 2. М., 1962.

Ю. Якубов

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ БЫТОВЫЕ ОЧАГИ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ГАРДАНИ ХИСОР

Раннесредневековое поселение Гардани Хисор расположено близ современного селения Мадм, в 12 км от знаменитого замка на горе Муг. В результате многолетних работ Зеравшанского отряда поселение полностью раскопано. Расчищены 22 дома. В каждом из них обнаружены по два и даже три очага для варки пищи, отопления и выпечки хлеба. Такой большой материал о разнообразных бытовых очагах VII—VIII вв. в Таджикистане получен впервые. Обратимся к рассмотрению этого материала.

Очаг первого типа (рис. 1, 1) найден в помещениях 25 и 26, но хорошо он сохранился только в последнем. Данный очаг имеет две стойки шириной каждая 25 см и длиной 40 см, т. е. по размерам они равны одному кирпичу. Стойки сохранились на высоту 80 см, сложены из кирпича-сырца на глиняном растворе. Верхняя часть стоек не уцелела. В промежутке между стойками, равном 60 см, находился двухъярусный очаг. Нижний ярус представляет собой небольшой очаг диаметром 20 см, глубиной 24 см и высотой 15 см. Верхний ярус — нишеобразный, ширина его в широком месте 45 см, глубина 32 см и высота сохранившейся части 30 см. Верхняя часть очага обмазана огнеупорной глиной. Перед очагом имеется небольшая нишеобразная площадка размером 85×45 см, отгороженная глиняным валиком толщиной около 15 см и высотой 6 см. По данным этнографии, и сейчас часто в кишлаках верхнего Зеравшана перед очагами делают небольшое округленное углубление для выгребания золы, называемое *таштак* или *ошдонипастак*¹.

Таким образом, очаг первого типа состоит из трех частей. В нижнем маленьком очаге, судя по этнографическим параллелям, варили пищу, кипятили воду, молоко и пр., но в нем не могли печь лепешки из-за небольшого размера. Преимущество маленького очага состоит в том, что на нем можно варить пищу на небольшом огне. При этом одновременно согревался очаг второго яруса и настолько, что в нем можно было печь лепешки. Таким образом, в очаге этого типа топлива расходовалось

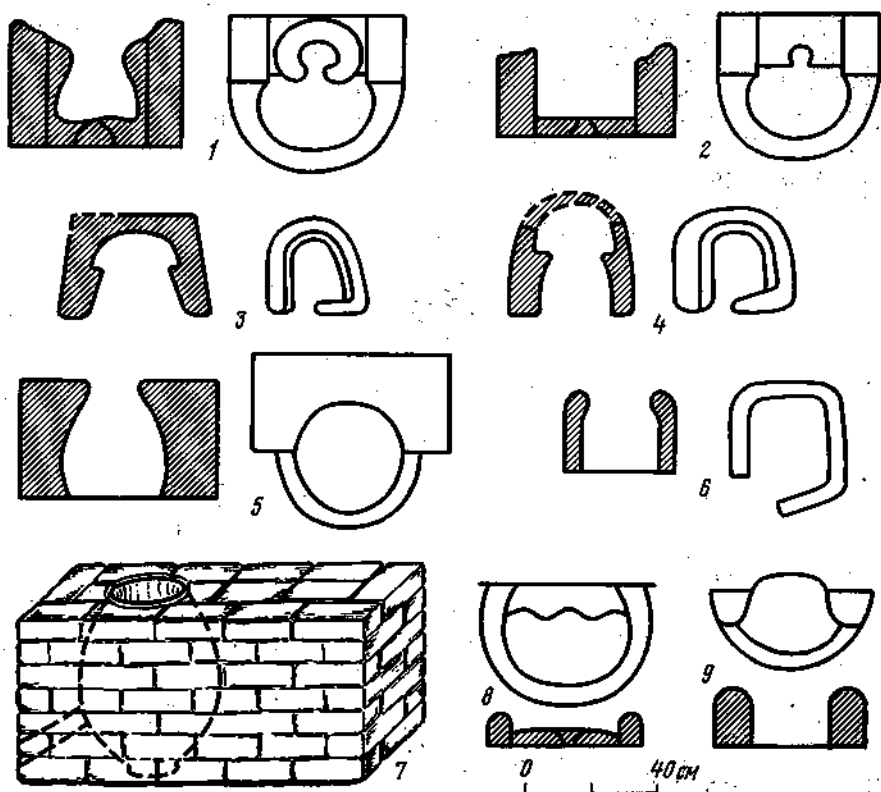

Рис. 1. Очаги

1 — первый тип; 2 — второй тип; 3, 4 — четвертый тип; 5 — шестой тип; 6 — пятый тип; 7 — седьмой тип; 8, 9 — третий тип

меньше, чем в других очагах. Очевидно, когда нужно было разогреть второй ярус для печения лепешек, нижний прикрывали каменной плитой, а котел для варки пищи устанавливали на верхнем очаге.

Какую роль играл таштак? Слово *таштак* в современном таджикском языке означает посуду с небольшим высоким бортиком, в применении к очагу — небольшое ограждение. На дно его укладывали большую каменную плиту, на которой, используя жар золы, пекли лепешки *кумоч*².

Очень возможно, что таштаки гарданихисорских очагов имели такое же назначение, т. е. в них пекли лепешки типа *кумоч*.

Очаг первого типа имеет прямую аналогию в этнографическом материале среди очагов из кишлаков верхнего Зеравшана. Этот очаг называется *оштони бозудор*, он так же, как очаг первого типа, двухъярусный. «Нижний ярус *оштонча* служит для установления котла, а верхний *оштон* — для печения на его стенках лепешек»³. А. Давыдов не привел данных о размерах *оштони бозудор*, однако, судя по рисункам и фотог-

Рис. 2. Очаг второго типа

рафиям, современный ошдонибозудор более усовершенствован и значительно больше по размерам, чем гарданихисорский. Очень любопытен очажок, раскопанный Ташходжаевым на Афрасиабе⁴. Он переносной, богато орнаментированный, состоит из большого очага, внутрь которого вставлен маленький. Сходство этого очага с ковшеобразным обрамлением перед ним с двухъярусным очагом из Гардани и современным ошдонибозудор, по-видимому, не случайно, и данный очаг является имитацией больших очагов, бытовавших в Согде в раннесредневековый период.

Очаг второго типа. В помещениях 40, 45, 47, 50, 52, 78 Гардани Хисор обнаружены очаги (рис. 1, 2), которые состоят из двух стоек длиной 40—50 см и шириной 25 см. Внутри имеются два небольших выступа высотой 10—15 см, на некоторых из них нельзя установить котел (рис. 2). Этот маленький очажок, который, судя по этнографическим материалам, можно назвать *кануком*, в данном случае никакой конструктивной роли не играл. Перед очагом имеется таштак, в котором готовили пищу, кипятили воду, как на костре. Такие очаги открыты в некоторых парадных помещениях Пенджикента, например в помещениях 10 и 34 на XVI объекте⁵.

Верхняя часть очагов первого и второго типов не сохранилась, поэтому мы не знаем их полного устройства. Возможно, что они были подобны нишеобразным очагам открытого типа, раскопанным Р. Гиршманом в Беграме⁶. Если это так, то при топке дым распространялся в помещении, т. е. они не имели дымохода.

В 1978 г. в Куме раскопан аналогичный очаг. В его кануке можно установить котел. Перед ним большой таштак. Очаг частично углублен в стене, что свидетельствует о существовании дымохода.

В Пенджикенте на объекте XII в помещении 22 найден очаг, представляющий собой «нишу глубиной 6—7 см, в которую вставлен вылепленный из глины с саманом и шамотом квадратный щит (42×42 см)... Углы щита и закраины округлены... В полу перед нишей имелось заполненное золой углубление (62×42 см), обрамленное валиком 10—12 см высотой. У северного края очага находилась яма от столба (диаметром 10 см и глубиной 48 см). Другой столб (диаметр 15—18 см) прослеживается по пустоте в завале над камнем в северо-восточном углу вскрытой части площадки. Над площадкой был какой-то навес»⁷. Судя по рисункам, опубликованным в отчете Б. И. Маршака, очаг в помещении 22 по бокам имел небольшие стойки. Как отмечалось выше, многие элементы гарданихисорских очагов сохранились в современных бытовых очагах жителей верхнего Зеравшана.

Как пишет А. Давыдов, над современными ошдонибозудор и подобными очагами установлен «мури» — дымоход, представляющий собой прямоугольную трубу с ровными стенками до потолка. Переднюю и боковые стенки трубы возводили из камня на глине, а задняя являлась частью стены помещения. Боковые стенки начинались от земли, а передняя выкладывалась на специальной горизонтальной перекладине, установленной приблизительно на высоте 1 м от пола (проем для очага). «Дым из мури выходит через имеющееся в крыше отверстие, называемое также *мури*»⁸.

Следует добавить, что в доме Боева Ходнибоя (сел. Мади) передняя стенка мури каркасная и деревянная. Перекладина опирается не на щеки боковых стоек, а на пазы деревянных колонн, стоящих впритык к боковым стенкам.

Очаг третьего типа таштак (рис. 1, 8, 9) обнаружен в помещениях 45, 52 и 70. Таштак в помещениях 45 и 70 пристроен к суфе, а в помещении 52 — к стене.

Таштак в помещении 45 в отличие от очагов помещений 52 и 70 имеет две небольшие боковые стойки высотой 35 см, шириной 20 см и длиной 22 см. Стенки пристроены к краю суфы. Ошдон-таштак несколько заглублен в суфу, и в этом заглублении расположен крошечный канук. От одной стойки к другой идет подковообразное обрамление шириной 10 см и высотой 5 см, внутри которого найден котел с остатками пищи.

Таштак в помещении 70, как и в помещении 45, пристроен к краю суфы, однако не имеет боковых стоек. Он представляет собой ковшеобразный таштак, примыкавший в суфе. Высота стенки таштака увеличивается начиная от его средней части и у суфы достигает ее уровня — 35 см от пола.

Канук, как и в очаге помещения 45, небольшой и также не имел конструктивного значения. Его размеры 70×50 см, дно очага ниже пола помещения на 8 см. Высота обрамления у суфы 35 см, а на полу — 6—7 см, толщина обрамления 5—6 см.

Таштак в помещении 52 подобен таштаку помещения 70.

Дым из очагов третьего типа выходил через отверстие в крыше или

верхней части стены и через дверь. В таштаке пища готовилась, как на костре. Очаги-таштаки обнаружены в Пенджикенте, в долине одной из усадеб. В. Л. Воронина называет их пристеновыми⁹.

Очаг четвертого типа. Выявлено два варианта этих очагов: стеновые и напольные (рис. 1, 3, 4).

Для стенового очага сначала в стене выбивали нишу, потом по бокам ставили два кирпича ребром и один у входа. Кирпичи и нишу обмазывали глиной таким образом, что получался свод с полочкой. Таким же способом устроены очаги в помещениях 26 и 50. Устье их было небольшим, его загораживал третий кирпич, стоящий наискосок.

В помещении 48 очаг был выложен толстым слоем глины с камушками. Ширина полочки 4—5 см. Стенки очага кверху сужаются, в его устье вставлен горшок.

Очаги в помещениях 26 и 50 очень разрушены, гораздо лучше сохранился такой очаг в помещении 48 — с уцелевшими фрагментами оформления устья в виде выступающего арочного портала. Внутренние стенки очагов сильно обожжены, что свидетельствует о высокой температуре внутри камеры.

Стеновые очаги обнаружены в некоторых помещениях Пенджикента. В. Л. Воронина пишет о них: ...«стеновые очаги имеют вид ниши. Судя по их неровной внутренней поверхности, они попросту выдалбливались на облюбованном участке стены вровень с полом или суфой»¹⁰, т. е. были устроены точно так же, как и в Гардани Хисор. Далее В. Л. Воронина отмечает, что такого рода очаги, обычно широкие и глубокие, явно предназначались для приготовления пищи. Довольно часто они встречаются в долунах и комнатах построек шахристана и пригорода — например, на объекте V, в помещениях 1 и 4 объекта XIII, в долине усадьбы 3 и комнате усадьбы 10.

Однако В. Л. Воронина не уточняет, как в таких стеновых очагах приготавливали пищу. Как было отмечено выше, все гарданихисорские стеновые очаги имеют полочки для посуды типа сковородки.

Следует отметить, что гарданихисорские очаги скорее похожи не на очаг-нишу, а на миниатюрный сводик с пятой. К сожалению, исследователи не дают подробного описания пенджикентских очагов этого типа. Судя по описаниям В. Л. Ворониной, у пенджикентских стеновых очагов полочки отсутствуют. Но в отчете Е. В. Зеймаля, руководителя раскопок на XIV объекте, описаны два очага и опубликована фотография одного из них, на которой очень четко видно его внутреннее устройство. Стеновой очаг из помещения 4 объекта XIV по своему устройству ничем не отличается от гарданихисорского, т. е. такой же нишеобразный, с внутренними полочками для посуды типа сковородки¹¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что и в Гардани Хисор, и в Пенджикенте для выпечки хлеба использовались очаги одинакового типа — наподобие современного равактанура.

В помещении 7 городища Кахкаха II в шахристане обнаружены остатки своеобразного очага, возле которого лежали фрагменты глиняной сковородки¹². Судя по описанию Н. Негматова, кахкахинский очаг по устройству близок к гарданихисорским танури девори, и в одном, и в другом в сковородах пекли хлеб.

В. Л. Воронина опубликовала рисунок очага-ниши из современного кишлака Лянгара Кулябского района. Лянгарский очаг-ниша вделан в стену и имеет форму, отличную от гарданихисорского. Его нижняя часть похожа на современный дегдончи, а верхняя — на навес. Лянгарский очаг-ниша служил только для приготовления пищи и кипячения воды¹³. В. Л. Воронина приводит рисунок очага-ниши из кишлака Фароб верхнего Зеравшана¹⁴. Это нишеобразный очаг, перед ним на полу — прямоугольная площадка таштак. Судя по рисунку В. Л. Ворониной, здесь в кумгане кипятили воду. Очаг не имеет полочек для установки котла.

Очаг, относящийся ко второму варианту, раскопан в помещении 55 Гардани Хисора. Это нишеобразный очаг, только на суфе. Он сложен из кирпича-сырца, поставленного ребром, на глиняном растворе. На высоте 30 см в стенах имеется полочка для посуды. Зачистка показала, что полочка в боковой стене вставлена в небольшой паз и укреплена глиной (рис. 1, 4). Очаг имел сводообразное перекрытие. В его устье, как у очага комнаты 48, вставлен керамический горшок. Внутри очага сделана интересная находка: разбитая глиняная сковородка с остатками обугленного хлеба, причем диаметр дна сковородки (40×40 см) соответствовал расстоянию между полочками. Следовательно, эти полочки были подставками под сковородку. Благодаря этой находке выяснилось, что очаги четвертого типа с полочками предназначались для выпечки хлеба. Сами сковороды изготовлены из огнеупорной глины. Таким образом, теперь стало известно назначение сковородок, которые столь часто встречаются археологам Средней Азии при раскопках древних и средневековых памятников.

Такой же сводообразный очаг с полочками найден в нижнем слое помещения объекта XII в Пенджикенте¹⁵, но к сожалению, В. Л. Воронина о его назначении не сообщает. Однако теперь, когда в помещении 55 Гардани Хисор найден такой же очаг со сковородкой, мы можем с уверенностью сказать, что очаг объекта XII Пенджикента имел такое же назначение. Это тем более вероятно, что низкие своды и передняя стенка этих очагов не позволяют установить в них котел. Очевидно, эти очаги использовались только для выпечки хлеба. Перед стеновыми и наземными танурами отсутствует таштак.

Очаги пятого типа найдены во II, IV, V и VIII домах (рис. 1, 6). Они были разными по величине, стенки их сложены из кирпича-сырца, поставленного ребром или положенного плашмя на глиняном растворе.

Высота их от 40 до 50 см, ширина 40—50 см. Все очаги данного типа пристроены к стене и имеют овальную форму. Стенки их, как правило, почти прямые и только в некоторых случаях сужаются кверху. Снаружи и изнутри они обмазаны глиной. Внутри очаги не имеют полочек, это свидетельствует о том, что в них главным образом готовили пищу, однако могли также печь в сковородках лепешки. В помещении 32 внутри такого очага по южной и северной стенкам симметрично уложены два камня на глиняном растворе, очевидно для того, чтобы сократить ширину очага для установки котла меньшего размера.

Перед очагами этого типа также нет таштака. Сходные очаги найдены в Пенджикенте¹⁶. Они имеются почти во всех современных домах

Рис. 3. Танур (справа) и очаг пятого типа в помещении № 49

верхнего Зеравшана¹⁷ и называются *оштонпоча*, *сангупоча*, а в южных районах Таджикистана — *дегдонпоча* (рис. 3).

Очаг шестого типа (рис. 1, 5) по форме и устройству отличается от вышеописанных. Он найден только в помещении 55 (в этом же помещении на суфе встречен ревоктанур со сковородкой). Ревоктанур относится к периоду после пожара, т. е. ко времени после 722 г., а дегдон — к периоду расцвета жизни в Гардани Хисор.

Очаг представляет собой небольшое дугообразное углубление в краю суфы. Суфа имела высоту 70 см и была сложена из кирпича-сырца на глиняном растворе (рис. 3).

Внутри очаг гладко оштукатурен огнеупорной глиной. Перед ним имеется таштак. Размеры: ширина 60 см, глубина 50 см, ширина обрамления таштака 10 см. На этом очаге не только варили пищу, но и пекли лепешки на его стенках. Правда, форма нашего очага была более примитивной. Стенки его более прямые, устье очень широкое, что затрудняло установку котла. Кроме того, он не очень глубокий. Такие очаги, или, как их называют сейчас в верхнем Зеравшане, ошдоны или дегдоны, встречаются почти во всех домах поселения¹⁸. Современные дегдоны имеют подковообразную форму, их стенки от основания к горлу сужаются для установки котла (рис. 3). Там, где отсутствует танур, дегдон является универсальным очагом: он служит для приготвления пищи и лепешек, а в зимнее время обогревает дом. Очаг этого типа из Гардани Хисор является самым древним. Современные дегдоны верхнего Зерав-

шана имеют дымоход мури¹⁹, а гарданихисорский был открытым, и дым из него выходил в помещение.

Очень похож на современные дегдоны горных районов Таджикистана дегдон, найденный в жилом горизонте храма Ак-Бешима. Акбешимский дегдон имеет подковообразную форму, диаметр его устья равен 75 см. Это показывает, что уже с IX в. н. э. конструкция дегдона была усовершенствована жителями Средней Азии и почти без изменений сохранилась до сих пор. Дегдоноподобные очаги найдены в Карабулаке в слоях IX—XI вв.²⁰

Очаг седьмого типа — танур (рис. 1, 7). В поселении Гардани Хисор найдены два танура. Оба сделаны из перевернутых хумов. Хумы стоят на полу, вокруг них — кожух из одного ряда кирпичей на глиняном растворе; выше венчика в хумах пробиты отверстия, которые служили поддувалом. Такие тануры часто встречаются при археологических раскопках памятников VII—XII вв. в Средней Азии. Так, тануры из перевернутого хума найдены в Пенджикенте в помещении 5 кухандиза²¹, во дворце Деваштича, на XVI объекте (материалы не опубликованы), в помещении 7 объекта VI²², в помещении 1 Калаи Муг на Магиане²³, на Афрасиабе²⁴, в Урта-Кургане²⁵, Хорезме²⁶ и других памятниках.

В Аджинатена найдены изготовленные специально без дна из обожженной глины хумообразные тануры с маленькими отверстиями для тяги — поддувалами. Очаги облицованы кирпичом²⁷.

В Нуреке на поселении Тепаи Муборакходжа нами был обнаружен танур, вкопанный в суфу, от горловины он плавно расширялся вниз и через 26 см слегка сужался ко дну. Он изготовлен из грубой глины с примесью дробленых камушков. Танур по форме похож на хумы, вылепленные от руки на шаблоне из прутьев, следы которых сохранились на стенках танура. Венчик толстый, орнаментированный. Танур без дна. Поддувало сделано в виде очажка с узорами²⁸.

Размеры танура: высота 55 см, диаметр венчика (горло) 40 см, диаметр окружности 65 см. Такие тануры распространены в памятниках VII—X вв. в Южном Таджикистане (материал не опубликован).

Находки специально изготовленных тануров в Южном Таджикистане в памятниках VII—VIII вв. (Аджина-тепа) и VIII—X вв. (Телаи — Муборакходжа, Суфиен) как будто свидетельствуют о том, что в Бактрия тануры появились раньше, чем в Согде. По-видимому, позже, с IX—X вв., хумы там были заменены специальным тануром. Современные чахлаки Южного Таджикистана (см. статью А. К. Писарчик в наст. сборнике), очевидно, являются продолжением традиции вкопанных тануров VII—VIII вв. По этнографическим данным, жители районов верхнего Зеравшана (Матчи и Фана) до сих пор не имеют танура, а используют вышеупомянутые дегдоны (ошдоны). В Фальгаре, т. е. районе, где расположен Гардани Хисор, танур распространился в начале нашего века²⁹. Вместе с тем находки в Гардани Хисор, с одной стороны, в Калаи-Муг на Магиане — с другой — показывают, что в верхнем Зеравшане тануры несомненно существовали с VII—VIII по X—XIII вв.

Таким образом, встает вопрос о причинах исчезновения там танура после XIII в. Гарданихисорские тануры привезены из других мест, возможно из Пенджикента и Уструшаны, так как местная глина очень ка-

менистая и из нее крупную посуду не изготавливали. И сейчас в сел. Мадм тануры привозят из Урметана и Пенджикента. Вместе с тем по данным этнографии во многих селениях верхнего Зеравшана изготавливают тануры из местной глины.

Очаг восьмого типа — сандали. В помещении 27 на полу расчищено небольшое углубление с золой диаметром 50 см. Дно зольника обожжено. Помещение довольно большое (7,5×3 м), лишено суфы, пол ровный и обмазанный глиной. В южной части комнаты расположены закрома. Помещение было жилым и, кроме вышеупомянутого углубления, других отопительных приспособлений не имело. Возможно, это было сандали.

А. Давыдов пишет, что, по всей вероятности, сандали появился в верхнем Зеравшане из равнинных районов Средней Азии не так давно, где-то в первой половине XIX в.³⁰

Современный сандали представляет собой небольшое прямоугольное углубление в центре помещения, по краям которого имеется выступ-обрамление и место для установки столика. Мне кажется, что сандали в ограниченном количестве существовали в верхнем Зеравшане и до XIX в. В слоях XVII—XVIII вв. крепости Сарвода нами найден переносной сандали из обожженной орнаментированной глины. Там же найден переносной столик-сандали из обожженной глины, покрытый глазурью.

В Средней Азии, очевидно, очень рано появляется переносной металлический очаг-мангал, который играл роль сандали. Судя по миниатюрам XV—XVI вв., мангалы были ажурные и очень богато украшены. В них держали горячие угли и делали небольшие костры³¹. Поэтому возможно, в более ранние периоды, особенно в богатых городских домах, в парадных помещениях использовали переносные очаги типа очажка из раскопок С. Ташходжаева на Афрасиаба и металлические мангалы.

Кроме вышеперечисленных очагов, в Гардани Хисор встречаются очажные подставки *почаки*. Почаки были разными по величине. Высота их колебалась от 20 до 14 см, ширина нижней части — от 6 до 13 см, ширина верхней части — от 4 до 10 см. Почаки изготовлены от руки из грубой глины с примесью толченых камушков или шамота. Подставки четырехгранные, на большинстве из них имеются следы копоти. Некоторые из них украшены орнаментом, процарапанным острым инструментом. На внешней стороне у основания имеется ручка для переноса. Почаки составлялись из трех стоек. Такие подставки найдены в Пенджикенте на XII объекте³².

Большая коллекция разнообразных подставок найдена на территории Сукулукского городища в Фергане. Здесь обнаружено много статуэток в виде реалистических и стилизованных животных. Среди сукулукских подставок встречаются глиняные столбики, сужающиеся кверху, с орнаментом и ручкой наподобие гарданихисорских. Вместе с подставками найдены светильники и крышки от них.

А. И. Бернштам пишет, что « всю эту группу предметов связывает не только происхождение из одного комплекса, но и тот факт, что все они сохранили на себе следы копоти и выполнены одной и той же техни-

кой»³³. По мнению А. И. Бернштама, подставки служили постаментом для крышки светильников. Этот единый комплекс связан с культом зороастризма в Семиречье³⁴.

Таким образом, А. И. Бернштам отрицает бытовую роль этих подставок. Нам кажется, что подставки не связаны со светильниками, которые в них не нуждаются. Подставки, найденные на Сукулукке, Александровском городище и крепости Беловодской, имели бытовое назначение. На них устанавливали котлы и другую столовую посуду для приготовления пищи. Возможно, что в IX—XII вв. взамен этих подставок появляются переносные очажки, более прочные и более удобные.

Как мы видим в VII—VIII вв. в сельских местах, а возможно и в городах Согда, существовали различные варианты бытовых очагов. Многие из них почти без изменения сохранились до наших дней (ошдонибозудор, таштак, дегдонпоча), некоторые усовершенствовались и где-то в X—XII вв. приобрели свою современную форму (дегдон, камня, танур, сандали), другие же совсем перестали использоваться (танури девори и равоктанур).

Таким образом, материал о бытовых очагах из поселения Гардани Хисор имеет большое значение для изучения сельской жизни и сельских жилищ горных районов Согда, Уструшаны и других регионов Средней Азии в период раннего средневековья.

- ¹ Якубов Ю. Отчет Зеравшанского археологического отряда за 1971 г. О раскопках дворцового комплекса Гардани Хисор в сел. Мадм.— В кн.: Археологические работы в Таджикистане. Вып. XI. Душанбе, 1975, с. 198, рис. 1.
- ² Давыдов А. Жилище.— В кн.: Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973, с. 37.
- ³ Там же, с. 33, рис. 3.
- ⁴ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Самаркандские очажки.— В кн.: Из истории искусства Великого города. Ташкент, 1972, с. 212, рис. 2.
- ⁵ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый среднеазиатский город. Л., 1973, с. 32, рис. 10; Распопова В. И. Отчет о раскопках XVI объекта городища древнего Пенджикента в 1970 г.— В кн.: Археологические работы в Таджикистане. М., 1973, с. 18.
- ⁶ Ghirchman R. Begram. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Paris, 1946, p. 8.
- ⁷ Маршак Б. И. Отчет о работе на объекте XII.— МИА, 1964, № 124, с. 197, рис. 9.
- ⁸ Давыдов А. Жилище, с. 36.
- ⁹ Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента.— МИА, 1964, № 124, с. 196.
- ¹⁰ Там же, с. 66.
- ¹¹ Зеймаль Е. В. Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище.— МИА, 1964, № 124, с. 279, рис. 5.
- ¹² Негматов Н., Хмельницкий С. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966, с. 68, рис. 38.
- ¹³ Воронина В. Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии.— СЭ, 1963, № 6, с. 93, рис. 5.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента, с. 66, рис. 10, 2.
- ¹⁶ Там же, 10, 3 и 5.
- ¹⁷ Давыдов А. Жилище, рис. 11, 1.
- ¹⁸ Таджикки Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1970, рис. 41, 2.
- ¹⁹ Давыдов А. Жилище, с. 33.
- ²⁰ Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.— В кн.: Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959, с. 213, рис. 43, 5; Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974, с. 40.

- ²¹ Тереножкин А. И. Раскопки в кухандизе Пенджикента.— МИА, 1950, № 15, с. 85, 93.
- ²² Ставиский Б. Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища.— МИА, 1964, № 124, с. 133.
- ²³ Ставиский Б. Я. Археологические работы в бассейне Магиандарьи в 1957 г.— В кн.: Археологические работы в Таджикистане в 1957 г. Вып. V. Сталинабад, 1959, с. 74.
- ²⁴ Шишкина Г. В. Городской квартал VIII—XI вв. на северо-западе Афрасиаба.— В кн.: Афрасиаб. Вып. 2. Ташкент, 1973, с. 150—151.
- ²⁵ Негматов Н., Пулатов У., Хмельницкий С. Г. Уртакурган и Термизактепа. Душанбе, 1973, с. 16.
- ²⁶ Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, с. 75.
- ²⁷ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Археологические работы в Южном Таджикистане.— В кн.: Археологические работы в Таджикистане. Вып. IX, Душанбе, 1964, с. 81.
- ²⁸ Якубов Ю. О работах Нурекского отряда в 1972 г. на пещерных средневековых памятниках.— В кн.: Археологические работы в Таджикистане. Вып. XII. Душанбе, 1976, с. 174, рис. 2.
- ²⁹ Давыдов А. Жилище, с. 35—36.
- ³⁰ Там же, с. 40.
- ³¹ Джамы в миниатюрах XVI в. М., 1966, с. 24; Миниатюра к Бабур-наме. Ташкент, 1970, рис. 40.
- ³² Маршак Б. И. Отчет о работах..., с. 236, рис. 21, 10, 16.
- ³³ Бернштам А. И. Согдийская культура и тюркский каганат.— МИА, 1950, № 14, с. 115.
- ³⁴ Там же, рис. III—V.

К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович

ЖИЛИЩЕ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ОТРАРА XVI—XVIII вв.

В последние годы основным объектом работ Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции является городище древнего Отрара — центра крупного в древности оседло-земледельческого региона в среднем течении Сырдарьи. Городище находится на правом берегу реки в 10 км западнее ст. Тимур Чимкентской области. В топографии развалин различаются центральная часть в виде пятиугольного бугра высотой 15—18 м и площадью около 20 га и примыкающая территория со следами застройки, окруженная двойным рядом стен.

Стационарным раскопкам на городище предшествовали археолого-топографические работы, одним из направлений которых было изучение стратиграфии развалин. По материалам стратиграфического раскопа (1969—1970 гг.) было выяснено, что центральный бугор — территория цитадели и шахристана в древности — начал обживаться в первые века н. э. и жизнь здесь продолжалась вплоть до XVII—XVIII вв.¹ Стационарные работы, начатые в 1971 г., преследовали цель сплошного послойного изучения города. Раскопки верхнего слоя в течение четырех полевых сезонов (1971—1974 гг.) охватили территорию города на площади 4 га, полностью восстановлен планировочный и архитектурный облик города в северной (3,25 га) и восточной (0,75 га) части, по обе

стороны основной магистральной улицы, которая соединяет два главных въезда с северо-восточной и юго-западной стороны (рис. 1).

В стратиграфии верхнего слоя прослеживаются два строительных горизонта: второй половины XVII—XVIII в. и XVI — первой половины XVII в. В самый последний период жизни города обживались лишь отдельные участки, сохранность построек очень плохая: обрывки стен высотой в один — два ряда кирпичей, остатки оснований печей-тандыров, вымостки ташнау — водопоглощающих устройств. Основной же строительный горизонт XVI — первой половины XVII в. сохранился удовлетворительно, стены высотой до 1,5 м. Планировка горизонта благодаря широкомасштабным раскопкам выявляется довольно четко².

Крупные жилые массивы со сплошной застройкой³ пересекают магистральные улицы, параллельные главной артерии города — дороге, соединяющей городские ворота. Основным застроечным компонентом города — квартал, под которым понимается участок улицы с выходящими на нее домами. Со стороны магистральных улиц и внутри жилых массивов кварталы, как правило, окружены глухими стенами, дома имели индивидуальный выход на внутриквартальную улицу. Помимо магистральных улиц, общение между кварталами осуществлялось через сеть узких связующих переулков.

Конфигурация и площадь кварталов различны, встречаются подпрямоугольной формы, трапециевидной, многоугольной, площадью до 2500 м². Несмотря на разнообразие общих контуров кварталов, преобладают четкость «красных линий», правильно спланированные дома, внутри кварталов предусматривались симметрично расположенные «кош» — парные ансамбли зданий, поставленных на одной оси, разгрузочные площади — «карманы» вдоль узких улиц. В состав каждого квартала входит от 6 до 15 домостроений. Для примера приведем краткое описание одного из крупных кварталов, расположенного в северо-западной части городища⁴ (рис. 2).

Квартал состоит из двух частей, расположенных по обеим сторонам улочки, которая с южной стороны выходит на магистральную улицу, а с северной — на небольшую площадь или двор, окруженный внутриквартальными постройками. Квартал четко оконтуривается глухими стенами внутри жилых массивов с восточной и западной стороны и со стороны магистральной улицы. Все дома связаны дверными проемами с внутриквартальной улицей и площадью-двором. Общая площадь квартала около 2100 м².

Западная половина квартала состоит из девяти отдельных многокомнатных жилых комплексов, для которых характерно осевое расположение комнат и в одном случае встречается компактная планировка. Дом 1 очерчивает северную границу квартала, состоит из четырех комнат (108—111) общей полезной площадью 60,4 м². Дом 2 состоит из трех помещений (119, 120, 220А) площадью 41,4 м². Дом 3 — крупный жилой комплекс, состоящий из шести помещений (219—222, 227, 227А). Общая полезная площадь дома 92,7 м². Дом 4 четырехкомнатный (235, 235А, 287, 288) общей полезной площадью 67,7 м². Дом 5 (помещения 291, 292) и дом 6 (помещения 297, 298) двухкомнатные, площадью 35,6 и 30,2 м². В составе дома 7 три комнаты (302—304), общая площадь

Рис. 1. Панорама раскопок в восточной части городища

41,1 м². Дом 8 трехкомнатный (311—313) с полезной площадью 49,5 м². Планировка дома 9 не совсем ясна, так как отсутствуют некоторые дверные проемы между помещениями. Предположительно в составе дома было шесть помещений (323—325, 330—332) общей полезной площадью 63,5 м². В целом площадь застройки в западной половине квартала 1000 м².

Восточная часть квартала несколько смещена к югу по отношению к западной половине. Состоит из шести многокомнатных жилых секций, спланированных однотипно: осевое расположение комнат в один — два ряда вглубь жилого массива. Все дома открываются дверными проемами на внутриквартальную улицу и площадь. Центральная часть фасада оформлена в виде айвана с выходящими на него проходами двух соседних домов. Общая площадь застройки западной части квартала около 800 м².

Краткая характеристика домов. Дома 10 и 11 двухкомнатные (помещения 141 и 142; 143 и 144) общей полезной площадью 61,7 м² и 47,4 м². Дом 12 состоит из восьми комнат и айвана (316, 307, 320, 315, 306, 318, 317, 305, 314) общей площадью 128,3 м². Дом 13 — две комнаты (327, 328) и айван (326), общий с домом 5. Площадь застройки 62,3 м². Дом 14 — пятикомнатный с айваном (334, 333, 342, 352, 341), общая полезная площадь дома 93 м². Дом 15 завершает застройку восточной части квартала. Дом явно нежилой, возможно, это складские помещения или лавки (помещения 362, 356, 364, 362А).

В настоящее время известно уже около 150 домов-секций, которые достаточно полно характеризуют жилище позднесредневекового Отра-

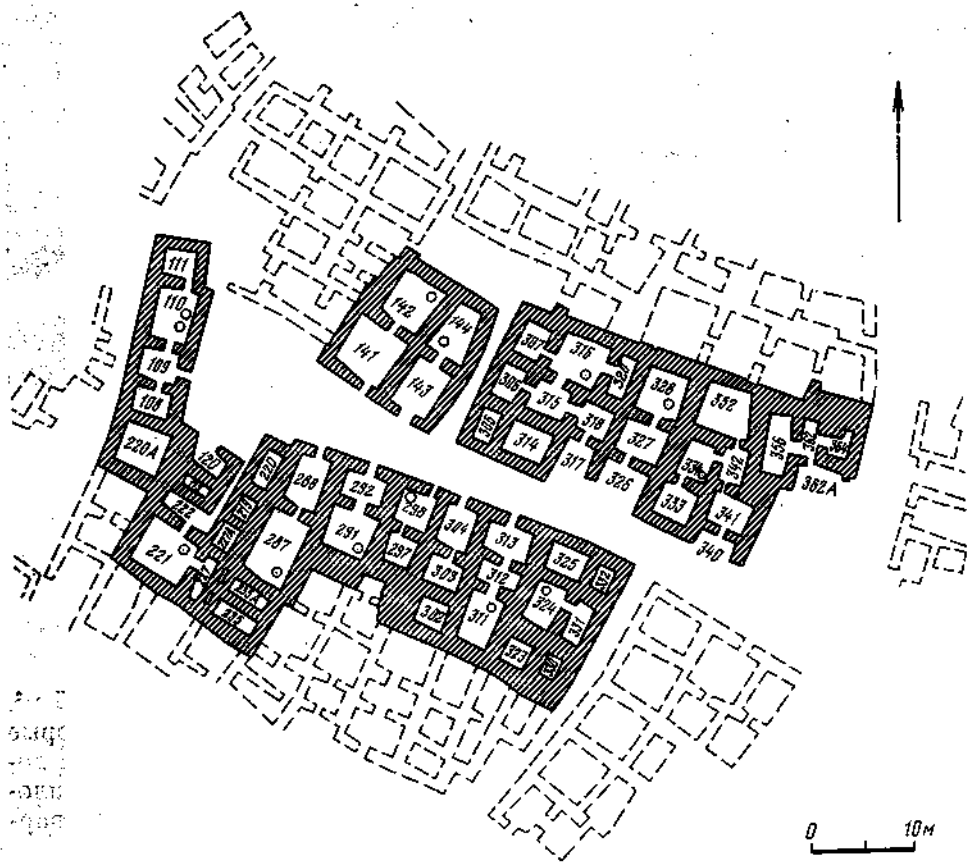

Рис. 2. План квартала в северо-западной части городища
(пунктиром обозначены постройки соседних кварталов)

ра. Анализ жилой архитектуры позволяет считать, что в городе существовал единый тип жилища, который можно назвать традиционным. Основная жилая ячейка в простейшем случае — отапливаемая комната с айваном или передней. В многокомнатных домах жилая ячейка с ее составными частями неоднократно повторялась, т. е. с возрастанием площади и числа комнат принцип организации жилища не менялся, архитектурно-планировочное решение во всех случаях следовало единому традиционному типу. Приведем описание однокомнатного дома, характерного для Отрара XVI—XVIII вв.⁵ (рис. 3).

Дом состоит из комнаты и айвана с фасадной стороны. Общая площадь дома с айваном 32,5 м². Жилое помещение размером 4,65 × 3,5 м. Большую часть площади занимает глинобитная суфа высотой 0,55 м. Борта ее выложены жженым кирпичом, сколами внутрь суфы. Перед проходом в айван оставлен небольшой участок пола (2,1 ×

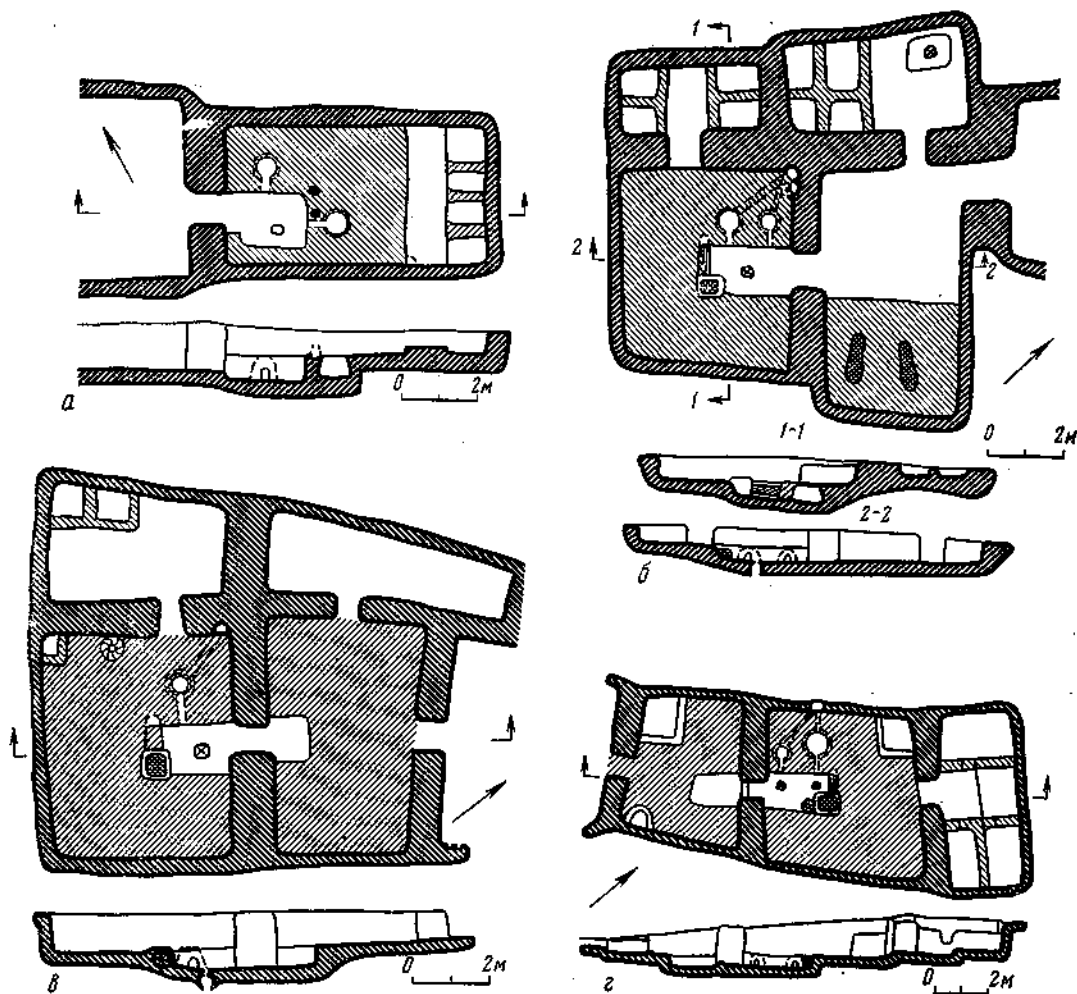

Рис. 3. Планы домов

а — план и разрез однокомнатного дома с айваном; б — план и разрез многокомнатного дома в квартале Ж; в — план и разрез многокомнатного дома в восточной части раскопа III

Частой штриховкой на чертежах везде показаны суфы

×1,35 м), вымощенного жженым кирпичом. Ближе к юго-западному отрезку суфы находится ташнау, перекрытое кирпичом без отверстия. Сток воды осуществлялся через щели вокруг кирпича.

В помещении две печи-тандыра, но одна из них более поздняя. Первоначальная печь находилась в северном участке помещения, устье топки, обложенное кирпичом, выведено на юго-западный борт суфы. Диаметр устья печи 0,5 м, к дну топки диаметр увеличивается до 0,7 м.

Горизонтальный канал дымохода проложен до ближайшего угла помещения, где вертикальным колодцем в стене выводится наружу.

Поздняя печь-тандыр (диаметр 0,55 м) была устроена в южном участке суфы, канал устья топки выведен на юго-восточный борт суфы. Горизонтальный дымоход подведен к южному углу помещения.

Сохранились отпечатки оснований деревянных столбов, подпиравших перекрытия. Первоначально столб находился у юго-восточного борта суфы, углубление (4 см) квадратных очертаний (24×24 см). После ремонта опорный столб передвинули почти в центр помещения, к восточному углу борта суфы, и значительно заглубили его основание (до 20 см).

Вдоль юго-восточной стены устроены четыре закрома различных размеров (1×0,7; 1,05×0,55; 1,1×0,5; 1,1×1 м) с необычно широкой передней перегородкой — 1,05 м по основанию. Впрочем, сохранившаяся ее высота лишь около 0,3 м; по-видимому, верх перегородки был значительно уже.

Западная стена помещения имеет ширину 1,1 м, северо-восточная — 1,7 м (после ремонта она стала толще, первоначальные размеры не определены), северо-западная — 1 м, юго-восточная — 1,1 м; стены сохранились на высоту до 0,9 м. Стены и поверхность суфы прекрасно оштукатурены в два-три слоя, на бортах суфы видны следы окраски в красный цвет.

Дверной проем шириной 0,8 м в северо-западной стене ведет в айван (4,75×3,4 м), который полностью открыт в сторону небольшой площади «кармана», устроенной в месте Г-образного пересечения двух узких переулков. Боковые стены айвана образованы стенами соседних домов.

В многокомнатных домах в композиции планировки выделяются два основных варианта: линейная планировка, или осевая (в том числе двухрядная), когда проходные помещения вытянуты в одну линию, и компактная планировка — смежное расположение комнат, каждая из которых составляет примерно четвертую часть дома. Для примера приведем описание нескольких домов, где функциональное назначение помещений определено достаточно четко.

Дома компактной планировки. Дом 4 в квартале Ж⁶ четырехкомнатный, с айваном, открытым в сторону квартальной улицы (рис. 36). Айван размером 4,85×4,50 м занимает центральную часть фасадной стены дома. Проход шириной 1,1 м в юго-западной стене ведет в подсобное помещение типа летней кухни (6,7×3,8 м), в которой юго-восточная половина занята суфой с двумя земляными очагами открытого типа. Они грушевидной формы, длиной 1,3 и 1,2 м, в наиболее широкой части — около 0,5 м. Проходом в северо-западной стене помещение связано с амбаром (4,9×2,6 м), у юго-западной стенки которого четыре отсека закровов, а в северной части помещения, заглубленной относительно уровня пола, — подпрямоугольный участок с ташнау. В юго-западной стене летней кухни — проход шириной 0,9 м в центральное жилое помещение размером 5,2×4,7 м, с суфой и вымощенным жженым кирпичом участком пола с ташнау.

В северном участке суфы — парные печи-тандыры диаметром 0,6 и

0,5 м. Устья топок выходят на северо-западный борт суфы, самостоятельные горизонтальные дымоходы печей подведены к ближайшему углу помещения, где вертикальным колодцем в стене выведены наружу. У юго-западного борта суфы — глинобитная очажная площадка, сделанная в уровень с суфой, и деревянная плаха на уровне пола, концами вмазанная в борта суфы и очажной площадки. В западном углу помещения — заком (1,2×1 м), перегородки которого сложены из сырцового кирпича. Рядом с передней стенкой помещения под уровень суфы вмазан крупный горшковидный двуручный сосуд, который использовался, видимо, для хранения муки.

Проходом в северо-западной стене жилая комната связана с еще одним помещением амбарного типа размером 3,85×1,75 м. Парные закрома в амбаре устроены у торцевых стен, между закромами оставлен проход шириной 1,1 м. Пол в амбаре приподнят относительно уровня суфы в центральном жилом помещении на 15 см. Общая полезная площадь дома (вместе с подсобными помещениями) 91 м².

Еще один дом компактной планировки виден в квартале II (рис. 3в)⁷. Так же, как и предыдущий, состоит из четырех помещений и айвана, который занимает почти всю фасадную стену дома. Из айвана проход шириной 0,8 м ведет в прихожую комнату (5,9×3,75 м), которая с северо-западной стороны проходом связана с кладовой (6,25×1,65 м), а с юго-западной — с центральным жилым помещением размером 5,6×4,75 м. Традиционная суфа в этом наиболее крупном помещении комплекса сделана на уровне пола в прихожей, а вымощенный жженым кирпичом участок с ташнау в проходе между помещениями заглублен на 0,5 м.

В северном участке суфы находится печь-тандыр диаметром 0,5 м, устье топки подведено к северо-западному борту суфы, а горизонтальный канал дымохода — к северному углу помещения. У ее юго-западного борта — очажная тумба, а на уровне углубления в ташнау находится деревянная плаха, вмазанная концами в борт суфы и очажной тумбы. В западном углу помещения — крохотный заком (0,6×0,5 м), рядом с ним по горловину вкопан сосуд типа хума. В северо-западной стене помещения проход шириной 0,65 м в амбар (4,5×2,6 м), с парными закромами в западном углу.

Помещения дома хорошо оштукатурены, стены сохранились удовлетворительно высотой до 1 м. Внутренние перегородки толщиной от 0,5 до 1,1 м. Сырцовая кладка стен комбинированная: два ряда плашмя уложенных кирпичей вперевязку чередуются с поставленными в один ряд на ребро с наклоном.

Из 150 домов-секций 75% составляют линейно спланированные постройки. Анфилада из проходных помещений может включать от двух до пяти камер. Приведем наиболее характерные примеры указанной планировки.

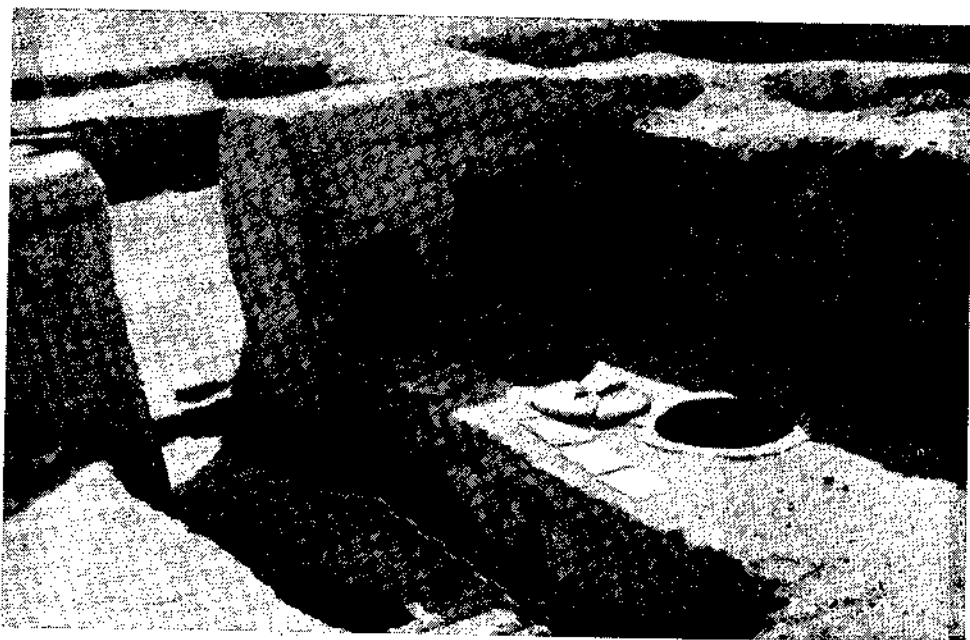
Дом в квартале, который раскопан частично в 1973 г.⁸, состоит из трех комнат: прихожая (5,1×3,85 м), центральное жилое помещение (5,75×5,5 м) и амбар (6,45×2,85 м)⁹. В прихожей два закрома: секторальный в южном углу и квадратный в западном углу помещения. Перед проходом шириной 0,6 м в жилую комнату устроено углубление,

вымощенное жженым кирпичом, которое продолжается и в соседнем помещении; в проходе сохранился деревянный порог. Жилое помещение с парными тандырами в западном участке суфы диаметром 0,55 и 0,8 м. Устья топки выведены на северо-западный борт суфы, горизонтальные каналы дымоходов печей соединяются у вертикального колодца в северо-западной стене помещения. В углублении «пола» устроены парные ташнау, рядом с ними у борта суфы — традиционная очажная тумба и деревянная плаха. У стенки очажной тумбы стоял сосуд типа хума. В северном углу помещения — заком размером 1,2×1,05 м с тонкими глинобитными стенками. Проход в центральной части северо-восточной стены ведет в узкое длинное помещение типа амбара с одиночными и парными закромами у торцевых стен. В проходе между закромами у стены устроена суфа высотой 0,25 м. Первоначальная высота глинобитных перегородок закомов была не меньше 1,2 м, они снабжены овальными в основании лазами (в 0,6 м от пола) шириной 0,35—0,4 м. Перегородки закомов предварительно прокалены огнем, а затем тщательно оштукатурены. Для дома характерно постепенное повышение уровня пола от прихожей до амбара. Общая полезная площадь дома около 70 м².

Еще один дом осевой планировки¹⁰. В доме насчитывается три комнаты: прихожая, жилое помещение и амбар. Прихожая (5,65×3,10 м) использовалась и как летняя кухня, судя по парным земляным очагам в суфе у восточной стены, и как кладовая, для которой отгорожено небольшое пространство в западной части помещения. Пол прихожей вымощен жженым кирпичом, у борта суфы устроено ташнау. Проход шириной 0,9 м в центральной части южной стены ведет в жилое помещение размером 4,8×4,8 м. Слева от входа — парные печи-тандыры (диаметры 0,5 и 0,4 м) в суфе высотой 0,5 м, которая занимает почти всю площадь комнаты. Перед тандырами — ташнау, у южного борта суфы — глинобитная очажная тумба и деревянная плаха на уровне пола. Особенностью помещения являются две разновысокие ниши в северной стене рядом с печами-тандырами. Устье топков печей по борту суфы обрамлено орнаментированными глиняными плитками-вставками специального изготовления. Сохранилась крышка одного из тандыров: в северо-восточном углу помещения находился сосуд типа хума, врытый под уровень суфы. Третье помещение дома — амбар размером 4,5×2 м. У западной его стены — парные закрома, рядом у западной стенки — еще один заком, у основания перегородок которого устроено ташнау. Общая полезная площадь дома около 45 м².

Из приведенных описаний домов различной планировки видно, что практически все функции жилого дома объединены в одной наиболее теплой комнате с печью-тандыром, которая служила и спальней, и столовой, и кухней. Центральные жилые помещения очень похожи, при различной площади (от 8—10 до 45 м²) они, как правило, самые большие в комплексе и интерьер их стереотипен. Дверной проем устраивали в средней части фасадной стены, за дверью внутри помещения — небольшая прямоугольная площадка, вымощенная жженым кирпичом, которая занимает примерно 1/8 площади комнаты. Все остальное про-

Рис. 4. Деталь интерьера дома в северной части раскопа IV

странство занято глинобитной суфой высотой 0,4—0,5 м, борта суфы укреплены жженым или сырцовым кирпичом.

Характерная деталь некоторых жилых помещений — неглубокая ниша, которую устраивали в стене рядом с дверным проемом. Встречаются парные ниши. Основание их либо на уровне суфы, либо приподнято на 20—30 см.

Справа или слева от входа в суфу вмазывалась печь специального изготовления с закраиной в виде широкой массивной площадки, опущенной под уровень суфы⁴⁴. Диаметр устья, как правило, 0,45—0,6 м, к дну расширяется до 0,8 м. Дно топки печи выкладывалось обломками жженого кирпича или мелкой галькой. Устье топки выводилось на край суфы в уровень с полом. Напротив топочного отверстия или сбоку в тулове печки находилось отверстие дымохода, канал которого шириной 10—15 см прокладывали в суфе до ближайшего угла или стены помещения, далее он шел внутри стены в виде колодца. Горизонтальный отрезок канала обкладывали кирпичом. Дымоходы обычно одноканальные, однако встречаются и двухканальные в случае, если печь устраивали рядом со стеной помещения.

Печи в жилых помещениях универсального назначения. В них можно было поставить казан для варки пищи, испечь лепешки, о чем свидетельствуют характерные для тандыров нарезки на бортах. Печи служили и для обогрева помещения благодаря системе дымоходов типа канов. Сверху печку закрывали массивной плоской крышкой с грибовидной ручкой.

В жилом помещении, как правило, присутствует дополнительный очаг на специальной глинобитной тумбе, которую пристраивали вплотную к суфе наискосок от печки-тандыра. У очагов был, по-видимому, невысокий бортик. Встречаются и обычные очаговые ямки где-либо поблизости от печи. Назначение очагов не совсем ясно, возможно, в них хранили жаровые угли после того, как печь использовалась по назначению.

Как было отмечено, жизнь обитателей дома проходила в основном в помещении с суфой и печью. Остальные помещения подсобного назначения: прихожая комната или айван, кладовая, помещение амбарного типа с закромами, которые устраивали либо по периметру стен, либо в углах, либо вдоль боковых стен (рис. 4). Полностью сохранившиеся глинобитные перегородки закровов высотой до 1,3 м имели узкие округленные книзу лазы в 0,5—0,8 м от поверхности пола. Стенки некоторых амбаров с закромами несут следы обжига. По-видимому, их сначала просушивали огнем, а затем штукатурили. Для хранения продуктов использовали и сосуды большой емкости, поставленные на пол или впущенные под уровень пола. Характерны также погреба, которые обнаружены главным образом в жилых помещениях с печью и суфой. Погреба устроены следующим образом. Впускное отверстие (ширина 0,2—0,3 м) находилось в площадке, заглубленной под уровень суфы на 15—20 см и перекрытой, очевидно, деревянной крышкой. Грушевидной формы яма погреба неглубокая, до 1 м, диаметр по дну до 0,5 м. К сожалению, трудно конкретизировать назначение хозяйственных хранилищ, ибо они, как правило, очищены от содержимого¹².

В некоторых многокомнатных домах функционировало специальное летнее помещение с односторонней суфой, по-видимому, закрытой навесом. В суфе устраивали один или два земляных очага восьмеркообразной или грушевидной формы, они топились по-черному. Пол летнего помещения тщательно вымощен жженым кирпичом с плотной глиняной обмазкой, для стока воды предусмотрены ташнау. Однако подобные летние помещения — редкость для Отрара, и дворов внутри дома в традиционном понимании этого слова здесь нет.

В массе хозяйственных помещений удается выделить загон для скота, конюшни. В одной из них находилось пять кормушек. Помещения для скота довольно редки и были, скорее всего, не индивидуального пользования, а рассчитаны на несколько семей или даже на весь квартал.

Для санитарных нужд использовались выгребные и мусорные ямы; непременная деталь любого жилого дома позднесредневекового Отрара — поглощающий колодец для сточной воды — ташнау. Они встречаются в жилых и хозяйственных помещениях и обязательно перед печью в жилом помещении с суфой. Устройство ташнау традиционное: широкогорлый сосуд типа хума с выбитым дном вкапывался в уровень с полом и перекрывался сверху специальным кирпичом, снабженным отверстием с подводными канавками. Встречаются и кирпичи без отверстия, вода просачивалась в этом случае через специально оставленные щели вокруг кирпича. В богатых домах для ташнау использовали сосуды специального изготовления — в виде трубы длиной до 1,5 м, с сильно

раздутым туловом, зауженной горловиной, снабженной отогнутым наружу венчиком диаметром до 0,4 м.

Следует остановиться на характеристике строительных приемов.

Все постройки Отрара XVI—XVIII вв. возведены из кирпича прямоугольного формата самых различных размеров: 32×25 , 27×18 , 25×15 , $23—25 \times 20$ см и другие при толщине 8—10 см. Стандарт при изготовлении кирпичей отсутствует, трудно выделить даже наиболее употребимые размеры. Кирпичи, как правило, сырцовые, с обильной примесью соломы, но широко использовался и кирпич, который нарезался из дерна. Жженный кирпич квадратный, 24—26 см в длину при толщине 4—6 см, применялся в основном для вымостки полов, укрепления бортов суфы, устья печей и т. д. Встречаются также глинобитные стены и перегородки. В строительном деле использовались каркасные конструкции в виде одно- или двухрядной опалубки с внутренней перевязкой. Впрочем, насколько широко употреблялся каркас, судить трудно, ибо стены построек, а тем более дерево, как правило, сохранились плохо. Система кладки кирпичей: плашмя с перевязкой, комбинированная кладка из рядов горизонтально положенного кирпича и положенного на ребро с наклонным раствором, стены неоднократно штукатурились.

Фундаменты стен отсутствуют. В некоторых случаях удается проследить камышовые прокладки для изоляции от почвенных солей.

Известную трудность представляет реконструкция перекрытий. Тщательная зачистка находимых на полах помещений остатков дерева, камыша позволила представить перекрытия следующим образом. Почти во всех центральных жилых помещениях с печью и суфой находится массивная деревянная плаха длиной до 1,5 м и толщиной 15—20 см, лежащая либо на полу и вставленная концами в борта суфы, либо целиком вмазанная в суфу. Положение плахи, которую можно представить в виде опорной базы колонны, всегда строго определено — это центральная точка помещения. На опорную базу опиралась колонна, которая поддерживала прогонную балку с помощью подбалки трапецевидной формы. На прогонную балку укладывали тонкие поперечные жерди и массивную камышовую кровлю, обмазанную глиной. Редко встречаются варианты: в небольших помещениях опорная база в виде плахи отсутствует, колонна устанавливалась в углубление в суфе с подкладкой из жженого кирпича или использовалась каменная база. Судя по углублению-пазу, основание колонны могло быть круглым или квадратным. Одиночными и парными колоннами снабжались и фасады айванов, судя по остаткам ямок в полу или каменным подставкам¹³.

Дерево и камыш использовали не только в перекрытиях жилищ. Нередко встречаются деревянные пороги и дверные рамы, камышовыми цинновками иногда выстилалась поверхность суфы.

Традиционный тип жилища позднесредневекового Отрара — отнюдь не изолированное явление в Южном Казахстане. Раскопки других памятников позднего средневековья в изучаемом районе показывают, что явление это массовое и охватывает значительный ареал. Аналогичные жилища, имея в виду планировку, интерьер, изучаются на городище Туркестана¹⁴, на позднесредневековом поселении Жалгызтам (в 7 км к

юго-западу от городища Сауран), на городище Культобе на северных склонах Каратау¹⁵. Жилища последнего памятника отличаются лишь тем, что возведены главным образом из камня-плитняка, которого много в горном районе.

Очень ограничены аналогии с соседними районами Средней Азии ввиду слабой изученности памятников позднего средневековья. Лишь по материалам Ургенча можно судить, что во многом близкие жилища встречаются и в Хорезме, хотя там и не удалось выделить отдельные дома-секции¹⁶. Различия, по-видимому, лишь в деталях: в Ургенче есть горизонтальные дымоходы вдоль стен, там несколько иной формат жженого кирпича (22×22×5 см), из которого выкладывались и фундаменты стен, перед печами — углубления для золы в полу (в Отраре их нет) и т. д.

Вопрос о происхождении жилищ Отрара XVI—XVIII вв. ставить преждевременно, ибо сравнительный материал более ранних эпох практически отсутствует. Однако палеоэтнографические материалы по жилищу Отрара дают весьма интересные, на наш взгляд, данные при сопоставлении их с оседлым жилищем среднеазиатских народов и казахов.

Планы отрарских жилищ, непременно включающих жилую комнату и переднюю или айван, традиционны по существу для всех народов Средней Азии, в том числе и казахов. Двух- или трехчастное деление дома (прихожая или айван, зал и кладовая) при компоновке на продольной или поперечной оси широко распространено¹⁷. Близкие аналогии можно найти и таким традиционным для среднеазиатского жилища устройствам, как ниши, закрома, ташнау; позднейшие сандали в домах узбеков, таджиков очень похожи на отрарские жаровые очаги, хотя функциональное назначение последних было, по-видимому, все-таки иным. Интерьер отрарских жилых помещений с суфой близок жилищу горных таджиков в пределах Каратегина и Вахша, где почти весь пол, за исключением небольшого пространства у двери, поднят примерно на 1 м¹⁸. Любопытно, что устройство печей-тандыров и функциональное назначение их очень близко. В горном жилище очаг, вделанный в уровень с суфой, устьем топки выводился на край суфы вровень с полом¹⁹. Тандыры горных таджиков — это и хлебная печь, и отопление жилища, и приготовление пищи в казане. Количество примеров полного совпадения или близости планировки отрарских жилищ, отдельных деталей внутреннего устройства, перекрытий, строительных приемов можно было бы продолжить. Несомненно, что в целом отрарское жилище восходит к кругу среднеазиатского домостроительства со всеми его атрибутами.

Однако есть момент, который позволяет выделить отрарское жилище в кругу родственных явлений, — это способ отопления.

Среднеазиатское жилище отапливалось либо по-черному, либо с помощью каминов, которые употребляются на сравнительно узкой территории: у таджиков верхнего Зеравшана и ферганского населения²⁰. Дымоходов типа отрарских в среднеазиатской этнографии немного. Так, жилища уйгуров отапливаются очагом в суфе с прямым дымоходом внутри суфы и в стене. Однако отопительные дымоходы в домах уйгу-

ров — явление позднее, они стали устраиваться вместо каминов лишь в конце XIX в.²⁴. А. К. Писарчик приводит примеры сходных очагов²².

Каны получили широкое распространение в XIII—XIV вв., но явление это несомненно заимствованное, в том числе и в Хорезме (Ургенч), где в домонгольский период они не были известны²³. Каны в домах позднесредневекового Ургенча можно рассматривать как отголосок традиций монгольского времени. Нельзя исключать и возможности привнесения этой традиции на рубеже XVI в. присырдарьинским населением, часть которого ушла вместе с Шейбани-ханом в Среднюю Азию. Дело в том, что в городах на средней Сырдарье и северных склонах Каратау каны были известны задолго до монгольского нашествия²⁴ и к XVI в. эта система отопления претерпела значительную эволюцию.

Отрарские каны XVI—XVIII вв. таковыми можно назвать лишь условно, они далеки от классических восточных образцов, что не удивительно, ибо П-образная форма кана начинает постепенно забываться уже в домостроительстве Золотой Орды²⁵. По-видимому, с изменением формы кана утрачиваются и классические черты суфы раннего средневековья. Суфа в домах XVI—XVIII вв. Отрара занимает почти всю поверхность жилой комнаты и сохраняется с чисто утилитарной целью — для вывода устья топки на край суфы. Больше того, в некоторых домах Отрара поверхность суфы и есть поверхность пола, «суфа» сделана в уровень с поверхностью других помещений и улицы, а вымощенный кирпичом участок «пола» с ташнау лишь заглублен относительно поверхности «суфы».

Таким образом, отопительная система позднесредневекового Отрара, имеющая древние местные традиции²⁶, — явление вполне устойчивое и сформировавшееся на значительной территории Южного Казахстана.

Ранее было отмечено совпадение планировки отрарских домов с оседлыми жилищами не только среднеазиатских народов, но и казахов.

Изучение быта казахов экспедицией, возглавляемой С. Н. Руденко, показало, что в Северном Казахстане на зимовках (кстау) существовали однокамерные жилища, разделенные сырцовой стеной-перегородкой на 2—3 комнаты: жилая половина, кухонная и кладовая. Число комнат зависело от того, как устанавливается перегородка: перпендикулярно торцевой стене или параллельно ей, но в любом случае кухонное отделение функционировало самостоятельно. Перегородки высотой до 1,5 м, как правило, не доходили до потолка помещения. Особенность их состоит в том, что они обогревали помещение, так как приставленная к торцу стены глинобитная печь-казандык была снабжена дымоходами, которые шли внутри перегородки и выводили дым наружу²⁷. Казандык со стенкой-перегородкой использовался как для обогрева смежных помещений, так и для приготовления пищи в казане, который устанавливался над топкой. Наряду с этим использовали обычные печи казандык с прямым дымоходом. Их использовали и в полуземлянках, где дымоход выводили наружу в виде отверстия в грунте²⁸. Употреблялись и примитивные печи «жирошак» в виде длинной узкой земляной ямы²⁹.

Кроме жилого и кухонного помещений, под одной крышей находились и хозяйственные помещения: загоны для скота, амбары с закромами (сусек), со стенками из саманного кирпича в один ряд. Размеры

закромов $1,2 \times 1,5$ м, высота около 1 м. Зерно иногда ссыпали в особые ямы в земле (руа), отвесные стенки которых просушивали обжигом³⁰.

Значительную часть жилого помещения занимали нары, деревянные или глинобитные, в 30—40 см от пола³¹.

Дома выстроены из саманного кирпича, для надворных и хозяйственных построек, а иногда и для жилого дома использовался дёрн, нарезанный в форме кирпича — «пластовый кирпич», а также камень-плитняк. Кирпич из дёрна нарезали лопатами, переворачивали травой вниз и просушивали на солнце. При использовании травяной слой был внизу, что увеличивало сцепление между рядами кладки, так как связующий раствор не употреблялся³². Перекрытия жилищ плоские, в виде одной или трех продольных балок с камышовым или травяным настилом, обмазанным глиной³³.

Аналогичные двух-трехкамерные жилища были и на зимовках семиреченских казахов по берегам р. Или. Отличие их состояло лишь в том, что к жилищу обычно добавлялось «шошала» — неподвижная, приспособленная к оседлости юрта. Жилище отапливали печью с прямым дымоходом. Строительные материалы: камышово-деревянный каркас, обмазанный глиной, камень, дерево³⁴.

О южноказахстанском жилище известно чрезвычайно мало. Из материалов недавних исследований известно, что дома состоят из двух комнат — жилой и хозяйственной (кухонной), иногда с промежуточной третьей комнатой, используемой для домашних работ или как кухня в зимнее время. В жилой половине часть пола иногда занимает глинобитное возвышение типа суфы. Отапливается жилище печами типа казандык с прямым дымоходом³⁵.

К сожалению, сравнительный этнографический материал очень беден, ибо целенаправленные исследования казахского оседлого жилища не проводились, а попутные поиски в этом направлении касались главным образом преобразования (необычайно стремительного!) жизни и быта казахов в советский период³⁶.

Однако из краткого обзора казахского оседлого и полuosедлого жилища видно, что намечаются точки соприкосновения его с позднесредневековыми отарскими жилищами, имея в виду планировку, интерьер, строительные приемы и материалы.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что казахское оседлое жилище было хорошо знакомо с печами с разнообразными дымоходами. Особенно любопытно устройство печей с обогреваемой дымоходами перегородкой. Печки-стенки были широко распространены у казахов и употребляются в быту до сих пор. Известны они и узбекам дельты Амударьи — потомкам переселенцев во главе с Шейбани-ханом³⁷. Происхождение таких обогревателей до сих пор не было ясно. Представляется, что сейчас не исключена возможность рассматривать их как явление, генетически связанное с позднесредневековыми каналами. Печки-стенки, по-видимому, продукт одного из завершающих этапов в эволюции специфичной системы отопления. Стенка-перегородка с дымоходами могла появиться вместе с обособлением и самостоятельным функционированием кухонного отделения в доме. Напомним, что в жилых домах позднесредневекового Отрара подобного функционального

разделения помещений еще не было или оно намечалось очень слабо. В слое XVI — второй половины XVII в. известен пока лишь один дом, где есть специальное кухонное помещение с парными земляными очагами в суфе и печью-тандыром, вмazanым в глинобитную подставку в углу помещения³⁸. Отметим также аналогичное устройство длинных земляных очагов Отрара и казахских жирошак³⁹.

Указанные параллели для позднесредневекового жилища Отрара представляются весьма важными, так как впервые намечается линия преемственности народного оседлого казахского жилища.

Можно предполагать, что в ходе дальнейшего изучения Отрара характеристика жилища будет полнее, конкретизируется представление о тех или иных конструктивных и функциональных особенностях отдельных элементов жилища, полнее и разносторонней выявятся связи палеоэтнографии Отрара и этнографии народов Средней Азии и Казахстана. Важно подчеркнуть другое. Жилище лишь с одной стороны характеризует материальную культуру позднесредневекового города Южного Казахстана. Яркие связи палеоэтнографии Отрара с материальной культурой казахов прослеживаются и в области орнаментики, в предметах быта, в некоторых антропо- и зооморфных сюжетах прикладного искусства, тамги казахских родов кипчак, керей, дулат нередко встречаются на керамических сосудах XVI—XVIII вв. Все это элементы не только степного влияния на оседлую культуру, а свидетельство прямого участия казахов в жизни позднесредневекового города.

¹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 82. с. 82.

² Предварительную публикацию материала см.: Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Раскопки в северо-восточной части Отрара.— В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 143—157.

³ Жилой массив — участок городской застройки, окруженный со всех сторон свободными от построек улицами, площадями, дворами и т. п.

⁴ Раскоп III, 1973 г., квартал Е, объект 2, по полевой документации.

⁵ Раскоп III, 1973 г., квартал Ж, объект 5, дом 3, помещение 150 и айван 150А по полевой документации.

⁶ Раскоп III, 1973 г., объект 5, помещения 149, 151, 175, 180, 181.

⁷ Раскоп III, 1973 г., объект VI, помещения 165, 166, 172, 173, 173А.

⁸ Восточная часть раскопа III, помещения 395, 397, 398.

⁹ По-видимому, фасад прихожей комнаты обрамлял айван, который остался недокопанным.

¹⁰ Раскоп IV, 1974 г., объект 3, северная часть раскопа.

¹¹ Парные печи встречаются редко — в одном или двух домах в квартале. Вероятно, дома с парными печами принадлежали лицам, занимавшим особое положение в социально-административной организации квартала.

¹² Закрома несомненно использовались для сыпучих продуктов. В погребках, по всей видимости, хранились молочные продукты, масло.

¹³ Реконструкция перекрытий принадлежит архитектору Н. П. Егоровой.

¹⁴ Раскопки 1973—1974 гг. Т. Н. Сениговой.

¹⁵ Жолдасбаев С. Раскопки укрепленного поселения Жалгыз-там (XV—XVIII вв.).— В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 173—187. Материалы городища Куль-тобе не опубликованы. Информацию о работах см.: Жолдасбаев С. Раскопки городища Куль-тобе.— В кн.: Археологические открытия 1973 г. М., 1974, с. 468—469.

¹⁶ Вактурская Н. Н. Раскопки городища Ургенч в 1952 г.— ТХЭ, 1958, т. 2; Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVII вв. на городище Таш-кала в Ургенче.— Там же; Тургенев-Амитиров А. Г. Раскопки комплекса южных ворот и крепостной стены Таш-кала.— Там же.

- ¹⁷ Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962, с. 280 и сл.
- ¹⁸ Там же, с. 596.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Воронина В. Л. Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана.— СЭ, 1953, № 3, с. 182; Она же. Народная архитектура Северного Таджикистана. М., 1959, с. 9—10.
- ²¹ Захарова И. В. Материальная культура уйгуров Советского Союза.— Среднеазиатский этнограф. сб., 1959, т. 2, с. 256—257.
- ²² См. статью А. К. Писарчик в настоящем сборнике.
- ²³ Вактурская Н. Н. Раскопки..., с. 476.
- ²⁴ Агеева Е. И. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-Ата).— В кн.: Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962, с. 148—149 (Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 14); Сенигова Т. Н. Шахристан.— Там же, с. 158, рис. 35; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 69, 74; Ахинжанов С., Ерзакович Л. К вопросу о происхождении канов на Сыр-Дарье.— Изв. АН КазССР, серия общ. наук, 1972, вып. 2, с. 64—69.
- ²⁵ Егоров В. Л. Жилища Нового Сарая.— В кн.: Поволжье в средние века. М., 1970, с. 185 (МИА, № 164).
- ²⁶ Пути проникновения канов на Сырдарью рассматриваются в работе Е. Е. Неразик «О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья» (В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 204); см. также: Ахинжанов С., Ерзакович Л. К вопросу..., с. 64—69.
- ²⁷ Руденко С. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза.— В кн.: Казаки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 3. Л., 1927, с. 11—13; Баронов С. Ф. Опыт медико-санитарного обследования среди казаков.— Там же, с. 39—40; Глухов А. Н. Зимнее жилище актюбинских и адаевских казаков.— Там же, вып. 2, с. 118—120. А. Н. Глухов указывает также размеры печей-перегородок: 2,18×0,76 м, высота 1,3 м; 2,04×0,39, высота 2,80 м.
- ²⁸ Глухов А. Н. Зимнее жилище..., с. 110—111.
- ²⁹ Там же, с. 118.
- ³⁰ Там же, с. 131.
- ³¹ Руденко С. Очерк быта..., с. 11—12; Глухов А. Н. Зимнее жилище..., с. 118.
- ³² Глухов А. Н. Зимнее жилище..., с. 113.
- ³³ Руденко С. Очерк быта..., с. 11; Глухов А. Н. Зимнее жилище..., с. 112.
- ³⁴ Баскаков Н. А. Жилища прилиийских казахов.— СЭ, 1971, № 4, с. 104—115.
- ³⁵ Сабитов Н. Этнографическая экспедиция в Меркенский район Джамбульской области.— СЭ, 1953, № 3, с. 197; Востров В. В. К истории развития оседлого жилища у казахов.— В кн.: Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.; Л., 1961, с. 192 (Труды ИЭ, нов. серия, т. 48). Из устного сообщения В. В. Вострова нам известно, что в домах казахов юга Казахстана, в Чилийском и Яны-Курганском районах, встречаются каны, которые, по мнению В. В. Вострова, могли быть заимствованы у соседнего корейского населения.
- ³⁶ Культура и быт казахского аула. Алма-Ата, 1967.
- ³⁷ Задыхина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи.— ТХЭ, 1959, т. 1, с. 361—363. Печи с обогреваемыми перегородками есть как в земляных, так и в наземных постройках, где помещение перегородивается печью (чемылдык пещ) на хозяйственную и жилую половины (там же, с. 361—362). Знаменательно, что узбеки нозовьев Сырдарьи в отличие от узбеков Южного Хорезма до сих пор помнят свои родовые подразделения, а в терминологию интерьера жилища перенесли элементы, свойственные внутреннему членению юрты: *тор-бет* — «почетное место», *казан-бет* — «хозяйственная сторона», *аден* — «проход», *чемылдык-пещ* — это и занавеска в юрте, и название печи со сложным дымоходом (там же, с. 363).
- ³⁸ Горизонтальный дымоход сохранился в виде короткого канала длиной 0,3 м. Раскоп III, 1973 г., объект 1, квартал Ж, дом 6, помещение 353.
- ³⁹ Длинные земляные очаги вообще характерны для полуоседлого населения. Ср.: Кармышева Б. Х. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков.— СЭ, 1960, № 1, с. 19.

А. Н. Жилина

ТРАДИЦИОННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩЕ УЗБЕКОВ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Данные официальной статистики (Всесоюзных переписей населения 1926, 1959, 1970, 1979 гг.) показывают, что на территориях почти всех республик Средней Азии проживают значительные национальные группы коренного населения соседних республик. К числу таких групп следует отнести узбеков, расселенных в пределах Казахстана, которых по материалам переписи 1979 г. здесь насчитывалось 263 295 человек. Наиболее компактно узбеки сосредоточены в Чимкентской области (227 205 человек)¹; они сохраняют свое национальное самосознание и особенности культуры.

Для исследователей, безусловно, представляет большой научный интерес изучение всех сторон жизни таких локальных групп, в данном случае узбеков, их этнической истории, хозяйства, духовной и материальной культуры. Однако вопрос этот очень сложный и не может быть рассмотрен в рамках одной статьи. Поэтому здесь мы остановимся только на характеристике традиционного жилища узбеков Чимкентской области, предварительно рассмотрев особенности их расселения на данной территории в XIX — начале XX в.

Располагаясь на границе Казахстана и Средней Азии, Чимкентская область сочетает в себе среднеазиатские и казахстанские особенности природы и хозяйства. По ее территории протекает одна из крупнейших рек Средней Азии — Сырдарья, что наложило отпечаток на направление хозяйства проживающих здесь народов, издревле способствуя созданию очагов высокоинтенсивного орошаемого земледелия.

Центральную часть области пересекает хребет Каратау, юго-западные склоны которого, обращенные к Сырдарье, сравнительно пологие, имеют развитые предгорья, постепенно переходящие в равнину; северо-восточные склоны, напротив, скалистые. Горы препятствуют проникновению с севера холодных ветров, поэтому климат равнинной части области по своим основным показателям (жаркое продолжительное лето, не слишком холодные зимы) приближается к климату оазисов Средней Азии. В то же время северная часть области, граничащая с песками Муюнкум, имеет резко континентальный климат, характерный для центральных районов Казахстана, что способствовало преобладанию здесь пастбищного скотоводческого хозяйства.

С глубокой древности в этом регионе проживали оседлое земледельческое население и кочевники, между которыми существовали постоянные экономические и культурные связи. Находясь на стыке обширных степей кочевников и оседлоземледельческих районов, Южный Казахстан

связывал эти два различных в хозяйственном отношении региона, издавна был центром развитого земледелия и торговли, ремесла и культуры. Здесь, особенно на правом берегу Сырдарьи, возникли многочисленные города и селения, которые сыграли большую роль в политической и экономической истории Средней Азии: это Сыгнак, Сауран, Ясы (Туркестан), Отрар, Сайрам. К этой группе исторически примыкает и Сузак. Росту и процветанию этих городов, особенно в средневековье, способствовало их выгодное расположение на древних торговых путях. Однако в XIX в. эти города мало что сохранили от былого величия (их последний расцвет относится к XV—XVII вв.), а некоторые находились в развалинах².

Помимо общих причин упадка, характерных для всей позднефеодальной Средней Азии (феодальный гнет, утрата торгового значения в связи с освоением новых морских путей, войны), присырдарьинские города были настоящим яблоком раздора между дашт-и-кипчацкими и мавераннахрскими правителями. К этим факторам присоединяются также разрушительные нашествия джунгар.

Большое влияние на жизнь населения юга Казахстана оказывала колонизационная политика Кокандского ханства. В результате завоевательных походов кокандских ханов (1801—1822 гг.) под их власть попали Таласская долина и кочевья Среднего жуза от Ташкента до р. Арыси, а также города Чимкент, Сайрам, Туркестан с округой. На правом берегу Сырдарьи кокандские беки возвели крепости Яны-Курган, Джулек, Ак-Мечеть, Чим-Курган, Кош-Курган, Кумыш-Курган, находящиеся на караванном пути; была построена заново крепость Сузак³.

В крупные кишлаки и города юга Казахстана вслед за кокандскими военными гарнизонами потянулось из центральных районов Средней Азии и мирное население, которое оседало как во вновь построенных крепостях, так и в старых земледельческих районах. В результате ко времени завершения присоединения Казахстана и Средней Азии к России в этих районах сложился довольно четко выраженный этнический состав населения: узбеки, не знавшие родо-племенного деления и называемые в литературе «сартами», населяли все крупные кишлаки и города Туркестан, Карнак, Икан, Сузак, Чимкент, Сайрам, Манкент, Карабулак, Карамурт и т. д., а казахи были расселены в районах, прилегающих к этим селениям (в так называемых «кочевых волостях»).

Материалы Всероссийских переписей 1920 г., довольно верно отражающие картину расселения узбеков и казахов в начале XX в., дают следующие цифры: в Туркестанском уезде, в г. Туркестане и оседлых волостях Джетыарыкской, Иканской, Карнакской, Кошмезгильской и Сузакской проживало 32 646 узбеков, 5005 казахов; в Чимкентском уезде, в г. Чимкенте, а также в оседлых волостях Карабулакской и Сайрамской насчитывалось 39 723 узбека и 689 казахов. В целом в Туркестанском и Чимкентском уездах численно преобладали казахи, расселенные в кочевых волостях⁴.

Что же представляли собой в середине XIX — начале XX в. эти небольшие города, кишлаки, крепости, заселенные узбеками? Без их краткой характеристики невозможно проследить пути формирования тради-

ционного жилища оседлого земледельческого населения Южного Казахстана.

В северо-западной части области по своему значению и величине выделялся г. Туркестан, являвшийся центром Туркестанского уезда и всей сельскохозяйственной округи. Мы не будем здесь касаться истории города, которая подробно рассматривалась в трудах русских дореволюционных и советских исследователей⁵. Отметим лишь, что с середины XVI и до конца XVIII в. (с небольшими перерывами) Туркестан был крупнейшим политическим и экономическим центром и официальным местом пребывания казахских ханов то Старшего, то Среднего жуза. Город являлся также центром религиозной жизни всей области и прилегающих к нему степных районов — здесь находился мавзолей Ходжа Ахмеда Яссави.

В начале XVIII в. Туркестан, как и соседние города и селения, был захвачен и разграблен джунгарами. Русские путешественники начала XIX в. Поспелов и Бурнашев подчеркивали: «...сей довольно известный в древности город столь опустошен, что не считают в нем более 300 домов, и обширность прежнего селения видна уже в одних только развалинах»⁶. Крепостные стены города были обновлены и частично заново отстроены уже кокандскими правителями. Стены высотой до 15 м были сложены из сырцового кирпича крупного формата; в них через каждый метр делали прокладки из бревен тута и арчи. Стены имели четверо ворот с боковыми охранными башнями. Вокруг крепости шел ров, наполняемый водой из небольшой реки Карачик⁷.

Город делился на пять крупных частей, четыре именовались по названиям ворот и были заселены горожанами, а в пятой небольшой части — цитадели находился мавзолей Ахмеда Яссави, различные культовые постройки и проживало до 360 семей ходжей. Правильной четкой планировки город не имел, узкие грязные улочки проходили в разных направлениях, соединяя кварталы с базарной площадью и мавзолеем. Зелени практически не было. Все орошаемые земли с полями и садами располагались вокруг города. В середине XIX в. в Туркестане насчитывалось 1200 домов⁸.

Основным населением города являлись торговцы, ремесленники, земледельцы, называемые всеми русскими путешественниками общим именем «сарт»⁹. Сартами называли жителей города и кочевавшие в окрестностях казахи.

После присоединения края к России город стал быстро расти вширь, выходя за пределы крепости, так как отпала необходимость опасаться набегов соседей. Часть жителей переселилась за пределы города на свои земельные участки, образовав новые постоянные селения — Сунак, Чорнак, Урангай и др.

К 1910 г. население города составило 15 236 человек, он делился на 40 кварталов (махалля)¹⁰. Рядом со старой крепостью возникли новые улицы, где проживали переселившиеся сюда татары, евреи, русские, казахи. Этот район по своему благоустройству выгодно отличался от старой, так называемой «туземной» части города, заселенной узбекоязычными сартами. А. И. Добросмыслов так описывает старый город: «...Улицы узкие и кривые. Третья часть туземного города представляет из себя

развалины, так как вследствие недостатка воды жители давно его оставили. Городские стены и стены цитадели частично или развалились или продолжают разваливаться»¹¹.

К Туркестану тяготели кишлаки, заселенные к середине XIX в. также узбекоязычными сартами. Наиболее известные среди них Карнак, Икан, Сузак и ряд мелких, возникших на месте полей жителей Туркестана.

В 20 км от Туркестана на южных предгорьях Каратау расположен кишлак Карнак, известный с домоягольского времени. Так же как и вся территория Южного Казахстана, он тяжело пострадал от нашествия монгольских и джунгарских полчищ. Карнак упоминается в работах многих исследователей. По сведениям П. И. Рычкова, в конце XVIII в. в нем насчитывалось около 300 домов¹². Как и все крупные селения края, Карнак был обнесен крепостной стеной высотой до 8 м, обновленной во время кокандского завоевания. В стенах было четверо ворот; названия их соответствовали наименованиям четырех крупных кварталов-махалля, на которые делилась территория селения. Плотность застройки была очень большой, дома не имели дворов и зелени. Все земельные участки располагались вокруг кишлака, на них работали в спокойное время только днем, а вечером все собирались в крепости.

После присоединения края к России здесь так же, как в Туркестане, началось постепенное переселение жителей из кишлака на свои земельные участки. В результате вокруг крепости постепенно вырос новый поселок, планировка которого полностью отличалась от той, которая была обусловлена оборонительными стенами. Около домов появились дворы, деревья, стали разводить сады. В центре поселка была построена новая большая мечеть, крыша которой была покрыта кровельным железом, что являлось большим новшеством по тем временам, открыто медресе Казия Абсамата, рассчитанное на 30 учеников, и 3 мусульманские школы (мактаба). В конце XIX в. кишлак делился на 13 кварталов, в которых проживало 2 тыс. жителей (423 хозяйства)¹³.

Центром селения в этот период оставалась территория крепости, описание которой приводит в своей работе Г. А. Арандаренко, посетивший Южный Казахстан в 1889 г.: «Единственная базарная улица в самом кургане, тесном и грязном, состоит из 10 лавок с кук-чаем, плохими халатами, шелком, разной мелочью и неизбежной аптекой. Торгового рынка кишлак не знает». Из ремесленников Г. А. Арандаренко перечисляет четырех сапожников, двух мыловаров и четыре кожевенные мастерские¹⁴.

Однако с конца XIX в. оказавшийся в пределах Сырдарьинской области Туркестанского края и расположенный на торговом пути, связывающем северные скотоводческие районы с южными земледельческими и г. Туркестаном, Карнак начинает быстро расти. В начале XX в. здесь проживало уже 4069 человек (864 хозяйства), кишлак делился на 37 кварталов, в нем функционировали 5 медресе. Кишлак становится центром Карнакской волости¹⁵. Постепенно здесь начинают селиться и казахи.

Другим крупным кишлаком Туркестанского уезда, заселенным узбекоязычными сартами, являлся Икан, расположенный в 20 км от города по дороге к Чимкенту. Подобно Карнаку и другим селениям, Икан вхо-

дл в число наиболее значительных пунктов оседлости края и упоминается еще П. И. Рычковым. В 1762 г. в Икане насчитывалось 300 хозяйств¹⁶.

В середине XIX в. Икан (Эски Икан) представлял собой небольшую крепость округлой формы, в которой было четверо ворот, выходящих на дороги, ведущие к Туркестану, Чимкенту, Отрару и в горы. Высота стен, по воспоминаниям информаторов, доходила до 5 м, верх их заканчивался зубцами, за которыми во время нападения неприятеля укрывались солдаты гарнизона кокандских войск. Внутри крепости одна дорога проходила через центр селения, другая шла вдоль стен. При страшной скученности застройки здесь размещалось около 400 хозяйств¹⁷.

После присоединения к России вокруг крепости начинает расти новый поселок. По материалам переписи 1920 г. здесь насчитывалось 3235 жителей (648 хозяйств), из них узбеков — 3203, казахов — 28, татар — 4¹⁸. Икан являлся центром одноименной волости и последним перевалочным пунктом на торговой дороге из Чимкента в Туркестан, что накладывало особый отпечаток на облик селения — здесь было несколько караван-сараяв.

Особое положение среди южноказахстанских городов и кишлаков занимал Сузак, находящийся на границе со степью. Город расположен на северных склонах Каратау, очень благоприятных для жизни: обилие родниковой воды и небольшие горные речки, прекрасные пастбища и плодородные земли издавна привлекали сюда и скотоводов и земледельцев. По раскопкам город известен с X—XI вв., а в письменных источниках упоминается с XIII в. Сузак развивался и рос неравномерно, наибольшего развития он достигает в XV—XVI вв., в период расцвета казахских ханств. Отмечается, что город являлся значительной крепостью, окруженной рвом¹⁹. Во время джунгарского нашествия он был сильно разрушен и опустошен. В конце XVIII в., по сведениям П. И. Рычкова, в Сузаке насчитывалось всего 40 хозяйств²⁰.

Сузак был заново отстроен и обнесен крепостной стеной кокандскими наместниками, которые придавали ему большое значение как форпосту на границе с владениями казахских ханов. Он получил также печальную известность в качестве места ссылки чиновников и военных, неугодных кокандским властям.

В середине XIX в. крепость Сузак занимала около 19 га, была окружена стеной из пахсы и сырцового кирпича высотой 6—7 м, в которой было четверо ворот (капка). Ворота соединялись между собой узкими и кривыми улочками. Вся территория делилась на 6 кварталов (коча, малля), каждый квартал имел небольшую мечеть. Медресе в Сузаке не было, молодые люди ездили учиться в Карнак и Туркестан²¹.

Городское население Сузака, которое кочевавшие в окрестностях казахи называли общим именем «сарт», было довольно пестрым по своему происхождению. Оно складывалось преимущественно после разорительных набегов джунгар (XVIII в.), когда город был практически заново отстроен и заселен. Значительную прослойку составили осевшие в самом городе представители разных казахских родов: ошакты, сатек, коралас, мирза-тоби; узбекоязычные сарты — выходцы из Туркестана и окрестных кишлаков (Карнак, Икан, Бабай, Сунак), а также поселенцы из

центральных районов Узбекистана, переселившиеся во время кокандского завоевания.

После присоединения к России Сузак начинает быстро расти и застраиваться вокруг крепости. В начале XX в. здесь проживало 4776 человек (1006 хозяйств), числивших себя узбеками-сартами²².

Другим густонаселенным районом Южного Казахстана являлась долина р. Арыси, где вокруг г. Чимкента весьма компактно располагались крупные узбекские кишлаки—Сайрам, Манкент, Карабулак, Карамурт, Тюлькубас и др. Занимая предгорья, хорошо обеспеченные поливной водой и окруженные пахотными угодьями, огородами и садами, эти кишлаки представляли небольшие островки земледелия на фоне остальной территории, занятой кочевниками-казахами.

В русских источниках Чимкент известен с 1735 г. под именем города Чимина, находившегося во владениях ханов Большой Киргизской Орды²³. По сведениям Поспелова и Бурнашева, посетивших Чимкент в 1800 г., здесь насчитывалось до 700 домов. «Около него есть еще до 10 селений. Все оные обнесены нетолстыми глиняными стенами и по большей части находятся на возвышенных местах»²⁴. Довольно подробное описание города начала XIX в. приводит Филипп Назаров: «Чимкент находится на реке Бодам; выстроен на возвышенном месте и обнесен к яру весьма высокою стеной... Дома выстроены из нежженого кирпича, наподобие китайских, без окон, почему для свету видишь растворенные на улицах двери»²⁵.

Перепись населения 1897 г. дает следующую картину: всего в городе насчитывалось 11 194 человека, из них сартов и узбеков — 9477, киргизов (казахов) — 451, каракалпаков — 20, татар — 120, остальные — русские²⁶. Давая характеристику городу и его окрестностям, все русские исследователи подчеркивали, что в этих местах земледелие и садоводство развиты гораздо больше, чем в Туркестанском уезде.

Самым крупным селением Чимкентского уезда в середине XIX в. являлся Сайрам, удаленный от города на 25 км. Сайрам — древний Ипиджаб, известен по источникам с глубокой древности. В позднем средневековье он был центром богатого густонаселенного района, лежавшего на стыке путей из Мавераннахра в северную часть Туркестана и далее в степь. В XV—XVII вв. Сайрам находился в узле переплетавшихся интересов правителей кочевого Дашт-и-Кипчака и Туркестана, Западного Могулистана и среднеазиатских феодальных государств. После джунгарского нашествия город не смог оправиться и постепенно роль экономического и административного центра района с середины XVIII в. переходит к Чимкенту²⁷.

В период подчинения Коканду в Сайрам переселилась значительная часть узбеков из Ферганской долины и особенно из Ташкента, с которыми он был связан постоянными торговыми контактами. Здесь были восстановлены крепостные стены и оборонительные сооружения, разрушенные мавзолей и медресе. В стенах было сделано 4 ворот: Базар-капка, Чимкент-капка, Карамурт-капка, Бели-капка, которые соединялись между собой улицами, делившими территорию селения на четыре части (капка). В каждой части было по несколько кварталов-махалля. Так, например, в конце XIX в. Чимкент-капка делилась на 7 махалля (по 50—60

хозяйств в каждой). До начала XX в. прочно сохранялась традиция парного объединения частей селения — Базар-капка и Чимкент-капка, Карамурт-капка и Бели-капка. На народных празднествах (науруз) во время борьбы (кураш) участники объединялись только по своим капка; на семейные торжества преимущественное право быть приглашенными имели также представители своих капка²⁸.

Несмотря на потерю главенствующей роли в экономическом отношении, Сайрам продолжал оставаться крупнейшим религиозным центром юга Казахстана. Среди многочисленных мазаров и мавзолеев особой популярностью славился мазар Падшах-Малик-баба, или Мир-Али-баба, жившего в конце XI — начале XII в., и мазары Ибрагим Ата и Кара Соч-Ана — якобы отца и матери Ахмеда Яссави. В религиозные праздники здесь собирались толпы паломников из разных мест Средней Азии. Славился Сайрам также своими базарами и особенно весенними и осенними ярмарками, на которые приезжали узбеки из соседних и отдаленных кишлаков и городов, а казахи пригоняли на продажу скот и привозили изделия из кожи, войлока, шерсти. Большое место в жизни жителей селения занимало ремесло — гончарство, изготовление и шитье одежды, обуви, резьба по дереву, изготовление различных деревянных деталей к домам и т. д. По переписи 1897 г. здесь проживало 8613 человек, считавших себя узбеками-сартами²⁹, а в начале XX в. в Сайраме было уже 10 628 человек (1860 хозяйств)³⁰.

Недалеко от Сайрама, в предгорьях Сайрамских гор, отходящих от хребта Таласского Алатау, расположен кишлак Карамурт. Селение имеет сложную и интересную историю, неразделимо связанную со всем Южным Казахстаном. Существует несколько легенд, объясняющих происхождение кишлака, но везде в качестве родоначальника карамуртцев фигурирует человек с черными усами — «карамурт». В легендах, связанных с Ахмедом Яссави, нашли отражение и действительные события — переселение части предков карамуртцев из района г. Туркестана. Подтверждение этой версии можно найти у В. Наливкина, который считает их узбекским родом, «переселившимся из-под г. Туркестан»³¹.

В середине XIX в. кишлак Карамурт представлял собой небольшую крепость, носившую название Ич-Курган («внутренняя крепость»). Ее строительство, вернее полное восстановление, связано со временем правления кокандских ханов. Крепость Ич-Курган была расположена на естественном холме, вокруг которого шел глубокий овраг. В глинобитной стене высотой до 7 м были сооружены двое ворот — Коксай-дарваза и Аксай-дарваза, которые на ночь закрывались. Внутри крепости проходила единственная улица, соединявшая ворота и делившая всю территорию на два больших квартала. По воспоминаниям информаторов, в конце XIX в. здесь находилось до 300 усадеб³². При каждом квартале была небольшая мечеть, в центральной мечети кишлака Джума-мечеть происходили пятничные и праздничные моления. Здесь же собирались представители от кварталов для решения наиболее важных дел.

Через крепость протекал один основной арык Кент-арык, который соединял два больших водоема (хауса), из одного брали воду для питья, из другого поили скот. С водой было плохо, поэтому зелени в селении почти не было. Дома очень плотно стояли друг к другу, образуя сплош-

ной массив, кое-где прорезанный узкими кривыми улочками. Своего базара в кишлаке не было, в центре находилось несколько лавочек мелких торговцев и ремесленников. За покупками в базарные дни ездили в Сайрам.

Как и в других кишлаках края, все орошаемые земли располагались вокруг крепости. После присоединения к России жители стали покидать крепость и переселяться на свои участки, где постепенно строили новые жилые дома. В результате крепость оказалась в центре селения. В начале XX в. в Карамурте проживало 2327 человек (473 хозяйства)³³, кишлак делился на 14 кварталов — махалля, центральной мечетью оставалась старая крепостная мечеть Джума-мечеть.

Увеличение роста населения и отсутствие около кишлака достаточного количества поливных земель привело к тому, что часть жителей переселилась на отдаленные участки, образовав два небольших селения Хан-арык (в 1910—1913 гг.) и Янги-Юль (Низамабад, в 1917—1919 гг.). Для дополнительного снабжения водой из р. Аксу был прорыт новый арык Хидир-арык. Население всех трех кишлаков считало себя узбеками.

В отличие от городов и кишлаков, чья история насчитывает несколько столетий и уходит в далекую древность, сел. Карабулак возникло относительно недавно — лет 200—250 тому назад. Расположенное в 25—30 км к северо-востоку от Чимкента на левом берегу Арыси, оно состоит преимущественно из выходцев г. Туркестана и окрестностей. К. К. Юдахин, проведший обследование Карабулака в 20-е годы нынешнего столетия, выделил четыре основные семейно-родственные группы (авлод), на которые делилось все население: отрарлык (выходцы из Отрара), иканлык (выходцы из Икана), матлык и чагалык (выходцы из небольших селений Мат и Чага, расположенных около Туркестана). Небольшую прослойку составляли переселенцы из Ташкента, преимущественно торговцы, и казахи рода ошакты³⁴.

Разбирая карабулакский говор узбекского языка, К. К. Юдахин отмечает, что «те же диалектические особенности должны обнаружиться и в районах ближайшей родины карабулакцев, в некоторых кишлаках Туркестанского уезда. Сюда же, по всей вероятности, должен будет войти и говор города Чимкента, в составе населения которого имеется достаточное количество отрарцев и иканцев»³⁵.

В начале XX в. Карабулак был крупным торгово-ремесленным кишлаком с населением в 9187 человек (1440 хозяйств)³⁶.

К числу центров узбекской оседлости относится и сел. Тюлькубас, которое возникло после кокандского завоевания как торговый пункт на дороге, связывающей юг Казахстана с северными районами и городами Аулие-Ата, Мерке, Токмак и т. д. В отличие от других городов и кишлаков, занятых узбеками, сел. Тюлькубас не имело четко обозначенной территории и оборонительных сооружений. Оно было вытянуто вдоль основной дороги, на которую выходили многочисленные лавки, чайханы, караван-сарай, базар, мельницы, маслобойки, лепешечные и т. д. Жилые дома располагались по обе стороны дороги. Население Тюлькубаса составили преимущественно выходцы из Ташкента. По свидетельству информаторов, наиболее интенсивные торговые и культурные связи у жи-

телей Тюлькубаса были с Сайрамом. В начале XX в. здесь проживало 966 человек (221 хозяйство)³⁷.

В заключение краткого обзора городов и селений Южного Казахстана XIX — начала XX в., заселенных узбекоязычными сартами, можно отметить ряд общих моментов, которые накладывали отпечаток на все стороны жизни населения, в том числе и на развитие материальной культуры. Прежде всего это укрепленный характер поселений, обнесенных крепостными стенами, и их сравнительно небольшие размеры; относительно слабое, по сравнению с центральными районами Средней Азии, развитие ремесленного производства; тесная связь с земледельческой округой; отсутствие четкого разграничения между городами и селениями (многие горожане, так же как и сельские жители, занимались земледелием).

Переломным моментом в развитии края следует считать присоединение Средней Азии к России. С конца XIX в. начинается быстрый рост городов и кишлаков юга Казахстана, крепостные стены, регламентирующие расширение их территорий, становятся ненужными. Вокруг старых крепостей возникают новые поселения со свободной планировкой улиц, а в Туркестане и Чимкенте возводятся четко распланированные русские части. Сильно выросла роль Чимкента, который становится экономическим и административным центром Южного Казахстана. Строительство дорог, торговых предприятий, учебных заведений (мусульманских мактабов, медресе и новометодных школ для местного населения), культурных и промышленных объектов оказало большое влияние на изменение культурного облика жителей области. Самым непосредственным образом все это сказалось и на развитии народного жилища.

На основании собранных полевых материалов можно констатировать, что в обследованных городах и кишлаках Южного Казахстана в середине XIX в. существовал один тип традиционного жилища. Он был обусловлен крепостным характером поселений и не имел принципиальных отличий в городах и кишлаках. Это была обычно трехкамерная постройка: вход с улицы вел в просторное хозяйственное помещение (сарай), где находился скот, сельскохозяйственный инвентарь и различные хозяйственные вещи; из сарая дверь вела в единственную жилую комнату (уй, чархары-уй), в которой размещалась вся семья; комната соединялась дверью с кладовой (туйнек, болохона) (рис. 1, I). Кладовая состояла из двух невысоких этажей: верхний (равак) предназначался для хранения продуктов, в нижнем находилась мелкая хозяйственная утварь (см. рис. 1, III).

Как уже отмечалось, из-за большой скученности застройки приусадебных участков в селениях, обнесенных оборонительными стенами, практически не существовало. Только у богатых хозяев имелись небольшие дворы (хаули, ховли) с отдельными помещениями для приема гостей-мужчин (мехманхана), состоявшими из комнаты и коридора (дализ). В редких случаях к основному дому пристраивали небольшие жилые комнаты для женатых сыновей. В целом же тип жилого дома был единым. Жилая комната чаще всего была квадратной, в центре стояла колонна (устун), которая поддерживала основную балку потолка (хары). Около входа имелось небольшое углубление — водослив, покрытый кир-

1956
 1957
 1958
 1959
 1960
 1961
 1962
 1963
 1964
 1965
 1966
 1967
 1968
 1969
 1970

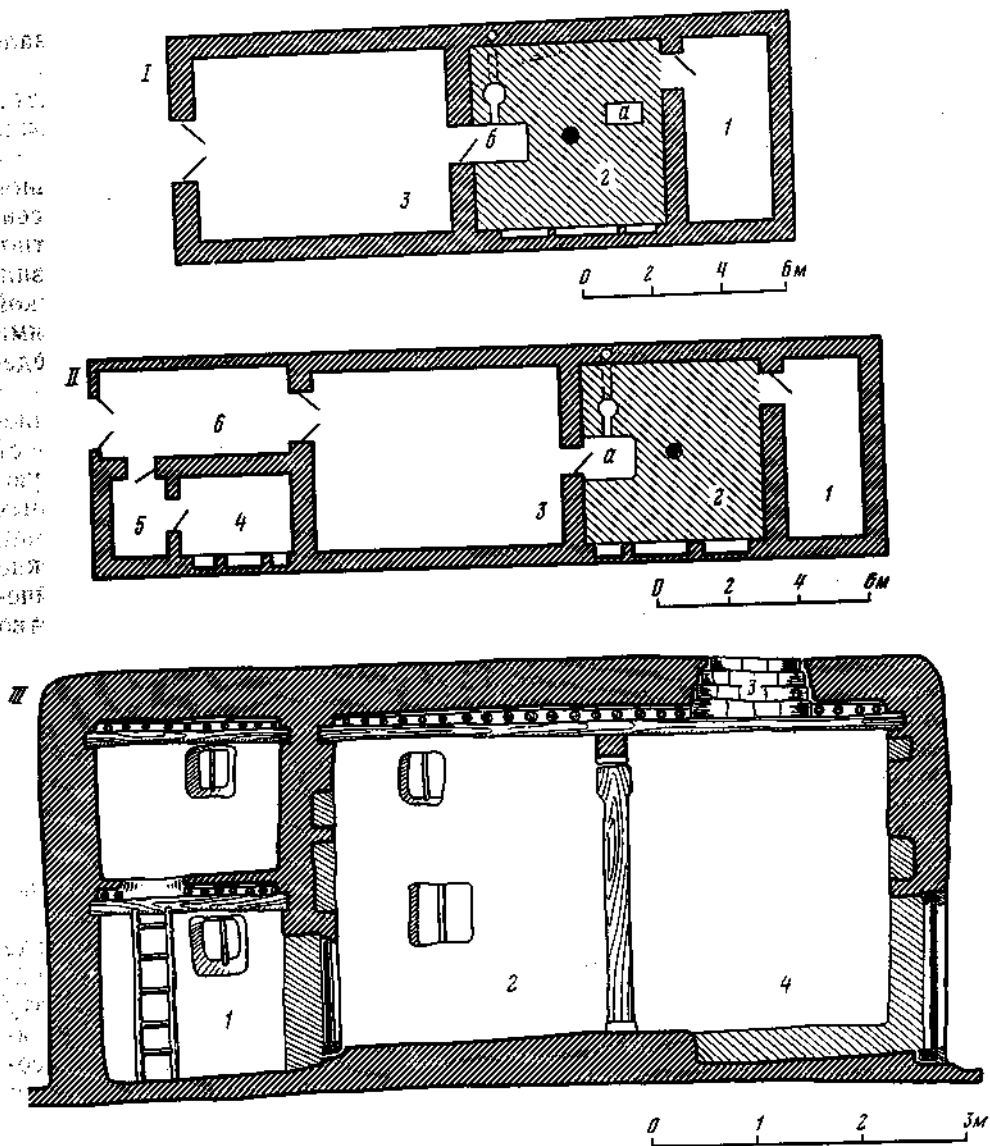

Рис. 1. Планировка традиционных жилищ XIX в.

I — наиболее распространенный план дома на территории крепости в с. Карнак (с-з Атабаевский Туркестанского р-на Чимкентской обл.: 1 — кладовая, 2 — жилая комната с глинобитным возвышением пола (а — саидал, б — углубление в полу перед дверью с водосливом), 3 — хозяйственное помещение для скота и инвентаря. II — план дома зажиточного хозяина на территории крепости в с. Сузак Чулак-курганского р-на Чимкентской обл.: 1 — кладовая, 2 — жилая комната с глинобитным возвышением пола (а — углубление в полу перед дверью с водосливом), 3 — хозяйственное помещение для скота и инвентаря, 4 — жилая комната для приема гостей, 5 — коридор, 6 — открытый дворик. III — разрез жилого дома, построенного на территории крепости в с. Карнак: 1 — двухэтажная кладовая, 2 — жилая комната с колонной, 3 — свето-дымовое отверстие в крыше, 4 — углубление в полу перед дверью

пичами или каменной плитой, сюда же выходило поддувало от очага, который вмазывался в возвышенную часть пола комнаты. Очаг, представлявший собой слеplенную и частично обожженную корчагу без дна (верхнее отверстие было гораздо меньших размеров, чем нижнее), готовили отдельно, а затем устанавливали в комнате так, чтобы верхнее отверстие находилось на уровне возвышенной части пола. От очага, называемого «земляной очаг» (ер-учак, ер-тандыр), под суфой проходил дымовой канал (кан), который соединялся с трубой в стене дома³⁸. В холодное время в таком очаге пекли лепешки, на нем готовили пищу, им обогревались. Для сохранения жара очаг сверху закрывали крышкой, слеplенной из глины (капкак) (см. рис. 1, II).

Окон в таких домах не было, за исключением небольших отверстий в стене, забранных деревянными решетками (палочки, вмазанные в края стен). Свет в комнату попадал через квадратное отверстие в крыше (тундук), которое делалось над очагом и служило также для выхода дыма. Устройство тундука было следующим: в потолке из деревянных брусьев делали квадрат (120×120, 150×150 см), затем на толщину перекрытия — от потолка до поверхности крыши — это отверстие оформляли из небольших брусков или дощечек в виде сруба. Для того чтобы в комнату не попадали дождь и снег, отверстие прикрывали деревянной крышкой, соединявшейся с длинной палкой, нижний конец которой устанавливали в специальной небольшой нишке над входной дверью. Этой палкой регулировали увеличение или уменьшение отверстия в потолке. На крыше над свето-дымовым отверстием сооружали невысокую трубу, ее, как и всю крышу, обмазывали глиной. В зажиточных семьях все деревянные части дома — колонну, балки потолка, тундук, двери — украшали резьбой (рис. 2).

В комнате было много ниш: в стене против двери — большие ниши от пола до потолка для постельных принадлежностей и одежды; в боковых стенах ниши были небольшие и служили для различной утвари и посуды.

Размеры комнат также зависели от зажиточности семьи, в среднем 20—30 м². Это было единственное жилое помещение, где размещалась вся большая семья, состоявшая из родителей и женатых сыновей. Для семейных пар на ночь отгораживали занавесками углы комнаты, а остальные члены семьи спали все вместе. Самое теплое место в комнате около очага предназначалось для стариков и маленьких детей. В этой же комнате готовили пищу, пекли лепешки, занимались шитьем, вышиванием и другими домашними делами. В холодное время около двери держали новорожденных ягнят и козлят.

В конце XIX в. в связи с изменением типа селений (расширением застройки за пределами крепостей) коренным образом меняется и тип сельского жилища. У всех домов появляются приусадебные участки, что позволило выделить двор и отделить хозяйственные помещения от жилых. Сначала жилые дома строили по старому образцу, они состояли из жилой комнаты и кладовой, а подсобные и хозяйственные постройки располагали отдельно по периметру двора. Такие дома зафиксированы нами в селениях Сузак, Карнак, Карамурт, оказавшихся в конце XIX —

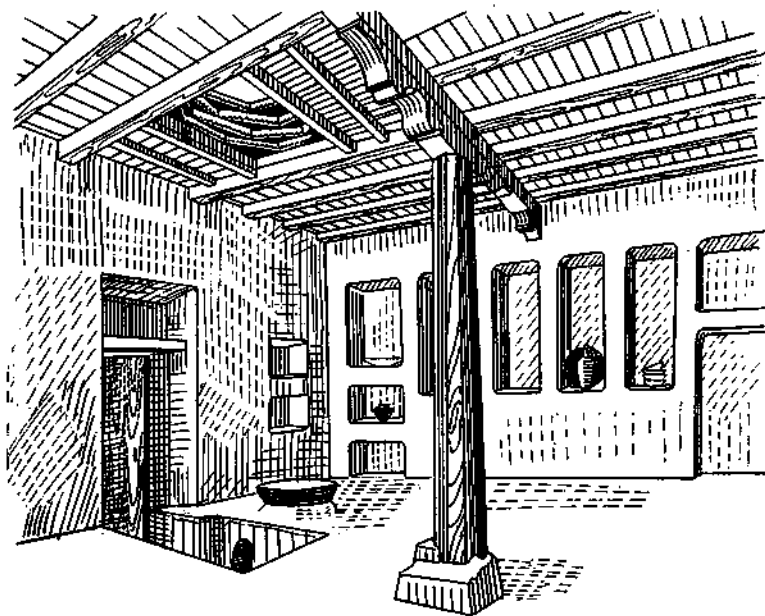

Рис. 2. Интерьер комнаты традиционного жилого дома середины XIX в.
с. Кариак (с-з Атабаевский) Туркестанского р-на Чимкентской обл. Рис. А. Корнаухова

начале XX в. несколько в стороне от экономической и культурной жизни края (см. рис. 3, 1).

Позднее складывается тот тип жилого дома, который распространился по всем узбекским кишлакам Южного Казахстана и с незначительными изменениями сохранился до 1950—1960-х годов.

Развитие товарно-денежных отношений в конце XIX — начале XX в., втягивание экономики края во всероссийский рынок обострило классовое расслоение среди населения. Дома бедняков и зажиточных хозяев резко отличались друг от друга своими размерами и качеством отделки. Однако сам архитектурный принцип сельского жилища оставался единым.

Среди основной массы населения в конце XIX — начале XX в. наибольшее распространение получают жилые дома, состоящие из просторной жилой комнаты (уй, ката-уй), помещения для гостей (мехманхана), кухни-столовой (ошхана) и открытого айвана перед домом. Во всех комнатах, кроме кухни, стали делать окна; вначале их закрывали ставнями, а несколько позже начали вставлять рамы со стеклами (рис. 3, 4).

Основным жилым помещением дома стали комната, которую по традиции делали почти квадратной и большой площади (5×5 м; 7×7 м). В центре на небольшом постаменте стояла колонна. Устройство потолка также было традиционным: в небольших комнатах в центре укладывали одну балку (хары), на которую настилали более тонкие перекладки, в просторных помещениях — две пересекающиеся балки, центр которых

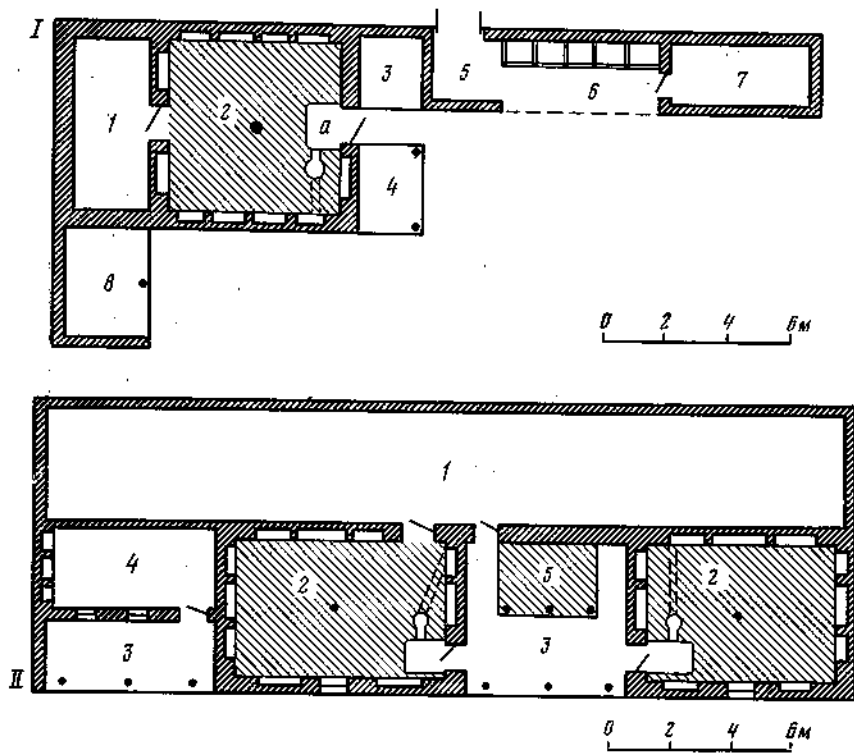
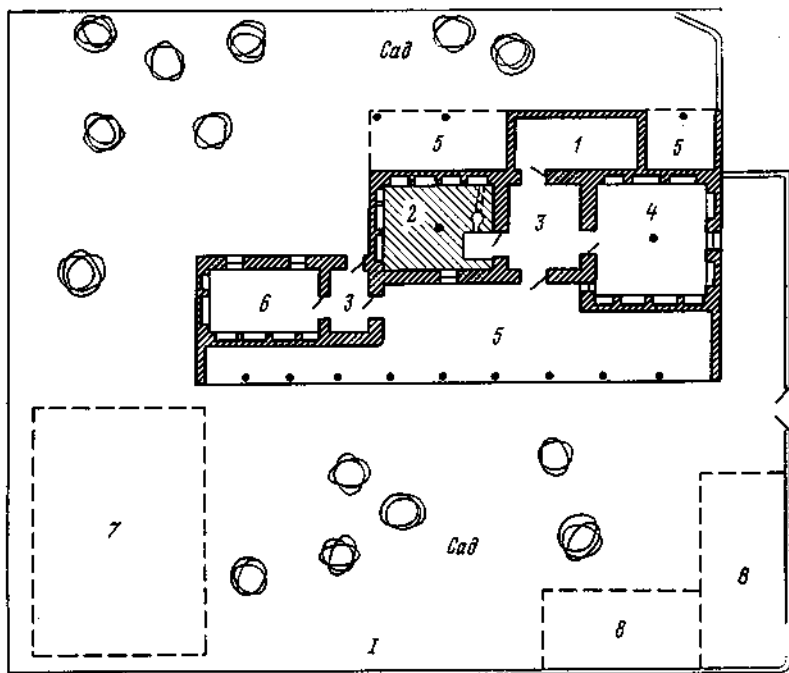

Рис. 3. Планировка традиционных жилищ конца XIX — начала XX в.

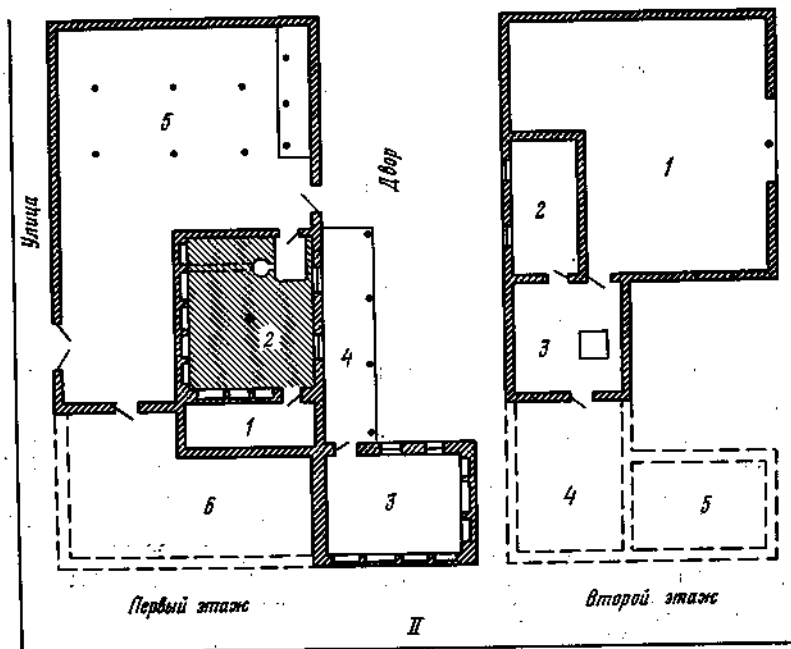
I — план дома, построенного в конце XIX в. в с. Карнак (с-з Атабаевский) Туркестанского р-на Чимкентской обл. 1 — кладовая, 2 — жилая комната (а — углубление около двери с водосливом), 3 — навес над детним очагом, 4 — открытый айван, 5 — приватное сооружение, 6 — навес для скота с кормушками, сделанными из глины, 7 — зимнее помещение для скота, 8 — навес для хозяйственных вещей; II — план дома, построенного в начале XX в. для большой семьи в с. Сайрам Сайрамского р-на Чимкентской обл.: 1 — хозяйственное двухэтажное помещение, 2 — жилые комнаты, 3 — открытый айван, 4 — комната для гостей, 5 — глинобитное возвышение под навесом

приходился на колонну. В связи с появлением окон свето-дымовое отверстие в потолке стали делать небольшим, оно служило только для выхода дыма.

Изменились и функции очагов. В больших комнатах они обычно служили для отопления, приготовлением пищи хозяйки занимались в зимней кухне. По свидетельству информаторов, для экономии топлива печь топили только на кухне, а в большую комнату приносили угли, которыми и обогревались в холодное время. К этому периоду относится и широкое распространение сандала, который постепенно заменил земляной очаг. Жилище из дымного и закопченного превратилось в более приспособленное для нормальной жизни, что не могло не сказаться на его интерьере и внутреннем убранстве. Прежде всего это относится к таким помещениям, как большая комната и мехманхана.

0 2 4 6 8 м

0 2 4 6 м

В домах, где для отопления в зимнее время применяли сандал, в больших комнатах перестали делать свето-дымовое отверстие в потолке и углубление около входа, так как с исчезновением очага оно практически стало ненужным. Водослив (ташнау) устраивали у порога в ямке.

Комнату для приема гостей чаще всего располагали в центре дома, иногда в торце; она имела отдельный выход на айван. Обычно это было небольшое помещение, вытянутое в длину (в среднем $2,5-2,8 \times 4-5$ м), без колонны. Прогоны потолка укладывали на стены, их число обязательно было нечетным и колебалось от 7 до 11 балок. В отсутствие гостей комнату занимал кто-нибудь из взрослых членов семьи, чаще всего супружеская пара.

Зимняя кухня вплоть до 1950-х годов сохраняла традиционное устройство старых домов. Обязательной принадлежностью ее являлись земляные очаги с дымовыми каналами под полом, квадратное отверстие в крыше для выхода дыма, колонна в центре комнаты. В этом помещении готовили зимой пищу, пекли лепешки, здесь оставались ночевать старики и маленькие дети (рис. 5—6).

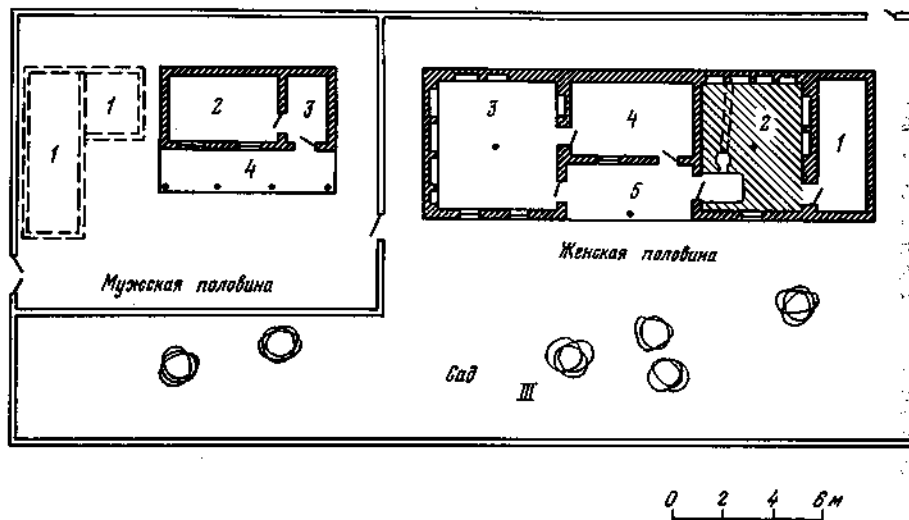

Рис. 4. Планировка традиционных жилищ и усадеб конца XIX — начала XX в. зажиточных слоев населения

I — план дома и усадьбы судьи (кази), построенных в конце XIX в. в с. Карнак (с-з Атабаевский) Туркестанского р-на Чимкентской обл.: 1 — кладовая, 2 — столовая и кухня, 3 — коридор, 4 — жилая комната, 5 — открытый айван, 6 — комната для гостей, 7 — место, где находился дом старшего женатого сына, 8 — место, где были хозяйственные постройки. II — план дома старшины, построенного в конце XIX в. в с. Сайрам Сайрамского р-на Чимкентской обл.; первый этаж: 1 — кладовая, 2 — столовая и зимняя кухня, 3 — жилая комната, 4 — открытый айван, 5 — крытый хозяйственный двор, 6 — разрушенное помещение маслобойни; второй этаж: 1 — помещение для хранения продуктов, 2 — комната для гостей, 3 — прихожая (в полу сделан люк для спуска по лестнице на 1 этаж), 4 — разрушенная комната для гостей, 5 — разрушенное хозяйственное помещение. III — план усадьбы богатого чиновника, построенной в начале XX в. в с. Икан Туркестанского р-на Чимкентской обл. Мужская половина: 1 — разрушенная конюшня и помещение для кормов, 2 — комната для гостей, 3 — коридор, 4 — открытый айван; женская половина: 1 — кладовая, 2 — столовая и зимняя кухня, 3 — жилая комната, 4 — комната для гостей, 5 — открытый айван.

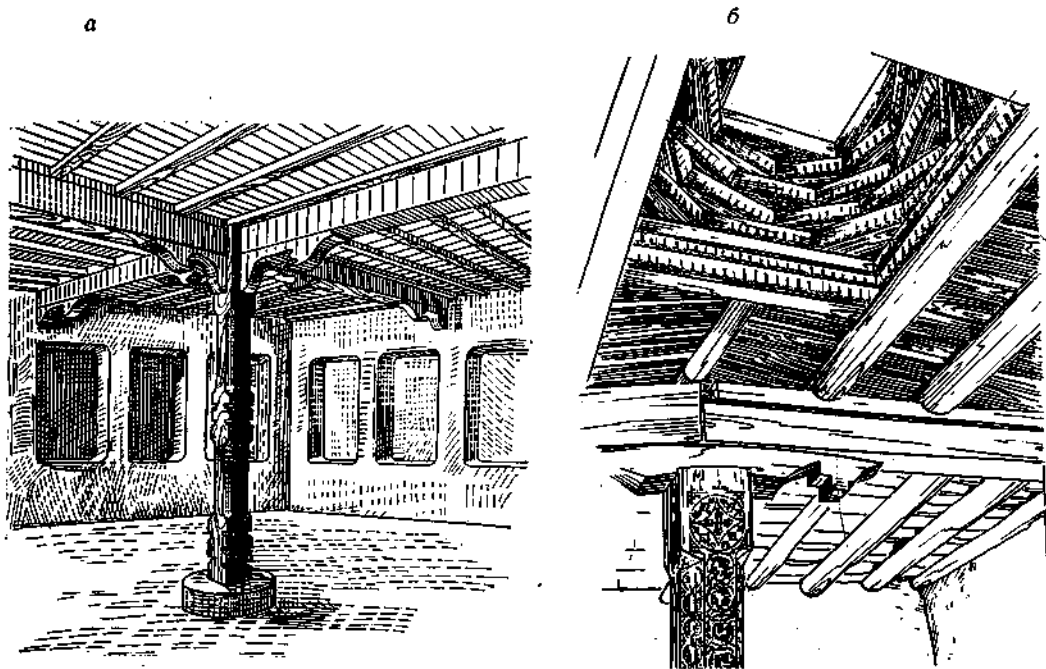

Рис. 5. Детали богатого жилого дома, построенного в конце XIX в.

а — внутреннее устройство парадной комнаты в доме судьи в с. Карнак Туркестанского р-на Чимкентской обл. Дом построен в конце XIX в.; б — оформление свето-дымового отверстия в потолке, находящегося в помещении зимней кухни-столовой; с. Карнак (с-з Атабаевский) Туркестанского р-на Чимкентской обл. Рис. М. Р. Семашкевич

Нововведением в народном жилище узбеков начала XX в. следует считать специальные помещения для тандыров (печь для выпечки лепешек). Развитие жилища неизбежно повлекло за собой функциональное разделение очагов: на одних готовили, другими только обогревались, в третьих пекли лепешки. Тандыры, в которых выпекали лепешки, получили название *котарма-тандыр*, т. е. приподнятые. Их ставили боком на постаменте, немного укрепляли кирпичами и обмазывали жидкой глиной. Устанавливали такие тандыры во дворе или в специальном помещении (рис. 7).

Тандыры, по сообщениям информаторов, делали только женщины. Для этого во дворе вырывали яму глубиной около 1 м. Затем хорошенько перемешивали глину с водой и шерстью и по форме ямы лепили тандыр, тщательно заглаживая стенки. Через несколько дней, когда тандыр подсохал, его осторожно вытаскивали из ямы и сушили на солнце, затем устанавливали в комнате или боком на постаменте во дворе. Обжигался тандыр в процессе работы. Первые три — четыре лепешки, испеченные в новом тандыре, отдавали бедным или в мечеть (см. рис. 10).

Описанную выше планировку домов нельзя, безусловно, считать универсальной. Самое непосредственное влияние на нее и даже на сам тип

сельского дома имела форма семьи, которая чутко реагировала на все социально-экономические изменения в крае. Во второй половине XIX — начале XX в. у большинства народов Средней Азии бытовала неразделенная семья, являвшаяся пережиточной формой большой патриархальной семейной общины. Такие семьи состояли, как правило, из главы семьи, его жены (или жен), сыновей со своими семьями, а иногда и близких родственников. При разрастании из семьи могли выделиться отдельные семьи (например, семья старшего сына), которые, как правило, состояли из нескольких поколений. Полные разделы неразделенных семей происходили редко, но и в этих случаях младший сын со своей семьей оставался с родителями и наследовал дом и усадьбу.

Все эти сложные процессы нашли свое отражение в народном жилище. Как уже отмечалось выше, до присоединения юга Казахстана к России жилище оседлого земледельческого населения состояло из одного, реже двух—трех жилых помещений. Если учитывать крайнюю бедность населения и большую смертность, особенно детскую, то можно предположить, что численность семей не была слишком большой.

Изменение экономических условий жизни края, быстрый рост кишлаков и городов способствовали улучшению жизненных условий и разрастанию семей. По сообщениям информаторов, почти все сельские семьи в начале XX в. состояли из нескольких поколений прямых родственников, что учитывалось при строительстве новых домов на участках, расположенных за пределами крепостей. Структура семьи оказывала самое непосредственное влияние на их планировку.

Характерным в этом отношении является дом, построенный в начале XX в. в сел. Сайрам. Усадьба принадлежала небогатой семье, состоявшей из главы семьи, его жены, малолетних детей и двух женатых сыновей.

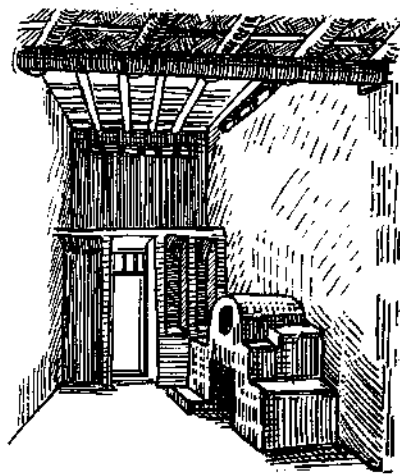
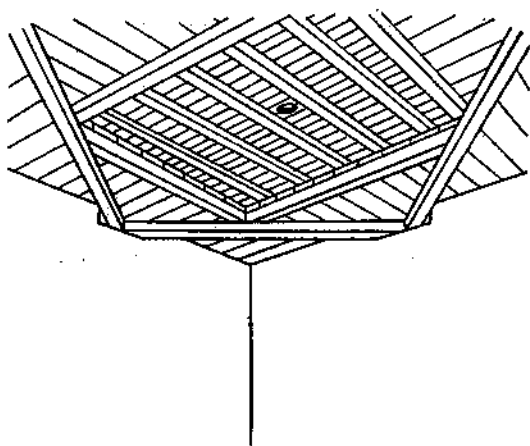

Рис. 6. Потолок в традиционном жилище XIX в. (небольшая комната без колонны).
Рис. А. Корнаухова

Рис. 7. Помещение для тандыра в доме традиционной планировки. Рис. А. Корнаухова

Участок был разделен на две половины, на первом дворе по его периметру располагались жилые и хозяйственные постройки, другая часть была занята садом и огородом. Посевные земли находились за пределами селения. Семья имела общее хозяйство, глава семьи был сельским ремесленником (гончаром), а сыновья занимались земледелием.

Жилой дом был построен с учетом большой семьи. Все жилые помещения были вытянуты в одну линию: около ворот находилась мехманхана с айваном, затем шли две большие комнаты, разделенные открытым айваном. Сзади дома на всю его длину было построено двухэтажное хозяйственное помещение (болохона), на первом этаже размещался мелкий рогатый скот, на втором находились запасы кормов. К дому под углом примыкало помещение зимней и летней кухни, затем шли навесы для скота, кормов, хозяйственного инвентаря и гончарная мастерская (см. рис. 3, II).

Одну жилую комнату занимал глава семьи с женой и малолетними детьми, другую — старший сын с семьей, а помещение мехманханы было отведено второму женившемуся сыну. Устройство каждой жилой комнаты (помимо мехманханы) следовало местным традициям, комнаты были просторные (около 30 м² каждая), в центре на невысоком постаменте стояли массивные колонны, которые поддерживали основные несущие балки потолка, в полу около двери находилось углубление, куда выходило поддувало очага. От очага под полом прокладывали дымовой канал (кан), соединявшийся с трубой в стене. В потолках комнат над очагами были сделаны квадратные отверстия для выхода дыма.

Приготовлением пищи в доме ведала жена главы семьи, она же распределяла еду и продукты и для семей своих сыновей. В зимнее время каждая семья могла разогревать еду на очагах в своих комнатах.

Постройка дома была настолько фундаментальной, что он в хорошем состоянии сохранился до 1970 г., когда был зафиксирован. За прошедший период в стенах комнат были пробиты окна (по два окна в каждой), настелен деревянный пол в бывшей мехманхане и застеклен айван. Деревянные детали дома — колонны, балки потолка, украшенные незатейливой резьбой, сохранились в хорошем состоянии. Продолжали функционировать и очаги, на которых в зимнее время разогревали пищу, иногда пекли лепешки и обогревались.

Дома судей, старшин, купцов, крупных земледельцев выделялись своей величиной. Здесь было много разных помещений, жилых и хозяйственных, однако сам принцип сооружения дома оставался традиционным. В объем дома обязательно входили парадные и жилые комнаты, комната для приема гостей-мужчин с отдельным входом, кухня-столовая со всеми присущими ей особенностями и открытый просторный айван. Примером такого богатого сельского дома может служить усадьба судьи в сел. Карнак, построенная в конце XIX в. за пределами крепостных стен. Как и большинство сельских усадеб, она делилась на хозяйственный двор с жилыми и подсобными помещениями и большой фруктовый сад. Дом имел сложную планировку и был рассчитан на многочисленную семью. По обе стороны дома проходили просторные открытые айваны, на которые выходили двери жилых комнат. Особенностью этого дома было наличие почти во всех комнатах застекленных окон и двускатной

крыши, крытой кровельным железом. Кроме судьи, еще только три богатые семьи в кишлаке имели возможность покрыть крыши своих домов кровельным железом (см. рис. 4, I).

Некоторое представление о богатстве указанного дома может дать описание комнаты для гостей. Это было просторное квадратное помещение с двумя застекленными окнами, которые закрывались двустворчатыми резными ставнями. В центре стояла колонна, поддерживающая две пересекающиеся балки потолка. Пространство между мелкими балками было забрано расколотыми пополам горбыльками (васса). Все деревянные части комнаты — колонна, крупные и мелкие балки, ставни, двери — были украшены сложной изящной резьбой, сохранившейся до 1970-х годов. Пол в комнате был выложен квадратным жженым кирпичом (см. рис. 5, а).

Однако зимняя кухня-столовая сохранила полностью местные традиции домостроения, вплоть до отсутствия окон. Отличия проявлялись только во внутренней отделке — резьбе на колонне, балках потолка, сложном устройстве в виде сруба свето-дымового отверстия в крыше, высоте самого помещения (более 3 м) (см. рис. 5, б). Здесь в пол был вделан очаг, на котором зимой готовили пищу для всей большой семьи. Помимо основного дома на территории усадьбы был расположен небольшой дом старшего женатого сына, который занимался земледелием.

В кишлаках Южного Казахстана деление усадьбы на две половины — мужскую и женскую, характерное в XIX — начале XX в. для жилищ узбеков Ташкентского оазиса, Ферганской долины, районов Междуречья, Хорезма, встречалось редко. Только отдельные сельские бан, муллы и чиновники выделяли отдельный двор, где соорудили помещения для приема гостей-мужчин. Такая усадьба, принадлежавшая чиновнику местной администрации, была зафиксирована нами в сел. Икан. Она делилась на две половины; в мужскую с улицы вели массивные ворота с предвратным сооружением. Здесь располагался дом, специально предназначенный для приема гостей-мужчин, а также все зимние и летние постройки для лошадей, кормов, скота. Дом состоял из просторной продолговатой комнаты без колонны, небольшого коридора и открытого айвана, проходившего по всей длине дома. Такая планировка была характерна в прошлом для помещений этого рода почти во всех центральных районах Средней Азии.

Выделение специального мужского двора, отделенного от женского забором с маленькой калиткой, очевидно, было связано с деятельностью хозяина, который по долгу службы был вынужден принимать многочисленных гостей, проезжавших через Икан.

Женская половина усадьбы состояла из просторного дома и сада. Планировка дома была типичной для этих мест и состояла из большой жилой комнаты с колонной в центре (с окнами и без земляного очага), небольшой комнаты, где, по сообщениям информаторов, принимали гостей-женщин, и просторной зимней кухни-столовой с кладовой. Кухня была сооружена по всем правилам местных традиций. Перед домом проходил открытый айван (см. рис. 4, III).

Дом был построен на невысоком цоколе, сложенном из обломков камней, которые привозили с гор, крыша и полы были земляные, а все

деревянные части — колонны, ставни, двери — были украшены резьбой, выполненной местными мастерами.

Интересный дом сохранился в Сайраме. Этот просторный двухэтажный дом сложной планировки принадлежал богатому сельскому старшине, старший сын которого к тому же занимался ремеслом — изготовлением масла. Дом был построен в конце XIX в. в старой части селения на месте разрушенного дома. Первый этаж дома занимали жилые комнаты с открытым айваном, а также хозяйственные помещения: маслобойка, кладовые, конюшня, хлев. На втором этаже, куда вела деревянная лестница, находились жилые комнаты, служившие для приема гостей, открытая терраса, кладовые для хранения фруктов. Внутреннее устройство жилых комнат и кухни-столовой первого этажа было традиционным, комнаты наверху были поменьше, без колонн. Во всех комнатах при строительстве сразу же пробили окна и вставили рамы со стеклами (см. рис. 4, II).

Строительство такого большого двухэтажного дома в определенной степени объясняется скученностью застройки старого Сайрама и отсутствием свободной земли на территории бывшей крепости. Двухэтажные дома не были распространены в прошлом в кишлаках края и только изредка встречались в Сайраме и городах Туркестане и Чимкенте. Однако сам факт их существования — еще одно свидетельство большого мастерства местных строителей.

Эти традиции домостроения продолжают жить и в наши дни. Как уже отмечалось выше, вплоть до 1960-х годов в кишлаках Южного Казахстана наиболее распространенной являлась планировка, сложившаяся здесь в конце XIX — начале XX в. Нововведениями являлись качественные усовершенствования: печное отопление, застекленные окна, деревянные полы, покраска, побелка. Сам же тип сельского дома и его внутреннее устройство оставались традиционными (рис. 8—10).

В связи с повышением материального благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства меняются и требования, предъявляемые к жилищу. По всей Средней Азии совершенно явственно стала прослеживаться тенденция к строительству домов городского типа. В центральных районах этот процесс шел быстрее, в отдаленных — медленнее. Но именно 1960-е годы можно считать рубежом, когда на смену традиционному жилищу приходят новые типы сельских домов. Что для них было характерно? Прежде всего применение новых строительных материалов — жженого кирпича, бетона, шифера и т. д. Дома стали сооружать на фундаменте и высоком цоколе из бетона или жженого кирпича, стены складывать из сырцового кирпича (реже из пахсы или двухрядного каркаса), крыши делать двускатными и крыть их шифером или кровельным железом, в комнатах стелить деревянные полы, устанавливать печное или газовое отопление. Самое широкое распространение получили застекленные айваны. Традиционные элементы в настоящее время сохраняются преимущественно в интерьере, употреблении национальной утвари и посуды, в отдельных предметах быта.

Для более полной характеристики традиционного жилища узбеков Южного Казахстана конца XIX — начала XX в. необходимо кратко остановиться на строительных материалах, которые применялись в до-

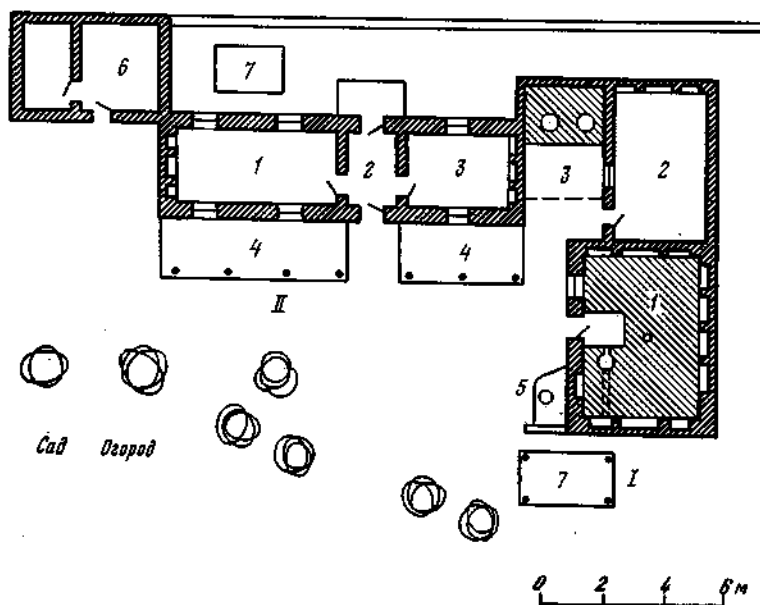

Рис. 8. План дома, построенного в советский период в с. Икан (Эски Икан) Туркестанского р-на Чимкентской обл.

I — дом, построенный в 1930-х годах: 1 — жилая комната, 2 — комната для гостей, 3 — очаги под навесом; II — дом, построенный в 1950-х годах: 1 — комната для гостей, 2 — коридор, 3 — жилая комната, 4 — открытый айван, 5 — летний очаг, 6 — хозяйственные постройки — кладовая и помещение для тандыра, 7 — открытое глинобитное возвышение в саду

мостроении. Основными из них являлись сырцовый кирпич (кесек) и битая глина (пахса). Наиболее распространенным был крупный квадратный кирпич (чизма) с размерами сторон $30 \times 30 \times 10$ и $20 \times 20 \times 5$ см. Его изготовление было чрезвычайно простым: на выровненную площадку, огороженную земляным бортиком, наливали воду, затем вскапывали на глубину 10—15 см, перемешивали и оставляли на сутки; после этого застывшую массу серпом разрезали на квадратные блоки нужной величины. Крупный кирпич шел на строительство заборов (дувалов) вокруг усадеб, применялся для сооружения различных хозяйственных построек. Сырцовый кирпич более мелкой формы употреблялся для заполнения каркасной конструкции, которая была характерна для традиционного жилища этих районов.

Кирпич-гарсан делали из смеси земли, навоза и мусора, который накапливался около домов в течение осени и зимы. Изготовление его было таким же, как и кирпича-чизма. Кирпич-гарсан шел для строительства фундамента и крыш домов. Кроме сырцового кирпича, для заполнения каркаса применялись формованные от руки куски глины (гувалля, зувалля).

Битая глина (пахса) в конце XIX — начале XX в. для строительства домов применялась редко. Она шла на сооружение оград и хозяйственных построек. Приготовление пахсы и применение ее в строительстве в

обследованных селениях были такими же, как и в других районах Средней Азии. В богатых домах фундамент складывали из обожженного кирпича и необработанного камня, который добывали в горах. В жилищах бедняков фундамента практически не было и основу каркаса укладывали прямо на выровненную и утрамбованную землю.

При строительстве домов, как и везде в Средней Азии, прибегали к обычаю взаимопомощи (хошар). Хошар устраивали три раза: при возведении стен дома, при устройстве крыши и при сооружении оград вокруг дома. На хошар собирали 15—20 близких родственников и соседей, приглашали одного мастера, который и руководил всем ходом строительства. После завершения строительства дома в последний день хошара хозяева устраивали небольшое празднество (худаи), на которое, кроме родственников и соседей, приглашали стариков из своего квартала.

В качестве оберегов в обследованных районах употребляли черепа баранов, рога горного барана, пучки душистого растения иссырык, колючки кок-текян, которые привешивали с внешней стороны дома.

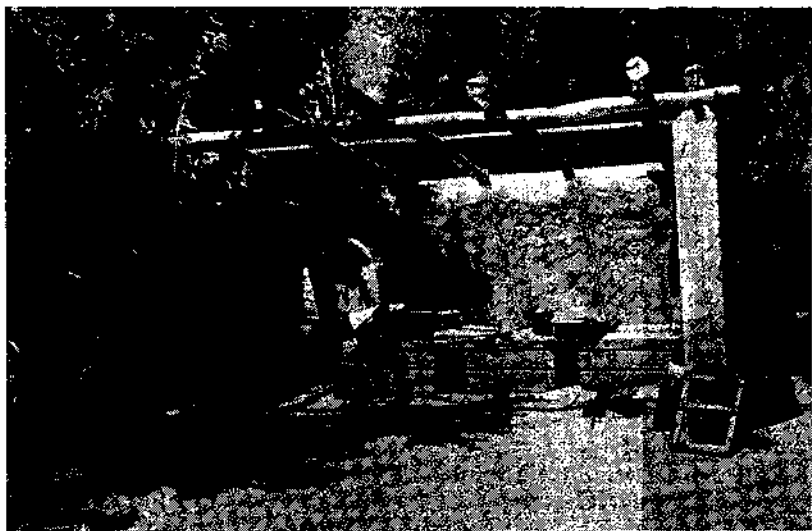
В интерьере традиционного сельского жилища нами не отмечено принципиальных отличий, выделяющих его среди других типов жилища Узбекистана. В стенах комнат устраивали ниши — крупные (темен) и мелкие (теке), где хранились постельные принадлежности и посуда, потолок делали из крупных балок, пространство между которыми закладывали мелкими гарбыльками (васса), балки потолка, свето-дымовое отверстие, колонну, створки дверей украшали резьбой; пол застилали кошами и коврами, а стены комнат завешивали вышитыми изделиями.

Наиболее близкие аналогии описанному выше типу жилища мы находим на территории соседнего Ташкентского оазиса среди узбекского и таджикского населения. Так, например, в Пскенте — большом старинном торгово-ремесленном селении, еще в конце XIX — начале XX в. наряду с домами традиционной планировки из прямоугольной комнаты и айвана или двух комнат и айвана (открытого или иногда закрытого) встречались и дома, сходные по типу с туркестанскими. Их особенностью, как подчеркивали все информаторы, было то, что в плане они обычно были квадратными: 6×6, 7×7 м; в центре комнаты стояла колонна, которая поддерживала основные балки потолка.

Подробный план своего старого дома, построенного в 80-х годах XIX в., дал нам один из жителей города Пскента. В плане дом был почти квадратным, с размерами сторон около 7×7 м и состоял из одной комнаты. В центре стояла колонна, которая поддерживала пересекающиеся балки потолка. Отсюда и название «чархары-уй» — т. е. четыре балки (хары). В потолке ближе к центру находилось небольшое квадратное отверстие, а под ним в полу был сделан неглубокий водопоглощающий колодец, накрытый каменной плитой с отверстиями. В 20—30-е годы сделали два окна. В холодное время года семья обогревалась сандалом, очагов типа туркестанских здесь не было. Тандыр и очаги были сооружены во дворе около дома. К дому примыкал открытый айван. Конструкция домов такого типа, как правило, представляла собой двухрядный каркас с заполнением сырцовым кирпичом или гувая.

Рис. 9. Дом традиционной планировки с айваном, построенный в кишлаке Карнак в 1930-х годах

Рис. 10. Тандыр и очаги под навесом во дворе дома

в)
ф)
р)
н)
в)
р)
от
ф)
р)
в)
н)
в)
а)
н)
р)
р)

Следы жилища аналогичного типа мы встретили под Ташкентом в Калининском районе у узбеков, не знавших родо-племенного деления (сел. Ев-арык). Однако по данным информаторов эти дома стали исчезать в начале XX в.³⁹

Обследования, проведенные в небольших таджикских селениях верховьев р. Чирчика — Нанай и Богустан, также подтвердили наши предположения, что здесь в прошлом имелись дома, близкие по конструктивному устройству к туркестанским. Они сохранялись здесь до 50-х годов нашего столетия. Их особенностью было почти обязательное наличие центральной колонны (устун), которая поддерживала основную балку (хары) потолочного перекрытия. Комнаты были чаще прямоугольными, больших квадратных домов здесь не было. До революции кишлаки Богустан и Нанай, находившиеся далеко в горах, были оторваны от экономической и культурной жизни Ташкентского оазиса. Население, за редким исключением, жило очень бедно и строить большие дома не имело возможности. Старые дома обычно были без окон, в потолке устраивали небольшое отверстие для выхода дыма. К жилым комнатам пристраивали полузакрытые летние помещения, где семья находилась в теплое время года. Здесь часто сооружали и очаги для приготовления пищи.

Опрос среди других групп населения Ташкентского оазиса — казахов, узбеков-кураминцев — совершенно не дал материалов об интересующем нас типе жилища⁴⁰.

Таким образом, полевые материалы, собранные в 1972 г., дают возможность почти с уверенностью утверждать, что в конце XIX — начале XX в. наряду с известным и распространенным типом традиционного жилища у оседлого земледельческого населения — узбеков (сартов) и таджиков⁴¹ бытовало и жилище более архаичной формы, сходное с жилищем Южного Казахстана. Его быстрое исчезновение на территории Ташкентского оазиса, несомненно, связано с социально-экономическими причинами: после присоединения Средней Азии к России Ташкентский уезд превратился в один из самых развитых в промышленном отношении районов Средней Азии. Исчезновение древних черт культуры, в том числе и отдельных типов жилища, проходило здесь гораздо быстрее, чем в отдаленных районах Средней Азии и Южного Казахстана.

Материалы, собранные на территории Южного Казахстана и Ташкентского оазиса, подтвердили, что по своему типу это жилище оседлого земледельческого населения, сохранившего в своем устройстве ряд древних архаичных черт и конструктивных приемов (отсутствие окон, оформление свето-дымового отверстия в виде небольшого сруба, колонна в центре жилого помещения, расположение очага в комнате и его универсальный характер).

В пользу этого мнения говорят и данные археологических исследований на территории Южного Казахстана. Здесь при раскопках Отрара (XVI—XVIII вв.) казахскими археологами выявлен тип жилища, почти полностью идентичный традиционному жилищу узбеков XIX в.⁴² Близкие аналогии прослеживаются также с жилищем Припамирья, в прилегающем к Каратегину районе Гиссарской долины и у таджиков долины Зеравшана, особенно его верховьев⁴³.

Интересной деталью, подчеркивающей древность жилища юга Закавказья, является своеобразное устройство колонн, расширяющихся снизу вверх и плавно переходящих в капитель. Этот архаический тип колонн, отмеченный В. Л. Ворониной в одной из мечетей Туркестана, относящейся к XIV—XVI вв., до недавнего времени сохранялся в горном Таджикистане. Характерен он и для жилищ типа «дарбази» в Закавказье, отмечается в архитектуре Крита и Микен и можно считать, подчеркивает В. Л. Воронина, что он свойствен примитивному зодчеству⁴⁴.

Древней деталью туркестанских домов является, безусловно, очаг, его форма, расположение в доме, углубление в суфу, а также универсальность: он служил одновременно для обогрева помещения, выпечки лепешек и приготовления пищи в зимнее время. Аналогии с очагами такого устройства можно проследить в горном Таджикистане и Закавказье. Так, очаг типа корчаги без дна, вкопанный в землю, в жилище типа дарбази называется по-грузински «торне», по-армянски — «тондир»⁴⁵.

Чрезвычайно архаичным является и устройство потолка в туркестанских домах с его сводчатым оформлением свето-дымового отверстия над очагом. Здесь можно проследить генетическую связь с перекрытием типа «чорхона», широко бытовавшим в Припамирье, Каратегине и Дарвазе, отчасти в верховьях Зеравшана.

Вторая большая область недавнего бытования жилища с таким потолком — это Закавказье: высокогорная Армения, Нагорный Карабах, Грузия, Южная Осетия (жилище типа дарбази).

Сведения, приведенные в работе Т. А. Чиковани, свидетельствуют, что на территории Закавказья архаические формы жилища, сходные с постройками типа дарбази, существовали еще в середине III тыс. до н. э.⁴⁶ За пределами Кавказа жилища типа дарбази в свое время были распространены в северо-восточной Малой Азии, Иранском Азербайджане, Кашгарии.

Вопрос о месте возникновения жилища с перекрытием типа дарбази пока еще не решен; он осложняется еще и тем обстоятельством, что принцип такого перекрытия в зародышевой форме мог возникнуть в разных местах независимо друг от друга. Несмотря на это, пишет Т. А. Чиковани, все же есть определенные предпосылки, которые говорят в пользу того, что основным районом появления жилищ типа дарбази является Кавказ⁴⁷.

Исходя из фактов бытования деревянного срубового сводчатого потолка в Припамирье и Закавказье, а также его высеченных в камне имитаций в древних пещерных храмах Бамиана (Афганистан) и Кизила (Восточный Туркестан), М. С. Андреев высказал в 1929 г. мнение, что потолок такой конструкции был некогда распространен на всем пространстве между Закавказьем и Припамирьем⁴⁸.

Эти предположения были несколько позже подтверждены А. К. Писарчик, которой были зарегистрированы отдельные случаи устройства ступенчатого потолка в Ферганской долине в XIX — начале XX в. и даже в Хорезме, где архитектором Б. Н. Засыпкиным был зафиксирован многогранный бревенчатый свод в одной из старых мечетей⁴⁹.

Безусловно, срубное отверстие в кровле туркестанских домов — это в какой-то степени уже архитектурный прием, остаток более сложных форм, которые бытовали здесь и сохранились только на Памире.

Все перечисленное свидетельствует о несомненно древних чертах жилища Южного Казахстана, которое было характерно для земледельческого населения с давними сложившимися традициями оседлой жизни. Некоторое влияние на это жилище оказали и казахи, кочевавшие в окрестностях городов и кишлаков края. Однако это влияние сказалось скорее в интерьере — употреблении в быту предметов и изделий скотоводческого хозяйства (ковров, кошм, циновок), чем в изменении конструкций и типа жилого дома.

Почему же в этих районах до недавнего времени сохранился такой архаичный тип жилища, исчезнувшего почти на всей территории Средней Азии? Одной из причин может служить та своеобразная изоляция, в какой оказалось земледельческое население городов юга Казахстана, окруженное со всех сторон кочевым и полукочевым населением. Особенно это можно отнести к XVI—XVIII вв., когда шли непрерывные войны между казахскими и узбекскими (дашт-и-кипчацкими) ханами за овладение этими городами. Нарушились непосредственные контакты с населением земледельческих оазисов Ташкента, Ферганы, Зеравшана, а спорадические торговые связи не могли существенно повлиять на изменение веками сложившегося быта.

- ¹ Всесоюзная перепись населения 1979 г. Вестник статистики, 1980, № 9, с. 65—70.
- ² Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVIII вв.— В кн.: Казахстан в XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969, с. 47—48.
- ³ История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1956, с. 315.
- ⁴ Материалы Всероссийских переписей 1920 г., ч. 1. Поселенные итоги Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1923, вып. 3, с. 52, 111—123.
- ⁵ Левшин. Описание киргиз-казацких или киргиз-казацких орд и степей. СПб., 1832; Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886; Топография Оренбургской губернии. Соч. П. И. Рычкова. 1762 г. Оренбург, 1887; Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края.— Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, Оренбург, 1910, вып. 22; Добросмыслов А. И. Города Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1912; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана.— Труды Ин-та ист., археол. и этногр. АН КазССР, Алма-Ата, 1958, т. 5; Маргулян А. X. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.
- ⁶ Вестник РГО, 1851, ч. 1, кн. 1, отд. VI, с. 29.
- ⁷ Полевые материалы 1977 г., г. Туркестан, Чимкентская область.
- ⁸ Добросмыслов А. И. Города Сыр-Дарьинской области, с. 126.
- ⁹ Сведения приведены там же, с. 110—127.
- ¹⁰ Там же, с. 127.
- ¹¹ Там же, с. 125—126.
- ¹² Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, с. 21.
- ¹³ Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. СПб., 1889, с. 145.
- ¹⁴ Там же, с. 151—152.
- ¹⁵ Материалы Всероссийских переписей 1920 г., ч. 1, вып. 3, с. 19—20, 65—68, 74—77.
- ¹⁶ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, с. 21.
- ¹⁷ Полевые материалы 1970 г., сел. Икан (Эски Икан), Чимкентская обл.
- ¹⁸ Материалы Всероссийских переписей 1920 г., ч. 1, вып. 3, с. 19—20, 65—68, 74—77.
- ¹⁹ Пищулина К. А. Присырдарьинские города..., с. 26; Байпаков К., Ерзакович Л. Древние города Казахстана, с. 175, 180, 184.

- ²⁰ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, с. 21.
- ²¹ Полевые материалы 1973, 1976 гг. Сел. Сузак, Чимкентская обл.
- ²² Материалы Всероссийских переписей 1920 г., ч. 1, вып. 3, с. 19—20, 65—68, 74—77.
- ²³ Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края за 1735 и 1736 годы. Составлено А. И. Добросмысловым. Оренбург, 1900, т. 2, с. 61.
- ²⁴ Приведено в работе: Добросмыслов А. И. Города Сыр-Дарьинской области, с. 183.
- ²⁵ Назаров Филипп. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. С-Петербург, 1821, с. 35.
- ²⁶ Добросмыслов А. И. Города Сыр-Дарьинской области, с. 191—202.
- ²⁷ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. СПб., 1897, с. 9—10; Байпаков К. М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана.— В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977, с. 82—83.
- ²⁸ Полевые материалы 1970 г. Сел. Сайрам, Чимкентская обл.
- ²⁹ Семенова М. И. Природа и хозяйство Южно-Казахстанской области. Алма-Ата, 1959, с. 40.
- ³⁰ Материалы Всероссийских переписей 1920 г., ч. 1, вып. 3, с. 74—77.
- ³¹ Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства, с. 22.
- ³² Полевые материалы 1980 г. Сел. Карамурт, Чимкентская обл.
- ³³ Материалы Всероссийских переписей 1920 г., ч. 1, вып. 3, с. 74—77.
- ³⁴ Юдахин К. К. Некоторые особенности карабулакского говора.— В кн.: В. В. Бартольд. Ташкент, 1927, с. 404.
- ³⁵ Там же, с. 410.
- ³⁶ Материалы Всероссийских переписей 1920, ч. 1, вып. 3, с. 74—77.
- ³⁷ Там же, с. 74—77.
- ³⁸ Каны — система отопления с очагом и дымоходными каналами, проложенными под полом или в суфе. Подобная система отопления зафиксирована в жилых постройках на Отраре; см.: Акишев К., Байпаков К., Ермакович Л. Жилище позднесредневекового Отрара (XVI—XVIII вв.).
- О канах написано ряд работ, наиболее известные среди них: Ахинжанов С., Ермакович Л. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье.— Изв. АН КазССР, сер. общ. Алма-Ата, 1972, № 2, с. 65—69; Неразик Е. Е. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 205; Егоров В. Л. Жилище Нового Сарая.— В кн.: Поволжье в средние века. М., 1970, с. 172—193; Воронина В. Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии.— СЭ, 1963, № 6, с. 89—90.
- ³⁹ Полевые материалы 1972 г. Ташкентская обл.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Жилина А. Н. К истории формирования современного узбекского жилища (северные районы Узбекистана). Автореф. канд. дис. М., 1970, с. 16—18; Она же. Жилище и семья у узбеков.— В кн.: Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978, с. 57—60.
- ⁴² См. статью К. Акишева, К. Байпакова, Л. Ермаковича в настоящем сборнике.
- ⁴³ Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1970, с. 59—61.
- ⁴⁴ Воронина В. Л. Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана.— СЭ, 1953, № 3, с. 186—187.
- ⁴⁵ Ильина М. И. Древнейшие типы жилищ Закавказья.— Сообщ. Ин-та ист. и теории архитектуры, 1946, вып. 5, с. 6—8. См. также статью А. К. Писарчик в настоящем сборнике.
- ⁴⁶ Чиковани Т. А. Опыт сравнительного изучения жилищ типа дарбази.— В кн.: VII МКАЭН. Докл. сов. делегации. М., 1964, с. 4.
- ⁴⁷ Там же, с. 5.
- ⁴⁸ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Вып. 2. Сталинабад, 1958, с. 273.
- ⁴⁹ Писарчик А. К. [Прим. и доп. к монографии: Андреев М. С. Таджики долины Хуф], с. 471; Она же. Строительные материалы и конструктивные приемы мастеров Ферганской долины.— В кн.: Среднеазиатский этнографический сб. М., 1954, с. 270—273. (Труды ИЭ, т. 21).

Е. Е. Неразик

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СЕЛЬСКИЕ
ПОСТРОЙКИ ХОРЕЗМА
В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМАМИ ФОРМИРОВАНИЯ
НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ЖИЛИЩ
ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В трудах современных исследователей Хорезмского оазиса приводится описание своеобразного жилища сельского населения, получившего название южноузбекского хаули. Как правило, речь идет об одном и том же типе построек с характерным членением на внешнюю и внутреннюю половины, большими внутренними дворами, высоким крытым зимним айваном, летней террасой-айваном и т. п.¹

Приведенные в этих исследованиях материалы дали основание попытаться выделить несколько разновидностей этих построек, по существу являвшихся лишь вариантами одного типа жилища в зависимости от состоятельности хозяев². Вместе с тем описания Хивинского ханства, относящиеся к XIX в., позволяли догадываться, что существовали и какие-то другие жилища, непохожие на эти хаули. Уже в записках Н. Муравьева (1819—1820 гг.) есть краткие упоминания о небольших домиках, где вся семья ютилась в нескольких помещениях даже без «сеней»³.

Гирифельд и Галкин отметили, что «бедняки без различия пола живут в одном помещении»⁴. По-разному описывают крупные жилища состоятельного слоя населения М. Иванин и Н. Данилевский⁵. Может быть, определенную роль в направлении этнографических поисков сыграла идея о большой семье как основной хозяйственной единице сельского населения, и потому остались вне поля зрения всякие отклонения от основного избранного сюжета исследований — развития большесемейного жилища хаули? Так или иначе, до последнего времени в этнографических исследованиях содержались описания только этого, казалось — единственного в Хорезме типа сельского жилища. Лишь совсем недавно стало известно, что Г. П. Снесареву посчастливилось наблюдать в сел. Дургадык близ Ханки жилище совсем иного вида. Одновременно широкие археолого-топографические обследования земель древнего орошения Хорезма с целью изучения сельских поселений и жилищ позволили в общих чертах проследить историю формирования сельского жилища Хорезма, выявить «прообразы» южноузбекского хорезмского хаули и, что особенно важно в плане постановки рассматриваемого вопроса, — иные типы жилищ⁶. Они были обнаружены преимущественно на окраинах страны, в западном и северо-западном Хорезме, и датированы XIII—XIV вв.

Остановимся подробнее на результатах этих исследований. Как мы постараемся показать, эти засвидетельствованные археологией и этнографией разновременные и, на первый взгляд, несходные постройки могут оказаться разными звеньями в общем процессе. Обратимся к «находке» Г. П. Снесарева. В сел. Дургадык ему показали полуразрушенную постройку в виде цепочки из трех поставленных в один ряд помещений⁷, причем, по словам информаторов, таких жилищ в селении прежде было много. Первое из них — дешанги-уй — «внешнее помещение» — было зимней кухней. В нем находились нары, но, к сожалению, нет сведений о том, как они располагались и какую площадь занимали. Здесь хранили дрова и воду. Следующее помещение являлось кладовой (талак). Третья комната была жилой и называлась «уй». Очаг располагался в ней не посредине, а слева у двери. Место у очага, куда в зимнее время сажали уважаемого гостя, называлось «тандырчаны датаны». Хозяин сидел у очага ближе к двери. В комнате имелось и другое почетное место для гостей — «тор» — у противоположной от двери стены комнаты. Дымовое отверстие могло быть в потолке, и тогда оно называлось «дуник», а также в стене — «ойнаджи» или «тавадон». Дымоход носил название «мури». Стенные ниши также именовались «тавадон», однако к такой нише во втором помещении применялся термин «каны джай». В четырехкамерном доме было помещение для скота — оно называлось «аран». На одном из таких домов сохранилась надстройка на перекрытии в виде четырехугольного невысокого пахсового сооружения без одной стены, носившего название «айван». Как сказали Г. П. Снесареву информаторы, такого рода надстройки имелись на многих домах в Дургадыке и использовались для сна в летние ночи.

В этом описании, хотя и предельно кратком, без многих очень нужных подробностей, все интересно и чрезвычайно важно. Отметим прежде всего термины. Они кажутся очень разнообразными. С одной стороны — «тандырча» — название очага в хорезмском доме, отсюда же — «уй», «джай»; с другой — «тор» — «почетное место» в терминологии совсем из другого мира — мира кочевого населения. И совершенно неожиданно — «мури». Это название ведет в иную этническую среду, в Северный Таджикистан, где оно прошло известную эволюцию, связанную с изменениями в планировке традиционных жилищ таджикского населения. Если в старом традиционном жилище населения верхнего Зеравшана «мури» — это помещение с очагами и суфами и «мури» — колпак-дымоход над очагами, то в поздних его вариантах, вместе с трансформацией очажного отделения, служившего одновременно теплым зимним помещением, просто в очаг-дымарь название сохраняется за этим последним⁸.

Не известно, как называли свои очаги древние хорезмийцы, но сохранение этого названия у потомков ираноязычного в прошлом населения может быть вполне закономерным, хотя этот термин до сих пор не был зафиксирован исследователями жилых построек Хорезма. С другой стороны, оно может указывать на возможные культурные и этнические контакты населения. О возможности таких контактов свидетельствует целый ряд моментов, на которых мы и остановимся подробнее ниже. В целом уже самый набор терминов, связанных с элементами рассмат-

риваемой постройки, позволяет предполагать сложные пути жилого домостроительства в центральных районах Хорезмского оазиса.

К тому же выводу приводит и типологический разбор элементов данной постройки. Обратимся к этому анализу, и прежде всего к общей схеме плана жилища. Если этнографически такого типа постройки пока зафиксированы не были, то для археологов, занимающихся историей Хорезма, они отнюдь не являются новостью. В XIII—XIV вв. наиболее распространенным типом сельских построек на территории западного и северо-западного Хорезма являлись именно такие жилища в виде цепочки поставленных в один ряд помещений. Здесь они сочетались с еще одной выразительной чертой культуры местного населения — крупными поселениями, своей компактностью нарушающими сложившуюся в Хорезме традицию расселения отдельными усадьбами, подчас разбросанными на большом расстоянии друг от друга. Такое же сочетание мы видим и в Дургадыке. Важную роль в экономическом развитии указанного района сыграли, вероятно, природные условия, в частности такие своеобразные источники ирригации, какими являлись Дарьялык и Северный Даудан. Можно полагать, что водный режим здесь отличался большей неустойчивостью, а вся зона — большей засушливостью, чем южные и восточные приамударьинские хорезмские оазисы. В поселениях этого района чаще, чем в последних, встречаются остатки чигирных установок, заброшенные хаузы, и в целом весь район характеризуется совершенно иным колоритом.

Есть много оснований думать, что в занятиях местного населения гораздо большее место, чем в центральных районах страны, занимало скотоводство: установлено, что крайние помещения в домах «цепочках» служили в качестве скотных дворов. Они открыты, в частности, в поселениях близ Шахрлика — небольшого торгово-ремесленного города на западных окраинах Хорезма⁹. Схема дома чрезвычайно проста и появилась в Хорезме вместе с возникновением сырцовых и глинобитных жилищ не позднее V—IV вв. до н. э.¹⁰ Вероятно, так могли выглядеть дома беднейшей части сельского населения в античных хорезмских оазисах. Однако будучи значительно менее фундаментальными, чем прочие постройки в оазисах, они, к сожалению, легко разрушались и до нас дошли только в единичных случаях и в той степени сохранности, когда их исследование малоперспективно. Хозяйственные постройки в средневековых оазисах тоже воспроизводят эту несложную схему. Но более всего она отличает жилища оседавшего на землю кочевого и полукочевого населения, и этнографы, как правило, фиксируют такие жилища везде, где происходил этот процесс. В самом деле, такие жилища можно наблюдать у туркмен поселения Машрык-Сенгир (XIX в.)¹¹, в поселении Анау на юге Туркмении¹², у узбеков-дурменов Бабатага и Кафирнигана, у казахов, киргизов и всякого другого населения без устойчивых навыков домостроения¹³.

Окраины Хорезма во все времена заселялись гораздо более пестрым в этническом отношении населением, чем его центральные районы. Это в полной мере относится к эпохе средневековья. Многие черты материальной культуры населения в зоне Дарьялыка и междуречья Дарьялыка и Северного Даудана обнаруживают сходство с культурой населения

присырдарьинских районов, что позволяет предполагать культурные и даже этнические контакты населения данных территорий. В этой мысли укрепляют и свидетельства письменных источников о роли огузов и кипчаков при дворе Великих Хорезмшахов и в более позднее время. Эти данные собраны нами в другом месте¹⁴ и поэтому здесь нет необходимости их повторять. Напомним лишь основной вывод: эти материалы показывают, что история северо-западного Хорезма в XII—XIV вв. была неотделима от истории огузо-кипчакских районов Сырдарьи¹⁵.

Следует отметить, что цепочка поставленных в один ряд помещений или помещений, чередующихся с айванами, — распространенная схема среднеазиатского равнинного жилища, претерпевавшая эволюцию от эпохи к эпохе, и поэтому для характеристики жилых построек рассматриваемого типа очень важны элементы интерьера.

К сожалению, сведения Г. П. Снесарева об интерьере дургадыкского дома предельно лаконичны, но в них есть чрезвычайно важное указание о наличии дымохода мури (букв. «колпак») в жилом помещении. Можно твердо сказать, что очагов с дымоходом в описанных средневековых хорезмских жилищах не было. Как выглядели эти жилища? Наиболее крупные из них достигали размеров 35×25 м. При их строительстве широко использовались обожженные кирпичи, которыми облицовывались основание стен, поверхность суф; из них делали очаги, ташнау. Стены этих жилищ были побелены, окна застеклены, карнизы украшены резным алебастром. Такие большие дома состояли из нескольких жилых комнат, кладовых и других подсобных помещений. В одном случае открыта даже ванная комната с несколькими резервуарами для воды, выложенными из обожженных кирпичей (поселение близ Шахрлика, дом 41). Небольшие двух-четырёхкомнатные дома выглядели гораздо беднее: обожженные кирпичи использовались здесь гораздо меньше, не было алебастровых карнизов, однако во многих случаях обнаружены обломки оконных стекол. В состав этих жилищ, размеры которых колебались от 60 до $86-87$ м², входили одна или две жилые комнаты и подсобное помещение с тандыром, другими очагами, осколками жерновов и прочими предметами хозяйственного обихода. Отличительной чертой интерьера жилых комнат является наличие большой глинобитной или кирпичной суфы, занимавшей значительную часть помещения.

Работами на территории западного и северо-западного Хорезма установлено, что эта новая организация интерьера жилых помещений возникает в XII — начале XIII в., а затем широко распространяется в XIV в. В некоторых случаях это даже не суфа, а просто уровень пола, приподнятый над входной частью помещения, где, таким образом, образуется небольшое привходное углубление. Так, в поселении середины XIV в. близ Бутен-тау, обозначенном на археолого-топографической карте т. 822, раскопано два дома — № 1 и 41. Дом 1 размерами $5,7 \times 12,2$ м, состоял из трех несообщавшихся помещений (рис. 1). В двух смежных комнатах, № 1 и № 2, значительную часть площади занимала суфа высотой 0,2—0,3 м. В край суфы в первой из них врезан очаг в виде конического углубления с керамическими стенами. Перед ним в полу сделана предпочажная яма для углей и золы. Другой подобный очаг устроен в самой суфе. К нему вплотную примыкало четырехугольное углубление,

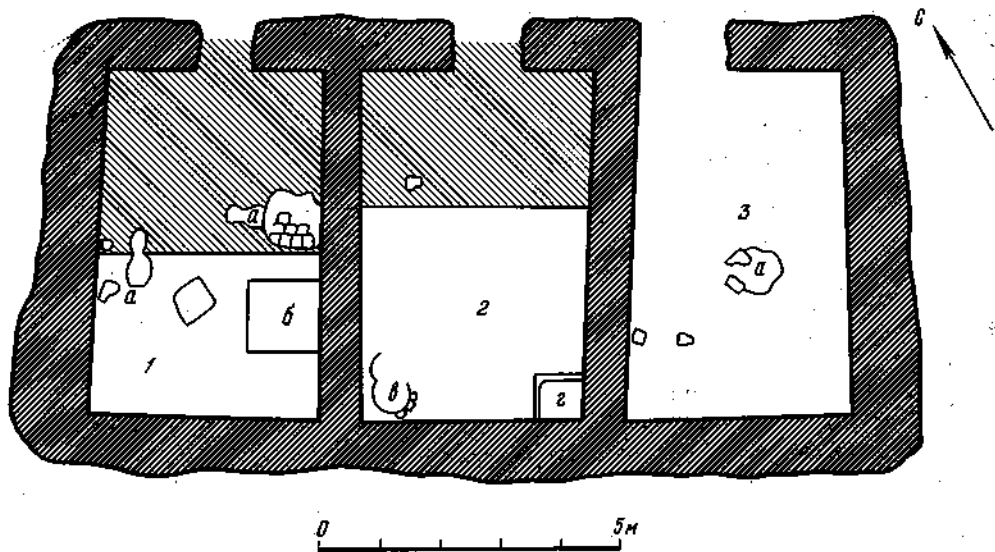

Рис. 1. Дом № 1 в поселении середины XIV в. близ Бутен-тау
 а — очаги, б — ямы, в — тандыр, г — заком

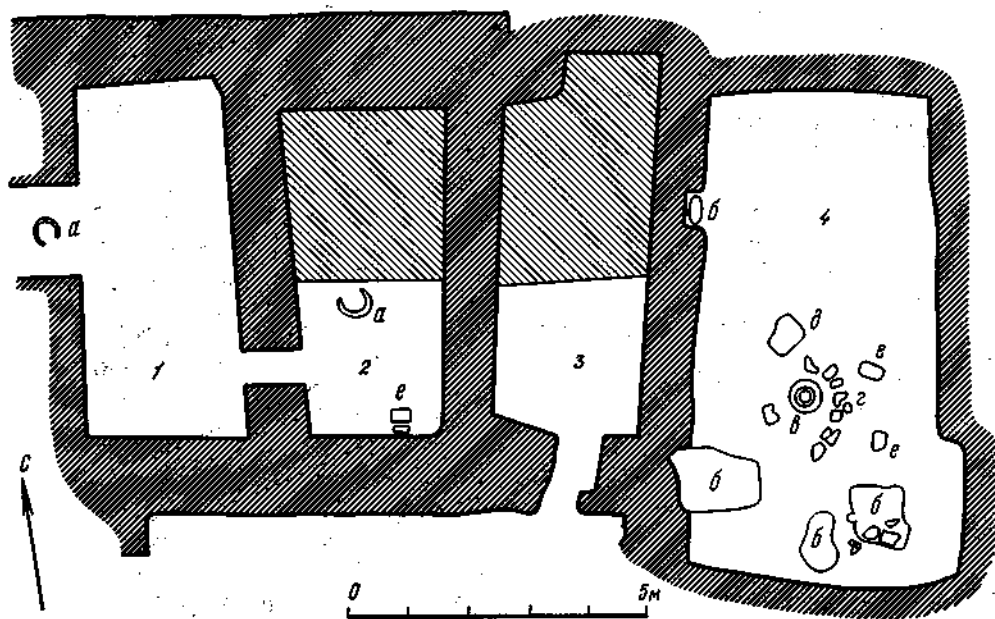

Рис. 2. Дом № 41 в поселении середины XIV в. близ Ак-калы
 а — очаги, б — ямы, в — тандыр, г — обломки жерновов, д — пахсовое возвышение, е — кирпичи

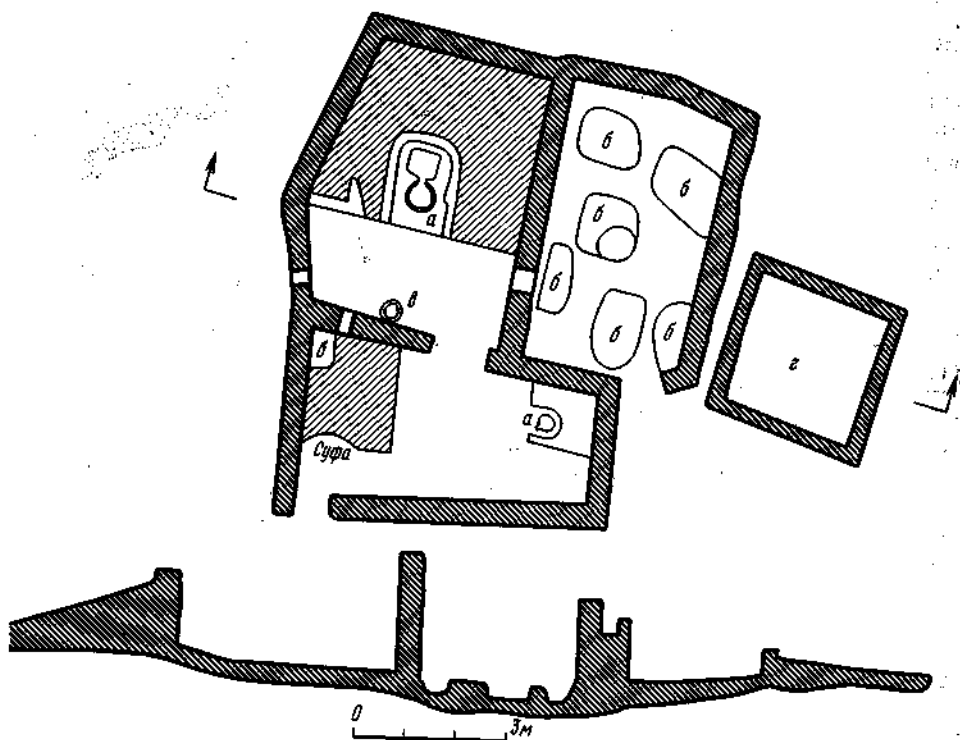

Рис. 3. Дом № 17 в Акча-Гелинском поселении XIV в.

а — очаги, б — ямы, в — сосуд, г — углубление, обведенное невысоким бортиком

вымощенное обломками сырцовых кирпичей, может быть — водосток ташнау. Во втором помещении также находился очаг в виде большого конической формы углубления в полу диаметром 0,35 м, стенки которого, укрепленные обломками обожженных кирпичей и камней, возвышались над полом. Вероятно, это был тандыр. В противоположном углу помещения обнаружены остатки ячейки-закрома с глиняными стенками. В третьем помещении суфы не было. Здесь в полу обнаружена серия мелких углублений и на его поверхности — след от большого кострища с двумя лежащими друг против друга небольшими камнями.

Дом 41 состоял из четырех помещений, два из которых (№ 2 и 3) можно считать жилыми (рис. 2). Северную часть каждого из них занимала глинобитная низкая суфа, но очаги той же формы, что и в доме 1, были не в ней, а в полу рядом с суфой. Крайнее помещение, находившееся в западной части дома, вероятно, являлось небольшим крытым двориком. В его южной части возвышался очаг-тандыр с керамическими стенками, основание которых укреплено обломками камней. Диаметр тандыра 0,5 м, глубина 0,45 м. Рядом с ним — углубление неправильных четырехугольных очертаний, вокруг которого найдено большое количество обломков жерновов.

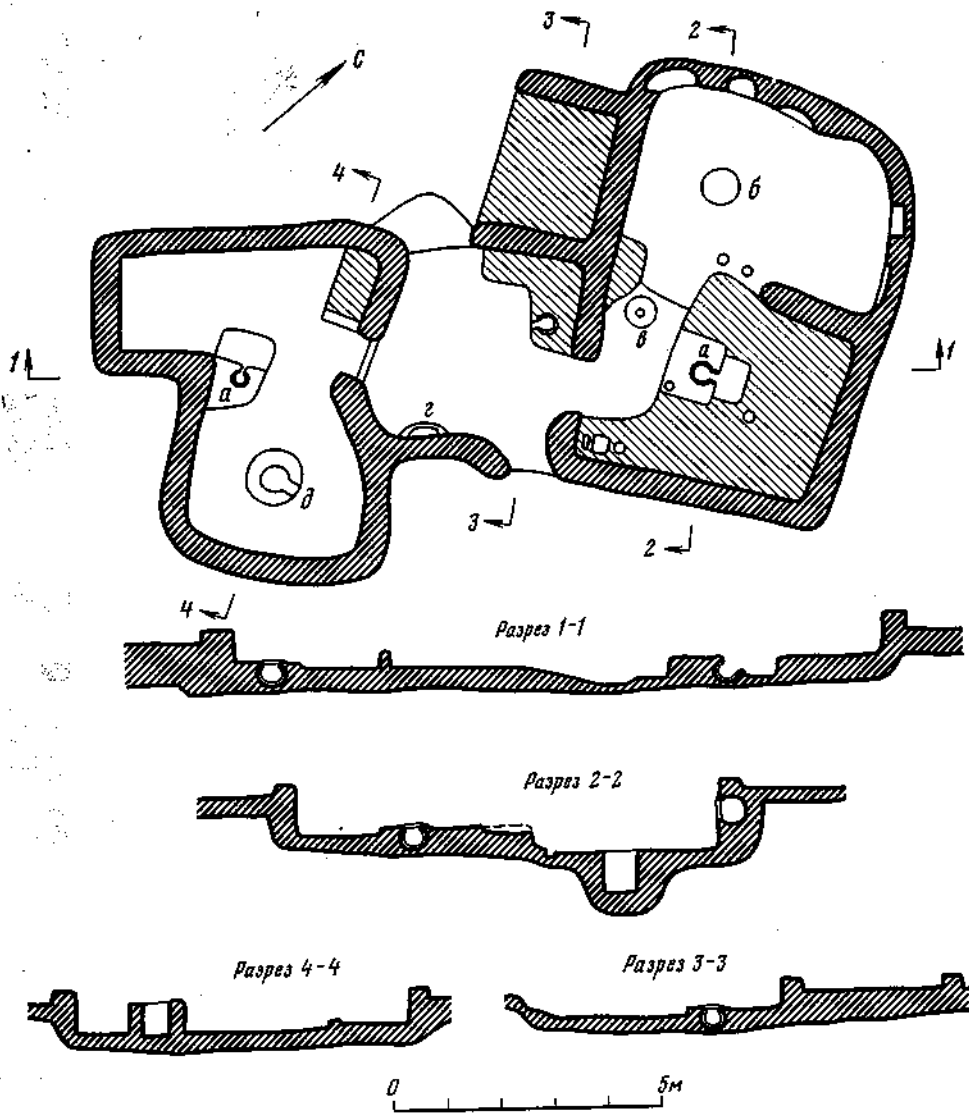

Рис. 4. Дом № 2 в Куны-Узском поселении середины XIV в.
 а — очаги, б — ямы, в — ташнау, г — закрюк, д — подставка под жернов

Жилые помещения, планировка которых представляет варианты описанной, входили в состав домов и другого типа (например, в Акча-Гелинском и Куны-Узском поселениях), синхронных описанному. Они представляют большой интерес, так как «перекидывают мостик» к постройкам другого региона, где обнаружены очаги с дымоходом типа «мури» в среднеазиатских жилищах.

В Акча-Гелинском поселении, расположенном гораздо ближе к центральным приамударьинским районам Хорезма, нежели поселение в т. 822, раскопана целая группа домов, составлявшая единый «хутор». Один из них — дом 18 — представлял собой постройку из семи помещений с центральным коридором. Дом 17 — это фактически одна неправильной формы ячейка, разделенная тонкой внутренней перегородкой на два отделения — кухонное и жилое (рис. 3). Сбоку к этой ячейке пристроена кладовая — по существу большой заком с небольшим отверстием-«оконцем» у пола, открывавшимся в жилую комнату¹⁶. В кухонном отделении имелась пристенная суфа — «скамейка» с одноклеточным закомом на ней и керамический подковообразный очаг у противоположной стены. В жилом отделении почти всю площадь пола занимала низкая глинобитная суфа, ограниченная по краю рядом поставленных на ребро сырцовых кирпичей. Над суфой возвышался керамический тандровидный очаг, дно которого опущено под поверхность суфы. Перед ним устроены четырехугольные углубления для выгребания золы и углей, ограниченные обломками обожженных кирпичей.

Определенное сходство с этим домом имеет жилище, раскопанное на поселении Куня-Уаз (рис. 4). Это поселение занимало территорию 350×220 м и состояло не более чем из 10—12 жилищ. Последние располагались группами в 2—3 постройки и редко стояли изолированно. Дворов не было. Вся площадь поселения густо покрыта обломками керамики, мелкораздробленных костей, гумусом. Везде перед домами сохранились следы многочисленных ям и очагов. Все это создает впечатление, что вся жизнь обитателей поселка почти целиком проходила под открытым небом.

Раскопанный дом, как и большинство жилищ поселения, состоял из двух двухкамерных ячеек, соединенных промежуточными стенками. Размеры ячеек 9×9 и $9 \times 5,5$ м. Первая из них имела, так же как и дом 17 Акча-Гелинского поселения, неправильную четырехугольную форму, но с закругленными углами и была разделена перегородкой на два отделения, хотя в целом являлась одним большим помещением. Две трети площади переднего отделения занимала обширная глинобитная суфа, ограниченная по краю рядом положенных плашмя сырцовых кирпичей. На суфе близ края находилась очажная четырехугольная вымостка, размерами $1,25 \times 1$ м, высотой 0,1 м, сделанная из сырцовых кирпичей. В нее вмазан конусовидный керамический очаг диаметром 0,3 м, высотой 0,35 м. Устье топки обращено в предочажное углубление. Рядом с очагом лежал обожженный кирпич, на котором найден обломок зернотерки. Против очага в узком промежутке между стеной и суфой обнаружен водосток — ташнау, закрытый каменной плитой с небольшим круглым отверстием посредине. Около него — остатки низкой глинобитной выкладки шириной 0,6 м, укрепленной обломками сырцовых кирпичей. Вторая половина описываемой ячейки несколько углублена сравнительно с первой (а вся ячейка представляет собой полуземлянку, опущенную на 1 м ниже уровня такыра). В стенах этой половины дома имеется шесть ниш различных очертаний: полусферические, в виде овала, четырехугольные с арочным завершением. Ниши были аккуратно покрыты глиняной обмазкой, глубина всех одинакова и равна 0,6—0,7 м. Почти по-

середине помещения в полу открыто округлое углубление диаметром 0,7 м (может быть, от столба, поддерживавшего кровлю?). Учитывая разрушение стенок ямы, его диаметр мог быть меньше.

Вторая ячейка дома — также одно помещение в форме буквы Г. Вдоль одной из его стен находилась глинобитная скамейка шириной 0,75 м и высотой 0,2 м, торец которой ограничен рядом сырцовых кирпичей. Против нее у стены находилась глинобитная вымостка размерами $0,9 \times 1$ м с вмазанным в нее керамическим очагом. Глубина очага 0,45 м, диаметр 0,25 м. Устье топки открывалось в предпочажную яму размерами $1 \times 0,65$ м.

Посредине более широкой части помещения возвышался полый разомкнутый столб из сырцовых кирпичей высотой 0,6 м. Вероятно, это была подставка для жернова.

Проходы из обеих описанных ячеек расположены друг против друга и выводили в средний, «объединительный холл», образовавшийся, вероятно, в результате пристройки одной ячейки к другой и, возможно, далеко не сразу после строительства первой. Поэтому каждую из них, и во всяком случае первую, можно рассматривать в качестве самостоятельного жилища. Вдоль одной из сторон этого центрального помещения так же, как и в Г-образной ячейке, находилась узкая суфа-«скамейка» с вырезанным в ней углублением очага диаметром 0,32 м и глубиной 0,35 м. В противоположном от него углу был маленький закром с глиняными стенками.

Таким образом, все кратко охарактеризованные типы построек, отличаясь друг от друга, имели одну общую черту: сходный интерьер жилого помещения. Следует, однако, отметить, что если в домах Акча-Гелинского поселения функции жилья и кухни были разделены пространственно, то в Куняузском доме и в жилищах поселения близ Бутен-тау они совмещены. Куняузское жилище многими своими чертами напомнило нам территориально отдаленные от него и гораздо более поздние жилища таджиков верховьев Зеравшана¹⁷. В последних также двухкамерное жилище по существу является одной ячейкой, разделенной перегородкой на две части: небольшую переднюю и жилую, где пол приподнят, остается лишь небольшое углубление при входе. В жилой части находился и очаг. Эта параллель оказалась вначале совершенно неожиданной и случайной. Однако вскоре анализ расширился, заставляя задуматься над их причинами. Исследователи городища Отрар установили, что в кварталах XVI—XVII вв. в состав каждого дома входило помещение площадью до 45 м², большую часть которого занимала суфа (см. статью К. А. Акишева, К. М. Байпакова и Л. Б. Ермакевича в настоящем сборнике). Суфа использовалась для различных хозяйственных нужд, в ней были очаги, причем один из них, тандыровидный, вмазывали в край суфы, возле которой всегда находился водослив ташнау. На суфу опиралась колонна, поддерживавшая кровлю с квадратным отверстием для освещения посредине.

Обратим внимание на устройство очага. Устье топки выведено на край суфы вровень с полом. Напротив топочного отверстия или сбоку имелось отверстие дымохода, канал которого проложен в суфе до стены и в стене в виде трубы наружу.

Авторы статьи также находят сходство данных жилых помещений с вышеупомянутыми домами таджиков верховьев Зеравшана¹⁸. В последние годы появились сведения об еще одном близком типе построек — жилищах узбеков конца XIX — начала XX в., обнаруженные А. Н. Жилиной также в присырдарьинской полосе, в районе Чимкента (см. статью А. Н. Жилиной в настоящем сборнике). Как указывает А. Н. Жилина, мощные деревянные конструкции крыши со свето-дымовым отверстием, оформленным в виде небольшого сруба, опорные столбы-колонны безусловно заставляют предполагать глубокие традиции подобного жилища у местного населения. Сходна и внутренняя организация помещений в чимкентских домах и в отрарских жилищах XVI—XVII вв. Близок к ним интерьер куняузского дома с большой суфой и ташнау — у входа, в углубленной части помещения, но различаются очаги: керамический, вмозанный в кирпичную вымостку в куняузском доме, тандыровидный с дымоходом — в отрарском и чимкентском. Впрочем, тандыровидные очаги были в акагелинских жилищах, они вообще характерны для хорезмских средневековых жилищ, однако дымоходы нигде в них не зафиксированы. К тому же совершенно неизвестна конструкция крыши домов Куны-Узского и прочих хорезмийских средневековых поселений, так как сохранились лишь основания стен.

Предполагая, что дома типа куняузского или, точнее, определенные черты интерьера были не случайным явлением в Хорезме, можно было бы ожидать, что хронологически более близкие к Отрару археологические памятники дадут и более сходные варианты рассматриваемой планировки. И действительно, раскопки верхних слоев Куны-Ургенча, относящихся к XVII в., выявили такую планировку. Г. А. Федоров-Давыдов так описывает вскрытые в квартале близ «ворот караван-сарая» жилые помещения: «Для каждой из открытых тут групп помещений характерно наличие одной или нескольких жилых комнат. В каждой жилой комнате вдоль стен обнаружены большие прямоугольные лежанки-суфы, иногда занимающие 3/4 площади. Пол выложен кирпичом или покрыт несколькими слоями обмазок с крупно рубленным саманом. В полу обычно сделан узкий, круглый, расширяющийся к низу колодец или вделан сосуд без дна. Сверху это сооружение покрывалось большим кирпичом с одним или двумя отверстиями и часто с резным звездчатым орнаментом. В суфах или рядом с ними открыты круглые печи (диаметром 0,6—0,7 м) с углублением для золы в полу перед печкой. Под суфами проложены дымоходы, образуя отопительную систему типа китайских канов... Дымоходы выходили в вертикальные каналы в стенах. Печи с каналами характерны для больших многокомнатных комплексов с обильными керамическими находками»¹⁹.

Сопоставляя эти помещения с отрарскими, можно увидеть много черт сходства, но самая важная из них — наличие очагов с вертикальным дымоходом в стене²⁰. Однако сама система дымоходных труб в Ургенче была, видимо, значительно сложнее отрарской и, возможно, предполагает другие образцы, например систему отопления в помещениях городов нижнего Поволжья²¹.

Таким образом, теперь мы уже на территории Хорезма отыскивали тот элемент внутренней организации, который привлек наше внимание в

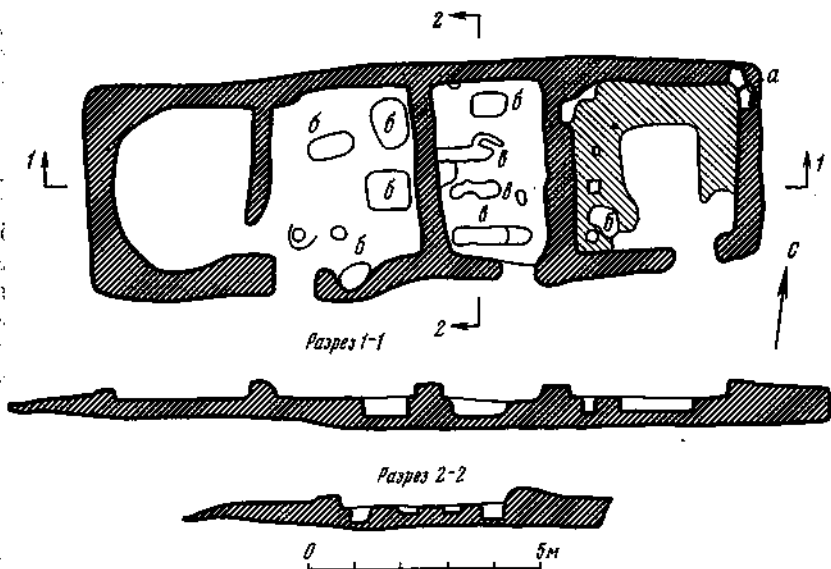

Рис. 5. Дом в поселении XIV в. близ Дэв-калы
 а — очаги, б — ямы, в — следы перегородок

дургадыкском доме. Хотя конструкция очага с дымоходом в этом последнем и не ясна, но сам факт его наличия приобретает важное значение. Однако пока обе линии, по которым велся наш анализ: особенности интерьера и общая схема плана дома в виде цепочки помещений, — разобщены. Первые зафиксированы в Хорезме в домах другого типа. Не исключено, однако, что расширение археологических исследований обнаружит и близкие прототипы дургадыкскому дому. Нельзя не вспомнить в связи с этим раскопки одной из жилых построек вблизи Дэв-Кескена (Вазира письменных источников), датированной XVI в. Она состояла из четырех помещений, вытянутых в один ряд, построена из пахсы. Размеры жилища 14×6 м. В крайнем восточном помещении вдоль всех стен пол несколько приподнят, образуя нечто подобное лежанкам с очень пологими стоптанными краями. На поверхности лежанки вдоль западной стены видны четыре углубления округлой и подквадратной формы, вероятно, от деревянных стоек. В северо-восточном углу — следы разрушенного очага с вертикальной трубой-дымоходом в стене. Два средних помещения сплошь заняты ямами, причем если в одном из них (№ 3) они явно хозяйственного значения (для хранения продуктов), то в другом (№ 2) — это длинные узкие углубления, больше похожие на следы какой-то конструкции, может быть, перегородок (стойла?). Последнее, четвертое помещение со скругленными внутренними углами — несомненно, загон для скота. Вне дома обнаружены остатки нескольких очагов, в том числе и тандыра²². Точными данными об этнической принадлежности населения Вазира мы не располагаем, но есть предположения, что в XV—XVII вв. здесь в большом количестве жили туркмены²³ (рис. 5).

Так приведенные данные, как нам кажется, позволяют предполагать, что формирование жилых построек, открытых Г. П. Снесаревым в Дургадыке, шло в Хорезме издавна, причем процесс был, безусловно, «многослойным». Лишь накопление новых фактов могло бы помочь реконструировать его хотя бы в общих чертах. Сейчас можно только наметить некоторые, иногда не связанные между собой этапы. Попробуем вкратце свести изложенное выше воедино.

Согласно археологическим данным, среди различных типов хорезмских жилищ с древности существовали постройки в виде поставленных в один ряд помещений. Облик их неизвестен. Назначение и происхождения их могли быть различными. В XII—XIV вв. они широко распространяются на западных и северо-западных окраинах Хорезма, где условия отличались от условий центральных оазисов страны. В этих районах в XII — начале XIII в. преобладали жилища других типов: с центральным коридором или с центральным квадратным или прямоугольным помещением, которые можно рассматривать в качестве прототипов хорезмских южноузбекских хаули. Тогда же начали формироваться те особенности интерьера жилых помещений, которые становятся традиционными в жилищах последующих эпох: большая суфа, занимавшая основную площадь пола, углубление при входе, водосток, круглые очаги в суфе или в квадратных очажных вымостках на суфе или рядом с ней.

После XIV в. в домах появляются (скорее всего не повсеместно) очаги-каны, очаги с дымоходом в стене, однако пока сведения о них единичны и относятся только к далекой западной периферии и застройке Ургенча в XVII в. По имеющимся сведениям, в Отраре жилища с основным ядром в виде помещения с большой суфой, круглым очагом с дымоходом в стене уже существовали в XIII—XV вв.²⁴ Возникновение в это же время сходных построек (по организации интерьера) в Хорезме может объясняться, как нам кажется, двояко. Они могли появиться конвергентно, как, например, в VII—VIII вв. по всей Средней Азии распространилось обыкновение устраивать суфы по периметру стен жилых комнат. В основе сходства могло лежать и воздействие культуры населения присырдарьинских областей. Это кажется особенно вероятным, если учесть, что такое сходство проявляется и в других особенностях материальной культуры и хозяйства населения западных и северо-западных районов средневекового Хорезма, что объясняется, видимо, культурными и этническими взаимодействиями населения Хорезма и огузско-кипчакских степных племен Сырдарьи.

В следующие столетия история жилищ на территории позднесредневекового Хорезма нам, к сожалению, неизвестна. Можно лишь предполагать, что в XVI—XIX вв. в культуре населения, в частности в развитии форм жилища, происходили большие изменения, что-то из достижений прошлых эпох могло быть утрачено, но возникали и новые элементы. И поэтому зафиксированные этнографией черты жилищ современного населения оазиса необязательно могли быть результатом прямого развития от древности.

Приведем несколько примеров. Так, характеризуя южноузбекское хорезмское хаули, о котором говорилось в начале этой статьи, А. Н. Жилина пишет: «В связи с необычайной архаичностью быта до начала XX в.

сохранялись черты, сложившиеся в народном жилище Средней Азии еще в период раннего средневековья»²⁵. К этим чертам она относит отсутствие окон, устройство освещения через отверстие в крыше, архаичные способы отопления костром. Вероятно, эти сведения нуждаются в уточнении: ведь тогда же существовал отопительный очаг тандырча в виде прямоугольной или овальной площадки, куда складывали уголь и вокруг которого грелись²⁶. Тем не менее, если окажется, что костер как средство отопления использовался в Хорезме в XIX—начале XX в. повсеместно, а не только эпизодически в отдельных районах (как можно было бы предположить), это будет очень важным доводом в пользу вышесказанной мысли о больших переменах в культуре Хорезма после XIV—XV вв., так как, начиная, во всяком случае, с эпохи раннего средневековья, в сельских жилищах Хорезма бытовали очаги-площадки типа тандырчи (из которых она, видимо, и развилась). Не к числу ли подобных фактов относится и другое наблюдение А. Н. Жилиной — отсутствие окон в хаули, поскольку в более ранние времена, например в XII — начале XIII в., в домах определенной категории сельского населения имелись застекленные окна, а в поселениях XIV в. на окраинах Хорезма их наличие зафиксировано даже в наиболее распространенных домах?²⁷

Подобные изменения можно объяснить переменами в политической и экономической обстановке Хорезма. XII — начало XIII в. — как известно, эпоха правления Великих Хорезмшахов, время яркого и мощного взлета экономики и культуры в стране, когда даже небольшие сельские дома отличались сравнительной благоустроенностью. То же можно сказать и о второй половине XIV в. применительно к районам, вошедшим в состав Золотой Орды, а это были именно те области, где находятся раскопанные нами жилища этого времени. Напротив, тяжелая эпоха смут и беспорядков, бесконечных столкновений узбеков и туркмен, внешних вторжений, в первую очередь — нашествия Шейбани-хана, могли привести к утрате отдельных достижений прошлого. Вместе с тем должно было появиться и новое, связанное, в частности, со спецификой нового этноса, наложившегося на прежнюю основу (которая, разумеется, сама явилась результатом многовековых этнических скрещений). Таким образом, дургадыкский дом — необязательно логическое завершение рассмотренных выше разорванных в пространстве и времени процессов развития жилища, хотя такую возможность пока исключить нельзя. И тогда прежде всего встает вопрос о населении Дургадыка, путях его этногенеза.

По данным Г. П. Снесарева, жители Дургадыка — сарты, как принято считать, — прямые потомки ираноязычного древнего населения Хорезмского оазиса, в культуре которых должна прослеживаться — и прослеживается археологами и этнографами — преемственность культурных традиций. Поэтому именно южноузбекские хаули, истоки которого, как указывалось, выявлены археологически и уходят в глубь времен, должно считать типичным сартовским жилищем. Как же тогда нужно расценивать дургадыкское жилище? Вспомним, что, по археологическим данным, такого рода постройки связываются более всего с окраинами Хорезма, а культура населения — с влиянием огузо-кипчакских обитателей присырдарьинских степей. Отметим также, что и там, и в Дургадыке —

это постройки в поселениях со слитной застройкой, в отличие от типично хорезмийского рассредоточенного расселения. Вероятнее всего, как нам кажется, предположить, что дургадыкское жилище, сформировавшееся в результате иных скрещений, нежели южноузбекское хаули, может в большей степени, чем это последнее, свидетельствовать о роли огузов в этногенезе сартов. Весомость этого вклада сравнительно недавно отметил в одной из своих работ Г. П. Снесарев²⁸, занимавшийся вопросами расселения узбеков на территории Хорезмского оазиса и выявивший в казалоь бы этнически однородном заселении оазиса ту же пестроту, которая характерна и для многих других районов Средней Азии.

Нам тоже приходилось касаться этой темы²⁹. Но обстоятельное исследование материальной и духовной культуры населения Хорезмского оазиса, несомненно, внесло бы много новых убедительных аргументов в пользу данного положения. Ведь уже В. В. Бартольд, специально не занимавшийся этой проблемой, подчеркнул ряд общих моментов в культуре Хорезма и туркмен: «Одна из особенностей хорезмийского костюма — высокие шапки — сохранилась у северных хивинцев и туркмен»³⁰; и только в Туркмении и Хорезме крепости домусульманского происхождения называются «крепостями гебров»; слово «яб» — «яп», обозначающее канал, встречается, кроме Хорезма, только в Туркмении»³¹. Впрочем, само определение термина «сарт», данное В. В. Бартольдом, говорит о длительной и сложной истории формирования этого населения: «В официальном языке словом *сарт*, по-видимому, обозначали тюркизированное оседлое население в противоположность таджикам, которые сохранили свой иранский язык»³².

Размышляя о происхождении дургадыкского жилища, нельзя отмежеваться и от нескольких других проблем, прежде всего о соотношении городской и сельской хорезмийской жилой архитектуры. Этот вопрос пока еще очень мало изучен, особенно, как ни странно, для хорезмийского средневековья. Уже есть сведения об античном городском и сельском доме, например, первых веков н. э. (Топрак-кала и Турпаккалинское поселение на левом берегу; Аязкалинское и Джанбаскалинское — на правом³³), но применительно к эпохе средневековья таких данных о синхронных городских и сельских постройках пока нет. Известно, однако, что дома начала XX в. в Хиве отличались от сельских хаули того же времени³⁴, поэтому можно допустить, что известная разница могла наблюдаться между постройками внутри Кала-Дургадык (укрепленном, слитно застроенном центре селения) и селений вокруг нее. Нельзя упускать из виду также зависимость формы жилища от структуры семьи. Если хаули — типично большесемейное жилище, то все ли нам известно о типах жилищ небольшой семьи?

Наконец, есть еще один важный аспект исследования приведенных в данной статье (и в ряде других статей этого сборника) материалов: все они так или иначе связаны с формированием одного и того же жилища, выявленного в близких вариантах в верхних слоях Отрара XVI—XVII вв., у узбеков Южного Казахстана и у таджиков верхнего Зеравшана. Тут еще много неясного, мы попытались в связи с «находкой» в Дургадыке лишь пунктирно наметить линию развития отдельных эле-

ментов этого жилища и некоторых типов других жилищ в Хорезме. Требуются новые материалы, чтобы высказанные суждения из области гипотез и предположений перешли в категорию фактов. Но следует считать установленным — и это является основным выводом данной статьи — что в Хорезмском оазисе конца XIX — начала XX в. наряду с широко известными хаули южных узбеков существовал и другой, а может быть и другие, тип сельских жилищ, отличных от них и имевших много сходного с вариантами среднеазиатского равнинного жилища.

- 1 Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, с. 124—125; Воронина В. Л. Узбекское народное жилище. — СЭ, 1949, № 2, с. 81—82; Сазонова М. В. К этнографии узбеков Южного Хорезма. — ТХЭ, 1952, т. 1, с. 285—286; Жилица А. Н. К истории формирования современного узбекского жилища (северные районы Узбекистана). — Автореф. канд. дисс. М., 1970.
- 2 Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976, с. 123—124.
- 3 Муравьев Н. И. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. М., 1822, с. 129.
- 4 Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского ханства. СПб., 1903, с. 123.
- 5 Иванин М. И. Хива и река Аму-Дарья. СПб., 1873, с. 111; Данилевский Н. М. Описание Хивинского ханства. — Изв. РГО, 1851, кн. V, с. 105.
- 6 Неразик Е. Е. Сельское жилище..., с. 125—157.
- 7 Описание дается по рукописи Г. Н. Свесарева. Хранится в архиве Института этнографии АН СССР. Пользуюсь случаем поблагодарить автора, любезно позволившего мне ознакомиться с его рукописью и использовать ее для написания этой статьи.
- 8 Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973, с. 31—34, 80, 91 и др.
- 9 О Шахрлике см.: Вактурская Н. Н. О средневековых городах Хорезма. — МХЭ, 1963, вып. 7, с. 45—53; о поселениях близ Шахрлика см.: Неразик Е. Е. Сельское жилище..., с. 138—151.
- 10 В. робьева М. Г. Дингильдже. М., 1973, с. 214—217.
- 11 Неразик Е. Е. Сельское жилище..., с. 192.
- 12 Левина В. А., Овезов Д. М., Пугаченкова Г. А. Архитектура туркменского народного жилища. — Труды ЮТАКЭ, 1953, т. 3, с. 15 и сл.
- 13 Борозна Н. Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана. — В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, с. 104.
- 14 Неразик Е. Е. Сельское жилище..., с. 201—204.
- 15 Там же, с. 237.
- 16 См. более подробное описание там же, с. 130—134. Подобные закрома открыты в жилищах верхнего слоя Отрара (XVI—XVII в.); см. статью о раскопках Отрара в настоящем сборнике.
- 17 Воронина В. Л. Заметки по народному творчеству таджиков бассейна Зеравшана. — СЭ, 1953, № 3, с. 176.
- 18 А. С. Давыдов в своей работе собрал сведения различных исследователей о том, что однокомнатные дома, разделенные подчас стойками на переднее и заднее отделения, были распространены в прошлом в ряде областей Средней Азии, причем в некоторых случаях организация их интерьера была близка к тому, что наблюдается в отрарских жилищах. Так, согласно данным Е. М. Пешеревой, в селении Ферганы, жилые дома наиболее старого типа представляли собой одно помещение. В Андижане, по сведениям В. Л. Ворониной, распространены домики из одной комнаты, разделенной прогоном и стойками на два отделения. Согласно А. К. Писарчик, в Самарканде в конце XIX — начале XX в. жилая ячейка дома состояла из одного помещения или одного помещения и передней *дахлиз*. Часто встречались дома из одного помещения совсем без передней. Часть пола, примыкавшая к выходу, представляла собой прямоугольное углубление, занимавшее одну треть комнаты. См.: Давыдов А. С. Традиционное жилище таджиков верховьев Зеравшана. — СЭ, 1969, № 6, с. 100.
- 19 Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVII вв. на городище Таш-кала в Ургенче. — ТХЭ, 1958, т. 2, с. 507—508.

- ²⁰ Правда, Г. А. Федоров-Давыдов сравнивает их с китайскими канами. Китайские кана — это по существу полые лежанки, обогревавшиеся горячим воздухом, проходившим от очага. Все, что в Средней Азии по традиции называется канами, на самом деле лишь разные варианты этой системы.
- ²¹ Егоров В. Л. Жилище Сарая.— МИА, 1970, № 164, с. 185.
- ²² Неразик Е. Е. Средневековые поселения в окрестностях Аккалы в Северной Туркмении.— В кн.: Каракумские древности. Вып. 4. Ашхабад, 1972, с. 119—120.
- ²³ Бартольд В. В. Очерки истории туркменского народа.— Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963, с. 602, 605.
- ²⁴ Акишев К. Раскопки Отрара.— В кн.: Археологические открытия 1979 г. М., 1980, с. 427—428.
- ²⁵ Жилина А. Н. К истории формирования..., с. 20.
- ²⁶ Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962, с. 282.
- ²⁷ Неразик Е. Е. Сельское жилище..., с. 154.
- ²⁸ Снесарев Г. П. Объяснительная записка к карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX — начало XX в.).— В кн.: Хозяйство и культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975, с. 90—92.
- ²⁹ Неразик Е. Е. Сельское жилище..., с. 204.
- ³⁰ Бартольд В. В. История Туркестана.— Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963, с. 122.
- ³¹ Там же, с. 211—212.
- ³² Там же, ч. 2, с. 528.
- ³³ Неразик Е. Е. Сельское жилище..., с. 159—164.
- ³⁴ Воронина В. Л. Узбекское народное жилище, с. 78.

Б. И. Вайнберг

ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ ТУРКМЕН ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ХОРЕЗМА В XIX в.

Автор считает возможным вновь обратиться к материалам по туркменскому жилищу XIX в. из левобережного Хорезма, так как из-за ограниченности объема прежних публикаций по этой теме в них получили отражение прежде всего наиболее общие черты построек¹. Вместе с тем в ряде работ, вышедших позднее, пути развития оседлого жилища у туркмен Хорезма рассматриваются иногда несколько иначе².

Все многообразие типов туркменских усадеб и жилищ XIX в. в левобережном Хорезме на основании обследования больших массивов туркменских поселений в зоне Дарьялыка, к северу от Куны-Ургенча, в бывшем Ханабаде, урочищах Уз и Ат-крылган было сведено нами достаточно условно к пяти основным группам³. Мы не видим оснований отказываться от этой типологии и сейчас, хотя она может быть и уточнена.

К числу наиболее распространенных относятся жилища типа I. Это одно-двухкамерный глинобитный дом, ориентированный чаще всего входом на юг. Иногда к такому дому пристраивался айван с северной и южной стороны. Перед айваном, как правило, ставилась юрта. К этой же группе формально могут быть отнесены и землянки и полуземлянки

с одним или двумя помещениями. Ни дворов, ни специальных хозяйственных построек эти усадьбы не имели, иногда лишь около дома устраивали небольшой загон для скота. И хотя подобные постройки встречены во всех зонах туркменских поселений в Хорезме, этот тип вряд ли можно назвать специфически туркменским. Е. Е. Неразик несомненно права, отмечая, что подобные постройки характерны для оседающих на землю кочевников в ряде районов Средней Азии⁴. Вместе с тем аналогичные и несколько усложненные постройки встречены ею на туркменских поселениях XIV—XV вв. в том же левобережном Хорезме⁵. Это указывает на длительность существования этого типа построек у хорезмийских туркмен и, может быть, находит объяснение в некоторой неустойчивости оседлости туркмен в этом районе, что в свою очередь связано с рядом причин, среди которых не последнюю роль играла политика правителей Хорезма по отношению к туркменам.

Некоторые другие типы туркменских усадеб XIX в. в неменьшей степени могут демонстрировать тенденцию оседания недавних кочевников на землю и вместе с тем должны быть признаны специфически туркменскими. Это относится к ряду усадеб, отнесенных нами к типам III—V⁶ (рис. 1).

В XIX в. у туркмен Хорезма юрта еще продолжала играть большую роль в усадьбе, оставаясь иногда единственным жилым помещением. Так, среди туркменских усадеб Хорезма выделяется группа одно-, двух-, трехкамерных построек, где жилые помещения практически отсутствовали (III тип, рис. 1, 10, 11). Основное место в такой постройке занимала обширная конюшня с кормушками вдоль стен, вытянутая в широтном направлении с широким входом-воротами в южной стене. Вход часто обрамлен двумя выступающими стенками типа ант. К одной из узких сторон конюшни обычно примыкает помещение для сена, вход в которое почти всегда из конюшни. Рядом с такой постройкой с юга от нее ставили, как правило, юрту. Лишь в наиболее развитом типе такой усадьбы имелось и небольшое жилое помещение с изолированным входом и небольшим айваном перед ним (с южной стороны). Юрту ставили перед усадьбой и в этом случае. Описанный тип усадеб встречен в Ханабаде, в низовьях канала Сипай-яб и в северной части урочища Уаз. Как удалось выяснить, большинство таких усадеб принадлежало иному-там родового подразделения салак⁷.

Этот тип усадеб получает дальнейшее развитие в более сложных по планировке усадьбах IV и V групп (типов) нашей классификации (рис. 1 и 2). Среди последних наряду с жилыми помещениями встречаются значительные комплексы хозяйственных построек. Это — конюшни и помещения для сена, иногда и помещения для крупного рогатого скота, требовавшего стойлового содержания, окружающие, как правило, с двух сторон какое-то пространство типа двора, где ставилась юрта (IV тип). И совсем уже специфическим является тип замкнутой прямоугольной усадьбы (V тип, рис. 1), в которой вдоль стен двора имелись только хозяйственные постройки (прежде всего конюшни), а для жилья использовали юрты, поставленные внутри двора. Среди усадеб V типа наиболее распространены постройки с хозяйственными помещениями у задней (северной) стены усадьбы.

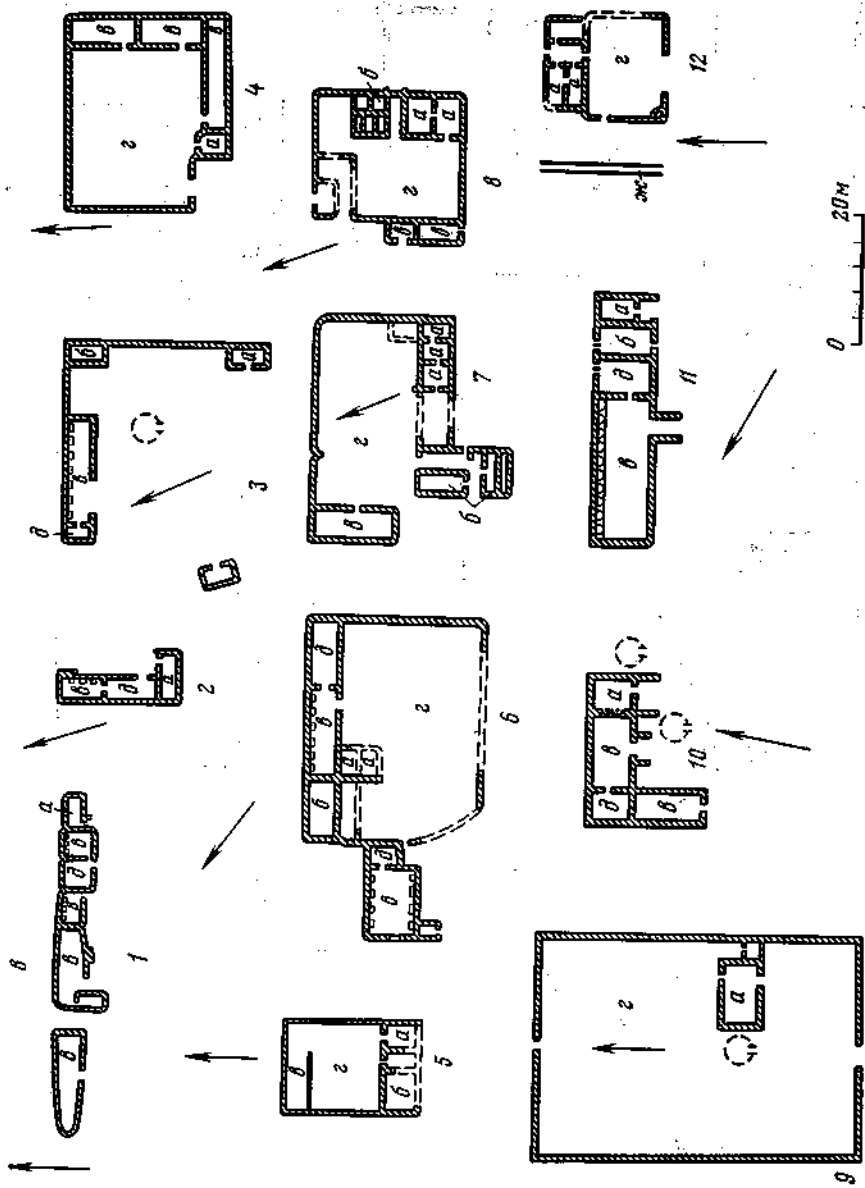
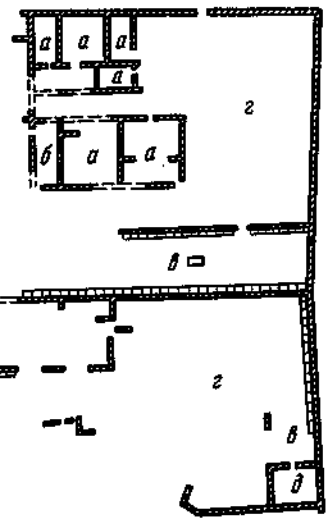
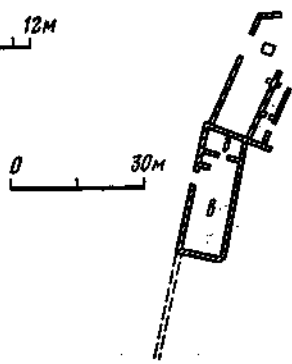
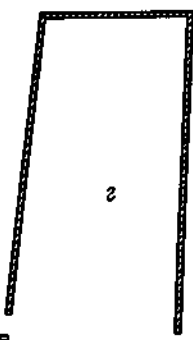
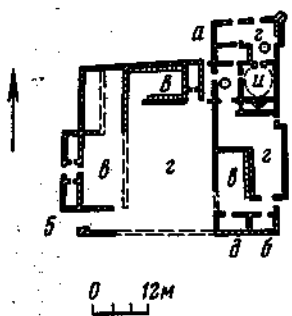
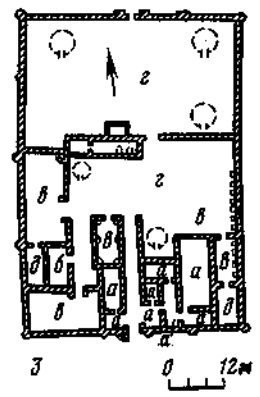
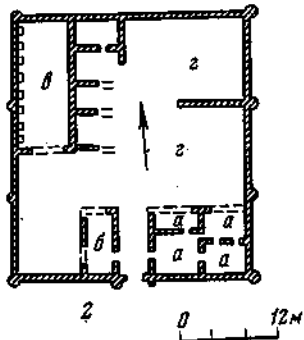
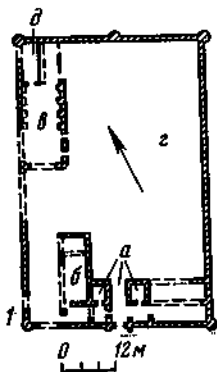

Рис. 1.
Типы туркменских чсадеб
 1, 2 — урочище Ат-Крылган. Усадьбы: вблизи селгяра (укрепления) туркмен-орсуки; 3, 6, 10, 12 — усадьбы вблизи Катакар-Чардере; 4, 9 — урочище Ат-Крылган; 5 — усадьба в районе Сакар-яба; 7, 8 — усадьбы в районе Чатыр-яба (салакы); 11 — урочище Ат-Крылган. Усадьба Чалмергена окуз); а — жилые помещения, б — кладовые (телеки, учеки), в — помещения для скота (ат-хана, сено-хана и др.), г — дворы, д — помещения для сена (саман-хана), е — водоемы (хаусы), ж — арфы, и — помещение мечети. Площадки для юрт, различные на местности, отмечены пунктиром

Многие из описанных выше характерных черт в постройках туркмен Хорезма были отмечены в прошлом столетии русскими путешественниками. Ибрагимов, посетивший ханство в 1873 г., писал: «Туркмены живут в кошменных кибитках, они выше и красивее киргизских. Зимой они живут так же, как и узбеки, в глиняных саклях, занимаясь земледелием»⁸. Жилища номутов описывал и Мак-Гахан: «Население не так густо; жилища более грубы (в сравнении с узбекскими. — Б. В.). Нигде не видно толстых зубчатых стен и роскошных вязов, отличающих жилища узбеков. Дома здесь большей частью низкие, глиняные, и конюшни и зимние помещения сосредоточиваются под одной крышей, а в стороне стоят 1—2 кибитки, в которых живут летом. Короче, все отличает народ в переходном состоянии между кочевым и оседлым образом жизни»⁹.

У Гиршфельда мы находим тоже очень скупое описание туркменских поселений в Хорезме: «Туркменские оседлые аулы представляют собой ряды высоких, квадратной формы, глинобитных оград, около стен которых внутри расположены крытые конюшни, хлевы и загоны для скота; внутри такого двора ставится кибитка хозяина»¹⁰.

И. Авдакушин аналогичным образом описывал быт туркмен, живших в Амударьинском отделе (в правобережном Хорезме): «В противоположность узбекам туркмены живут аулами и кишлаками по несколько кибиток или дворов вместе. Уже самый наружный вид туркменского аула своеобразен: это ряды высоких, квадратной в большинстве случаев формы, дувалов (глинобитной кладки стен); около стен внутри этих дувалов расположены крытые конюшни, хлевы и загоны для скота; среди такого двора поставлена кибитка хозяина. В общем постройка туркмена — не более как скотный двор, посреди которого находится жилье для людей — кибитка, остающаяся на одном и том же месте зиму и лето»¹¹.

Один век, а по существу даже меньший промежуток времени, для которого мы располагаем материалом по туркменскому жилищу левобережного Хорезма, является очень коротким периодом, на протяжении которого не представляется возможным проследить развитие отдельных типов и форм жилища. По сведениям информаторов, можно восстановить картину самых ранних туркменских поселений XIX в. на «землях древнего орошения» (есть все основания относить эти сведения и к более раннему времени). Обычно поселяясь на осваиваемой земле, туркмены продолжали первое время жить в юрте, но для скота и припасов они строили либо глинобитные постройки, либо землянки. Впоследствии к этим постройкам добавляли жилые помещения. Далек не всегда, как указывают информаторы, устраивали ограду, внутри которой строили помещения для скота и ставили юрты¹². Поэтому вряд ли можно согла-

Рис. 2. Типы туркменских усадеб

1 — урочище Ат-Крылган, Усадьба Шамамербая (миралы); 2 — район к северу от Дарьялыка, Акхаули (гоклен); 3 — урочище Ат-Крылган, Усадьба Клычбая; 4 — урочище Уз, Усадьба Мурад-Ниязбая; 5 — урочище Уз, Усадьба и мечеть Рамат-сопы. Условные обозначения те же, что и на рис. 1

ситься с Г. Е. Марковым, что загон для скота с поставленной посреди него юртой представлял раннюю форму туркменского жилища¹³.

История создания ирригационных сооружений на землях туркмен в Хорезме в XIX в. довольно подробно освещена в литературе¹⁴. Именно на этой базе возникли все те поселения, на анализе построек которых мы останавливаемся в настоящей статье. Но наряду с повсеместным развитием земледелия в хозяйстве хорезмских туркмен большую роль продолжало играть скотоводство. Значительную роль скотоводства у туркмен в Хорезме наряду с развивающимся земледелием отмечал Н. Н. Муравьев¹⁵. М. И. Иванов через полвека пишет: «Туркмены занимаются хлебопашеством и скотоводством, особенно коневодством»¹⁶. Подробную характеристику скотоводческого хозяйства туркмен XIX в. и его особенностей в Хорезме (Северная Туркмения) мы находим в работе М. Аннанепесова¹⁷. Автор подчеркивает, что «если земледелие у туркмен служило в основном для удовлетворения собственных потребностей, то скотоводство открывало большие возможности для обмена»¹⁸. Скот чаще всего являлся основным мерилом богатства. В XIX в. туркмены в Хорезме разводили несколько пород лошадей, значительная часть которых (за исключением племенных) предназначалась для продажи¹⁹. Они же были основными поставщиками верховых лошадей в войско Хивинского ханства. Только при условии нукерской службы в войске ханов и поставке лошадей в него, как правило, получали туркмены земли на западных окраинах ханства в XIX в.²⁰

Коневодство у туркмен было стойловым²¹. В стойлах содержали и крупный рогатый скот, разводившийся в значительном количестве туркменами Хорезма²². О конюшнях, хлевах и загонах для скота в Хиве пишут русские путешественники²³. Но преобладали в стаде овцы, выпасавшиеся на отгонных пастбищах.

В связи со стойловым содержанием крупного рогатого скота и лошадей в земледельческих оазисах туркмены Хорезма производили заготовку кормов. Хивинские туркмены в XIX в. с этой целью сеяли много люцерны²⁴, которая была ценным кормом для лошадей.

Отмеченные выше особенности хозяйства туркмен Хорезма нашли отражение в планировке и структуре их построек, сохранившихся с XIX в. на землях древнего орошения левобережного Хорезма. В усадьбах туркмен XIX в. при всем разнообразии их планировки сочетались следующие элементы.

1. *Одно или несколько небольших по размерам жилых помещений.* В ряде усадеб жилые помещения отсутствовали, их заменяла юрта. Во всех домах, кроме самых богатых, в этих же помещениях принимали гостей. В усадьбах, где не было отдельных помещений для хранения припасов, жилая комната служила и кладовой. В стенах этих помещений встречаются разнообразные по форме и размерам ниши, расположенные на разной высоте в пределах человеческого роста. Над нишами на стене прочерчивали орнамент; иногда встречается мотив бараньих рогов.

2. *Помещения для скота* также составляли необходимую часть туркменских усадеб. Разнообразие и размеры их зависели от состоятельности хозяев. В бедных усадьбах, хозяева которых имели мини-

мальное количество скота, — это всего лишь небольшое помещение или даже невысокая загородка, примыкающая к жилому строению. Не только в бедных, но иногда и в более состоятельных хозяйствах помещением для скота служила полуземлянка (дөле), надстроенная одним, реже — двумя рядами пахсы. У наиболее бедных хозяев помещений для скота совсем не было. В более состоятельных домах для скота строили крытый хлев, а нередко и отдельное помещение для сена (саман-хана). С увеличением достатка хозяев увеличивалось число помещений для скота. Отдельно ставили конюшни и помещения для крупного рогатого скота с кормушками (ахыр) вдоль стен. Чаще всего в этих районах ахыр делали на высоте около 70—90 см в виде выемки в толще стены до самого верха (размером 70—100×30—50 см), трапециевидные или прямоугольные. Помещения для овец кормушек не имели и обычно отделялись от конюшен и помещений для крупного рогатого скота. Кроме этих постоянных и закрытых помещений для скота, иногда невысокой стеной внутри двора или вне его отгораживали загоны.

3. Далеко не во всех усадьбах имелись специальные *кладовые* (телек). Существовало несколько типов таких помещений. Часто это была просто отдельная комната с разнообразными нишами в стенах; иногда часть ее площади или вся кладовая делилась на отдельные закрома (ахыр) с невысокими (до 70 см) глинобитными перегородками, где хранилось зерно и пр. В таких помещениях, как, впрочем, часто и в жилых, над полом в стенах делали небольшие отверстия для вентиляции; в холодное время года их замазывали. Наиболее интересны двухэтажные телеки, встречающиеся изредка в разных районах. Их обычно ставили на углу усадьбы, а иногда и вне ее стен. Входили на второй этаж по глинобитной лестнице (текчек), пристроенной к телеку. Зерно и другие продукты чаще всего хранили в закромах описанного типа на втором этаже, что предохраняло их от сырости и грызунов. Среди всех построек хорезмских туркмен только на этих двухэтажных телеках встречается прореченная по глине орнаментация в виде геометрических фигур на внешней стороне стен; это выделяет такие телеки из всех построек и позволяет предположить, что орнаментирование их представляет собой реликт какого-то древнего обычая, связанного с помещением, где хранились основные пищевые продукты²⁵.

4. *Внутри* усадеб состоятельных туркмен имелись иногда *помещения для мельниц* (хараз-там), где на круглом глинобитном возвышении устанавливали мельничные жернова, приводимые в движение животными. Нередко хараз-там строили за пределами усадьбы вблизи ее стен.

5. Во многих усадьбах туркмен имелись *дворы*, обнесенные глинобитной стеной; вдоль их стен располагали жилые и хозяйственные постройки, а внутри ставили юрты.

6. *Юрта* продолжала широко бытовать у туркмен в XIX в. В большинстве усадеб во дворе или, при отсутствии его, у стен дома можно и сейчас обнаружить следы площадок, на которые ставили юрты. Лишь самые бедные хозяева не имели юрт. Иногда в усадьбе ставили несколько юрт, чаще всего для женатых сыновей.

7. В некотором отдалении от глинобитного жилища и юрты, а иногда даже вне пределов двора усадьбы (если он имелся) устраивали кухонные *очаги и тамдыры* (очаги для выпечки лепешек); последние иногда выносили на значительное расстояние от усадьбы. Среди развалин встречаются остатки возвышающихся над землей тамдыров (бытующих и теперь у туркмен Хорезма), а также «земляные тамдыры», полностью заглубленные в грунт.

8. Для дополнения общей картины туркменских поселений нужно отметить еще поставленные полукругом с южной стороны чигирей пахсовые стены с опирающимся на них навесом, служившие для защиты от солнца. Иногда близ чигирей вместо такого навеса делали землянку (полуземлянку) или небольшой пахсовый дом в одну комнату, так как чигири чаще всего устанавливали вдали от жилья.

Особенности планировки и состава построек в туркменских усадьбах XIX в. на «землях древнего орошения» левобережного Хорезма отражают специфику хозяйственного уклада туркменских племен этого района (значительное развитие скотоводства в условиях оседлых поселений).

На основании изучения большого количества туркменских усадеб XIX в. (около тысячи построек) можно заметить, что усадьбы, в которых жили бы сравнительно крупные семейные коллективы, отсутствуют, в обычной усадьбе жила семья из двух—трех поколений. Женатым сыновьям строили отдельную усадьбу, в комплексе которой, даже если она пристраивалась к отцовской, повторялись все жилые и хозяйственные элементы.

Вопрос о происхождении туркменского оседлого жилища вообще и отдельных его типов очень сложен. Историю туркменского оседлого жилища можно проследить только в самых общих чертах, наметив лишь ряд основных вех в его развитии. Туркменские усадьбы отмеченного выше «переходного» к оседлому жилищу облика вряд ли можно считать отличительной чертой XIX в. Есть основания предполагать, что подобные типы жилищ были известны предкам туркмен и появлялись в тех районах, где были условия для частичного или прочного оседания скотоводческих племен огузской группы на землю.

В огузском средневековом эпическом сказании «Китаб-и дедем Коркут» (Книга моего деда Коркута) сохранились интересные сведения о жизни огузов. «Книга Коркута» дошла до нас в рукописных текстах XVI в., где одновременные эпические сказания огузов были переданы в обработке огузов Закавказья и Малой Азии²⁶. Сведения о жилищах огузов сохранились в наиболее древней части «Книги Коркута» — в «Рассказе о разграблении дома Салор-Казана»²⁷. Это сказание упоминается Абулгазином в «Родословной туркмен» (1194 и сл.)²⁸. Даже если описания огузских селений в этом рассказе получили более позднюю обработку, все же они отражают огузскую традицию в развитии жилищ и поселений и представляют большой интерес в связи с историей жилища туркмен, прямых наследников культуры огузов²⁹. Как известно из различных источников, огузы, как и позднее туркмены, жили в войлочных кибитках, объединявшихся обычно в аулы (*قایل*)³⁰.

Огузские аулы, в частности аул Салор-Казана, имели, очевидно, загородку, окружавшую кибитки, так как в «Рассказе...» неоднократно упоминаются ворота (قیورلر)³¹ аула. Во время опасности ворота аула забирали³². Наибольший интерес представляет следующее описание: «Наконец он [Салор-Казан] доехал до своего жилища (دژ) и увидел, что ворона на лету быстро кружится и остается над жилищем. Тут Казанбек стал расспрашивать свое жилище—посмотрим, хан мой, как он расспрашивал; Казан говорит: «Хоть тебя не засыпал песок, ты покинуто, мое жилище; ты близко к онаграм, ланям и диким козам, мое жилище; откуда к тебе явился враг, мое прекрасное жилище? Где стоял мой шатер с белым верхом, остался его двор; где сидела моя престарелая мать, осталось ее место; где пускал стрелы мой сын Уруз, осталась мишень; где гнали коней беки остальных огузов, осталось ристалище; где стояла черная кухня, остался очаг»³³.

Из приведенного описания видно, что кроме кибиток (шатров), жилище Салор-Казана состояло еще из каких-то построек, оставшихся после того, как жилище было покинуто (они были засыпаны песком). Трудно сказать, что из себя представляли эти постройки. Скорее всего, это была глинобитная или какая-то другая загородка, окружавшая «двор»³⁴ (میدان), на котором ставили шатер. Черная кухня с очагом располагалась, как мы видели, тоже отдельно от шатра. Таким образом, внутри загородки, окружавшей двор с шатрами, возможно, уже выделялись отдельные хозяйственные постройки.

Аналогичные огузским жилища, представляющие собой глинобитную загородку (прямоугольную или другую) без внутренней застройки, встречены Хорезмской экспедицией при обследовании исторических памятников в низовьях Сырдарьи в окрестностях Дженда или в районе Кум-калы³⁵.

Жилища подобного типа отвечали условиям полукочевой жизни огузов IX—X вв. и могли явиться прообразом некоторых типов будущих оседлых туркменских жилищ XIX в.

При благоприятных условиях, переходя к занятию большей частью земледелием и оседлому образу жизни, туркмены начинали строить глинобитные оседлые жилища, основываясь и на старых, еще огузских, а может быть, и еще более древних, традициях в строительстве. О наличии прочной традиции строительства оседлых и полuosедлых поселений у огузов свидетельствует и существование в низовьях Сырдарьи «городов гузов», отмеченных как историческими источниками, так и археологией³⁶.

В XVI в. на протоке Актам и Аджанб у устья Узбоя существовали туркменские поселения, сохранились отдельные усадьбы³⁷; на месте других обнаружены огромные хумы, служившие для хранения зерна и, возможно, воды, что также свидетельствует об оседлом или полукочевом образе жизни племен, оставивших эти поселения³⁸. Оседлые поселения туркмен существовали в XVI в. у Сарыкамыша и частично по Узбою. В районе туркменских ирригационных систем на берегах Сарыка-

мышья Хорезмской экспедицией были обнаружены остатки ремесленных мастерских (железодельной и др.) и следы от юрт, землянок или полуземлянок³⁹.

Туркменам адаклы-хызыр и хызыр-эли, по мнению исследователей, принадлежали постройки в крепости Адак и усадьбы в окрестностях ее, датируемые XVI в.⁴⁰

Туркмены разных племенных групп, живших в XIX в. на обширной территории «земель древнего орошения» левобережного Хорезма, строили одни и те же типы усадеб; постройки гокленов, емрели, карадашлы практически не отличались от усадеб иомутов — наиболее многочисленного туркменского племени в Хорезме. Возможно, это вызвано не только длительным совместным жительство этих племен в Хорезме и в других районах в Туркмении, но и какими-то более глубокими связями, сложившимися в процессе смешения племен и образования единой туркменской народности.

Предпринятая нами попытка увязать некоторые типы туркменского жилища левобережного Хорезма с этническими группами туркмен вызвала возражения Г. П. Васильевой. Особенно это относится к типу жилища сакаров⁴¹, для которого мы отмечали наибольшие связи с традиционными типами жилища Южной Туркмении. Вопрос этот требует дополнительного исследования, тем более, что сходные типы построек выявлены Е. Е. Неразик в средневековом Хорезме⁴².

При современном уровне знаний о происхождении туркмен нельзя объяснить, почему у иомутов родового подразделения салак в ряде районов преобладал особый тип усадеб (III группа).

Сравнивая жилища узбеков Хорезма⁴³ с туркменскими усадьбами левобережного Хорезма, в первую очередь необходимо отметить много отличий в плановом построении жилищ узбеков и туркмен. В жилище туркмен, прочно связанных со скотоводством и имевших большие традиции комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, специфика их хозяйства получила ясное отражение: здесь гораздо больше, чем у узбеков (даже у северных), построек для скота (для разных видов скота строили особые помещения)⁴⁴. Помещения для скота располагаются в одном дворе с жилыми постройками.

В связи с тем, что у туркмен сохранялась юрта, в их усадьбах всегда во дворе или рядом с постройкой оставляли для нее место. Последние два момента могут найти аналогии в усадьбах узбеков Северного Хорезма и каракалпаков⁴⁵.

Жилых и хозяйственных помещений (кладовых и т. п.) у туркмен, не имевших постоянной оседлой традиции, гораздо меньше, чем у узбеков Южного Хорезма.

В противоположность замкнутому характеру узбекской усадьбы туркменская усадьба — часто незамкнутая постройка (это относится не только к сельским, но и к усадьбам городского типа в поселке у Кызылча-калы). В XIX в. в основном лишь часть богатых туркменских усадеб была обнесена глухой глинобитной стеной и носила замкнутый характер. Среди бедных и менее зажиточных усадеб таких очень мало (вообще среди туркменских усадеб в обследованных районах замкнутых усадеб от 10—15 до 30%).

В противоположность южноузбекским усадьбам туркменские жилища, за очень редким исключением, не делятся на мужскую и женскую половины. На всей обширной территории, где были обследованы развалины покинутых туркменских поселений, нами встречено лишь несколько усадеб очень крупных баев, где такое деление соблюдалось.

Если в композиции узбекского жилища, особенно хорезмского (как городского, так и сельского), отчетливо проявляется принцип симметрии⁴⁶, то для туркменской жилой архитектуры в Хорезме этот принцип вовсе не характерен (исключения составляют лишь некоторые дома саркаров).

Довольно редко в туркменских усадьбах встречаются суфы, столь неперенный элемент каждой узбекской усадьбы. В туркменских усадьбах суфы устраивали в некоторых типах усадеб, имевших айваны. В дома туркмены обычно переносили традиционные для юрты ковровые изделия, на которых устраивали места для сиденья и сна.

Архитектуре туркменских усадеб совершенно не свойственно выделение фасада, даже при наличии ограды вокруг усадьбы. В узбекских усадьбах гораздо больше плотность застройки, встречаются, как правило, крытые дворы. Многие узбекские усадьбы имеют вид небольшой крепости. Ложные башенки-кунгуре встречаются у туркмен очень редко (в усадьбах баев) и по своему объему резко уступают аналогичным элементам в архитектуре узбекского жилища.

Таким образом, туркменские усадьбы и жилища левобережного Хорезма имеют значительные особенности, что, очевидно, отражает сложную этническую историю туркмен, исторически сложившийся характер их хозяйства.

Вместе с тем нельзя не отметить и ряд черт, роднящих узбекскую и туркменскую народную архитектуру. Общие навыки строительства, ряд приемов орнаментации и т. д. происходят от общих древних традиций, идущих от древнего среднеазиатского, в частности древнехорезмийского, зодчества.

Е. Е. Неразик показала в своей обобщающей работе о сельском жилище средневекового Хорезма, что «многие элементы перечисленных типов туркменских жилищ Хорезма уходят корнями в древность»⁴⁷. Вместе с тем автор отмечает «большое влияние жилой архитектуры узбеков Южного Хорезма и соседнего населения на формирование жилища туркмен Хорезма»⁴⁸. Оба этих вывода, по мнению Е. Е. Неразик, находят объяснение в «сложности этногенетических процессов, протекающих на территории Хорезма», а также в пестром этническом составе туркмен⁴⁹.

Можно отметить определенное единство туркменской народной архитектуры разных районов, несмотря на своеобразные традиции каждого из них. Некоторые типы жилищ в XIX в. получили очень широкое распространение в ряде туркменских районов, в первую очередь «хво-лы», широко бытовавшие как у хорезмских туркмен, так и у туркмен приамударьинских районов и Южной Туркмении⁵⁰. И все же в ряде районов, развивавшихся в различных исторических условиях и населенных разными по происхождению группами туркменского населения, в XIX в. сложились различные туркменские «строительные школы», каж-

дая из которых имела свои характерные типы планировки жилищ и своеобразные архитектурные традиции⁵¹.

Приведенный выше анализ памятников туркменской народной архитектуры XIX в. на «землях древнего орошения» левобережного Хорезма и сравнение его с туркменской архитектурой других районов, а также с узбекской позволяют, как нам представляется, говорить, что народная туркменская архитектура Хорезма в XIX в. занимала особое место среди различных строительных школ Туркмении.

Наличие особой, если так можно выразиться, туркменской школы в архитектуре и строительстве XIX в. в левобережном Хорезме подтверждается и своеобразием туркменских культовых построек (мечетей, медресе, мазаров). У туркмен число культовых построек довольно ограничено. По своему архитектурному облику они делятся на две группы: мечети отдельных поселений и медресе и мечети, основывавшиеся как религиозные центры крупных районов. Первые тесно связаны с архитектурой жилища (эту связь рядовых квартальных мечетей с архитектурой жилища у узбеков отметила В. Л. Воронина)⁵². Мечеть в сельских поселениях туркмен в Хорезме часто являлась просто составной частью усадьбы, не выделяясь ничем по композиции, конструкции или декоративному оформлению (см., например, рис. 2, 5).

В ишанской или байской усадьбе среди обособленного комплекса жилых построек в одном из помещений в стене делали полукруглую михрабную нишу, а с внешней стороны в этом месте к стене прибавляли паховую пристройку в виде полуконуса. В некоторых случаях стены по бокам михрабной ниши украшали прочерченным по сырой глине геометрическим орнаментом. В других стенах помещения мечети делали ниши для священных книг и пр. Мечети этого типа встречены в основном в урочище Уаз.

Довольно часто мечети сооружали в пределах усадьбы, но отдельно от ее построек. И в этих случаях от жилых комплексов здание мечети отличается в основном наличием михраба. Обычно оно состоит из помещения мечети и еще нескольких подсобных помещений. Здания мечетей, как и усадьбы туркмен, строились из пахсы, перекрытия были балочные, в единичных случаях — купольные. Строили эти мечети те же мастера, которые строили жилые дома.

Влиянием южноузбекской традиции в строительстве мечетей⁵³ можно объяснить наличие в ряде туркменских мечетей айвана и водоема перед ним. Так же как и у узбеков, часто в южной стене в айване делали михраб. Примером построек описываемого типа являются Альян-мечеть у Сакар-гумбета, мечети Уаза — в селении айлаков у усадьбы Метдурды-сопы в центре урочища и мечеть Рахмат-сопы и ряд других.

Археологические работы последних лет в Присарыкаммышской дельте Амударьи (левобережный Хорезм, Ташаузская область Туркм. ССР) показывают, что с VII в. до н. э. и до IV—V вв. н. э. для этого района в силу его географических особенностей было характерно постоянное соседство и взаимодействие земледельческого и скотоводческого (как оседлого, так и кочевого и полукочевого) населения⁵⁴. Вероятно, эта же традиция, как можно судить по отдельным фактам, продолжалась и в средние века, в период частичного обводнения этого района. В археоло-

гическом материале выделяются разные по характеру поселения и жилища древних оседлых скотоводов и земледельцев, особенно на юго-западной периферии дельты. Вероятно, этот район и в древности в силу особенностей его обводнения был зоной неустойчивого земледельческого хозяйства и оседлого и полuosедлого скотоводства.

Туркменские жилища XIX в. в этом районе, как нам представляется, демонстрируют завершающие этапы сложного процесса оседания кочевых и полукочевых племен, традиционно связанных с левобережным Хорезмом.

- ¹ Вайнберг Б. И. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме.— СЭ, 1959, № 5, с. 31 и сл.; Она же. Туркменские поселения по Дарьялыку.— МХЭ, 1960, вып. 4, с. 115 и сл.
- ² Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969, с. 152—160; Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976, с. 198—204. Там же см. литературу вопроса.
- ³ Вайнберг Б. И. К истории туркменских поселений..., с. 36 и сл.
- ⁴ Неразик Е. Е. Сельское жилище..., с. 199—200.
- ⁵ Неразик Е. Е. Средневековые поселения в окрестностях Ак-калы в Северной Туркмении.— В кн.: Каракумские древности. Вып. 4. Ашхабад, 1972, с. 107 и сл.
- ⁶ Вайнберг Б. И. К истории туркменских поселений..., с. 37 и сл.
- ⁷ Там же, с. 38, рис. 2. Во всех случаях родовая принадлежность усадеб и каналов устанавливалась по данным информаторов из разных районов Ташаузской области, а также по топонимике, зафиксированной в этих районах. Полевые материалы собраны в 1955—1956 гг. Г. П. Васильевой, в 1957 г.— автором и нашли отражение в публикациях.
- ⁸ Ибрагимов. Некоторые заметки о хивинских туркменах.— Военный сборник, 1874, № 9, с. 134.
- ⁹ Мак-Гахан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875, с. 262.
- ¹⁰ Гирифельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского ханства. СПб., 1903, с. 124.
- ¹¹ Авдакушин И. Санитарный обзор Амударьинского отдела с 1887 по 1891 г.— В кн.: Материалы по характеристике Сырдарьинской области. Т. 2. Ташкент, 1892, с. 12.
- ¹² Полевые материалы автора за 1957 г. Архив Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР.
- ¹³ Марков Г. Е. Типы оседлого жилища туркмен Хорезмского оазиса.— КСИЭ, 1955, вып. 23, с. 54—58.
- ¹⁴ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, с. 51, 220—222; Андрианов Б. В., Васильева Г. П. Покинутые туркменские поселения XIX в. в Хорезмском оазисе.— КСИЭ, 1958, вып. 28, с. 39; Она же. Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в.— Изв. АН ТуркмССР, 1957, № 2, с. 105; Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969, с. 181—182; Аннанепесов М. Хозяйство туркмен в XVIII—XIX вв. Ашхабад, 1972, с. 90 и сл.
- ¹⁵ Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. Ч. 1. М., 1822, с. 85; ч. 2, с. 29.
- ¹⁶ Иванов М. И. Хива и река Аму-Дарья. СПб., 1873, с. 39.
- ¹⁷ Аннанепесов М. Хозяйство туркмен..., с. 201—223.
- ¹⁸ Там же, с. 209.
- ¹⁹ Данилевский И. Г. Описание Хивинского ханства.— ЗРГО, 1851, кн. V, с. 125—128.
- ²⁰ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. М.: Л., 1939, с. 523 и сл.; Аннанепесов М. Хозяйство туркмен..., с. 64 и сл.
- ²¹ Там же, с. 210—212.
- ²² Там же, с. 206.
- ²³ Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению..., ч. 1, с. 87; Гирифельд и Галкин. Военно-статистическое описание..., с. 124—125.
- ²⁴ Аннанепесов М. Хозяйство туркмен..., с. 211—212.
- ²⁵ В Южной Туркмении этот обычай орнаментации двухэтажных кладовых тоже бы-

- тует. См.: *Левина В. А., Овезов Д. М., Пугаченкова Г. А.* Архитектура туркменского народного жилища.— Труды ЮТАКЭ, Ашхабад, 1953, т. 3, с. 69; *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма.— Там же, 1958, т. 6, с. 462.
- 26 *Жирмунский В. М.* «Китаби Коркут» и огузская эпическая традиция.— Сов. востоковедение, 1957, № 4, с. 90 и сл.; *Он же.* Следы огузов в низовьях Сыр-Дарьи.— Тюркологический сб., 1951, № 1, с. 93.
- 27 *Жирмунский В. М.* «Китаби Коркут»..., с. 92; *Он же.* Следы огузов..., с. 94.
- 28 *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. М.: Л., 1958.
- 29 *Якубовский А. Ю.* Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв.— СЭ, 1947, № 3.
- 30 *Бартольд В. В.* Китаби-Коркут. Текст и перевод «Рассказа о разграблении дома Салор-казана».— Зап. восточного отд. Русского археологического об-ва, 1900, т. XII, вып. 4; Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Перевод В. В. Бартольда. М.: Л., 1962, с. 22—31.
- 31 *Бартольд В. В.* Китаби-Коркут..., с. 38.
- 32 Там же, с. 48.
- 33 Там же, с. 251.
- 34 Там же, с. 40.
- 35 По сообщению Н. Н. Вактурской, проводившей в 1960 г. совместно с Б. В. Андриановым обследование Дженда и его окрестностей (Архив Хорезмской экспедиции, ИЭАН СССР).
- 36 *Толстов С. П.* Города гузов.— СЭ, 1947, № 3, с. 55 и сл.; *Он же.* По следам древне-хорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 244 и сл.; *Он же.* Огузы, печенеги, море Даукара.— СЭ, 1950, № 4; *Жирмунский В. М.* Следы огузов..., с. 94 и сл. В указанных работах приводится литература о «городах гузов», свидетельства древних авторов. См. также: *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.
- 37 *Юсупов Х.* Средневековые Актама.— Изв. АН ТуркмССР, серия общ. наук, Ашхабад, 1968, № 1.
- 38 *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.— ТХЭ, 1958, т. 2, с. 63, 87.
- 39 Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой.— МХЭ, 1960, вып. 3, с. 201, 244 и сл.
- 40 *Неразик Е. Е.* Средневековые поселения..., 107—109, 119—120, там же см. литературу вопроса.
- 41 *Васильева Г. П.* Преобразование быта..., с. 159.
- 42 *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме..., с. 182, 191.
- 43 *Сазонова М. В.* К этнографии узбеков Южного Хорезма.— ТХЭ, 1952, т. 1; *Задыхина К. Л.* Узбеки дельты Амударьи.— Там же, с. 353—370; *Воронина В. Л.* Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951, с. 21, 42.
- 44 *Вайнберг Б. И.* К истории туркменских поселений..., с. 41 и сл. В этом же видит отличие туркменских усадеб от древнехорезмийских построек и Е. Е. Неразик (см.: *Неразик Е. Е.* Сельское жилище..., с. 199—200).
- 45 *Задыхина К. Л.* Узбеки дельты Амударьи, с. 362—364; *Жданко Т. А.* Каракалпаки Хорезмского оазиса.— ТЭХ, 1952, т. 1, с. 536—540.
- 46 *Воронина В. Л.* Народные традиции..., с. 29.
- 47 *Неразик Е. Е.* Сельское жилище..., с. 198—200.
- 48 Там же, с. 200.
- 49 Там же, с. 201.
- 50 *Левина В. А., Овезов Д. М., Пугаченкова Г. А.* Архитектура..., с. 28—35, 65—69 и др.
- 51 Там же; *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры..., гл. V.
- 52 *Воронина В. Л.* Народные традиции..., с. 53.
- 53 Там же, с. 53—55.
- 54 *Вайнберг Б. И.* Курганные могильники Северной Туркмении.— В кн.: Кочевники на границах Хорезма. М., 1979, с. 172—177 (ТХЭ, т. 11); *Она же.* Скотоводческие племена в Древнем Хорезме.— В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с. 121—125.

Г. П. Васильева

ФОРМЫ ОСЕДЛОГО ЖИЛИЩА ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ в XIX — начале XX в.

Оседлое жилище туркмен имеет глубокие традиции. Многообразие типов оседлого жилища Южной Туркмении отражает сложность формирования этнического состава туркменского народа. Народное жилище туркмен довольно хорошо изучено специалистами — архитекторами, этнографами¹, однако, материалы, собранные в течение ряда лет Западнотуркменским отрядом Среднеазиатской экспедиции, позволяют сделать некоторые обобщения и уточнить характеристики локальных форм, бытовавших на территории расселения туркмен вплоть до начала XX в.

Оседлое жилище туркмен издавна сосуществовало с юртой, широко распространенной в прошлом и различавшейся у разных туркменских племен по величине, форме купола, украшению декора и другим деталям. Формы оседлого жилища также варьировали в зависимости от климатических и почвенных условий, а также от этнических традиций.

В качестве материала для строительства жилых и хозяйственных построек туркменам наряду с глиной (из которой выкладывались стены главным образом в Хивинском и Бухарском ханствах) были широко известны сырцовый кирпич, камень (в горных районах), камыш, дерево. Последнее вследствие дефицита и дороговизны использовалось лишь для перекрытий и для каркаса при постройке каркасных домов. У туркмен каркасные дома не были так широко распространены, как в более восточных районах Средней Азии у узбеков и таджиков, но бытовали издавна в некоторых районах полукочевого населения.

Основным материалом для заполнения каркаса и образования стен служили камышовые циновки или камыш, в изобилии произраставший в пойме рек Атрека, Теджена, Мургаба, Амударья. Камышовые стены в большинстве случаев изнутри и снаружи обмазывали глиной (рис. 1).

Такое одно-, двухкамерное жилище бытовало почти на всей территории юго-западной и юго-восточной Туркмении. На Атреке оно называлось *камышлы-там* или *экезли-там* (*экез* — род камыша), в остальных районах — *кенбе* или *там-кенбе*. В большинстве районов это жилище было прямоугольным и имело либо плоскую (ганвер усти), либо плоско-двускатную (эшек аркасы, эшек герш) крышу. По Атреку такие дома имели довольно высокие двускатные крыши из камыша (уложенного в три последовательно спущенных слоя, чтобы лучше стекала вода) или из черепицы. В 30-е годы нашего века, в период коллективизации и оседания середняцкой части населения, камышовые дома получили наибольшее распространение. Позднее их стали крыть шифером и даже оцинкованным железом, чтобы собирать дождевую воду. Они дожили до наших дней уже чаще всего в качестве подсобных, хозяйственных помещений.

Остовом экезли-там служили врытые в землю по углам четыре основных деревянных столба и несколько (в зависимости от размера дома и его планировки) более тонких, укрепленных по линии будущих стен. Столбы соединялись деревянной обвязкой, создающей каркас (иногда

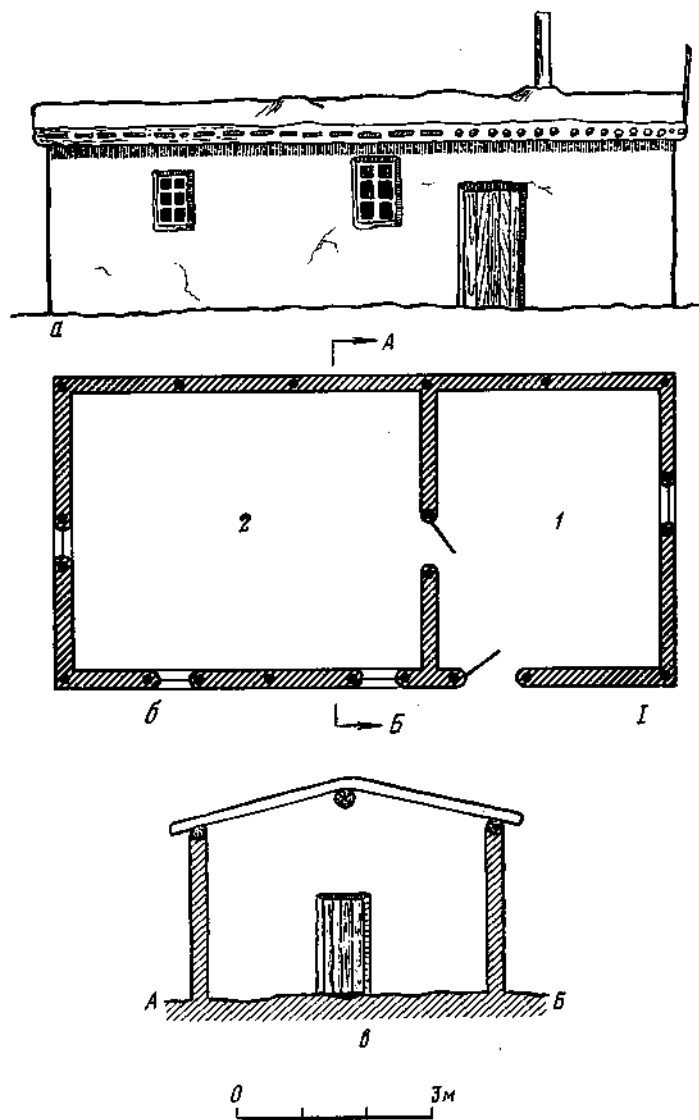

Рис. 1. I. Типы жилых построек «кепбе»

I — двухкамерная постройка в к-зе «Большевик» Серахского р-на: а — внешний вид, б — план, в — разрез по А—Б. 1 — прихожая (далан, эйван), 2 — жилая комната (яшайын жай). Этот и все последующие рисунки и планы в статье, кроме отмеченных особо, выполнены художником М. М. Санниковым.

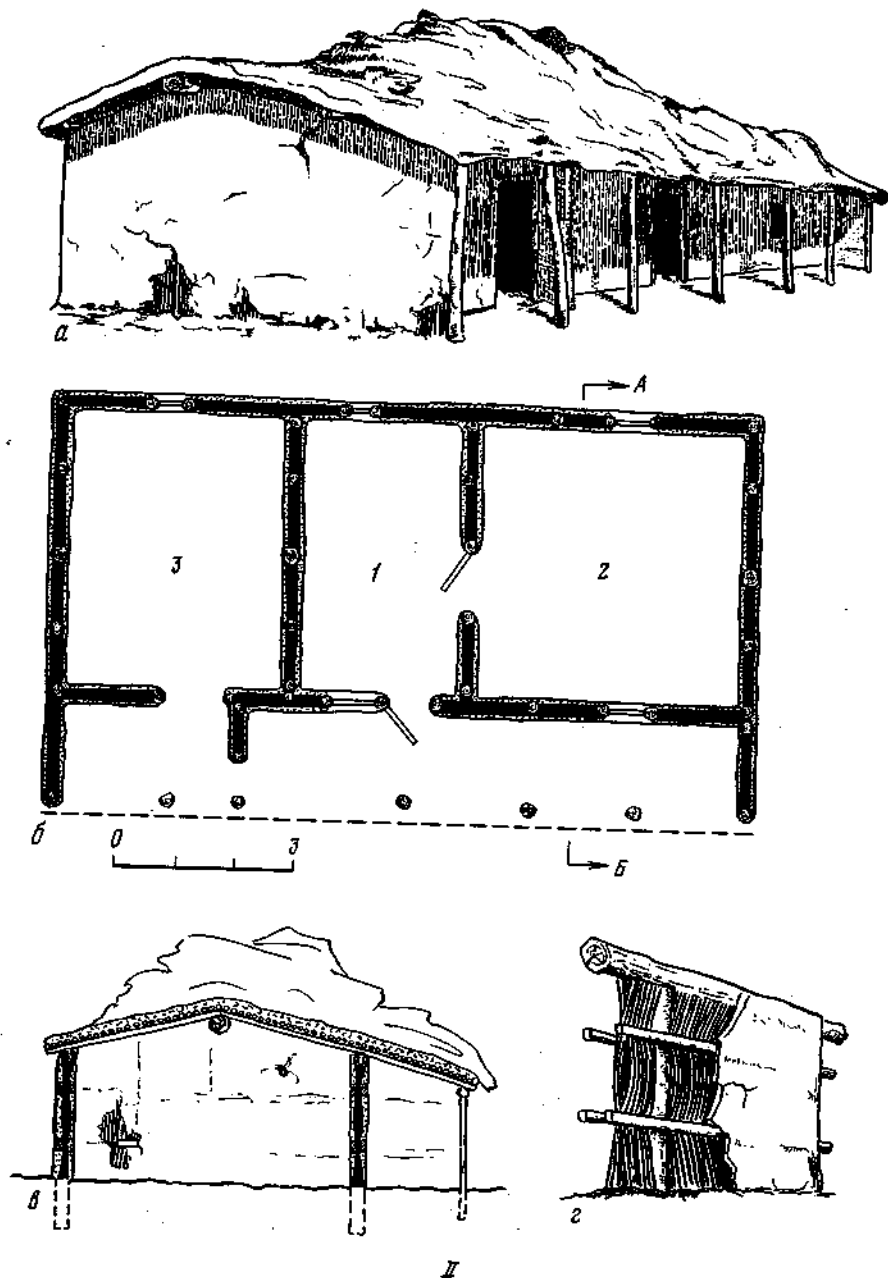
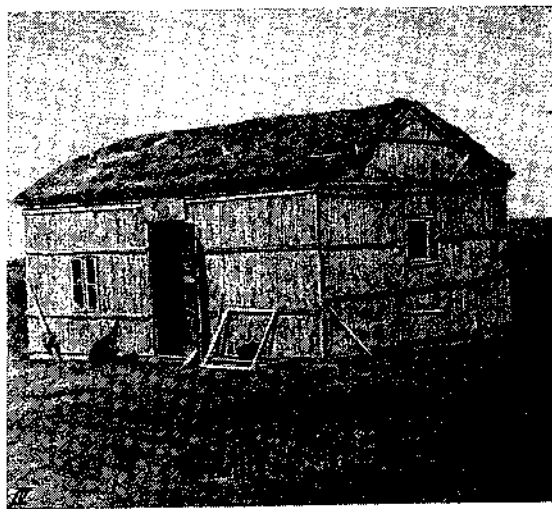
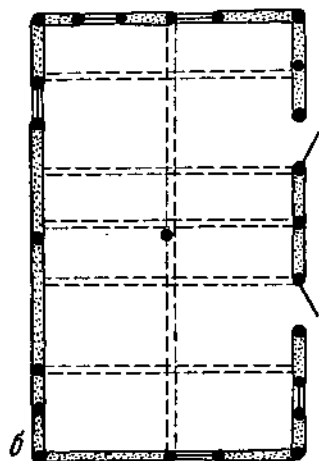
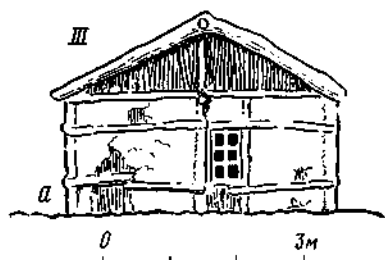

Рис. 1. II. Продолжение

II — трехкамерная постройка с навесом в к-зе Агчапара Иолотанского р-на: а — внешний вид, б — план, в — разрез по А — Б, г — конструкция стен. 1 — коридор (галадор), 2 — гостиная (вал), 3 — жилая комната (яшайыи отагы).

III — однокамерная постройка (экезли там) в к-зе им. Ленина (пос. Чалоюк) Гасан-кулийского р-на:

а — внешний вид.

б — план.

IV — внешний вид экезли-там в пос. Чалоюк

Рис. 1. III—IV. Окончание

это была дранка), который затем заполнялся камышовыми циновками или вязками из камыша. Толщина стен не превышала 5—7 см. Снаружи и изнутри дом обмазывали глиной, смешанной с саманом, и белили. Иногда такие дома цементировали.

Планировка дома была несложной: одна—две комнаты или комната с передней, расположенные на запад и восток друг от друга. В каждой комнате делали одно—два окна, зачастую разной величины и на разных уровнях. Полы в экезли-там бывали обычно земляными, потолок — из досок или камышовых циновок, уложенных на балки. Отапливали помещение чаще всего железной печкой.

Там-кепбе прямоугольной формы бытовало у населения Тедженского оазиса, кое-где в долине Мургаба и у атинцев Дарганатинского района. Оно достаточно полно описано в литературе², поэтому скажем лишь, что кепбе не всегда можно было назвать каркасной постройкой, так как довольно часто оно сооружалось из камышовых циновок, укрепленных между угловыми деревянными стойками и обмазанных глиной изнутри и снаружи. Постепенно из однокамерного, простейшего типа помещения кепбе превращались в многокомнатные (там-кепбе), по типу и плани-

ровке приближавшиеся к глинобитным домам. Перед там-кепбе зачастую устраивали айван. Крышу такого дома делали из нескольких тонких жердей, прикрытых камышовой циновкой, поверх которой накладывали слой земли. Сверху все обмазывали глиной. Для того чтобы построить там-кепбе, не требовалось большого количества рабочих рук и особого мастерства. Поэтому такой тип жилища быстро распространился среди населения, занимавшегося земледелием. Таким образом строили и различного рода хозяйственные постройки.

В Мервском оазисе, главным образом у салыров Серакса и их ходжамбасских соплеменников, сарыков, эрсари среднего течения Амударьи (а по данным дореволюционных авторов — у гокленов³), камышовое жилище было круглым и имело куполообразную крышу. Внешне оно напоминало юрту и, по мнению многих исследователей, было тесно связано с ней. У салыров Серакса такое жилище называлось *моведекли-кепбе*, *гуммезли-там*, у сарыков — *тоголок-кепбе* или *камыш-кепбе*, а у эрсари — *гуммез-кепбе*⁴.

Такое юртообразное жилище известно с конца XIX в. по упоминаниям путешественников. В наши дни оно сохраняется в качестве хозяйственного помещения у туркмен эрсари и сарыков⁵, в то время как у салыров, если верить информаторам, оно исчезло уже в конце прошлого века⁶. С. Г. Агаджанов, основываясь на данных арабских и персидских источников, пишет о бытовании у огузов в X—XIII вв. постоянного жилища — глиняных мазанок, напоминавших по форме кочевую юрту. По словам Махмуда Кашгарского, в XI в. такое жилище по традиции называлось *эф* (т. е. *ой* — юрта), но было оштукатурено глиняной обмазкой⁷. Эта характеристика не оставляет сомнения в том, что камышовое круглое в плане жилище туркмен с куполообразной крышей совершенно идентично огузскому «эф» (так же как подобное жилище у части полукочевых узбеков и казахов, у которых оно было известно в конце XIX — начале XX в.).

В подгорных районах северных склонов Копетдага носителями древних строительных традиций были небольшие туркменские племена алиэли, аннаули, мехинли, нохурли и др. Эти небольшие дотекинские группы туркмен, жившие оседло, имели свои особые формы жилища. На средней Амударье наиболее искусными строителями домов считались мукринцы — одно из родовых подразделений эрсари. Вместе с тем жилища большинства упомянутых групп и населения более южных и восточных районов имели довольно много общих черт, обусловленных принадлежностью к одной большой древней историко-культурной области.

В конце XIX в., особенно после присоединения Туркмении к России, значительно увеличилось число постоянных построек у таких туркменских племен, как текинцы, иомуты, гоклены, сарыки, у которых основным видом жилища прежде была юрта.

Несколько слов о характере поселений южных туркмен. Значительная часть поселений носила укрепленный характер, дома обычно размещались внутри крепости (кала), ограничивающей возможность их свободного расположения. Там, где селение не имело крепостных стен, возле него обязательно находилось укрепление⁸ со сторожевыми башнями.

Приведем выдержку из описания сел. Каахка, сделанного в 1882 г. русским казачьим офицером Соколовым. «Первое, что вы видите, подъезжая к селению, это четырехугольную калу (укрепление), большая часть которой имеет 350—400 с. длины... Въехавши в... ворота, видите прямо перед собою улицу шириной 4—5 аршин; направление улицы не прямое: она образуется стенками отгороженных участков или стенами домов (мазанки из глины с плоскими крышами)... Главная улица пересекается двумя параллельными переулками шириной $1\frac{1}{2}$ —2 ар.; около с.-в. ворот... есть еще один очень узкий переулок, идущий от главной улицы в одну левую сторону позади стены; все эти переулки образуются стенками участков или домов, число дворов в селении простирается до 800»⁹. Дома с плоскими крышами, по словам Соколова, были пристроены прямо к крепостной стене на некотором расстоянии друг от друга.

Наиболее распространенным строительным материалом населения Южной Туркмении был сырцовый кирпич (рис. 2). Прямоугольное жилище из сырцового кирпича с плоской крышей встречалось во всех селениях Южной Туркмении от долины Сумбара на западе до приамударьинских районов на востоке, где основным строительным материалом была пахса. Одно-двухкамерные дома из пахсы во второй половине XIX в. имелись у сарыков, текинцев, восточных групп иомутов и гокленов, основным жилищем которых до этого была юрта (рис. 3)¹⁰. У таких групп, как нохурли, мурчали, части гокленов и других туркмен, живущих в горах или подгорных долинах, цоколь и основание дома выкладывали из камней, далее стены возводили из сырца толщиной в два кирпича, т. е. около 0,5 м. В тех случаях, когда дом строили на склоне горы, как это часто бывало, например, у нохурцев, жителей горных гокленских селений и др., его делали обычно двухэтажным, причем нижний этаж, используемый в качестве хозяйственного помещения (задней стенкой его служил склон), выкладывали из камня, а жилые помещения — из кирпича.

В горных селениях дома иногда строили террасообразно: крыша нижнего дома служила двориком для стоящего выше по склону (рис. 4, 5).

В прикопетдагской полосе даже на равнине цоколь дома делали из камня. Фундамента чаще всего не было: стены начинали возводить прямо из расчищенной, выровненной и слегка углубленной поверхности земли. Высота стен обычно достигала 2,5—3 м, изнутри и снаружи стены обмазывали глиной.

Потолочные балки делали из арчи или карагача и укладывали по ширине дома, которая редко бывала более 3—3,5 м, так как столбов (сутун), поддерживающих балки в середине помещения, в жилых домах не ставили¹¹, они были лишь в хозяйственных или общественных постройках.

При устройстве потолков поверх балок клали вкось обтесанные небольшие короткие дощечки, тонкие длинные доски или чаще камышовые циновки, затем слой камыша или соломы, а сверху — слой сырой глины. Весь этот толстый слой покрывали глиной, смешанной с соломой, и тщательно заравнивали, чтобы не осталось щелей.

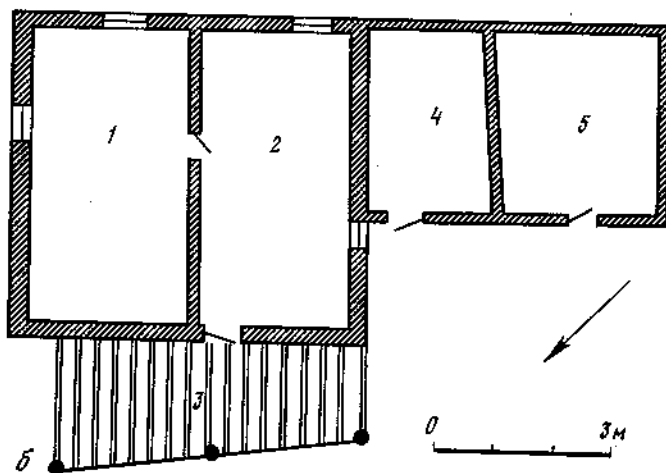
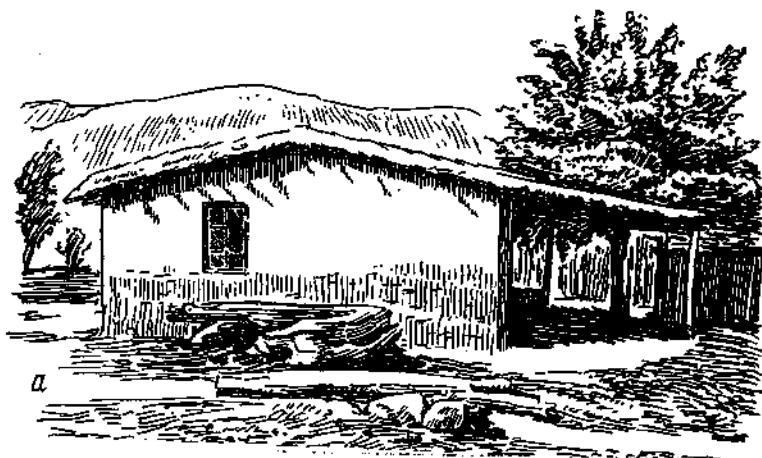

Рис. 2. Жилой дом, построенный из сырцового кирпича, с айваном в сел. Гермаб Геоктепинского р-на

а — внешний вид, б — план дома. 1 — жилая комната (ички ой), 2 — передняя (дашки ой, галадор), 3 — веранда (далан), 4 — кладовая (пархоу, кладовка), 5 — сарай

Полы делали земляными, их тщательно утрамбовывали, не смазывая их глиной, а потом застилали камышовыми циновками, поверх которых в зависимости от достатка хозяина и обычаев клали кошмы, ковры и паласы или просто стеганные матерчатые матрасики.

В старых домах середины и даже конца XIX в. окон, как правило, не было: дома освещались через небольшие световые проемы в потолке или стенах; стенные световые проемы на зиму закрывали ставнями, а иногда закладывали тряпками или кошмой. В домах более зажиточной

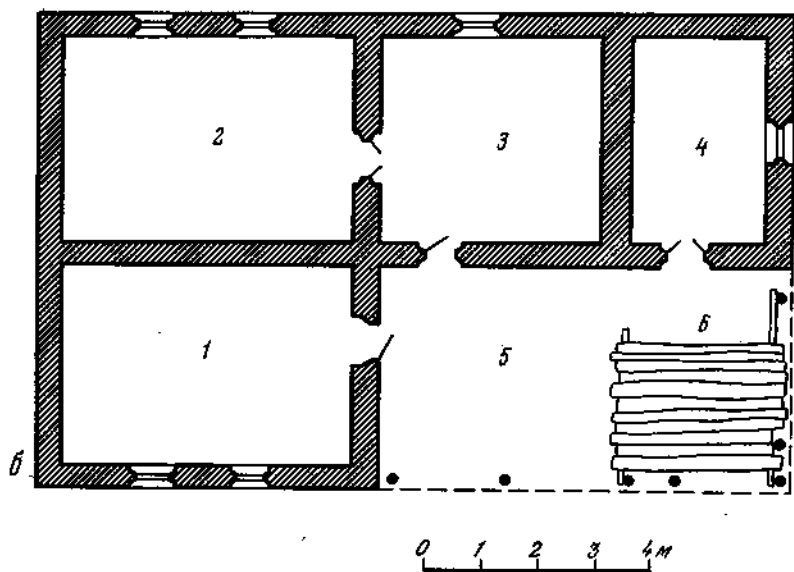
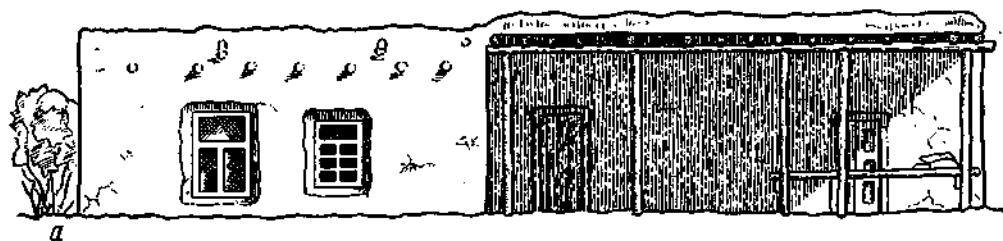

Рис. 3. Жилой дом, построенный из пахсы в сел. Мехинли (к-з им. Кирова Каахкинско-го р-на)

а — внешний вид, б — план. 1 — гостиная (отурылян жайы), 2 — детская комната (оглынын жайы), 3 — коридор (галадор), 4 — кладовая (кладовка), 5 — терраса (далан). б — дощатый настил

части населения окна имелись, они обычно затягивались бычьим пузырем и давали очень мало света.

Окна для освещения помещений появились в крае после присоединения к России. Обычно их пробивали в передней стене дома по одному — два в каждой комнате. Они были чаще всего небольшими, с глухими неоткрывающимися рамами.

Планировка как кирпичных, так и пахсовых домов была несложной: одна — две, иногда три комнаты, вытянутые в одну линию. Большее число комнат, как это бывало у мурчали, нохурли и гокленов, свидетельствовало о том, что в доме живет большая неразделенная семья. В тех случаях, когда в доме было две — три и более комнат, одна из них называлась *мехманхана* (туркм. *мырманхана*) и предназначалась для гостей¹².

Иногда для гостей строили отдельные помещения. У нохурцев — по-

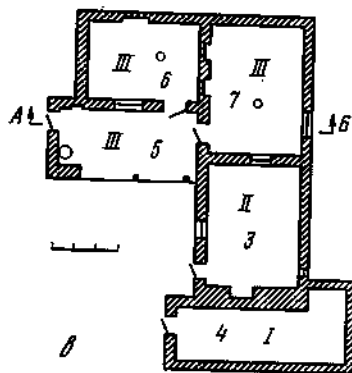
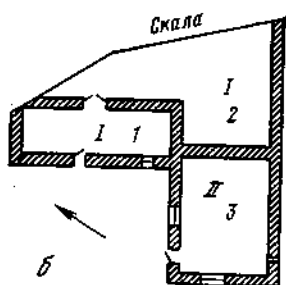
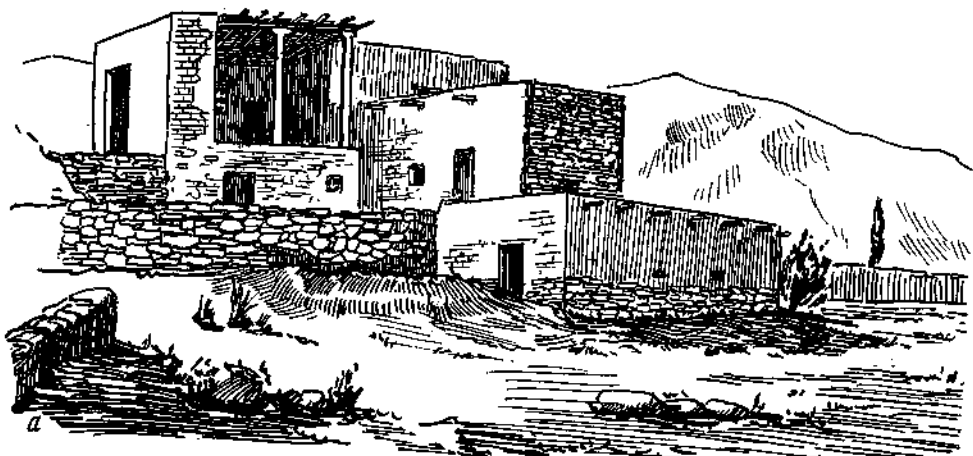
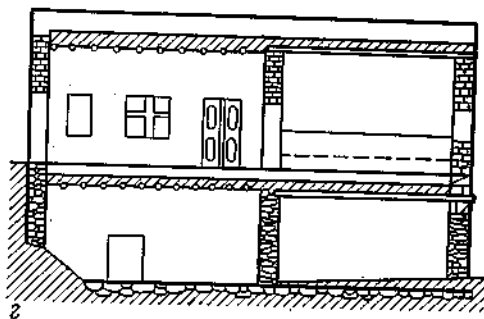

Рис. 4. Жилой дом в горной долине. Сел. Нохур Бахарденского р-на

а — внешний вид, б — план первого и второго этажей, в — план первого, второго и третьего этажей, г — разрез по А — Б. 1, 2, 4 — хозяйственные помещения, 3 — комната для трапез семьи, кухня (аш-там), 5 — терраса (эй-ван), 6 — жилая комната (там), 7 — гостиная (мыхман-там)

томков древнего оседлого населения — помещение для гостей, как правило, находилось с левой стороны по отношению к другим жилым помещениям, независимо от того, имело ли оно отдельный вход или объединялось с другими общим коридором. Интересно, что эта характерная черта прослеживается и в жилище туркмен многих других районов. По всей вероятности, она связана с традицией деления жилого помещения

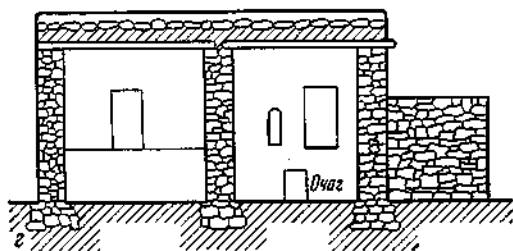
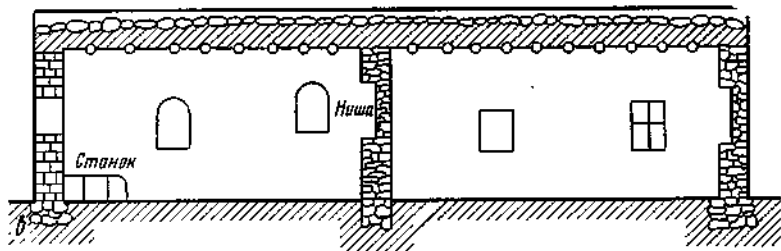
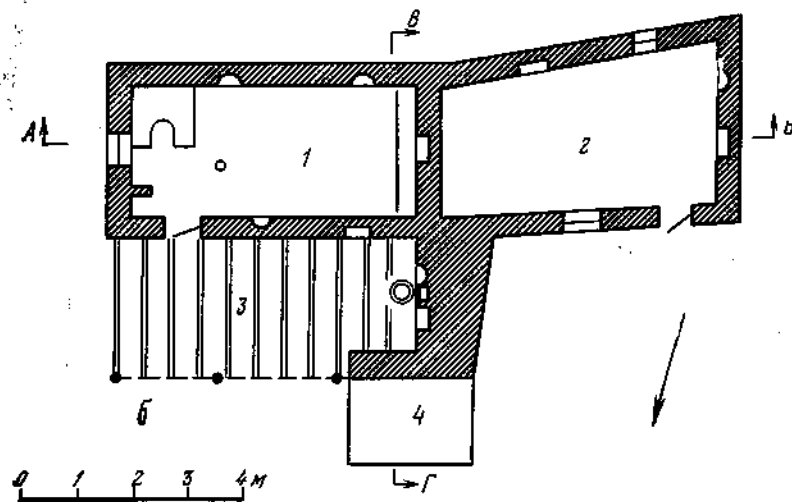

Рис. 5. Одноэтажный жилой дом в горной долине. Сел. Нохур Бахарденского р-на

а — внешний вид, б — план, в, г — разрез по А — Б и В — Г. 1 — жилая комната (там), 2 — гостиная (мырман-там), 3 — терраса (эйван), 4 — помещение для овец (гоюн ятах). Рис. 4 и 5 выполнены автором

(чаще всего юрты, строго ориентированной дверью на юг или юго-запад) на восточную (хозяйственную, женскую) и западную (мужскую) части. Именно при такой ориентации входа западная половина помещения оказывалась слева от него. В небольших селениях со свободной планировкой или с недавними оседлыми традициями комнаты в доме сохраняли деление на *ёкаркы* (дашки) и *ашагы* (ички), т. е. восточную (внешнюю) и западную (внутреннюю) и южную или юго-западную ориентацию входа. Восточная комната, как правило, служила местом постоянного пребывания членов семьи, здесь готовили пищу (если не было другого подсобного помещения), завтракали, ужинали и отдыхали; западная комната была парадной. В оседлых поселениях, имеющих уличную планировку, обязательная южная ориентация была нарушена, но традиция расположения михманханы слева от входа сохранилась.

Рис. 6. Украшение колонн *эйвана* жилого дома в сел. Койне-Кесир Каракалинского р-на

Общими для всех прикопетдагских селений были крытые террасы (*эйван*) перед домами, поддерживаемые столбами. В домах старого оседлого населения — *аннаули*, *мурчали*, *нохурли* и др., а позднее *гокленов* и в некоторых селениях *текинцев* столбы *эйвана* наверху были украшены завитками (*гоч буйныз*, *шах*), напоминающими капители ионийского стиля (рис. 6). Это так называемая протоионийская капитель, ведущая, по всей вероятности, свое происхождение от очень древних местных архитектурных традиций¹³.

Наряду с домами из сырцового кирпича и *пахсы*, имеющими плоскую крышу, у населения Южной Туркмении издавна бытовали такие же дома, но с купольно-сводчатым перекрытием. В свое время они были охарактеризованы исследователями ЮТАКЭ¹⁴. Во время полевых работ 1960—1970-х годов нам удалось расширить территориально и увеличить количественно примеры бытования в Южной Туркмении этого оригинального купольного жилища из сырцового квадратного (26×26×6 см) кирпича с минимальным количеством деревянных частей в конструкции. Эти жилые постройки состояли из нескольких квадратных помещений, соединенных друг с другом сводчатыми входами и перекрытых куполами, выведенными по принципу «ложного свода», т. е. «лутем напуска вышележащего ряда кладки над предыдущим»¹⁵. Освещалось помещение через отверстие в куполе.

Для таких домов нужно было очень мало дерева.

Купольные дома зафиксированы нами в *Каахкинском* и *Серахском* районах (сел. *Каахка*, *Меана*, *Чаача*, селения возле *Серахса*). В *Меана* возле нового колхозного поселка сохранились развалины довольно

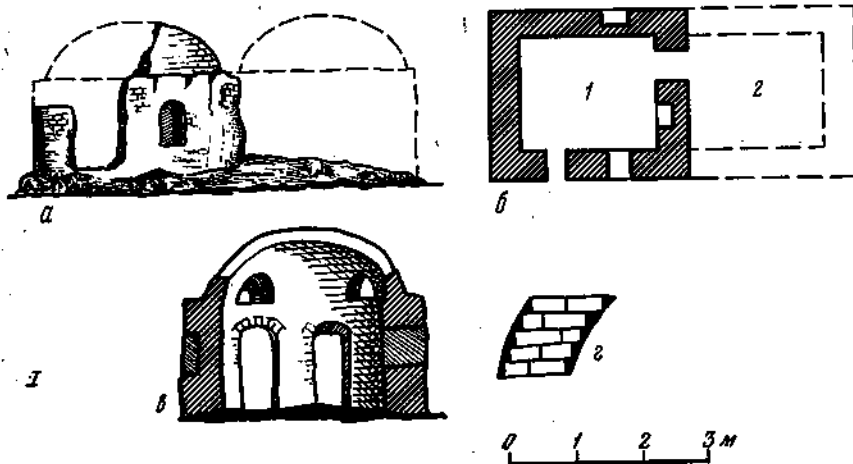

Рис. 7. Купольный дом в покинутом селении. К-з «Коммунист» Серахского р-на

1а — фасад дома (пунктиром показана рухнувшая часть), б — план, в — разрез сохранившейся части дома, г — кладка свода крыши из сырцовых кирпичей; II — внешний вид купольного дома в покинутом селении. К-з им. ген. Кулиева (сел. Меана) Каахкинского р-на. Рис. и фото А. М. Жмулюкина

большого селения, имевшего почти сплошь дома с куполами (в селении жили до 1950 г.). В районном центре Каахка подобные дома встречались до 70-х годов. Местное население называет такие купольные постройки *гумезли жай* (рис. 7).

В Серахском районе такие постройки бытовали до недавнего време-

ни и, по словам местного населения, до сих пор сохраняются и используются в иранском Серахсе.

В Мургабском оазисе этот тип жилых построек зафиксирован в начале XX в. Э. Р. Барцем¹⁶, который отмечал их широкое распространение, а также исследователями из ЮТАКЭ¹⁷. Авторы монографии об архитектуре туркменского народного жилища В. А. Левина и Г. А. Пугаченкова, характеризую технику строительства купольных домов, приписывают эти постройки сарыкам, вытесненным из Мургабского оазиса в верховья Мургаба в 1856 г. текинцами.

В 1955 г. в сел. Кодж Кызыларватского района мы встретили такие же купольные дома, однако они использовались населением уже как хозяйственные постройки.

По устному сообщению Б. Х. Кармышевой, развалины построек такого типа сохранились в Южном Узбекистане в пустынных районах вдоль отрогов Бабатага, в непосредственной близости от Амударьи.

На бытование в прошлом домов с купольным перекрытием в Каршинском районе Узбекистана указывает А. К. Писарчик. По ее мнению, эти дома принадлежали туркменам^{17а}.

Купольные дома, подобные указанным выше, были широко распространены в Иране у населения Восточного Хорасана. Это неоднократно отмечали путешественники, побывавшие там в XIX в. Вот что пишет, например, Мак-Грегор: «Вокруг укрепления (джаджермского.— Г. В.) раскинулась деревня Джарджерм, состоящая из 300, а может быть и более домов с куполообразными крышами, что объясняется недостатком леса на стропила»¹⁸. «В Мехре мазанки то куполообразные, то с башенками, то в виде куба... В Мезинане и Мехре население, говорящее на языке тюрки», — отмечает П. П. Огородников¹⁹. Есть сведения о куполообразных жилых постройках в Хорасане и у авторов XX в., например, у Х. Е. Вульфа²⁰.

Имеются данные о широком распространении купольных жилых домов и в северных районах Афганистана. Так, французский исследователь Б. Дюпон, характеризуя технику строительства купольных домов, пишет о бытовании их в наши дни у туркмен Ахчи и Андхоя²¹.

Если проследить по карте территорию распространения жилища с куполообразной кровлей, то окажется, что она тянется вдоль склонов Копетдага и далее на восток в предгорья Бабатага. Правда, оно не зафиксировано в районах нынешнего расселения сарыков в Тахтабазарском районе, хотя авторы книги «Архитектура туркменского народного жилища» считают это племя строителями купольных домов, отмеченных ими в Мургабском оазисе. В свое время в рецензии на 3-й том «Трудов» ЮТАКЭ мы уже высказывали свое несогласие с этой точкой зрения²². Весь собранный к настоящему времени материал подтверждает правильность нашего мнения.

Вероятно, носителями традиций возведения купольных домов были потомки древнего тюркоязычного (а может быть, частично и ираноязычного) населения, которое издавна было довольно широко распространено на этой территории. Во всяком случае, информаторы в Каахкинском районе говорили нам о том, что купольные дома строило здесь дотекинское население — али-эли и аннаули. В Меана по одним данным строи-

телями поселка с купольными домами были туркмены мехинли и емре-ли, а по другим — мастера из Ирана, не ясно, какой национальности; в Серахском районе дома строили сами туркмены-салыры. В иранском Хорасане купольные дома бытуют в районах расселения тюркоязычного населения, которое живет там наряду с курдами и собственно иранцами.

Исследователи ЮТАКЭ отмечали, что уже в XI—XIII вв. во многих жилых домах области Мерва были купольные перекрытия²³. Встречались они и раньше в кешках феодалов VI—VII вв.²⁴ Таким образом, народная архитектура туркмен XIX—XX вв. сохранила эту местную строительную традицию.

Не высказывая пока категорического суждения о генетической связи купольных домов с круглыми камышовыми постройками ввиду недостатка материала, мы все же хотим обратить внимание на интересное совпадение географического распространения этих двух видов построек (хотя ареал кепбе гораздо шире, нежели купольных домов), казалось бы, совершенно разных по технике строительства и материалу. Нельзя ли связать происхождение купольных домов с куполообразными постройками из камыша?

Подтверждением правильности этой мысли, с нашей точки зрения, может служить интересное высказывание А. Н. Бернштама о том, что скотоводческая юрта, бытовавшая, несомненно, еще у скифов, могла быть прототипом сферического перекрытия в постройках оседлого населения и что «идея купола и осуществление ее в монолите принадлежала кочевникам»²⁵.

Круглые камышовые постройки в Туркмении бытовали в местах распространения ранних тюркских групп (так же как и купольные дома в Хорасане и на территории Южной Туркмении) — населения, сменившего ираноязычных обитателей этих районов и, вероятно, не просто вытеснившего его, а слившегося с ним и воспринявшего многие черты их культуры (по мнению авторов книги «Архитектура туркменского народного жилища», купольные композиции, господствовавшие в мервском жилище, были позднее перенесены в культовое зодчество²⁶).

Таким образом, в архитектуре жилища дотекинских групп Южной Туркмении обнаруживается много общих черт, свидетельствующих о сохранении древних традиций и большой историко-культурной общности. Здесь хотелось бы отметить два момента. Первый — наличие в жилых помещениях большого количества разных по величине, форме и уровню расположения ниш и нишек (таг, тегче, тогча и др.). Ниши делались как в глинобитных и кирпичных домах с плоской крышей, так и в домах с купольными перекрытиями и использовались для посуды, утвари, для установки светильников и т. д. Такие же ниши прослеживаются и в жилище населения Азербайджана. Второй момент — общность средств отопления жилых помещений (так же как и использование стеновых ниш) выходит за пределы Южной Туркмении и обнаруживает аналогии на востоке у таджиков, а на западе доходит до территории Закавказья. Мы имеем в виду такую форму отопления, как стеновые каминны (бухори, пухори, мори), дымоход которых выведен по торцевой сте-

не или в углу помещения²⁷. Толка камина использовалась и для приготовления пищи и выпечки хлеба.

Такие камины встречались во всех селениях у всех групп кожных туркмен, но не были единственным видом отопления. Еще в конце XIX в. многие дома отапливались открытым очагом, расположенным в центре помещения, дым от которого выходил в отверстие в потолке²⁸. После присоединения Туркмении к России, особенно в начале нашего века, камины и открытые очаги стали вытесняться чугунными и железными печками с трубами, выведенными в отверстие в потолке или в окно.

Нельзя не сказать еще об одном типе домов, распространенном на крайнем юго-западе Туркмении по р. Атрек и побережью Каспийского моря. Это свайные дома, выстроенные целиком из дерева (*аяклы-там* — «дома на ножках»). Возникнув в 70-е годы прошлого века, они постепенно вытеснили юрту, до этого бывшую единственным видом жилища иомутов.

Вначале деревянные дома строили только на побережье Каспийского моря в рыболовецких селениях Гасан-кули, Чекишляре и др.; в 30-е годы XX в. их стали ставить и в селениях по Атреку. Первыми мастерами — строителями деревянных домов были астраханские плотники, сами дома привозились из Астрахани в разобранном виде. Позднее появились такие мастера и среди туркмен (рис. 8).

В рыболовецких селениях, где почва была очень сырой, деревянные дома ставили на высоких, до 3 м, сваях²⁹. Постепенно по мере обмеления Каспия пространство между сваями стали огораживать и использовать под хозяйственное помещение. В наши дни довольно часто на побережье и особенно в селениях по Атреку дома перестали быть свайными, это двухэтажные просторные дома, первый этаж которых также жилой. Одноэтажные дома ставят на невысоких, до 1,5 м сваях.

Крыши двускатные, крытые шифером или железом. Старые дома иногда имеют камышовые крыши. Вокруг второго этажа идет крытая терраса *саяван*, на этаже обычно две смежные комнаты, имеющие отдельные выходы на террасу, ориентированные на юг. Комнаты называются *ашакы ой* и *екарки ой*, т. е. западная и восточная; первая обычно бывает парадной. В домах, где жилые помещения расположены в двух этажах, в нижнем этаже обычно живут старики, в верхнем — семья сына.

Окон много, 3—4 в каждой комнате, они большие и хорошо вентилируют помещение. Полы и потолки деревянные³⁰.

Свайные дома западных туркмен появились под влиянием русских, они обнаруживают значительную общность не только с жилыми постройками иомутских селений Ирана, где свайные дома также возникли под влиянием русских, но и с жилищем районов Мазандерана и Шахруд-Дамганского района (к югу от Астрабада), где еще в конце XIX в. русские путешественники отмечали деревянные или тростниковые дома, обмазанные глиной, с остроконечными соломенными или черепичными крышами, на сваях³¹.

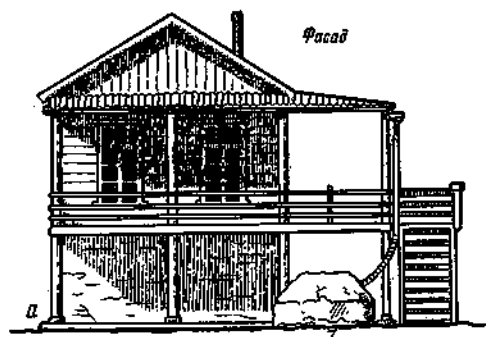
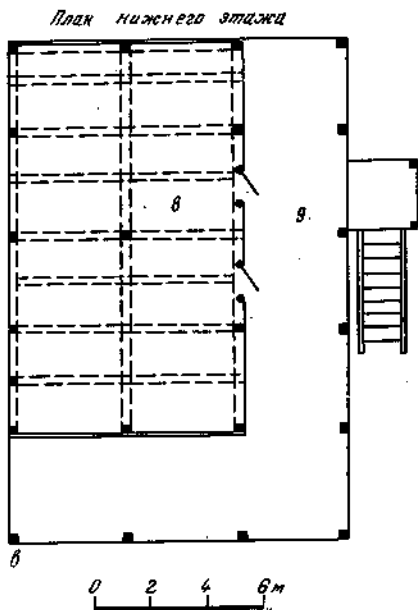
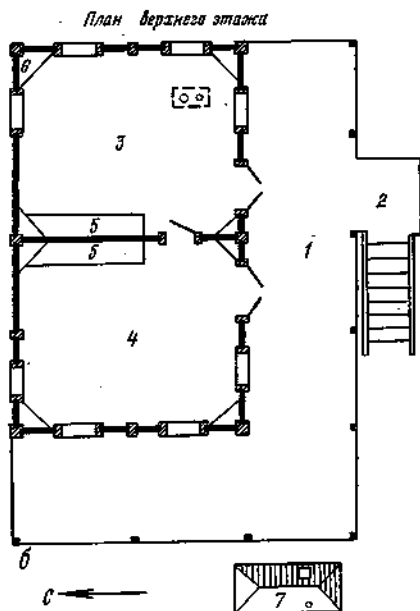

Рис. 8. Деревянный дом на побережье Каспийского моря. Сел. Аджияб Гасанкулийского р-на

а — внешний вид, б — план верхнего этажа, в — нижнего этажа. 1, 9 — навес перед комнатами (саябан), 2 — лестничная площадка (ойжик), 3 — передняя, восточная комната (дашки, ёкары ой), 4 — основная жилая комната (ички, ашагы ой), 5 — деревянные шкафчики для посуды и укладки спальных принадлежностей (телер), 6 — угловые полочки (бурч), 7 — бассейн для сбора дождевой воды (лар), 8 — нижнее, хозяйственное помещение (тамын ашагы)

Интересно, что терминология деталей свайного дома не заимствована из русского языка, как следовало бы ожидать, а либо туркменская, либо из персидского языка.

Таким образом, оседлое жилище Южной Туркмении довольно разнообразно по своим формам, технике строительства и материалу. Оно имеет длительную историю развития и много общего с жилыми постройками соседних областей, например северо-восточного Ирана и Азербайджана³², что свидетельствует о давних этнокультурных связях между населением этих районов, составлявших в эпоху развитого средневековья одну историко-культурную область.

³² Имеются в виду в первую очередь работы ЮТАКЭ по Южному Туркменистану, а также монографии этнографов по отдельным туркменским группам (библиографии работ советских ученых по Северному Туркменистану мы здесь касаться не будем, так как в статье речь пойдет о жилище южной и отчасти юго-восточной Туркмении);

- Левина В. А., Овезов Д. М., Пугаченкова Г. А. Архитектура туркменского народного жилища.— Труды ЮТАКЭ, 1953, т. 3; Васильева Г. П. Туркмены-нохурли.— Среднеазиатский этнограф. сб. М., 1954; Левина В. А. Жилище Анау.— Труды ЮТАКЭ, 1951, т. 2; Овезов Д. М. Племя мурчали.— Там же, 1959, т. 9; Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма.— Там же, 1958, т. 6; Она же. Этнографические памятники туркменской народной архитектуры.— Там же, 1959, т. 9; Винников Я. Р. К вопросу о развитии сельских поселений и типов жилища в приамударьинских районах Туркменской ССР.— В кн.: Исследования по этнографии туркмен. Ашхабад, 1965; Джикиев А. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря (историко-этнографический очерк). Ашхабад, 1961; Овезов Д. М. Население долины Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад, 1976 и др.
- ² Васильева Г. П. Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг. М., 1952, с. 438—442; Винников Я. Р. Социалистическое переустройство быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР.— Среднеазиатский этнограф. сб. М., 1954, с. 48—50; Он же. К вопросу о развитии..., с. 69—70.
- ³ Обзор Закаспийской области за 1897 г., прил. 2.
- ⁴ Детальная характеристика жилища туркмен дается в статье автора «Материалы по жилищу туркмен Мургабского оазиса» (Полевые исследования ИЭ 1979 г. М., 1981).
- ⁵ Полевые записки автора, 1979 г. Тахта-Базарский р-н ТуркмССР.
- ⁶ Джикиев А. Этнографический очерк населения юго-восточного Туркменистана (конец XIX — начало XX в.). Ашхабад, 1972, с. 72.
- ⁷ Агаджанов С. Г. Огузские племена Средней Азии в IX—XIII вв. (историко-этнографический очерк).— В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 10. М., 1971, с. 185—186.
- ⁸ Детальная характеристика туркменских крепостей и укреплений XVIII—XIX вв. дана в превосходной статье А. А. Рослякова «Основные черты туркменской фортификации XVIII—XIX вв.» (В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь академика И. А. Орбели. М.: Л., 1960).
- ⁹ Записка о дороге из Асхабада в Мерв хорунжия I конной батареи Терского казачьего войска Соколова, 1882.— Сб. географических, типографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883, вып. 6, с. 159—160.
- ¹⁰ Михайлов Ф. [А.] Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Асхабад, 1900, с. 44; Барц Э. Р. Орошение в долине р. Мургаб и Мургабское государево имение. СПб., 1910, с. 15; Дудин С. М. Отчет о поездках 1900 и 1901 гг.— Архив ГМЭ, ф. 1, оп. 2, д. 247, л. 26; Овезов Д. М. Население долины Чандыра..., старые дома мурчали, видимо, также были выстроены из пахсы (см.: Труды ЮТАКЭ, 1953, т. 3, раздел 2, с. 12), хотя тот же Д. М. Овезов в специальной работе, посвященной мурчали, ни слова не говорит об этом виде строительного материала (Овезов Д. М. Племя мурчали, с. 194).
- ¹¹ Исключение составляли дома мурчинцев, у которых многие комнаты были квадратными, а внутри имелись три стройные деревянные колонны без баз (Труды ЮТАКЭ, 1953, т. 3, с. 12), а также дома курдов и родственного им тюркоязычного населения в сел. Гермаб, Фируза, Багир и др. (Материалы курдского отряда Среднеазиатской экспедиции 1962 г.— Архив ИЭ), имеющие внутри помещения два — три столба для поддержания сквозной основной балки (хамбал).
- ¹² В. А. Левина, исследовавшая вместе с архитектором Б. В. Дмитриевским городище Пештак (Каахкинский район), заселенное в последний период своего существования (XVIII — начало XIX в.) алиелинцами, отмечала у них и другую планировку зданий, аналогичную той, которая была распространена у хорезмских туркмен и части узбеков. Труды ЮТАКЭ, 1953, т. 3, с. 21—22.
- ¹³ Вязьмитина М. И. Археологическое изучение городища Новая Ниса в 1946 г.— Труды ЮТАКЭ, 1949, т. 1, с. 155.
- ¹⁴ Труды ЮТАКЭ, 1953, т. 3, с. 25—26.
- ¹⁵ Там же, с. 25.
- ¹⁶ Барц Э. Р. Орошение..., с. 16.
- ¹⁷ Труды ЮТАКЭ, 1953, т. 3.
- ^{17а} Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда. Душанбе, 1975, с. 44.
- ¹⁸ Мак-Грегор. Путешествие по Восточной Персии. Хорасан, Ч. 2. Киев, 1886, с. 65.
- ¹⁹ Огородников П. П. Страна Солнца. СПб., 1881, с. 36, 46.
- ²⁰ Wulf H. E. The Traditional Crafts of Persia. Massachusetts, 1966, p. 105, fig. 156.

- ²¹ *Dupaigne B.* Aperçus sur quelques techniques afghanes.— *Objets et Mondes*, 1968, t. 111, fasc. 1, s. 60; см. также с. 42, рис. 1.
- ²² СЭ, 1954, № 3, с. 173—174.
- ²³ Труды ЮТАКЭ, 1953, т. 3, с. 26.
- ²⁴ *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры..., с. 133.
- ²⁵ Архитектурные памятники Киргизии. М.: Л., 1950, с. 128—129.
- ²⁶ Труды ЮТАКЭ, 1953, т. 3, с. 27.
- ²⁷ Об очагах этого типа см. статью А. К. Писарчик в данном сборнике. См. также: *Усейнов М. А.* Памятники азербайджанского зодчества. М., 1951, с. 89.
- ²⁸ Обзор Закаспийской области за 1892 г. Асхабад, 1893, с. 8; *Джикиев А.* Этнографический очерк..., с. 43; *Овезов Д. М.* Население долины Чандыра..., с. 198, рис. 35 и др.
- ²⁹ Севернее сел. Чекишляр и особенно на Челекене сваи были ниже — от 1,5 до 2 м, а наружные стены домов оштукатурены (для тепла).
- ³⁰ Детальная характеристика такого жилища дана в работах А. Джикиева (*Джикиев А.* Поселения и жилища туркменов юго-восточного побережья Каспийского моря в XIX—XX вв.— СЭ, 1957, № 4; *Он же.* Туркмены юго-восточного побережья..., с. 84—90).
- ³¹ *Артамонов Л. К.* Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан. Военно-статистическое исследование. Тифлис, 1894, ч. I, с. 162.
- ³² *Якобсон А. А.* Археологические исследования на городище Орен-кала.— В кн.: Средневековые памятники Азербайджана. М.: Л., 1965, с. 17 (МИА, вып. 133).

И. Мухиддинов

ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ ТАДЖИКОВ
СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ р. ВАХШ
В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ
НУРЕКСКИМ ВОДОХРАНИЛИЩЕМ¹
XIX — начало XX в.

Своеобразие географической среды и этнографических традиций обусловили разнообразие типов жилища у таджиков различных историко-культурных регионов Таджикистана.

На наш взгляд, представляет определенный интерес ранее не изучавшееся этнографами традиционное жилище таджиков района Нурека (среднее течение р. Вахш).

Таджиков правобережья среднего течения р. Вахш таджики других местностей называют «хисорӣ» (гиссарцами), и они сами себя считают «гиссарцами», а живущих на левобережье — «кулобӣ» (кулябцами), и они также считают себя «кулябцами». Между ними издавна поддерживались тесные хозяйственные и культурные связи.

Интересные материалы были собраны в кишлаках, в настоящее время уже затопленных Нурекским водохранилищем: Шолипая, Дарай Осиевак, Сари Джу, Талкаш, Шургузар, Туткавул, Кизон, а также в кишлаке Кибил (ставшим частью совр. г. Нурека), где идет большое строительство и сносятся старые дома, в кишлаках Новобод и Пехо.

Кишлаки нурекской группы, в которых проводилось изучение традиционного жилища, расположены в горной местности: Шургузар, Хочарки, Туткавул занимают относительно ровную площадь, а Шолипая, Дараи Осиёвак, Сари Джу, Талкаш, Кули Суфиён, Новобод, Пехо, Чормагзи Яка и Утаган — конусы выноса и горные склоны.

Здесь отдаленные горные кишлаки закрытых дворов не имели, за исключением усадеб зажиточных слоев (муллы, старосты, богатые крестьяне). В кишлаках Туткавул, Нурек, через которые проходили главные торговые пути, дома имели закрытые дувалами дворы. На улицы выходили глухие задние стены домов.

В прошлом хозяйственные постройки, в том числе хлев, чаще были пристроены к жилому помещению, но иногда их строили на определенном расстоянии от дома.

Одинаковые климатические условия предгорных и равнинных местностей Гиссара и Куляба способствовали возникновению сходных типов жилищ. Типы жилища различались в основном особенностями конструкций и планировки.

По планировке в традиционном жилище таджиков Гиссара и Куляба выделяются три основных варианта: двух- и трехкамерный дом с сениями (долон) и однокамерный дом². Часто жилища этих вариантов имеют под одной крышей с домом айван — террасу перед домом, открытую с трех или с одной (продольной) стороны.

В изучаемых кишлаках традиционное жилище, как правило, было трехкамерным (два жилых помещения и сени между ними) или двухкамерным, состоящим из двух жилых помещений с террасой перед ними или из одного жилого помещения с сениями и террасой перед ними. Иногда встречалось однокамерное жилище (калак) с террасой или без нее.

Традиционная ориентация фасада жилища (со входом) обусловлена географическими условиями. В одних кишлаках ее определяет рельеф местности, в других — направление постоянно дующих ветров, иногда сочетание того и другого.

Нурекская группа кишлаков расположена в той части долины Вахша, где река делает петлю. По традиции в большинстве кишлаков жилища строят глухой стороной к горам, а фасад со входом обращен в сторону уменьшения наклона местности к реке, чтобы зимой вход меньше заносило снегом, а летом чтобы терраса была обращена к открытому горизонту. Поэтому в зависимости от расположения кишлака фасад жилища был обращен либо на юг, либо на север. Однако в той части долины Вахша, где расположены кишлаки Шолипая, Дараи Осиёвак, Сари Джу, Дахана, Шургузар, Талкаш, дует постоянный северо-восточный ветер «элок». Жилища в этих кишлаках ориентированы против направления ветра боковой стороной. Эта естественно возникшая в этих кишлаках традиция ориентировки фасада со входом объяснялась некоторыми старожилками с религиозной точки зрения: верующий должен во время молитвы смотреть в сторону Киблы и быть спиной ко входу, чтобы входящие не мешали ему.

В нурекской группе кишлаков строительным материалом для жилища являлись: лёсс (хок), камень (санг), дерево (чув), камыш (килк, най). Стены возводили главным образом глинобитные, а в кишлаках

правобережного Вахша—в основном из камня на глиняном растворе. В тех кишлаках, где было родниковое самотечное водоснабжение³, по периметру будущей площади дома, на расстоянии 50—70 см от основания будущих стен, киркой и лопатой вскапывали землю, образуя канаву (лойхона) шириной от 1 до 1,5 м; затем на вскопанную землю пускали воду, перемешивали все киркой и лопатой. Чтобы пахса была крепкой, эту массу месили ногами, прогоняли пару волов или лошадь. Этот способ широко распространен в Южном Таджикистане⁴.

Дома фундамента не имели. План дома размечали «тановзани» на земле веревкой (банд или чильбур) либо мастера, либо понимающие в этом односельчане. Если площадь, на которой должны были строить дом, была наклонной (бардеволи), то возвышенную часть срезали кирками или лопатами. После этого веревкой размечали план дома; основанием той стены, которая возводилась на прежней возвышенной части, служил «лой», приготовленный из ранее срезанной земли. Для первого слоя готовили очень густую крутую глину, чтобы стены были крепче. После укладки четвертого или пятого слоя глины глубина лойхона достигала 1,5—2 м.

В тех кишлаках, где не было самотечного водоснабжения, стены воздвигали ранней весной, с началом первых дождей. Приготовив лойхона, ожидали дождя и струю дождевой воды направляли в лойхону. Также выливали в нее и собранную дождевую воду, стекающую с крыши. Укладку стены необходимо производить в сухую погоду, поэтому хозяин созывал «помочь» (хашар), в которой принимали участие в первую очередь родственники и соседи-односельчане. Иногда возведение стен из-за редко выпадающих дождей затягивалось до наступления лета. Воду в таком случае приносили или привозили выюком от источника воды, но часто, если дом был большой, переносили окончание этих работ на период осенних дождей. Лой готовили иногда и под дождем, но стену можно было возводить только после прекращения дождя. Чтобы недавно возведенные стены не обвалились с возобновлением дождя, их укрывали паласами, войлоком, листьями травы «чокала»⁵.

Обычно высота слоя пахсы варьировала от 50 до 70 см, ширина — от 50 до 60 см. Первый слой пахсовой стены называли «тахдеволи» или «якдевола», «як пеш девор», второй — «дудевола», «ду пеш девор», третий — «седевола», «се пеш девор», четвертый — «чордевола», «чор пеш девор», пятый — «пандждевола», «пандж пеш девор». Стену жилого дома возводили из 4—5 слоев, ее высота достигала 250—280 см⁶, а ширина последнего слоя сужалась до 30—35 см.

В кишлаках Шолипая, Дарай Осиевак, Сари Джу, Оличгон и Чинор, где было много камня, стены складывали из необработанных камней, скреплявшихся раствором глины. Кладку стен производили следующим образом: обозначив на земле план дома веревкой, укладывали по линии веревки два ряда камней шириной в 50—60 см. Щели закладывали мелкими камешками. Выложенный ряд камней сверху обмазывали жидкой глиной для придания большей крепости основанию стены. Затем укладывали второй ряд камней, их также обмазывали глиной сверху и с боковых сторон. Высота каждого слоя камней была 70—90 см. Стену возводили в три или четыре слоя, давая каждому время на просушку. Тре-

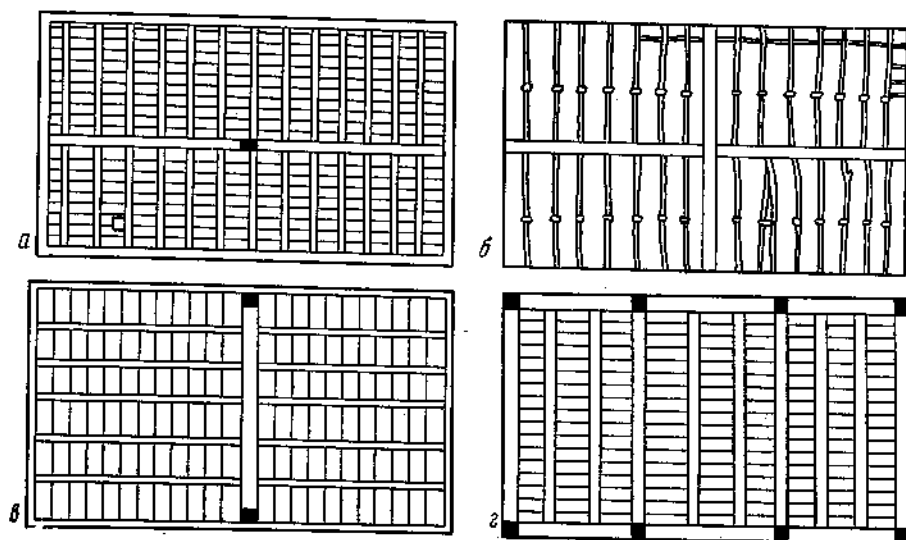

Рис. 1. Варианты конструкции кровли жилых домов

а — центральный продольный прогон опирается на колонну, *б* — центральный продольный прогон опирается на поперечный прогон, *в* — кровля имеет один поперечный прогон, *г* — кровля не имеет центральных прогонов

тий и четвертый слой делали несколько уже, доводя ширину последнего слоя до 30—35 см.

Аналогичный способ укладки стен, практиковавшийся в прошлом в верхнем Зеравшане, описан А. С. Давыдовым⁷. В Дарвазе и Каратегине стены выкладывали в основном сухой кладкой⁸.

Высота стен хозяйственных помещений была всегда ниже стен жилого дома, и эти стены обмазывали редко. Кровлю складывали не так тщательно, как в жилом доме.

Кровля дома по нашей классификации имела два типа конструкции: плоская (боми) и двускатная (харпуштак)⁹. В изучаемых кишлаках плоская кровля была более распространена. Деревянные части (потолочное перекрытие, опорные столбы-колонны, дверные рамы, полотнища дверей и т. п.) в основном делали из тополя, березы, ивы, арчи, туовника.

По сообщению старожилов, плоская кровля была трех вариантов: два варианта имели жилые помещения «хонаи-шишт» (для семьи), третий вариант в основном характерен для мехманханы (мехмонхоны) — комнаты для гостей. Все варианты имеют открытый балочный потолок.

Первый вариант конструкции кровли двух разновидностей: при первой центральной продольный прогон (рав, хари) из толстого обтесанного бревна опирался на опорную колонну (сутум), расположенную в центре помещения (рис. 1*а*). В зажиточных семьях они были богато орнаментированы. При второй разновидности функцию сутум выполнял

поперечный прогон из бревна такой же толщины, как продольный прогон (рис. 1б).

При первом варианте конструкции кровли поперечные балки (дастак, болор) одним концом опирались на прогон, другим — на край продольной стены таким образом, что концы их (сарнигас) примерно на 40—50 см выступали над наружной поверхностью стены, чтобы предохранить ее от дождя и снега. Число балок зависело от размеров помещения, оно было всегда нечетным — от 5 до 11.

Промежутки между дастак на верхней части продольных стен заполняли глиной, нанося ее тонким слоем и на поверхность поперечных балок. Этот процесс назывался «чувдаргил». Этим способом укрепляли балки перекрытия на продольных и торцевых стенах при всех вариантах устройства кровли. Высота слоя глины зависела от диаметра поперечных балок и обычно не превышала 15—20 см.

Второй вариант конструкции кровли заключался в том, что кровля имела один поперечный прогон. Концы его, кроме стен, поддерживались пристенными опорными столбами-стойками небольшого диаметра. Балки опирались одним концом на поперечный прогон, а вторым — на верх торцевой стены (рис. 1в). Такой вариант конструкции отмечен в Дарвазе и Каратегине¹⁰, в верхнем Зеравшане¹¹.

Третий вариант конструкции кровли представлял собой перекрытие без центральных прогонов (см. рис. 1г). Поперечные балки (якаболор) в 3,5—4 м длины укладывали обоими концами на деревянные продольные балки (рав, рави танаи девор), поддерживаемые тремя или четырьмя деревянными столбами-стойками (зерсутум), поставленными в углах и посередине стены. Иногда их углубляли в стену и обмазывали глиной. И этот прием конструкции кровли практиковали в Дарвазе и Каратегине¹², в верховьях Зеравшаха¹³.

Наши полевые наблюдения позволяют сделать предположение, что деревянные столбы-колонны, которые поддерживают деревянную кровлю, кроме своего основного назначения, увеличивают сейсмостойкость жилища, так как при землетрясении в несколько баллов такая кровля не обрушивается. Опорные столбы-колонны характерны для жилищ сейсмических районов. Такое объяснение дают и старики-информаторы.

Плоская кровля жилого дома в зависимости от конструкции потолочного перекрытия называлась различно: если центральные прогоны отсутствовали (см. рис. 1г), то кровлю называли «якаболор», «якандоз»; если имелся один центральный прогон — «боми духона» (см. рис. 1а и в); если потолочное перекрытие имело два центральных прогона (продольный и поперечный), то его называли «боми чорхона» (см. рис. 1б); при большом количестве прогонов (до шести), особенно в общественных зданиях (например, в мечети), потолок называли «боми шашхона».

Балки делают четырехгранными или круглыми, гладко обтесанными. Обрешетку потолка составляли очищенные от коры жерди (васта), расколотые на равные половины и уложенные на балки выпуклой стороной вниз. Получалась красивая ребристая поверхность потолка.

Для предохранения от влаги сверху стилили слой камыша в 12—15 см (киёк, килк, най) или траву (хардума), затем присыпали сухой

землей (до 10 см), утрамбовывали и обмазывали глиной с мякиной, посыпали солью (если солью не посыпать, то весной на кровле прорастет трава, разрыхлится глиняная обмазка). Такое устройство потолочного перекрытия могли позволить себе только зажиточные слои населения, так как дерево стоило дорого.

Бедняки вместо балок связывали вместе несколько узких жердей 5—6 см в диаметре, а вместо васта, хода настилали на жерди ветви хвороста, высохшие стволы растения феруллы (камол).

В связи с тем что в изучаемых кишлаках (кроме Сари Джу, Даран Осиёвак, Шолипия и Утаган) земля была очень водопроницаемая и рыхлая, над плоской кровлей, чтобы предотвратить воздействие на нее осадков, сооружали двускатный камышовый навес (чавтра)¹⁴. Навес образовывал чердачное помещение (болохона), которое было открыто с торцевых сторон. Здесь для коньковой слеги ставили глинобитные опорные колонки шириной 100—120 см у основания и 100 см в верхней части. Иногда их заменяли деревянные столбы с подпорками с обеих сторон. Вдоль продольных стен на чердаке на расстоянии 1,5 м друг от друга ставили глинобитные опорные колонны шириной 80—100 см и высотой от 40 до 120 см. На них укладывали продольные слеги меньшего диаметра, чем коньковая, а затем настилали и укрепляли стропила. Поперек стропил клали на расстоянии 25—30 см друг от друга жерди («васта» или «хода») диаметром 5—6 см каждая. Жерди скрепляли со стропилами жгутом из скрученных ветвей, покрывали хворостом, а сверху настилали тонкий (в 15—20 см) слой камыша (киёк) или травы (хардума). Камыш укрепляли положенными сверху (поперек стропил) в два—три ряда жердями «тарапчи» (5—6 см в диаметре каждая). Эти внешние жерди связывали с жердями внутренней стороны навеса такими же жгутами. Торцевые части (чавтра) и промежутки между опорными колоннами оставались открытыми.

Такой навес аналогичен отмеченному А. К. Писарчик навесу над плоской крышей у таджиков Дарваза и Каратегина¹⁵, но отличается некоторыми особенностями в конструкции. Чавтра служил главным образом для хранения сена, топлива, а в летнее время — для отдыха и сна.

Второй тип кровли — двускатная крыша «харпуштак» без горизонтального потолочного перекрытия. Она была менее распространена, чем плоская. При строительстве двускатной кровли кладку двух противоположных торцевых стен дома продолжали в виде треугольника, укорачивая длину каждого следующего слоя стены. На вершины торцевых стен укладывали коньковую слегу (рав, хари, шапул). На нее на расстоянии 70—80 см друг от друга настилали стропила (дастак), верхний конец которых укреплялся на коньковой слеге, а нижний — в верхней части продольной стены дома способом «чувдаргил». Поперек стропил укладывали жерди очень плотно друг к другу (в отличие от навеса, где между ними было расстояние 25—30 см) и связывали жгутами со стропилами. В остальном устройство двускатной кровли аналогично навесу над плоской кровлей дома.

Бедняки, как сообщали нам старожилы, употребляли вместо жердей хворост, иногда стволы феруллы, которые настилали плотно друг к

другу поперек стропил. Такие крыши требовали ежегодного обновления камыша.

Стены жилищ, как внутренние, так и внешние, оштукатуривали жидкой глиной, смешанной с саманом (гиль). Оштукатуренные стены шлифовали плоским камнем и затем белили.

Внутри стены белили белой глиной (хоки сафед, сафед хок). Также белили и внешние стены дома. Бедняки внутри белили стены редко, а из внешних стен белили только фасадную стену дома, выходящую на террасу.

Если в окрестностях кишлака не было белой глины, то ее заменяли золой от древесного угля. Разбавляя золу водой, получали киселеобразную массу (хокистаров). Белили венником.

Пол во всех домах был глинобитный, обмазанный глиной с саманом. Поверхность его сглаживали плоским камнем. Около входа внутри помещения делали углубление на 15—20 см. Эта часть пола (примерно 120×150 см) перед дверью называлась «погаи дар»¹⁶ и предназначалась для обуви, которую по традиции снимали при входе в дом.

Двери в жилых домах были деревянные и двух видов: входная дверь (дар) и запасная дверь (дари партови, букв. «отбросные двери»). Дверные рамы делали из дерева. Основная дверь имела высоту около 160 см и ширину около 62 см, а запасная — соответственно 115 и 55 см. Боковые стороны назывались «паладари», «бардари», притолока — «болодари», порог — «таъдари». Дверная рама встраивалась в стену. В притолоке и в пороге делали углубление-гнезда (турбак), куда входили шипы (мургак) полотнища двери. Дверь вращалась на шипах. Полотнища двери были двустворчатые (дупахлу) или одностворчатые (якпахлу). Запасная дверь имела только одностворчатое полотнище и всегда была по размеру меньше основной двери. Назначение запасной двери — помочь быстрее выйти из помещения при стихийных бедствиях (землетрясение, сель и т. п.) или во время пожара и т. п.

Световые проемы (дарича) делали на высоте около 180 см от уровня пола, ближе к кровле, обычно в продольных стенах, выходящих во двор. Они имели квадратную (50×50 см) или прямоугольную (40×50 см) форму. Закрывали их деревянными ставнями или (у зажиточных слоев) резными деревянными решетками (дарбача). Ставни вращались на шипах, как и двери.

Высота внутренних стен жилища варьировала от 250 до 280 см, редко до 3 м. Стенные ниши (ток и токча) имелись во всех жилищах, но у зажиточных слоев они обрамлялись деревом, украшались резьбой. Их устраивали в продольной стене, противоположной стене со световыми проемами, обычно с правой стороны от входной двери. Ниши имели ширину от 80 до 100 см, высоту 100—120 см, глубину 30—35 см. Таких ниш в стене было от одной до трех. Устраивали их на расстоянии 40—50 см от поверхности пола во время возведения стены. Расстояние между нишами обычно не превышало 30—40 см. Они были прямоугольными, иногда верхней их части придавали двускатную форму. Кроме этих больших ниш, в продольных и торцевых стенах на расстоянии 120—150 см от пола делали маленькие ниши (обычно 30×40, 40×40 см и глубиной до 30 см). Они всегда были прямоугольными. Иногда во время кладки

стен во внутреннюю ее поверхность замазывали старый глиняный кувшин отверстием наружу, служивший для хранения мелких женских предметов.

Глинобитные стены умели возводить многие мужчины кишлака, а за помощь хозяин три раза хорошо угощал их. Для устройства потолочного перекрытия приглашали мастера. Если мастер был односельчанин, то работу он выполнял во время хашара, сделав за несколько дней до него все необходимые строительные заготовки. Осенью хозяин оплачивал его труд натурой по своим возможностям (без предварительной договоренности), например от 2 до 4 ц пшеницы, один — два куска карбоса на халат или чалму, корову. Если мастера приглашали со стороны (из Куляба, Каратегина, других районов Гиссара), то об оплате труда договаривались заранее и платили сразу после окончания работы.

Традиционные очаги, бытовавшие в жилищах изучаемой нурекской группы кишлаков, можно разделить на два типа: очаг в центре пола жилого помещения (чагдон) и пристенные очаги (дегдун) двух видов.

В отличие от жилищ таджиков Зеравшана¹⁷, у которых традиционный очаг с возводимым над ним вытяжным колпаком мури¹⁸ находился в специальном очажном помещении и служил и для обогрева, и для приготовления пищи; в отличие от жилищ таджиков Каратегина и Дарваза¹⁹, у которых очаг, устраиваемый в крае глинобитных нар внутри помещения или на специальной площадке, был единственным и служил и для выпечки хлеба, и приготовления пищи, и для обогрева, у таджиков нурекской группы кишлаков издавна существовал очаг «чагдон», служивший в основном для обогрева. Устраивали его в центре (или несколько отступя от него) жилого помещения: выкапывали круглую яму (без поддувала) глубиной 50—60 см, с диаметром дна 75—80 см и с отверстием для топки, находящимся на уровне пола, в 45—50 см. Внутреннюю поверхность ямы обмазывали вязкой глиной с саманом (сафед гыл) слоем в 2—3 см, а примерно через неделю обмазывали вторым слоем специально приготовленной глины (хоки кылол)²⁰.

Вокруг ямы в полу делали углубление в форме квадрата. После выпечки лепешек в очаге «дегдон» или приготовления пищи горячие углы из него переносили в «чагдон», поверх него ставили «сандали» (низкий квадратный столик) ножками в углы квадратного углубления. Поверх сандалов покрывали ватными стегаными одеялами, под которые сидевшие вокруг него люди просовывали ноги и руки, чтобы согреться. Холдными ночами семья укладывалась спать вокруг сандалов ногами к яме с углями.

Если сандалов убрали, то отверстие чагдона закрывали кругляком (гугилак) из смеси коровьего помета, мелкого самана и вязкой глины. В центре делали отверстие (до 10 см в диаметре) для захвата крышки рукой.

Для выпечки лепешек и приготовления пищи служил другой тип очага — «дегдун». Этот очаг имел два вида: пристенный открытый спереди и сверху очаг и пристенный открытый только спереди очаг.

В нурекской группе кишлаков наряду с чагдоном издавна существовал дегдун — универсальный открытый очаг, совмещавший функции приготовления пищи, выпечки лепешек и обогрева. Его устраивали обычно

в долоне (сенях) или справа или слева от входа, иногда в кухне (дегдунхона), во дворе под навесом (пешпушак).

При устройстве очага сначала возводили специальную глинобитную площадку (кындаи дегдун), в ней выкапывали яму в форме усеченного конуса, суживающегося кверху и открытого с передней стороны и сверху. Через отверстие в передней стенке закладывали топливо, лепешки при выпечке. На верхнее отверстие ставили котел. Размеры дегдуна: высота от 55 до 65 см, диаметр основания от 48 до 60 см; у очага меньших размеров (дегдунча): высота от 18 до 30 см, диаметр основания 25—30 см. Дегдунча служил для варки пищи и кипячения чая. Этот вид очагов аналогичен очагам «дегдон» таджиков Каратегина и Дарваза²¹, Куляба²².

Открытый спереди очаг только для выпечки лепешек аналогичен описанному А. К. Писарчик очагу из кишлака Джавони Оби Гармского района²³. В глинобитной площадке высотой 80 см и шириной 100 см сбоку выкапывают нишу глубиной до 50 см с отверстием в форме полуовала с шириной основания 50—55 см и высотой 55—58 см. Внутри очаг обмазывают, как и предыдущие описанные нами очаги, вязкой глиной.

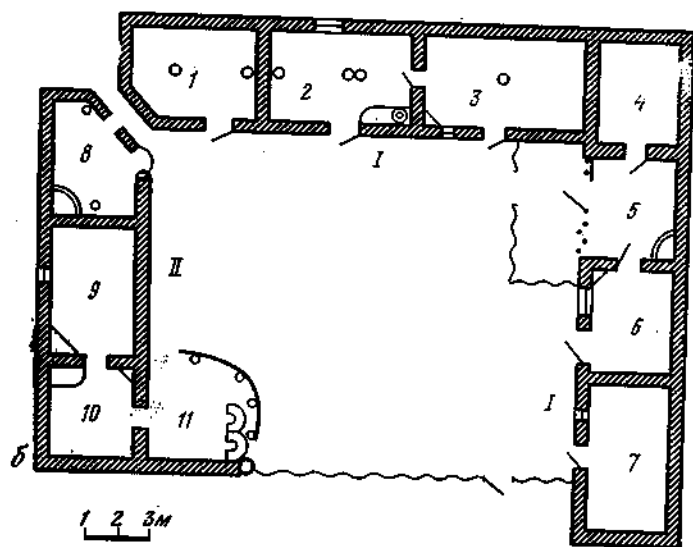
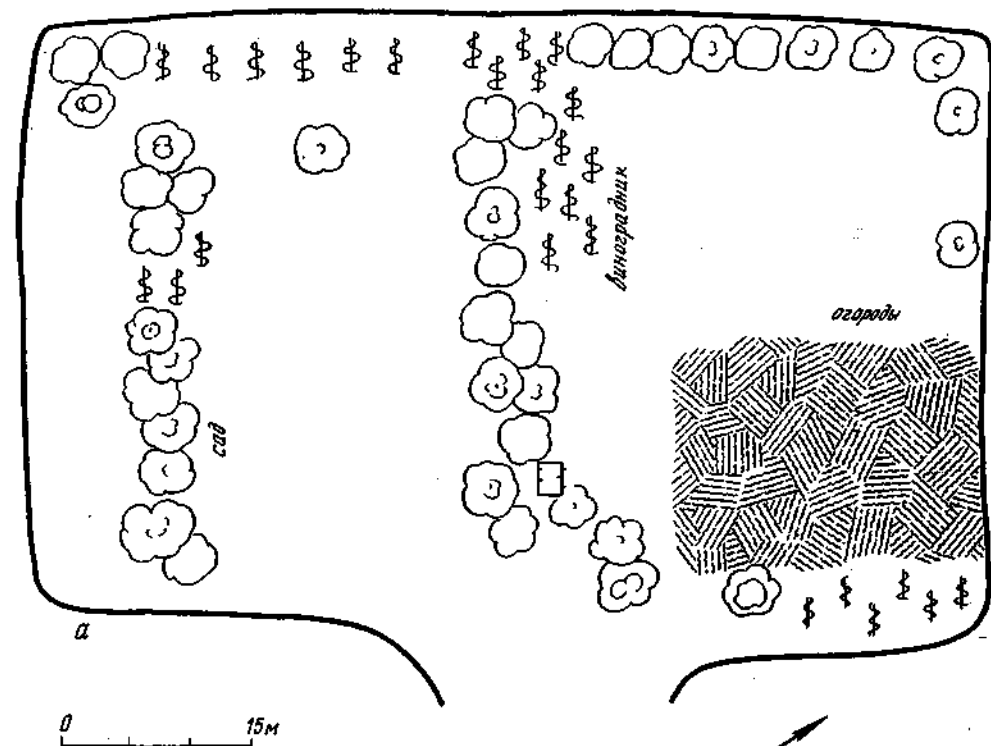
Очаги этого вида у таджиков нурекской группы кишлаков, как и очаги таджиков Каратегина, с передней стороны над отверстием украшали налепным орнаментом в виде рогов барана (кушкорак)²⁴. Топили по-черному. Устройство очагов было женским делом.

Для отвода дыма в потолочном перекрытии над очагами делали специальное прямоугольное отверстие (мурзин, мурия) размером обычно 30×35 см. В холодную погоду или когда выпадали осадки это отверстие закрывали.

Приведем описание старинного жилого дома, построенного в конце XIX в. в кишлаке Дарай Осиебак на правом берегу Вахша²⁵. Дом принадлежал Худоёрову Пирназару (см. рис. 2). Это тип жилого дома с плоской кровлей.

На усадьбе жилой трехкамерный дом располагается перед приусадебным участком, выходя на него задней стороной, а фасадом — во внутренний двор (хавли), образуемый фасадными сторонами других построек: бывшей зимней конюшней (4), бывшей летней конюшней (5), которые используются в настоящее время для хозяйственных надобностей (хранения дров и т. п.), мехманханой (6). Ее в настоящее время превратили в амбар (анджомхона) и соединили с помещением 5. На усадьбе располагаются: хлев (огили гов) (7) и слева от него — хлев (огил) для овец и коз (8), в котором в двух больших плетеных обмазанных глиной корзинах хранился ячмень для корма; жилой двухкамерный дом, построенный позднее, в начале XX в. (9 — жилое помещение, 10 — сени, 11 — терраса с очагами). От помещения 7 до 11 сделан забор из хвороста, в котором есть калитка.

Фасад трехкамерного дома со входом ориентирован на юго-восток, а двухкамерного — на восток (см. рис. 2в). Помещение 1 в трехкамерном доме — в прошлом кухня (дегдунхона), позже туда поставили ткацкий стан и назвали ее рабочей комнатой (корхона). Она в прошлом была соединена дверью с помещением 2. Так как в настоящее время ткачеством не занимаются, то дверь в боковой стене заделали, и это помещение

а — план приусадебного участка, б — план усадьбы; I — жилой дом, построенный в конце XIX в.; 1 — кухня, 2 — прихожая, 3 — жилая комната, 4 — зимняя конюшня, 5 — летняя конюшня, 6 — комната для гостей, 7 — хозяйственное помещение; II — жилой дом, построенный в начале XX в.; 8 — хозяйственное помещение, 9 — жилая комната, 10 — прихожая, 11 — терраса с очагами

Рис. 2. План усадьбы и жилых домов, построенных в кишлаке Дараи Осиевк в конце XIX — начале XX в.

превратили в гостиную (мехманхана). Помещение 2 — это сени (*долон* или *хонаи чордара*). Здесь раньше была ручная мельница, теперь стоит каменная ступка для чистки риса. Имелось два очага: один для выпечки хлеба, второй — для варки пищи. Из долона четыре двери²⁶ вели: одна — во двор, вторая, запасная выходила на усадьбу, третья соединяла это помещение с помещением 1, четвертая — с помещением 3. Помещение 3 — жилая комната (хона). Из этой комнаты запасная двустворчатая дверь вела во двор, а основная одностворчатая соединяла ее с долоном. В хона направо от входной одностворчатой двери расположен ларь для хранения муки, орнаментированный изображением рогов барана. В этой комнате в полу был очаг чакдон (несколько смещенный от центра) с сандали, над которым в потолочном перекрытии сделано дымовыводное отверстие (мурзин).

Второй жилой дом — в кишлаке Туткавул, расположенном на левом берегу Вахша. Дом трехкамерный с двускатной кровлей, построен в конце XIX в. (см. рис. 3). Здесь жила неразделенная семья двух женатых братьев Муллоараджаба (глава семьи) и Муллосаида Мирзомахмудовых. Последний хозяин — Наджайт Саидов.

К настоящему времени старый жилой дом разрушен, живут в бывшем летнем помещении для гостей, которое переделано в зимнее закрытое. На рис. 3в показан старый план мехманханы. Фасад дома со входом ориентирован на юго-запад. К зимнему помещению 1, отапливаемому по-черному чакдоном, примыкали открытые в сторону двора сени, внешней стеной которых служили ворота с резным орнаментом. Во время гражданской войны они были сняты и увезены в Кангурт (ныне Дангаринский район) для мазара. Вместо них сложили стену. Фасадная стена имела две запасные двери. Они переделаны позже в окна. К сеням была пристроена открытая с фасадной стороны терраса, служившая для приема гостей в теплое время года.

В зимнем помещении пол был земляной, обмазанный глиной. У порога — углубление (на 20 см) площадью в 1 кв. м для обуви. Пол в доме приподнят на 80 см над уровнем земли. Имелись две глиняные ступеньки перед долоном.

В летнем помещении (3) на плане участка пол был поднят от уровня пола в долоне на 80 см. В стене слева от входа — четыре ниши. На открытой стороне террасы две большие колонны поддерживали кровлю. Слева перед приусадебным участком располагалась «дегдунхона» (4 на плане участка), из которой вела дверь в кладовку (5). К ней был пристроен хлев для коровы (6).

Таким образом, рассмотренные усадьбы дают представление о размещении жилых помещений по отношению к различным хозяйственным постройкам.

Советский этнограф С. А. Токарев подчеркнул, что «жилище, как и любой другой предмет материальной культуры, не существует для этнографа вне своего социального бытования»²⁷. Изучение жилища таджиков нурекской группы кишлаков позволяет проследить определенные аспекты этой темы. Так, социальное положение семьи, как мы отметили выше, определяет размеры жилища, внутреннюю планировку (трехкамерный или однокамерный дом), число жилых домов на усадьбе и

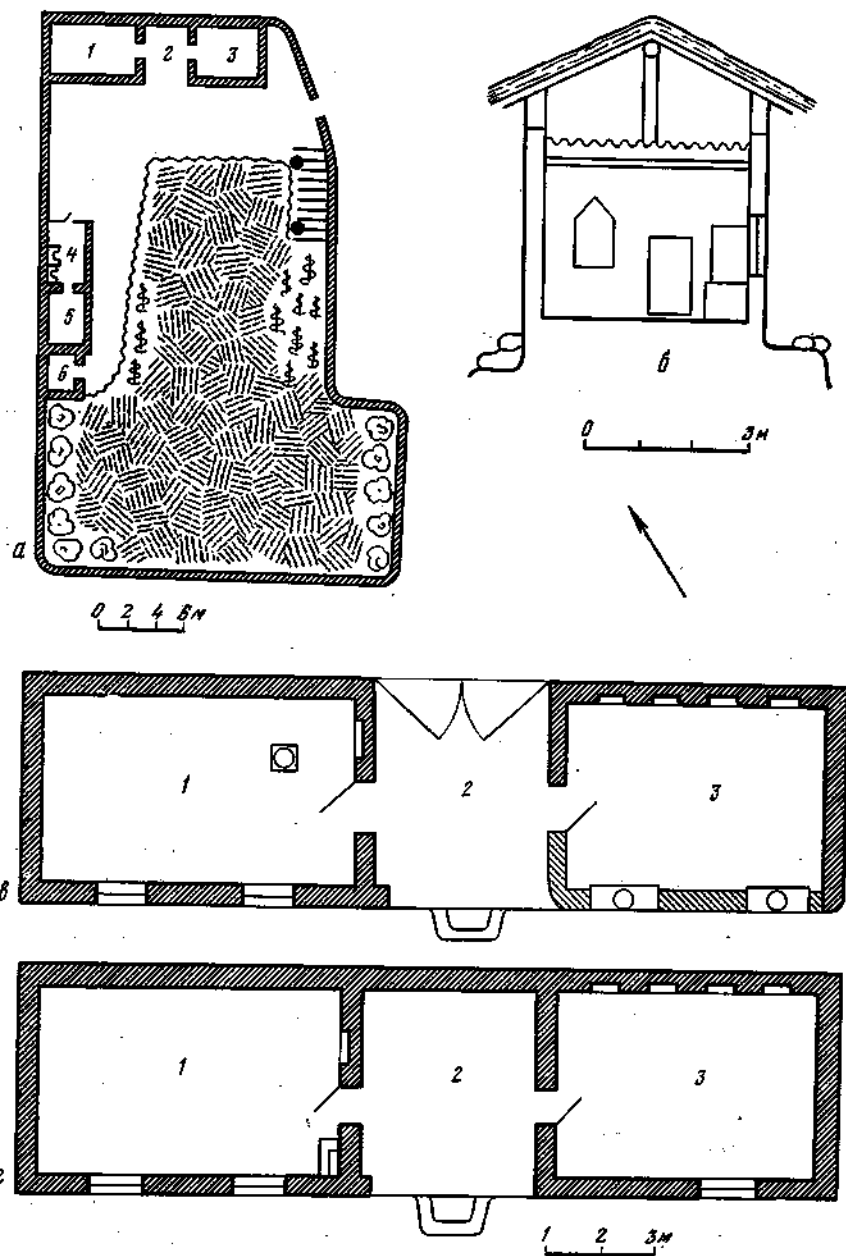

Рис. 3. План усадьбы и жилых домов, построенных в кишлаке Туткавул

а — план участка, б — поперечный разрез дома, в — план старого дома; 1 — жилая комната, 2 — прихожая, 3 — комната для гостей; г — план этого дома после перестройки

выбор и качество строительных материалов. Например, для кровли жилища при дороговизне леса бедняки вынуждены были бревенчатые балки заменять хворостом. Социальные различия отражались и в интерьере жилища. В зажиточных семьях полы устилали коврами, дорогами кошмами, чего не могли позволить себе менее состоятельные семьи. Обычно на полы стелили «гилимы» — полосатые паласы из козьей шерсти или хлопчатобумажной пряжи. В зимнее время под них настилали солому или траву «хардума». В богатых семьях в холодное время года полы покрывали двойным слоем кошм. Вдоль стен в зажиточных семьях расстилали маленькие стеганные ватные одеяльца (курпача), на которых отдыхали и сидели во время приема пищи. Число их зависело от достатка хозяина дома.

В большой стеной нише (тоқ) укладывали друг на друга горку ватных одеял и подушек, накрываемых покрывалом. Если такая ниша отсутствовала, подобная горка из одеял и подушек размещалась на крышке деревянного сундука, часто украшенного орнаментом на лицевой стороне.

Сундук с уложенными на него одеялами всегда ставили у торцевой стены, противоположной двери или против стены с оконными проемами. Бедняки горку одеял укладывали прямо на полу у стены.

В стеной нишах меньшего размера (токча) ставили посуду, светильники и другие мелкие хозяйственные предметы. В богатых семьях здесь расставляли дорогую посуду, книги и другие ценные вещи.

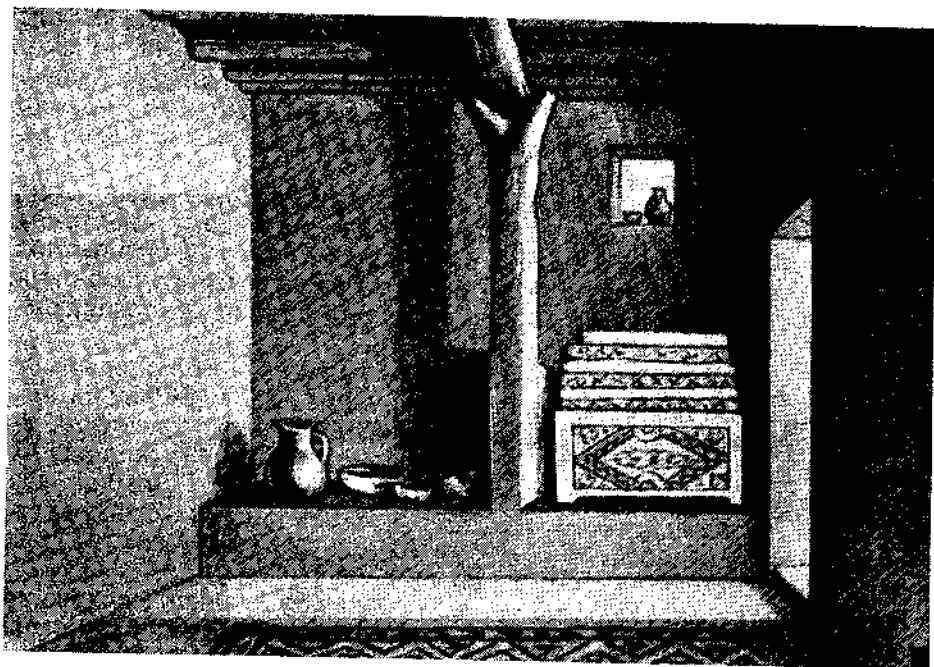
Одежду хранили в деревянных сундуках, а также развешивали на вбитых в стены деревянных колышках.

Часто в жилой комнате ставили ларь с мукой, в стеной нишах хранили чай и другие продукты. В богатых семьях для ларя с мукой и других продуктов имелись специальные кладовые.

Наличие одного или нескольких жилых домов на усадьбе говорит о структуре и состоятельности семьи. Как уже было отмечено выше, неразделенные семьи обычно имели на усадьбе отдельные жилые помещения для брачных пар.

С. А. Токарев подчеркивает, что «даже общее жилье, объединяющее какую-то группу людей (семью), в то же время как-то их разъединяет. Уже говорилось о следах разделения жилища на женскую и мужскую половину еще в эпоху верхнего палеолита... Эта полоразделительная традиция исторически затем нарастает...»²⁸

У таджиков нурекской группы кишлаков, как и у таджиков Каратегина и Дарваза²⁹, приамирских народностей³⁰, как правило, не было разделения двора на мужскую и женскую половины, за исключением нескольких богатых семей из духовенства, торговцев и чиновников; это было характерно для равнинных частей Средней Азии, в частности Северного Таджикистана³¹. Однако полоразделительная традиция проявлялась в том, что в семье даже при отсутствии посторонних за едой мужчины рассаживались «по рангам»: на самое почетное место у торцевой стены напротив двери садился глава семьи, а ближе к нему у продольных стен занимали места его братья, затем соответственно возрасту — их сыновья, а самые младшие занимали места ближе к двери, чтобы обслуживать старших: принести чай и т. п.

Рис. 4. Интерьер комнаты для гостей. Кишлак Навобод

Женщины и дети (мальчики лет до 12) ели отдельно или в кухне, или (если не было посторонних) в этой же комнате за отдельным дастарханом.

Особенно ярко полоразделительная традиция проявлялась в выделении специального помещения для приема гостей (см. рис. 4), что одновременно отражало и древнюю восточную традицию выделения парадной части дома. Комната для гостей являлась самым лучшим помещением усадьбы, всегда была особенно чисто убрана, туда не пускали детей. В этой комнате принимали только мужчин. Женщин, пришедших в гости, хозяйка принимала в жилой комнате; на это время мужчины — члены семьи уходили в мехманхану, а летом располагались на глинобитной суфе во дворе или в саду. Если мужчины принимали гостя в мехманхане, женщины в нее не входили. Однако если в холодное время года совершался семейный обряд, в котором мужчинам нельзя было принимать участие (например, шитье платьев невесте — «парчабурон» или первое укладывание ребенка в колыбель — «говара бондон»), то хозяйка дома принимала пришедших в гости женщин в мехманхане.

* * *

На основании изучения жилища таджиков среднего течения р. Вахш можно определить место, которое оно занимает в существующей классификации таджикского жилища, в основу которой положен принцип конструкции. По заключению этнографа-таджиковеда Н. А. Кислякова,

«с культурно-исторической точки зрения перед нами два вида жилища; границей их распространения служит Гиссарский хребет. Один из них характеризуется развитием мури-камина, или надочажного колпака с дымоходом, другой — топкой по-черному и наличием рузана — дымохода в крыше, развивающегося в высокогорных районах в массивное колодеобразное сооружение»³².

Жилище таджиков нурекской группы кишлаков по среднему течению р. Вахш, характеризующееся наличием топки по-черному непременно дымоходом в кровле дома, вместе с жилищем таджиков Каратегина и Дарваза, а также с жилищем припамирских народностей, на наш взгляд, следует отнести ко второму виду таджикского жилища, бытовавшему к югу от Гиссарского хребта.

В классификации горного таджикского традиционного народного жилища, основанной на особенностях конструкции, В. Л. Воронина выделяет «две группы: северную — с каминами и плоской кровлей и южную — курное жильё с бревенчатым куполом»³³. Изучение жилища таджиков нурекской группы кишлаков, а также Куляба, Гиссара³⁴ показало, что, по нашему мнению, следует выделить дополнительно третью группу — гиссаро-кулябскую, характеризующуюся сочетанием топки по-черному с плоской или реже двускатной кровлей.

В классификации традиционного таджикского жилища, основанной на особенностях планировки, как мы уже отмечали выше, в нурекской группе кишлаков преобладали в XIX — начале XX в. двух- и трехкамерные дома.

¹ Настоящая статья написана на материалах, собранных автором в 1964 и 1966 гг. в экспедициях в районе Нурека (в зоне затопления Нурекским водохранилищем), организованных сектором этнографии Института истории АН ТаджССР.

² *Кисляков Н. А.* Таджики. — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962, с. 592. Следует отметить, что то помещение, которое Н. А. Кисляков назвал «долон», это скорее сени, так как долон закрыт с трех сторон, а открытая сторона (узкая по сравнению с продольными боковыми) служит входом.

³ При строительстве домов в тех кишлаках, где было самотечное водоснабжение, стены возводили в конце мая — июне, когда прекращались дожди.

⁴ *Писарчик А. К.* Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX — начале XX в. — Среднеазиатский этнограф. сб. М., 1954, с. 226 (Труды ИЭ, т. 21).

⁵ У «чокала» весной листья достигают 40—60 см длины, 20—25 см ширины.

⁶ Для общественных зданий, например мечети, стены строили высотой 3,5—4 м и выше; высота стены хозяйственного помещения — 4 слоя пахсы. Стены хозяйственных помещений во дворе иногда складывали из комьев глины (пахсы) разрушенных стен старого жилого дома. Техника укладки стены была аналогична каменной кладке. Для строительства дувала, окружавшего усадьбу, землю пропахивали пахотным орудием (сипор), потом пускали воду и после пропитывания водой гоняли по земле скот (волов или лошадей). Затем глину месили ногами.

⁷ *Давыдов А. С.* Жилище. — В кн.: Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973, с. 17.

⁸ *Писарчик А. К.* Жилище. — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 2. Душанбе, 1970, с. 28—29.

⁹ Описание двускатной камышевой кровли без горизонтального потолочного перекрытия и двускатного камышевого навеса дано в работе В. Л. Ворониной «Заметки о народной архитектуре юга Таджикистана» (СЭ, 1957, № 1, с. 139, рис. 1 и 2; с. 140, рис. 7; с. 143); см. также: *Кисляков Н. А.* Таджики, с. 592, 595.

¹⁰ *Писарчик А. К.* Жилище, с. 32, рис. 4, 2.

¹¹ *Давыдов А. С.* Жилище, с. 22, рис. 5, 1.

- ¹² Писарчик А. К. Жилище, с. 32, рис. 4, 1.
- ¹³ Давыдов А. С. Жилище, с. 22, рис. 5, 4.
- ¹⁴ Термин «чавтра» — местный, лит. тадж. — «чубтора», М. С. Андреев отметил бытование двускатных камышовых крыш (чубтора) в Бальджуане (Куляб) и Варзобе (Гиссар). См.: Андреев М. С. Краткий отчет по экспедиции в Таджикистан в 1925 г. — В кн.: По Таджикистану. Вып. 1. Ташкент 1927, с. 20—21, рис. 13; с. 22—23, рис. 14 и 15; А. К. Писарчик и Б. Х. Кармышева во время экспедиции по Кулябской области отметили наличие двускатного навеса (названного ими «крышей-зонтом») и двускатной камышовой крыши, «которая является одновременно и потолком жилья» (Писарчик А. К., Кармышева Б. Х. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области. — Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1953, вып. 3, с. 93—94). К сожалению, оба исследователя назвали эти два типа кровли (как мы показали, резко отличающиеся друг от друга по конструкции) одним термином — жилище типа «чубтора», ранее А. К. Писарчик называла двускатные камышковые перекрытия «чуптора» (Писарчик А. К. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г. — Изв. Тадж. ФАН СССР, Сталинабад, 1949, № 15, с. 89).
- ¹⁵ Писарчик А. К. Жилище, с. 35—37, рис. 7.
- ¹⁶ В Дарвазе и Каратегине такое углубление иногда делали вдоль всей торцевой стены при входе; к сожалению, размеры его не указаны. См. там же, с. 61.
- ¹⁷ Давыдов А. С. Жилище, с. 31—37.
- ¹⁸ В. Л. Воронина и Н. А. Кисляков прослеживают прямую связь мури-камня нижних районов долины Зеравшана с мури — вытяжным колпаком высокогорных районов (см.: Воронина В. Л. Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана. — СЭ, 1953, № 3, с. 182—184; Кисляков Н. А. Таджики, с. 593).
- ¹⁹ Писарчик А. К. Жилище, с. 39—40.
- ²⁰ Эту глину привозили с гор. Ее употребляли для изготовления гончарной посуды и для второго слоя обмазки чагодна. Готовили ее очень долго, почти неделю; добываясь большей вязкости, добавляли немного козьей шерсти. Чтобы сделать внутреннюю поверхность дегдона более огнеупорной, в глиняное тесто примешивали мелкие камешки.
- ²¹ Писарчик А. К. Жилище, с. 39, рис. 10; с. 41, рис. 11; с. 43, рис. 16.
- ²² По личным наблюдениям автора.
- ²³ Писарчик А. К. Жилище, с. 44, рис. 17; с. 45, рис. 18, крайний справа.
- ²⁴ Баран у многих народов Средней Азии считался «чистым» священным животным, способным уберечь человека от действия различных вредоносных сил. Украшение лицевой стороны очага таким орнаментом можно рассматривать, на наш взгляд, как магический прием «защиты» домашнего очага (культ которого в изучаемое нами время ярко прослеживается в ряде народных обрядов и обычаев) от действия враждебных сил.
- ²⁵ В настоящее время кишлак Даран Осиевак затоплен Нурекским водохранилищем.
- ²⁶ Помещение, в котором было четыре двери, называлось «хонаи чордара».
- ²⁷ Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры. — СЭ, 1970, № 4, с. 14—15.
- ²⁸ Там же, с. 16.
- ²⁹ Писарчик А. К. Жилище, с. 52.
- ³⁰ Воронина В. Л. Жилище Ванча и Язгулема. — В кн.: Архитектура республик Средней Азии. М., 1951, с. 251—281; Андреев М. С. Таджики долины Хуф, вып. 2, с. 420—486; Моногарова Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. — Среднеазиатский этнограф. сб. М., 1954, с. 37—48; Она же. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972, с. 86—94.
- ³¹ Пещерева Е. М. Жилище. — В кн.: Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русайкина С. П. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.; Л., 1954, с. 112.
- ³² Кисляков Н. А. Таджики, с. 597.
- ³³ Воронина В. Л. Жилище Ванча и Язгулема, с. 253.
- ³⁴ Личные наблюдения автора. Также см.: Андреев М. С. Краткий отчет..., рис. 13—15; Воронина В. Л. Заметки о народной архитектуре..., рис. 1, 2 и 7.

М. А. Хамиджанова

ЖИЛИЩЕ ТАДЖИКОВ ЯГНОБА

Ягноб — небольшая замкнутая высокогорная долина, расположенная в верхней части самого большого из притоков Зеравшана — Ягнобдарьи. Мощные горные хребты — Зеравшанский и Гиссарский, образующие глубокую долину р. Ягноб, очень высоки и труднопроходимы. Здесь насчитывается 32 селения, расположенных на высоте около 3000 м над уровнем моря. Дорога в долину через горы открыта только пять — шесть месяцев летом. Снега зимой выпадает так много, что большинство селений отрезаны друг от друга. В случае острой нужды зимой ходят по замерзшей реке, но это скользкая и опасная дорога.

С географической точки зрения долина делится на три части: верхнюю, среднюю и нижнюю. Наиболее труднодоступной является средняя часть — между селениями Кули Восровут и Каньсе. Именно здесь сохранился почти до наших дней новосогдийский диалект древнего согдийского языка — ягноби¹.

Природные условия Ягноба, как и других высокогорных районов Таджикистана, были крайне неблагоприятны для земледелия, а суровые зимы с обязательным стойловым содержанием скота в течение 5—6 месяцев ограничивали развитие скотоводства. Поэтому часть населения за годы Советской власти, особенно в послевоенный период, начиная с 1950-х годов, переселилась с гор на равнину, на целинные земли. Это стало возможным благодаря проведению крупных ирригационных работ, осуществляемых государством в Вахшской долине, в Голодной степи и в других районах Таджикистана, и всесторонней помощи, которую оказывало и оказывает государство горцам-переселенцам.

На новых местах, в долине, ягнобцы поселялись в современных поселках, застроенных домами, приспособленными к другим климатическим условиям. Поэтому такой большой интерес для исследователей представляет изучение современной и традиционной материальной культуры, сложившейся в течение ряда веков в обособленных условиях труднодоступных горных долин, которая после окончательного переселения горцев в новые поселки может исчезнуть совсем или подвергнуться сильной трансформации.

В данной статье автор останавливается только на одном аспекте этой темы — характеристике современных домов ягнобцев, еще продолжающих жить в селениях высокогорных долин. Описание традиционного типа жилища ягнобцев имеется у ряда авторов, писавших как в дореволюционное², так и в советское время³. Все авторы единодушно отмечали примитивный характер жилища и подчеркивали его крайнюю архаичность.

За годы Советской власти в жилище большинства горных районов

Таджикистана, в том числе и долины верхнего Зеравшана, произошли большие изменения⁴. Даже в жилище ягнобцев отмечают определенные нововведения: в домах стали делать окна, красить двери и окна масляной краской, белить комнаты для приема гостей и т. д. В целом же типы домов и приемы строительства остались в Ягнобе традиционными, продолжающими сохранять большое число архаичных черт.

Жилища Ягноба в зависимости от величины и их внутренней планировки можно разделить на два типа⁵. К первому типу относятся дома, расположенные в селениях верхней и средней части долины, а ко второму — дома нижних селений.

Жилища верхней и средней части долины были небольшими (рис. 1), не очень высокими, в некоторых селениях их строили даже в виде полуземлянок. Двери делали узкими (90 см в ширину) и низкими (1 м в высоту), окон не было, и единственным источником попадания дневного света были небольшие отверстия в потолке или в стене под потолком (руча). Дома состояли из 3—4 небольших помещений, которые соединялись узким коридором (куча). Чистую комнату называли «канна», кухню — «мур», хозяйственное помещение — «пистик». После того как перестали существовать сельские общественные мехманхана (тадж. *мехмонхона*), во многих домах стали выделять или перестраивать одну из комнат для приема гостей (худжра). Возможно, такой тип постройки был обусловлен суровыми климатическими условиями верхней долины Ягноба.

Наибольший интерес для нас представляют дома второго типа, на характеристике которых мы остановимся более подробно. Прежде всего они выделялись своей величиной. Внутренняя планировка была довольно сложной и следовала традициям старых дореволюционных жилищ, о чем свидетельствуют дома, зафиксированные в селениях Хишертоб и Маргиб, постройка которых относится ко второй половине XIX в. Дома были высокие, до 3 м. Как правило, они состояли из одной большой комнаты и кладовой, дверь в которую шла из комнаты. В единственном жилом помещении, площадь которого нередко доходила до 80—90 м², спали, ели, готовили пищу, принимали гостей, занимались домашней работой и ремеслами.

Устройство большой комнаты было стандартным: она делилась на две части. Пол у торцевых стен возвышался на 50—60 см. Верхняя часть называлась *дахлез* *дарун*//*насти боло*//*руи боло*. Здесь находилось все имущество — паласы, одеяла, одежда и пр. В нижней части — *насти поён*//*поени дахлез*//*руи поён*, кроме очага и утвари, располагалось все

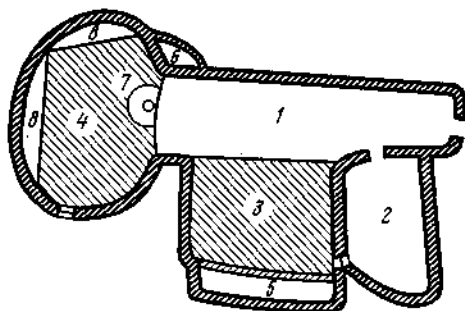

Рис. 1. План жилого дома первого типа. Ягноб

1 — коридор, 2 — комната для гостей, 3 — жилая комната (канна), 4 — кухня (мури), 5 — зернохранилище (чора), 6 — кормушка для лошадей, 7 — очаг (инжир), 8 — кладовая (хамба/кули)

хозяйственное имущество и топливо, здесь же находились новорожденные козлята, ягнята и т. д. Иногда верхнюю и нижнюю части разделял ларь, специально построенный для муки⁶, а зернохранилище находилось в нижней части дома у порога или рядом с очагом. Это были глубокие ямы (до 2—3 м) диаметром 80—120 см, грушевидной формы, кверху они сужались, а книзу расширялись. Они назывались *галлавидашох* // *чора* // *чогора* // *тахак*⁷. Стены ямы обмазывали глиной, а пол застилали сухим сеном.

Весной остатки зерна вынимали, яму очищали и оставляли некоторое время открытой для проветривания, затем плотно закрывали специальной каменной плитой (това). Если яма была у порога дома, то плиту обмазывали глиной, чтобы не отличалась от пола, если же она находилась рядом с очагом, то сверху клали топливо, служившее своего рода маскировкой⁸.

В нижней части помещения раньше находились и ткацкие станки, на которых зимой мужчины ткали шерстяные и хлопчатобумажные ткани

Несомненно, в таких помещениях проживала большая патриархальная семья, бытовавшая в селениях нижнего Ягноба вплоть до переселения. Еще в 1934 г. о наличии больших семей писал А. Н. Кондауров: «Мы не можем говорить о том, что к моменту революции большая патриархальная семья оставалась в развитом состоянии; однако есть все основания предполагать, что процесс становления индивидуальной семьи еще далеко не был закончен»⁹.

В 1970 г. в селениях Хишертоб и Маргиб нами были зафиксированы большие неразделившиеся семьи, куда входили не только родители и женатые сыновья, но и близкие родственники со своими семьями. Такие семьи жили совместно в одном доме, у них было общее хозяйство, но для каждой супружеской пары строили отдельные небольшие комнаты.

Для примера возьмем дом братьев Сафаровых из сел. Хишертоб, семья которых в 1970 г. состояла из 7 супружеских пар (34 человека). Во время нашего обследования семья Сафаровых занимала большой участок земли, на котором стояли жилой дом и разнообразные хозяйственные постройки (рис. 2). Дом состоял из 10 комнат и нескольких подсобных помещений: кухни и связанных с ней трех кладовых. Одна кладовая (ордхона) служила для хранения таких продуктов, как жиры, масло и т. д.; другая (казнок) была приспособлена для хранения чая, сушеного сыра, риса, соли, сахара, мыла; третья (амбар) служила складом различных вещей: материн, одежды, обуви, керосина, хозяйственной новой посуды и т. д.

Дом Сафаровых строился постепенно. Первоначально (в 1950 г.) он состоял из большой комнаты, кладовой и кухни, все постройки для скота были общие с хозяйством дяди. Потом постепенно для каждой молодой пары начали пристраивать отдельные небольшие комнаты, построили еще одну кладовую и отдельную мехманхану, которую затем заняла жена главы дома, где вместе с ней ночевали девочки-подростки. В этой комнате также принимали гостей-женщин.

По-прежнему большая комната являлась местом сбора всех членов семьи: женщин, детей и мужчин. Только ночью уходили к себе ночевать. Здесь готовили, стирали, кроили, шили одежду; зимой девушки-под-

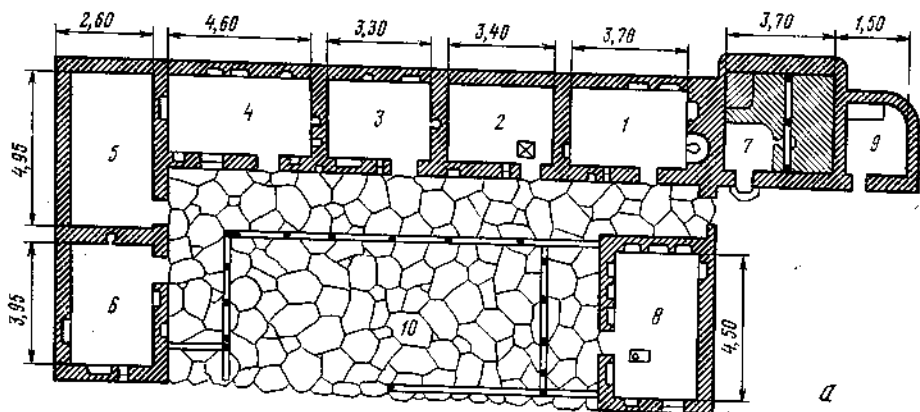
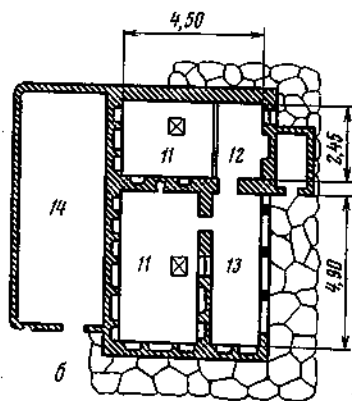

Рис. 2. План дома семьи Сафаровых в кишлаке Хишертоб. Ягноб, 1971 г.

а: 1—6 — жилые комнаты отдельных супружеских пар, 7 — общая большая комната для сбора всех членов семьи, 8 — комната для приема гостей (мехманхана), 9 — кладовая, 10 — открытый айван; б — постройка для приема гостей-мужчин: 11 — комнаты, 12 — прихожая, 13 — закрытый айван, 14 — загон для скота

ростки часто оставались здесь ночевать, а мальчики ночевали в мехманхане. В зимний период днем топили только большую комнату, перед сном жар из общего очага несли для сандалов в другие комнаты.

Вплоть до 60-х годов мужчины вечерами ели в мехманхане, где собирались члены семьи Сафара, его брата Камбара, а также дети и внуки дяди (брата отца).

Когда в семье были гости, из всех соседних домов приносили обязательно угощение. Такой общественный характер приема гостей сохранялся вплоть до переселения жителей из Ягноба.

Все работы в семье Сафаровых были четко разделены. Мужчины работали в колхозе и занимались обеспечением семьи всеми необходимыми вещами и продуктами. Женщины ранней весной заготавливали топливо и совместно с мужчинами летом косили сено.

Среди женщин главной была мать, ключи от амбара находились у нее; она выдавала продукты для каждодневного расхода; хлеб и еду готовила жена старшего брата. После выпечки хлеба она делила его между семьями: каждому члену семьи, кроме мужчин, — по одной лепешке, а самые румяные и красивые лепешки выбирала для мехманханы.

Каждая отдельная семья шила себе одежду сама, но кроила ее обычно самая старшая женщина.

За мелким скотом ухаживала одна из снох, за крупным — другая, все молоко сдавали невестке, которая заготавливала молочные продукты. Молоко почти все заквашивали, немного пресного оставляли только малышам. Женщина, которая ухаживала за скотом, летом отправлялась с ним на летовку. Этим делом занималась женщина, которая не имела своих детей.

В год в семье Сафаровых расходовали 5 тонн муки, 300 кг масла, 300—400 кг риса, 500 кг сахара, 100—150 кг кишмиша и сухих фруктов, 200 кг различных конфет, 250 кг соли, около 150 кг чая, 5 ящиков мыла, 1 ящик спичек, около 500 литров керосина и т. д. На одежду шло 450—500 м различной материи, верхнюю одежду мужчинам и мальчикам покупали готовую. Все взрослые члены семьи имели по две пары обуви: одна — для ношения дома, другая — для полевых работ. Одежду старались всем купить одинаковую, чтобы между снохами не было разногласий. Все товары — паласы, одеяла, покрывала и т. д. — первоначально попадали к матери, она раздавала их снохам. Иногда хорошие вещи оставляли для будущего жениха или невесты (шелковые халаты, платки, отрезы материи и т. д.). Ни один из мужчин не имел права покупать своей жене или ребенку даже носовой платок, кроме небольших подарков матери.

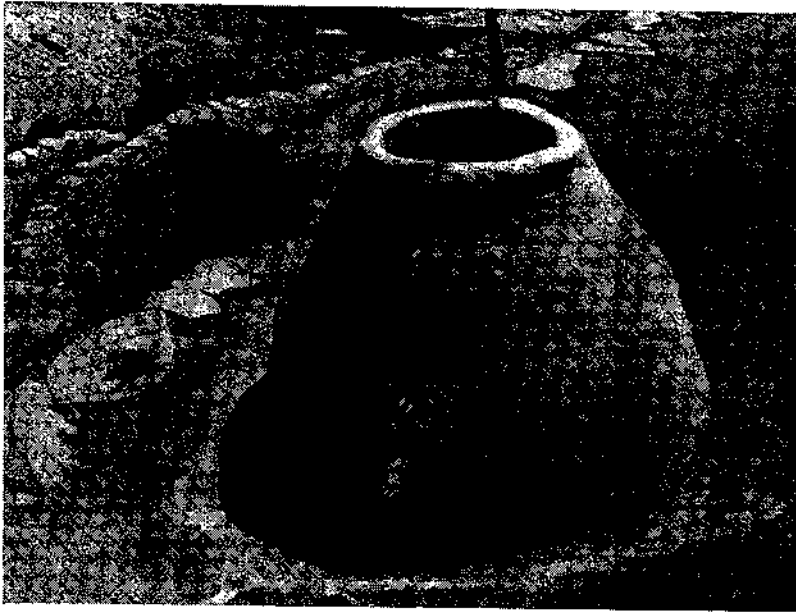
Для обогрева помещений в Ягнобе существовало несколько видов очагов. Наиболее древним и архаичным был инкир, служивший для приготовления пищи, выпечки хлеба и обогрева помещения. Он был больше распространен в верхних селениях. Его устанавливали в яме против прохода в очажное отделение (мур). Он имел форму усеченного конуса (рис. 3), у основания было небольшое полукруглое отверстие — *инкирата* или *инкирдивара* (дверь инкира).

Топливо клали сверху, а потом добавляли через поддувало. Печь в инкире лепешки было сложно: женщине нужно было глубоко нагнуться внутрь очага и быстро прилепить к стенкам лепешки, чтобы не обжечься.

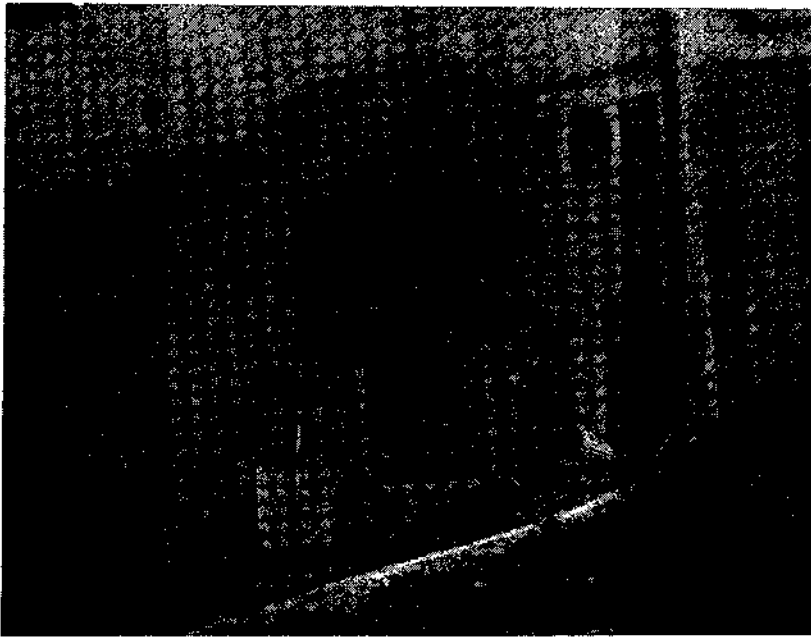
После того как приготовили пищу, поддувало закрывали тряпкой, а сам очаг — каменной плитой (сарайсанг), круглой подушкой для выпечки лепешек (пушкунча) и затем старыми одеялами. Таким образом жар держался в очаге долго.

Другой вид очага, который называли *оштон*//*оштони касаба*, был характерен для нижних селений Ягноба. Оштон представлял собой усеченный конус, нижний диаметр которого составлял примерно три четверти высоты, и в отличие от инкира во всю высоту имел вырез для подкладывания топлива (рис. 4). По сообщению старых жителей нижней части Ягноба, у них оштон появился только в 40-х годах XX в. Рядом с оштоном часто устраивали маленький очажок для приготовления пищи или кипячения чая.

В мехманхана, которые начали строить в Ягнобе с 30-х годов, ставили печки-камины (оштон и касаба//касаба инкир), но они не получили широкого распространения вплоть до переселения на равнину. Касаба устраивали в одной из боковых стен, чаще всего у входа. Ягнобский ка-

*Рис. 3. Печь-инкир, приготовленная для установки в кухне (мури).
Кишлак Думзой, 1966 г.*

Рис. 4. Печь-оштон в кухне жилого дома. Кишлак Думзой. Ягноб, 1966 г.

мин представлял собой очаг-нишу в стене с дымоходом внутри стены, выходящим на крышу, где он оканчивался сложенной из плоских камней трубой, у которой верх был закрыт наглухо, а в боковых стенках делались отверстия для выхода дыма.

Кроме названных очагов, в Ягнобе для согревания в зимний период устраивали сандали: в середине пола комнаты делали углубление, засыпали в яму горячие угли, сверху ставили столик на низких ножках и закрывали столик одеялом. По всей вероятности, сандали появились в Ягнобе позднее, чем в Матче¹⁰.

В первые годы Советской власти в республике большое распространение получили железные печки-временки. В Ягнобе их применяли для отопления школ, помещений сельских Советов, медпунктов и в некоторых мехманханах нижних селений. В домах их практически не было, так как топились они каменным или древесным углем, который нужно было завозить в Ягноб на ослах.

Усадьбы (кат — «домовладение») для селений Ягноба были не характерны. Часто роль двора выполняла крыша хозяйственных помещений или крыша дома соседа. Эту особенность горных таджикских селений отмечали многие дореволюционные авторы. «Ни один дом не имеет дворов; выход из мазанки прямо ведет на кривую, неравномерной ширины улицу», — писал А. Л. Кун, посетивший Ягноб в 1880 г.¹¹

За годы колхозного строительства в нижних таджикоязычных селениях Ягноба некоторые семьи завели небольшие усадьбы, огороженные каменными заборами сухой кладки или плетнями (чала). В этих дворах устраивали огороды, сеяли клевер, морковь, зелень — кориандр, мяту, сажали картофель и немного деревьев. Высота стен дворов была небольшой, но достаточной, чтобы скот не мог попасть в огороды.

Другая особенность, присущая жилищу Ягноба, — отсутствие деления усадьбы на мужскую и женскую половины, что отчасти связано с тем, что здесь не было затворничества женщины.

Строительство дома при страшном малоземелье, в горных условиях было делом сложным. Начиналось возведение дома с выбора участка. В Ягнобе стремились использовать под постройку места, непригодные для посева и в то же время безопасные от снежных лавин, потоков каменных осыпей. Жилье должно было находиться на сухом месте, на солнечной стороне и, конечно, недалеко от источника воды. Большинство домов сооружали там, где раньше стоял отцовский дом. Если дом строили на новом месте, то уточняли, не было ли здесь когда-нибудь кладбища или мазара.

Основными строительными материалами в Ягнобе были: камень, дерево и глина. Стены возводили из сланцевых плоских плит, скрепленных раствором глины. Камень — плоские плиты сланца (това//тоба) обычно специально ломали на большие длинные куски. Таким материалом в основном пользовались ягнобцы, живущие в верхней части долины — в селениях Навабад, Дехкалон, Кирьенте, Каньсе и др. В остальных частях Ягноба не было сланца: там подбирали для постройки стен жилища камни естественной формы, не подвергая их никакой предварительной обработке, поэтому стены домов в этих селениях были неровными. Сланцевым камнем обкладывали дверные проемы, крыли крыши

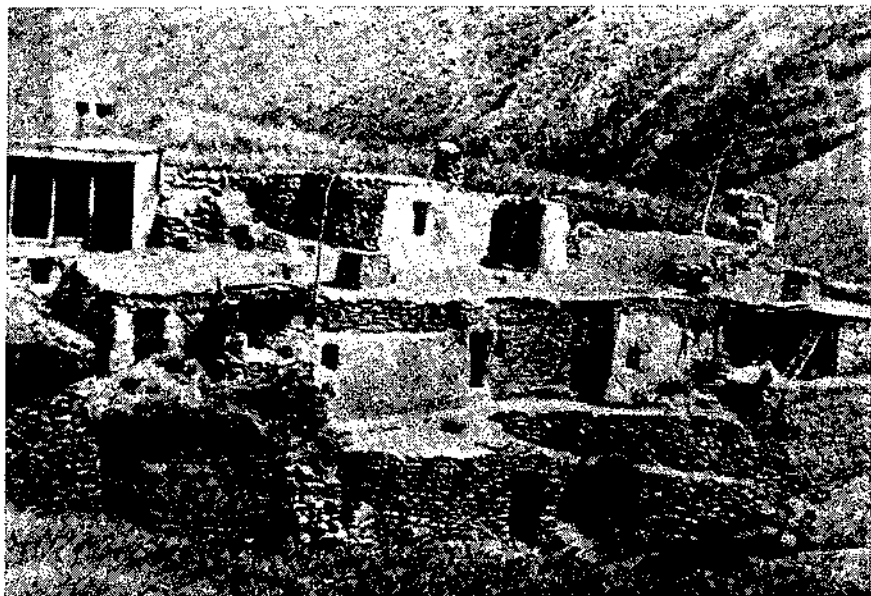
в помещениях для скота, камень использовали для покрытия сточных ям (ташнав)¹² (рис. 5, 6).

Основой для покрытия крыш служил лес (дорк//чуб), который в долине Ягноба почти не рос. Более доступной была арча (бурс) — древесный можжевельник, очень плотный и мало подверженный гниению. По словам стариков, раньше бурс рос вблизи сел. Навобода; по наблюдениям М. С. Андреева, в 30-х годах арча встречалась в Ягнобе только в сел. Бидив¹³. Во время нашего посещения в 70-х годах в Бидиве и Навободe арчи уже не было. Деревья, годные для строительства, росли только в нижних селениях (Восровут, Хишертоб, Маргиб, Анзоб), где специально вдоль арыков, около дома, возле речек сажали иву (бед), выраставшую за 10—15 лет. В верхней части Ягноба в связи с суровым климатом и каменистой почвой деревья не росли.

Еще хуже было со строевым лесом в долине Куля. Здесь перевозка одного — двух бревен занимала не менее 8—10 дней. Возили лес и из долины Ромита, через перевал Хоки или через перевал Мазори Ходжан Сангхок из Гиссарской долины, реже через Анзобское ущелье. Транспортировка леса была делом очень сложным; иногда бревна переносили на себе. «Я сам видел семидесятилетнего старика-кульца, — писал М. С. Андреев в 1930-х годах, — приходившего к себе домой в Куль с тремя обрубленными арчами на спине, имея в виду употребить их на постройку»¹⁴. Жители средней части Ягноба возили лес для постройки в основном из долины Анзоба трудной дорогой через перевал Кандахурак. Возили на ослах по очень узким тропинкам. Поэтому строительство нового дома для ягнобца требовало большей затраты времени и труда по заготовке леса. «Дома местные, как приходилось наблюдать в разных селениях, по-видимому, почти все в основе очень старые и только время от времени ремонтируются. И в Бидиве, и в Кули никто не запомнит постройки нового дома на новом месте»¹⁵, — писал М. С. Андреев 50 лет тому назад.

Новый дом, как уже отмечалось, строили очень редко, в основном при разделах семей или в случае неожиданного разрушения дома от землетрясения, камнепада, селя и т. д. Перед строительством нового дома первоначально разбирали старый дом и подбирали строительные материалы. Если у хозяина не было леса, его давали односельчане и родственники (по одному — два бревна или доски). Иногда вместо бревен давали баранов, которых продавали, а на вырученные деньги покупали бревна. При строительстве широко практиковали *хашар* (коллективная помощь), в котором обязательно принимали участие родственники и односельчане¹⁶.

Нами записан рассказ 86-летнего Пирова Нура из сел. Шовета. «Когда ему было лет десять, их дом был раздавлен камнем, который упал с горы. Дело было весной, и все жители находились далеко от селения на своих полях. После окончания посевных работ родственники пострадавшего хозяина дома дали ослов, и человек десять односельчан поехали за лесом в сторону Искандеркуля. Бревна купили на вырученные от продажи баранов деньги. За неделю было привезено нужное количество дерева. С помощью родственников была перевезена также глина, которую добывали в 1,5—2 км от селения; камни заготавливали на

Рис. 5. Кшлак Кули-Дахана. Ягноб, 1966 г.

Рис. 6. Жилые и хозяйственные постройки, сооруженные из сланцевого камня в кшлаке Кули-Дахана. Ягноб, 1966 г.

месте, так как вокруг и в самом селении подходящих камней было достаточно. Коллективным трудом за короткое время был построен дом со всеми хозяйственными помещениями»¹⁷.

В нижних селениях Восровут, Хишертоб, Маргиб для постройки домов использовали иву, которая росла здесь в достаточном количестве. Перед тем как начинали сооружать дом, хозяева приглашали всех родственников и односельчан, угощали и обсуждали планы строительства, уточняли, какой у них запас бревен. Соседи давали хозяину дома по одному дереву со своего участка, при этом сам хозяин показывал, какое дерево срубить. Намеченное дерево с помощью родственников рубили и привозили на стройку. На месте постройки обрубали сучья, а ствол, шедший на балки, очищали от коры. Вместо вырубленного дерева снова сажали саженец ивы.

Кроме камня и леса, важным строительным материалом являлась глина (гирек//хок), которую использовали для штукатурки внутренних стен жилых комнат, а также для засыпания крыши. В Ягнобе чистой глины было очень мало, обычно она была в смеси с песком и камешками. Поэтому глину привозили из другого места, часто за пределами селения. Глину просеивали через решето и потом в двух больших плетеных корзинах, которые предварительно изнутри смазывали тонким слоем глины или навоза, на ослах везли в селение. Добыча и перевозка глины были мужским делом.

Все работы по строительству дома брали на себя мужчины, но воду для раствора глины приносили женщины. Кроме того, женщины готовили пищу и пекли хлеб для участников хашара.

Раньше в Ягнобе не было принято строить жилища из кирпича-сырца. В послевоенные годы для внутренних стен небольших помещений стали заготавливать кирпич-сырец размером $40 \times 30 \times 12$ или $42 \times 32 \times 15$ см. За последние годы в нижних селениях Ягноба (Анзоб, Маргиб, Хишертоб) из кирпича-сырца стали строить уже многокомнатные дома. Примером может служить дом Джурю Юнусова в кишлаке Хишертоб, который состоит из четырех комнат с открытой верандой. Он был построен в 1970 г. целиком из сырцового кирпича. В кишлаке Маргиб так был построен в конце 60-х годов дом Алиева Махмедшоха.

Способ заготовки сырцового кирпича в Ягнобе был таким же, как в других местах. Здесь также раствор готовили очень густым, и чтобы он стал вязким, выдерживали несколько суток. Затем глину месили и закладывали в деревянную форму без дна, которую обычно привозили из городов¹⁸. Когда кирпичи высыхали, их в корзинах на ослах перевозили в селение. Изготавливать и перевозить кирпичи в селение также помогали родственники, особенно молодые мужчины¹⁹.

В Ягнобе не было принято строить стены домов из гувалья²⁰ или пахсы. До последних лет здесь почти не применяли других строительных материалов, за исключением стекла и изредка масляных красок. Стекло не везде вставляли в рамы, а часто просто вмазывали в стену дома.

Все селения Ягноба расположены на крутых склонах гор. Для защиты от каменных осыпей во многих селениях по горному склону выше домов были построены каменные стены. Такие стены иногда растягива-

лись от одного конца селения до другого, а ширина их доходила от 1 до 1,5 м. Времени постройки стен никто не помнит, но каждый год жители ремонтировали те места, которые за зимний период пришли в негодность²¹. Эти стены обычно делали сухой кладкой. В селениях, где не было опасности спуска лавин, например в нижней части сел. Хишертоба и нижнем Маргибе, стен не строили, но в целях безопасности ближе к горам сооружали хозяйственные помещения, а жилые дома ниже.

Ягнобцы с большим умением использовали рельеф местности. В селениях долины Куля в домах, расположенных на склонах гор, иногда вертикальную заднюю стену и часть боковых вырубали в почве и уже к ним пристраивали стены вверх и вниз. Были и постройки, у которых одна стена вырубалась в склоне горы, а три возводили обычным способом. Такие помещения считались более теплыми, чем дома, стоящие на открытом месте. Стены, вырубленные в горе, назывались *рити девор* — «передняя стена».

В большинстве случаев таким способом строили подсобные помещения. Часто крыша хозяйственной постройки служила дому как бы двором. Между соседними домами оставляли только узкие проходы, которые использовались как уборные²². Специальные отхожие места стали устраивать только в последние десятилетия.

Перед постройкой нового жилого дома обязательно приглашали всех взрослых мужчин селения и устраивали угощение. При начале строительства хлева или другого хозяйственного помещения угощение было не обязательно.

После того как определили участок будущего дома, по углам забивали колышки и натягивали веревку с внутренней стороны стен. Для хозяйственных построек определяли только место, а по углам ставили камни и не следили за тем, чтобы стены были ровными.

В Ягнобе фундамент не делали глубоким, чаще возводили просто цоколь, так как почва здесь каменистая. Если грунт был рыхлым — тогда рыли траншеи глубиной 40—50 см. Старались выбрать ровную площадку, а если ее не было, то выравнивали место на склоне горы. Камни для фундамента брали плоские крупные и клали их двумя рядами, а пространство между ними засыпали мелким гравием и заливали жидким раствором глины. Такой фундамент обычно делали для жилых домов, считали его очень прочным и теплым. Для хозяйственных построек укладывали в траншеи большие плоские камни и сверху возводили стены.

Стены жилища в основном были каменными, их называли *девол* (тадж.)//*деза* (ягн.); наружные стены со стороны обрыва горы называли *ярдэза*. Если камни были плоскими (това), их укладывали как кирпич, т. е. один ряд перекрывал швы другого ряда, такой способ кладки назывался *калитак*.

Стены всех видов каменных построек возводили из двух рядов камней, уложенных узкой стороной внутрь. Между рядами оставляли свободным пространство в 10—25 см, которое называли *карк//дунак*, а стены, выложенные таким способом, называли *каркдевол*. После того как стену выкладывали на высоту 50—60 см, внутрь засыпали мелкие камешки и заливали жидкой глиной. Когда первый слой стены высыхал,

возводили второй, затем третий и т. д. При кладке стен крупные камни для большей прочности укладывали внизу, более мелкие — в верхние ряды. Аналогичная выкладка стен характерна и для других горных мест республики²³.

Вторым видом стен, появившимся, видимо, позднее, является одинарный каркас (синчнок). Такие стены состояли из нижней обвязки-рамы (тахсинч) и верхней (русинч), четырех угловых стоек (гушасутум) и нескольких промежуточных вертикальных стоек (найзасутум), подкосов (хобон) и распорок (дастак, калами)²⁴. Каркасные стены не получили здесь широкого распространения, как в других местах Средней Азии, из-за нехватки леса. К тому же сами ягнобцы отдавали предпочтение каменным стенам как более прочным. Для заполнения каркаса в Ягнобе использовали только сырьевой кирпич²⁵.

Все крыши жилых домов — *кус* (ягн.), *бом* (тадж.) — в Ягнобе были плоские, с открытым балочным перекрытием. Возводили их следующим образом: на стены укладывали своего рода раму (чортарк) из бревен (рав). Для рамы старались брать бревна потолще, концы их соединяли при помощи выемок. Если бревна, положенные вдоль длинных стен, были короткими, брали два бревна и соединяли их вместе сточенными наискось концами.

Часто для поддержания центральных прогонов *хари* (тадж.)//*сирисп//харра* (ягн.) в середине комнаты ставили столб (сутум). Для этого в полу делали углубление 30—40 см, на дно клали плоский камень, на который и устанавливали столб. В больших домах для поддержки крыши ставили два промежуточных прогона. Иногда для большей устойчивости центральной балки устанавливали, кроме центрального столба, еще и боковые столбы (сутум, гушасутум). Боковые столбы чаще ставили в тех домах, где строили без рамы. Для устойчивости столб на конце немного затачивали, а в хари делали небольшое углубление, куда и входил заточенный конец столба. Когда прогоны были готовы, сверху клали балки (болор) и затем плотно забрасывали хворостом (дастак).

Потолок, как и везде, делали из расколотых пополам деревянных брусков (васса), которые укладывали очень плотно друг к другу выпуклой стороной вниз. Такие потолки встречались в парадных комнатах.

В большинстве случаев сверху васса укладывали хворост (тоща) или горный колючий кустарник. В нижних селениях поверх хвороста еще расстилали и камыш (най), который был очень прочным и хорошо защищал крышу от грызунов; в верхней части Ягноба вместо камыша использовали траву талха, очень колючую. Поверх камыша или травы по всей крыше раскладывали кору, снятую с бревен при начале постройки, плоские камни, затем сыпали мелкую гальку (гурагил) и сверху — влажную землю, которую утаптывали ногами. Это дело доверяли детям, а затем взрослые утрамбовывали землю досками.

Потом крышу смазывали глиной, замешанной с мелкой соломой (андова). Через 15—20 дней смазку повторяли. Когда обмазка высохла, на крышу насыпали глину (гил), делавшую крышу непроницаемой для воды. Ее трамбовали специальной доской. Ягнобцы считали, что такую крышу можно не ремонтировать 20—25 лет.

После того как крыша была готова, приступали к штукатурке внутри помещения. Первоначально стены конопатили комками глины, заполняя все щели и выемки между камнями. Ровняли руками или какой-нибудь плоской доской. Когда обмазка высохла, брали жидкую, как кисель, глину и с помощью веника наносили ее на стены как штукатурку. Затем жидкой белой глиной стены белили тряпкой. Штукатурка и побелка считались женской работой (как и устройство очагов и ларей). Женщины белили и старые дома, особенно перед праздником Навруз — Нового года (в день весеннего равноденствия 22 марта).

Стены жилого дома с внешней стороны штукатурили редко, обычно это были участки возле входных дверей или окон. В Ягнобе покрытие стен алебастром (ганч) было неизвестно. В последние годы стали белить стены раствором извести, а двери и рамы окон красить масляной краской темно-красного, темно-синего или темно-зеленого цветов.

Остановимся кратко на обычаях и обрядах, связанных с жилищем, многие из которых сохранились до наших дней. В большинстве случаев они отражали страх человека перед стихией, стремление обезопасить себя и свое жилище жертвоприношениями «духам гор» и т. п. Над вырытой для фундамента траншеей резали барана, чтобы дух земли «смягчился» и разрешил построить новый дом. Первый камень ставили над пролитой кровью. На новоселье обязательно резали скот. В одних селениях скот резали где-нибудь недалеко от нового дома (Кирьенте, Каньсе), в других (Дуизой, Шовета, Шахсара и др.) — на пороге дома, а в нижних селениях Ягноба скот резали на крыше нового дома над дверью, чтобы кровь стекала на порог и тем самым «очищала» вход.

В некоторых селениях в новый дом сначала заходил мужчина и заносил пару подушек, «чтобы в доме было много людей»; в других он приносил шкуру белого барана, «чтобы в доме было светло, уютно и у хозяев было много скота». В средней части Ягноба в новый дом сначала заходила молодая женщина, которая еще могла иметь детей; считалась хорошим предзнаменованием, если она была беременной. Женщина в правой руке несла чашку с мукой, поверх которой лежало сало (или масло), в левой — чашку кислого молока. Войдя в комнату, она направлялась в сторону кухни, муку и масло заносила в амбар, а кислое молоко ставила возле очага. Все эти продукты были белого цвета, который у ягнобцев обозначал изобилие и счастье. Затем возле очага женщина ставила три палочки-светильника (нурча), обмотанные ватой и пропитанные салом. Потом заходил глава семьи — мужчина и зажигал эти светильники. Затем женщины заносили утварь, мужчины — одеяла, паласы, подушки, женщины приводили дом в порядок. Кто-нибудь из старших мужчин читал молитву и стелил первую скатерть, затем начиналось угощение.

В заключение можно констатировать, что до настоящего времени жилище ягнобцев продолжает сохранять много традиционных черт в планировке, внутреннем устройстве, строительных материалах. Почти до самого переселения на равнину в Ягнобе сохранялись старые типы жилища и архаичные методы строительства. Новые дома сооружали редко, что безусловно связано с особыми географическими условиями. И все же современные дома ягнобцев в значительной степени отличаются

ся от старых жилищ своей лучшей планировкой и качественной отделкой комнат, что делает их гораздо удобнее для проживания в суровых условиях высокогорья.

- ¹ *Андреев М. С.* Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970; *Хромов А. П.* Ягнобский язык. М., 1972.
- ² *Коротков Ф.* Поездка в горы Фальгара, Ягноба и на Искандеркуль.— Туркестанские ведомости, 1877, № 31—33.
- ³ См.: *Андреев М. С.* Экспедиция в Ягноб 1927 г.— Бюлл. Среднеаз. гос. ун-та, 1928, № 17, с. 162—171; *Он же.* Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970; *Кондауров А. Н.* Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.; Л., 1940; *Давыдов А.* Жилище.— В кн.: Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973; Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М.; Л., 1962.
- ⁴ *Писарчик А. К.* Жилище.— В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 2. Душанбе, 1970; *Давыдов А.* Жилище.
- ⁵ *А. Давыдов*, разработавший типологию жилища таджиков верховьев Зеравшана, относит все жилища Ягноба, Матчи, Фана и Фальгара к восточному типу, отличающемуся от западного формой и расположением очагов (см.: *Давыдов А.* Жилище).
- ⁶ Иногда глиняные лари для зерна и муки устраивали около кладовой (хамба/кули).
- ⁷ Такие зернохранилища устраивали иногда прямо в поле, закрывали очень плотно, чтобы не попала вода, и тщательно маскировали.
- ⁸ Возможно, традиция маскировки посевного зерна идет от времен феодальных междоусобиц.
- ⁹ *Кондауров А. Н.* Патриархальная домашняя община..., с. 14.
- ¹⁰ *Хамиджанова М. С.* Материальная культура матчинцев..., с. 23.
- ¹¹ *Кун А. Л.* Сведения о ягнауском народе (к материалам для исследования ягнауского языка).— Туркестанские ведомости, 1881, № 3—4.
- ¹² Для этой цели в середине тобы делали несколько отверстий. Большое количество плоских камней раскладывали на покрытие могил. Их заготавливали впрок.
- ¹³ *Андреев М. С.* Материалы по этнографии Ягноба, с. 101.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ В Ягнобе, как и в других местах Таджикистана, коллективная помощь (хашар) была обычным явлением не только во время строительства домов, но и во время сельскохозяйственных работ и семейных праздников.
- ¹⁷ Полевые записи автора 1973 г., с. Шовета.
- ¹⁸ *Давыдов А.* Жилище, с. 11.
- ¹⁹ Жженный кирпич в Ягнобе вообще не знали. Правда, в с. Кирьенте в развалинах старой крепости (каъла) были обнаружены остатки жженого кирпича размером приблизительно 40×40 см. К сожалению, трудно утверждать, является ли этот жженный кирпич местным или привезенным откуда-нибудь.
- ²⁰ Гуваля — заменявшие сырцовые кирпичи продолговатые комья глины, слепленные вручную.
- ²¹ Ремонт каменных стен, как и ремонт дорог, мостов, арыков, источников, мечетей, святых мест, проходил коллективно, обычно после окончания полевых работ. Выходили на работу все трудоспособные мужчины селения. День назначали заранее. Те семьи, которые по каким-либо причинам не могли выделить людей, готовили для всех работающих еду. Во время общественных работ иногда устраивали угощение в честь какого-нибудь события, например по случаю выздоровления тяжело заболевшего человека или счастливого избавления от какого-нибудь несчастья.
- ²² По сообщению Е. И. Пещеревой, сметание с этих улиц пыли для удобрения вызывало ссоры даже между соседями.
- ²³ *Хамиджанова М. А.* Материальная культура матчинцев..., с. 36.
- ²⁴ Все термины таджикские, так как первые мастера-строители каркасных домов были таджики из долины Зеравшана.
- ²⁵ Каркасные стены, как и стены из сырцовых кирпичей, появились в низовьях Зеравшана в середине XIX в., в верховьях Зеравшана — в конце XIX — начале XX в., а в Ягнобе — в 1950—1960-е годы (*Давыдов А.* Жилище, с. 19).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
• <i>О. А. Сухарева, Н. О. Турсунов.</i> Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины XIX — начала XX в.	10
• <i>В. Л. Воронина.</i> Жилище народов Средней Азии и климат	48
• <i>А. К. Писарчик.</i> Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX—XX вв.	69
<i>Ю. Якубов.</i> Раннесредневековые бытовые очаги из поселения Гардани Хисор	111
• <i>К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.</i> Жилище позднесредневекового Отрара (XVI—XVIII вв.)	121
• <i>А. Н. Жилина.</i> Традиционные поселения и жилище узбеков Южного Казахстана	137
• <i>Е. Е. Неразик.</i> Средневековые сельские постройки Хорезма в связи с проблемами формирования некоторых типов жилищ оседлого населения Средней Азии	164
• <i>Б. И. Вайнберг.</i> Жилые и хозяйственные постройки туркмен левобережного Хорезма в XIX в.	179
• <i>Г. П. Васильева.</i> Формы оседлого жилища Южной Туркмении в XIX — начале XX в.	193
• <i>И. Мухиддинов.</i> Традиционное жилище таджиков среднего течения р. Вахш в зоне затопления Нурекским водохранилищем (XIX — начало XX в.)	210
• <i>М. А. Хамиджанова.</i> Жилище таджиков Ягноба	226

Жилище народов Средней Азии и Казахстана

Утверждено к печати Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР

Редактор издательства С. Н. Васильченко. Художник Т. И. Алексеева
Художественный редактор Н. А. Фильчагина. Технические редакторы С. Г. Тихомирова, О. М. Гуськова
Корректоры Р. С. Алимova, Р. В. Молоканова

ИБ № 18269

Слано в набор 19.02.82. Подписано к печати 06.05.82. Т-09816. Формат 70×90^{1/16}.
Вумага для глубокой печати. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,55.
Усл. кр. отт. 17,55. Уч.-изд. л. 19,4. Тираж 4350 экз. Тип. зак. 4050. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485. Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10